
СТАТЬИ

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР

(Первая фаза объединительного движения независимых советских республик)

С. Якубовская

Исходным моментом в развитии объединительного движения на пути к образованию СССР явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции.

Тенденция к объединению определилась в ходе предшествующего исторического развития России в результате глубоких, органических связей между народами России и в результате опыта их совместной борьбы против угнетателей и эксплуататоров. Эта тенденция существовала в дореволюционный период наряду с тенденцией к разъединению народов, порождённой национальным гнётом и насильственными формами объединения. Объединительная тенденция содержала в себе, как отмечает резолюция XII партийного съезда, духовные предпосылки для социалистического народного хозяйства. Она смогла полностью проявиться и стать господствующей только после того, как к власти пришёл руководимый коммунистической партией рабочий класс, единственно способный возглавить процесс образования государства, основанного на дружбе и братстве народов. Созданное в результате Октябрьской революции государство нового типа по самой своей внутренней сущности давало возможность объединить народы. «Советская власть построена так, что она, интернациональная по своей внутренней сущности, всячески культивирует в массах идею объединения, сама толкает их на путь объединения»¹. Советская власть, раскрепостив нации, обеспечила возможность для проявления и создания между ними органических, братских связей.

Происходивший до Октябрьской революции процесс распада государственного единства России приостановился уже после первых актов советского правительства, провозгласивших полное равноправие народов. Русские рабочие и крестьяне предоставили суверенитет и равноправие ранее угнетённым народам. Последние в ответ на это с момента победы Октябрьской социалистической революции проявляют добровольное стремление к объединению и сплочению вокруг русского народа.

Инициатива создания единого многонационального советского государства исходила снизу, от широких народных масс. В своём ответе на вопрос корреспондента «Правды», по чьей инициативе началось движение за объединение независимых республик, товарищ Сталин указал, что инициатива движения принадлежала самим республикам².

Народная инициатива в движении за создание советского многонационального государства — не случайное явление: она могла проявиться и проявилась в результате проводимой партией и советским правительством ленинско-сталинской национальной политики, в результате осуществления руководимым товарищем Сталиным Наркомнацем

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 92. М. 1934.

² «Правда» от 18 ноября 1922 года.

мероприятий, направленных на установление равноправия народов и изжитие пережитков национальной вражды. По мере осуществления этой политики объединительное движение народов советских республик, переходя из одной фазы в другую, становилось более массовым и приобретало более широкие масштабы.

За период 1917—1922 гг. объединительное движение народов независимых советских республик прошло, как указывает товарищ Сталин, три фазы. Каждая из них являлась определённым и важным этапом в процессе подготовки к образованию СССР.

Характеризуя первую фазу объединительного движения, товарищ Сталин отметил: «Первая фаза — это 1918 — 1921 годы, полоса интервенции и гражданской войны, когда существованию республик угрожала смертельная опасность и когда они, эти республики, вынуждены были объединиться по военной линии для того, чтобы отстоять своё существование. Эта фаза закончилась военным объединением, военным союзом советских республик»³.

В своём дальнейшем развитии, указывает товарищ Сталин, объединительное движение прошло в период Генуэзской конференции фазу дипломатического объединения и вступило во второй половине 1922 г. в третью фазу — фазу хозяйственного объединения советских республик.

Первая, наиболее длительная из всех трёх фаз (с 1918 по 1921 г.) являлась в то же время этапом чрезвычайно серьёзных испытаний для народов молодых советских республик. Это был период совместной борьбы народов советских республик против австро-германского империализма в 1918 г. и империалистов стран Антанты, период оформления федеративного устройства РСФСР и образования ряда независимых советских республик. Именно в это время был заложен фундамент прочной дружбы народов и возникли предпосылки для образования в будущем союзного государства.

Важнейшим политическим результатом первой фазы объединительного движения явилось образование в 1919 г. военного союза советских республик, оформившего стремления народов советских республик к сплочению и ставшего наилучшей политической формой их сотрудничества, необходимой для победы республик над внешним врагом и для дальнейшего роста их объединительных тенденций.

Огромное значение в развитии объединительного движения советских республик на первом этапе имело образование Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Решение национального вопроса в духе ленинско-сталинских принципов равноправия народов, разработка и принятие закрепившей эти принципы первой Советской Конституции — Конституции РСФСР — сыграли большую роль в нарастании объединительных тенденций.

Государственное устройство РСФСР, как федеративное, было оформлено III съездом советов в январе 1918 года. Выступивший на этом съезде В. И. Ленин в ярких, вдохновенных словах охарактеризовал отличие советской федерации от всякой иной. Съезд принял резолюцию, одобрявшую национальную политику советского правительства и выражавшую уверенность, что эта политика будет способствовать «превращению бывшей Российской империи, удерживавшей в своих пределах отдельные народности угнетением и насилем, в братский союз свободно соединившихся на федеративных началах советских республик»⁴.

Конституция РСФСР была разработана в период между III и V Всероссийскими съездами советов.

³ «Правда» от 18 ноября 1922 года. Беседа с корреспондентом «Правды».

⁴ Съезды Советов РСФСР в резолюциях и постановлениях, стр. 45. М. 1939.

Огромная историческая роль в её разработке принадлежит товарищу Сталину.

На заседаниях комиссии по разработке конституции вокруг представленного проф. Рейснером проекта разгорелась острая борьба между большевиками, во главе с товарищем Сталиным, и представителями мелкобуржуазных партий — эсеров и максималистов. Проект проф. Рейснера был проникнут анархистскими, сепаратистскими тенденциями. Рейснер не видел принципиального отличия природы советской власти от власти в капиталистических государствах, отождествлял советский федеративный строй с федеративным строем США и Швейцарии и считал при этом федеративную форму этих государств высшим типом федерации. Положив в основу географический федерализм, он совершенно игнорировал национальный момент. В своём докладе на заседании комиссии Рейснер, говоря о США и Швейцарии, заявил: «Характерно, что уже здесь в своём высшем выражении федерация теряет всякие национальные черты и слагается совершенно независимо от национального самоопределения наций. Отсюда можно говорить лишь о культурном самоопределении наций, но отнюдь не о политическом»⁵.

Товарищ Сталин подверг проект Рейснера беспощадной критике и подчеркнул как недопустимость идеализации буржуазных федеративных государств, так и принципиальное отличие советской федерации от всякой иной. Работу конституционной комиссии товарищ Сталин осветил в беседе с корреспондентом «Правды», опубликованной 3 и 4 апреля 1918 г. в «Правде». В этой беседе товарищ Сталин с предельной ясностью показал отличие советской федерации от буржуазной.

Товарищ Сталин говорил: «Нельзя при этом не отметить, что кантоны Швейцарии и Штаты Америки строились не по национальному признаку и даже не по экономическому, а совершенно случайно, — в силу случайного захвата тех или других территорий эмигрантами, колонистами или сельскими общинами. Федерация же, которая строится в России, должна представлять совершенно другую картину. Во-первых, выделившиеся в России области представляют вполне определённые единицы в смысле быта и национального состава. Во-вторых, территории этих областей составляют не свободные и независимые территории, а насильственно втиснуты в общероссийский политический организм. Установление в России федеративного строя будет означать освобождение этих территорий и населяющих их народов от старого, империалистического гнёта. В-третьих, там, в западных федерациях, строительством государственной жизни руководит империалистическая буржуазия. Неудивительно, что объединение там не могло обойтись без насилий. Здесь, в России, наоборот, политическим строительством руководит пролетариат, заклятый враг империализма. Поэтому в России можно и нужно установить федеративный строй на основе свободного союза народов»⁶.

Разоблачая анархистскую сущность проекта Рейснера, товарищ Сталин указал, что в проекте не отражена историческая закономерность перехода власти к рабочему классу и игнорируется тот факт, что федеративный строй Российской республики обусловлен конкретными историческими условиями и подготовлен всем ходом предшествующего развития.

Товарищ Сталин указывал, что важнейшим историческим условием, определяющим необходимость федеративной формы Российской республики, является многонациональный состав её населения. Товарищ Сталин разоблачил так называемый географический федерализм, проповедуемый Рейснером, Покровским и др.

В беседе с корреспондентом «Правды» товарищ Сталин указал: Выделившиеся в России области, представляют вполне определённые

⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 130, оп. 2, д. № 86, л. 20.

⁶ «Правда» от 3 апреля 1918 года.

единицы в смысле быта и национального состава. Украина, Крым, Закавказье, Туркестан, Среднее Поволжье, Киргизский край—отличаются от центра не только по своему географическому положению (окраины), но и как целостные экономические территории с определённым бытом и составом населения. Из этого ясно, что Российская федерация представляет союз не отдельных самостоятельных городов (как это полагают карикатуристы из буржуазной прессы) или вообще областей (как это полагают некоторые наши товарищи), а союз определённых исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом. Дело тут вовсе не в географическом положении тех или иных областей или даже не в том, что те или иные участки отделены от центра водным пространством (Туркестан), горными кряжами (Сибирь) или степями (тот же Туркестан). Этот географический федерализм... не имеет ничего общего с провозглашённым III съездом советов федерализмом»⁷.

Товарищ Сталин указывал, что федерация при советском строе не будет противоречить централизму и что центральная власть, которую Рейснер упразднил, лишь укрепитя на основе свободного союза народов.

Товарищем Сталиным был разработан проект конституции. Выступая на заседании комиссии по выработке конституции, Я. М. Свердлов говорил: «Проект Рейснера совершенно непригоден, основного принципа нашей конституции там нет. В нём имеется только намёк на то, что центральная власть будет иметь какую-нибудь возможность осуществлять свою власть в пределах всей федерации». «Я полагаю,—говорил тов. Свердлов,—что проект товарища Сталина единственный, который можно обсуждать»⁸.

Комиссия ВЦИК приняла разработанный товарищем Сталиным проект конституции и направила его в созданную ЦК комиссию по выработке конституции. Ряд важных поправок внёс в проект конституции В. И. Ленин. Так, к пункту 12-му второй главы проекта «О правах местных советов», гласившему, что местные советы или съезды «автономно обеспечивают права национальной культуры рабочему населению, живущему в пределах подведомственной им территории», Ленин приписал: «разработать с обязательной гарантией равноправия и прав меньшинств»⁹.

Разработанная Лениным и Сталиным первая Советская Конституция была утверждена V Всероссийским съездом советов. В своём выступлении на этом съезде Ленин указал на принципиальное отличие Советской Конституции от конституций всех иных государств. Ленин отметил, что Конституция РСФСР не является лишь декларацией, что она действительно охраняет интересы огромного большинства народов.

Одновременно с образованием РСФСР начался процесс образования братских независимых советских республик. В этом процессе большую роль сыграл факт существования Российской советской республики как федеративного государственного образования. Возникновение первых советских автономий на территории РСФСР являлось ярким примером возможности создать свою советскую национальную государственность для каждого народа.

«Мы хотим, — писал Ленин, — свободного соединения, и потому мы обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным)...

⁷ «Правда» от 3 апреля 1918 года.

⁸ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 20, д. 5, л. 14.

⁹ Ленинский сборник XXI, стр. 267.

Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа привлекала к себе иные нации, но чем? Не насилем, а исключительно добровольным соглашением»¹⁰.

Первой из братских независимых советских республик образовалась Украинская республика.

Открывшийся 11 декабря 1917 г. в Харькове I съезд советов Украины объявил о свержении власти Центральной Рады и провозгласил Украину республикой советов. На этом же съезде было сформировано первое советское правительство Украины: Народный секретариат. 27 января 1918 г. революционные украинские полки при помощи войск РСФСР освободили Киев и установили там советскую власть.

Верное принципам своей национальной политики, правительство РСФСР в декабре 1917 г. признало независимость Украины. Это было осуществлением основного принципа национальной политики советской власти — предоставления каждому народу права на самоопределение. Однако Ленин и Сталин неоднократно указывали на непозволительность подмены вопроса о праве наций на самоопределение вопросом об обязательности отделения. Этот вопрос партия должна была каждый раз решать в зависимости от конкретно-исторических условий. Товарищ Сталин говорил на VII (Апрельской) конференции большевистской партии: «Признавая за угнетёнными народами право на отделение, право решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от российского государства. Я могу признать за нацией право отделиться, но это ещё не значит, что я её обязал это сделать. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости от условий, может и не воспользоваться этим правом. С нашей стороны остаётся, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции»¹¹.

В своём докладе на Апрельской конференции товарищ Сталин указывал также, что интересы рабочего класса требуют не разъединения, а объединения народов России. Освобождая нации, правительство РСФСР в то же время всемерно шло навстречу стремлениям народов к объединению и сплочению вокруг РСФСР.

Уже I съезд советов Украины в своих решениях указал на желание украинского народа находиться в федеративной связи с РСФСР. В телеграмме на имя Ленина от 13 декабря 1917 г. Всеукраинский ЦИК заявил о единстве интересов Советской Украины и России. В ответной телеграмме от 16 декабря Совнарком РСФСР приветствовал истинно народную советскую власть на Украине и выражал готовность оказать братскую помощь Советской Украине¹².

Когда 27 января 1918 г. украинские и советские войска овладели Киевом, Совнарком РСФСР передал по радио за подписью Ленина следующую радиограмму: «Всем, всем, всем! Советские войска вступили в Киев 16 января... Всеми покинутый генеральный секретариат Киевской Рады, во главе с Винниченко, скрылся... Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины с его народным секретариатом в Харькове провозглашён высшей властью Украины. Принята федеративная связь с Россией и полное единство в делах внутренней и внешней политики с Советом Народных Комиссаров»¹³.

В январе 1918 г. в Москву для переговоров с правительством РСФСР о форме федеративной связи Советской Украины с РСФСР

¹⁰ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 317.

¹¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 47—48.

¹² Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I, стр. 57.

¹³ Ленинский сборник XI, стр. 24.

прибыли представители украинского советского правительства — Народного секретариата. Они были приняты Лениным и Сталиным. На состоявшемся 8 января 1918 г. заседании Совнаркома РСФСР было решено ввести в состав Совнаркома РСФСР представителя Украинской республики¹⁴. На следующий день на заседании Совнаркома РСФСР обсуждался вопрос о функциях представителя Украины в Совнаркоме РСФСР. Выступивший с докладом по этому вопросу товарищ Сталин указал, что представитель Украинской советской республики должен обладать правом решающего голоса при обсуждении вопросов, касающихся Украины, и правом совещательного голоса по остальным вопросам¹⁵.

Оккупация немцами значительной части Украины приостановила на время переговоры об оформлении федеративной связи между обеими республиками. Однако украинский и русский народы ясно сознавали, что ничто их не в силах разъединить.

Чувства и мысли украинского народа были выражены в декларации ЦИК Украины на IV всероссийском съезде советов (март 1918 г.) В ней ЦИК Украины «перед лицом Всероссийского съезда и перед рабочим классом всего мира» протестовал против насильственного, «при помощи штыков, отторжения Украины от общероссийской федерации»¹⁶ и в то же время выражал твёрдую уверенность в том, что «наступит час, когда в результате упорной борьбы и неизбежной, конечно, победы украинского, российского и мирового пролетариата, Украина снова будет членом единой социалистической федерации»¹⁷.

Советская власть установилась также и на территории Белоруссии, на части территории Прибалтики, Средней Азии и Закавказья.

Созданные в ряде областей буржуазией и помещиками реакционные, так называемые национальные правительства, потерпели крах. «Атакованные с двух сторон: извне — со стороны советской власти и изнутри — со стороны «своих же собственных» рабочих и крестьян»¹⁸, эти правительства должны были отступить после первых же боёв. В управлявшихся ими областях стали создаваться условия для образования независимых советских республик. Однако лишь Украинская независимая республика образовалась в 1917 году. Процесс же образования независимых советских республик на территориях Белоруссии, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии был прерван начавшейся войной против интервентов и белогвардейцев.

В первый период войны в 1918 г. первенствующую роль в попытках расчленив Советскую страну и поработить её народы играли австро-германский империализм и его агенты — марионеточные правительства, вроде «Центральной Рады», «Белорусской Рады» и т. п. Украинские и белорусские контрреволюционные националисты, стремясь облегчить победу немцев, проводили агитацию за полное отделение Советской Украины и Белоруссии от РСФСР. Однако украинский и белорусский народы, а также народы Прибалтики враждебно относились к этой агитации немецких агентов и видели возможность сохранить свою свободу и независимость лишь в союзе с РСФСР, в объединении вокруг русского народа. Ставка интервентов и белогвардейцев на распад России, на разжигание национальной вражды, на драку между народами была бита. В этом состоял один из грубейших про-

¹⁴ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. № 1, л. 16.

¹⁵ Там же, л. 18.

¹⁶ «Съезды советов РСФСР», стр. 73. М. 1939.

¹⁷ Там же.

¹⁸ И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 62. Партиздат ЦК КП(б)У. 1936.

счётов австро-германского империализма уже в 1918 г. и империалистов стран Антанты на последующих этапах войны. Ответом на попытки расчленив Советскую страну был огромный рост объединительного движения. Характеризуя его уже в первый период гражданской войны, товарищ Сталин писал, что «на окраинах, испытавших все ужасы оккупации, возникла сильнейшая тяга к русскому пролетариату и его формам государственного строительства, тяга, перед которой пасуют сепаратистские потуги окраинных правительств»¹⁹.

В условиях начавшегося весной 1918 г. немецкого наступления на территорию Украины и Белоруссии украинский и белорусский народы и народы Прибалтики ясно проявили свою волю к союзу с РСФСР.

Во время германской оккупации территорий Украины, Белоруссии и Прибалтики в этих областях развернулась подлинно народная борьба за установление советской власти и федеративное объединение с РСФСР. На протяжении всего периода германской оккупации на имя советского правительства РСФСР, на имя Ленина и Сталина поступали тысячи заявлений от рабочих и крестьян Украины, Белоруссии и Прибалтики, в которых говорилось о желании народов этих стран объединиться с РСФСР.

Крестьяне Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов Украины, узнав об угрозе немецкого вторжения в их земли, написали письмо товарищу Сталину, в котором заявляли о своём желании находиться в братстве с русским народом и просили товарища Сталина включить их уезды в состав Российской советской федерации.

Товарищ Сталин ответил крестьянам, указав, что они должны созвать съезды делегатов волостей и на этих съездах выразить свою волю. Товарищ Сталин указывал, что если эти съезды вынесут решение о присоединении данных уездов к Российской советской федерации, то это решение должно быть сообщено в Москву Совету Народных Комиссаров.

27 апреля 1918 г. ЦИК Украины обратился с воззванием к населению Украины, призывая к борьбе против германских захватчиков и их агентов — украинских националистов. В воззвании говорилось, что ЦИК обращается к украинскому народу «в тяжёлый час, когда рабоче-крестьянская Украина растаптывается каблуком немецких палачей и гайдамацких тюремщиков...» «В этот тяжёлый час мы, — говорилось в воззвании ЦИК, — законное, народом поставленное и волей народа утверждённое советское правительство Украины, считаем своим долгом возвестить свою непреклонную волю биться до последней капли крови с врагами рабочих и крестьян Украины... А поэтому все по местам, все в ряды восставших»²⁰.

С самого начала вторжения германских империалистов на украинскую землю украинский народ поднялся на борьбу против немецких захватчиков и их агентов, на борьбу за сохранение тесной братской связи между Украиной и РСФСР. 14 апреля 1918 г. в Москве из Белгорода, на который наступали немцы, была получена следующая телеграмма: «Горячо протестуем против попытки немецко-гайдамацких банд захватить Белгород насилем. Попытка до сих пор нами сдерживается. Будем сопротивляться до конца. Да здравствует Российская социалистическая республика, неотъемлемую часть которой составляет Белгород»²¹. Телеграмма была подписана председателем и членами горсовета Белгорода.

В 1918 г. на Украину прибыла советская делегация во главе с товарищами Сталиным и Мануильским для переговоров о заключении перемирия с Радой. На имя делегации подавались многочисленные резо-

¹⁹ И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 71.

²⁰ «Известия ВЦИК» от 30 апреля 1918 года.

²¹ «Известия ВЦИК» от 14 апреля 1918 года.

люции сходов украинских крестьян, в которых выражались нежелание крестьян находиться под властью немцев и Рады и их стремление к объединению с РСФСР.

Проявляя глубокое понимание неразрывной общности исторических судеб украинского и русского народов, украинские крестьяне Ружинской волости, Сквирского уезда, Киевской губернии, писали в своём письме на имя советской делегации: «Не мы, т. е. простой народ, стремились к отделению Малороссии от России. Но как и во время Центральной Рады, так и теперь, когда её уже нет, мы заявляем себя русскими подданными. Почему мы это делаем, понятно без объяснений: пока не кончилась война, никто не вправе заставлять нас изменить своему отечеству, ибо мы согласны нести ту же участь, которая выпадает на долю русского народа»²².

Эти же крестьяне в своём письме описывали зверства немцев на Украине и просили советское правительство РСФСР принять их в состав Российской Федерации.

Перед нами резолюция схода крестьян села Борисова, одного из уездов Черниговской губернии, принятая во время гетманства ставленника немцев Скоропадского: «Остаёмся верны своей родине РСФСР, и мы, крестьяне, твёрдо уверены, что скоро тот час настанет, когда освободится наша житница Украина от ига украинской буржуазии и тем самым свергнет гетмана Скоропадского, поддерживаемого немецкими штыками»²³.

В протоколе собрания крестьян села Староселья, Почепского уезда, Черниговской губернии, на котором из 300 жителей присутствовало 243, мы читаем: «В виду того, что только Российская советская власть является истинным выражением мнения трудового народа, мы протестуем против посягательства украинского правительства и указываем, что мы желаем присоединения к Великороссии и готовы по первому зову советской власти стать на её защиту»²⁴.

В телеграмме из села Гуцено, Черниговской губернии, указывалось, что собрание крестьян этого села подавляющим большинством голосов постановило не отделяться от РСФСР²⁵.

Особенно примечательна резолюция, принятая на собрании крестьян села Вранци, Черниговской губернии, 6 июля 1918 года. В ней писалось: «Обсуждали присоединение к Российской республике или к Украине. После некоторых прений и целого ряда высказывавшихся ораторов постановили: всецело присоединиться к пролетариату как к украинскому, так и российскому и к советской власти, но не желаем быть под властью буржуазии Скоропадского»²⁶.

Украинский народ убедился на собственном горьком опыте, что Рада и гетманщина ведут лишь к реставрации власти буржуазии и помещиков, что Рада и Скоропадский, прикрываясь болтовнёй о самостоятельности, на деле превратили Украину в колонию германского империализма. Поэтому украинский народ сделал вывод, что удовлетворение его национальных чаяний возможно лишь при условии установления советской власти на Украине и при условии создания прочного союза украинского народа с русским. Преданностью советской власти и глубоким осознанием общности исторических судеб украинского и русского народов и были проникнуты приведённые выше письма и резолюции украинских крестьян.

Такое же широкое и мощное народное движение за сплочение вокруг русского рабочего класса в период германской оккупации 1918 г.

²² «Известия ВЦИК» от 2 июля 1918 года.

²³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, л. № 518, л. 15.

²⁴ Там же, л. 12.

²⁵ Там же, л. 10.

²⁶ Там же, л. 11.

развивалось и в Белоруссии. Здесь, как и на Украине, ужасы германской оккупации и разоблачение белорусских буржуазных националистов, как простых наймитов германского империализма, способствовали нарастанию революционного и национально-освободительного движения. Это движение, так же как и на Украине, шло под лозунгами установления в Белоруссии советской власти и создания самой тесной федеративной связи Белоруссии с РСФСР.

Собравшийся в Москве в начале февраля 1918 г. съезд белоруссов-беженцев принял резолюцию, в которой выражался гневный протест против посягательств немцев на белорусскую землю и заявлялось об исконных связях белорусского народа с русским. «Выражая волю двух съездов белоруссов-беженцев в Москве, — говорилось в этой резолюции, — на которых было представлено свыше полутора миллионов населения губерний, оккупированных ныне неприятелем.. съезд настоящим доводит до сведения всех народов Российской федеративной демократической республики и демократии всех стран мира о нижеследующем: заявление руководителей австро-германской делегации о том, что народы, населяющие занятые её войсками земли, желают перейти под покровительство Вильгельма, ни в коем случае не может относиться к населению белорусских земель. Ни один белорусс на занятых неприятелем Белоруссии землях не допускает и мысли добровольно быть подданным Германии или Австрии. Двухмиллионная масса беженцев вместе со всем 10-миллионным белорусским народом мыслит своё государственное существование только в составе Российской федеративной демократической республики»²⁷.

Резолюция этого съезда весьма показательна, особенно если учесть, что он проходил в значительной мере под влиянием мелкобуржуазных демократов, а не коммунистов.

В июле 1918 г. в Москве вновь состоялся съезд белоруссов-беженцев. В организации и созыве этого съезда большое участие принял Наркомнац. Съезд вынес резолюцию, в которой от лица «растерзанной Белоруссии» протестовал против немецких зверств, заявлял о желании белорусского народа установить федеративную связь с РСФСР и «перед лицом всего мира» торжественно объявлял о полной солидарности белорусского народа с русским²⁸. Съезд принял также обращение к Совнаркому РСФСР, в котором просил, чтобы Российская советская республика оказала братскую помощь Белоруссии в её борьбе за освобождение от германского ига. Делегация этого съезда белоруссов была принята Лениным, которому она и передала приветствие от имени белорусского народа.

Для характеристики огромной тяги белоруссов к союзу с русским народом весьма показательна резолюция состоявшейся 13 августа 1918 г. конференции белоруссов — моряков Балтийского флота: «Мы, белоруссы, моряки Балтийского флота, считаем своим долгом заявить категорический и решительный протест против всяких поползновений и непрекращающихся попыток со стороны шовинистических, империалистически настроенных наших географических и исторических соседей, стремящихся под шум мировой и гражданской войн и распада России захватить те или иные части нашей исконной белорусской земли. Мы, белоруссы, моряки Балтийского флота, заявляем, что не уступим ни пяди нашей белорусской земли, принадлежащей нашему белорусскому народу, что мы с оружием в руках отстоим землю наших предков и все завоевания революции, одним из лозунгов которой является величайшая идея самоопределения народов»²⁹. В заключительной части резолюции подчёркивалось желание Белоруссии установить федеративную связь с

²⁷ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства, от 19 февраля 1918 года.

²⁸ «Известия ВЦИК» от 26 июля 1918 года.

²⁹ «Звезда» от 6 сентября 1918 года.

РСФСР: «Мы, белоруссы-моряки, заявляем, что Белоруссия, как автономная в политико-хозяйственной жизни область, должна по окончании войны целиком войти в состав общероссийской федерации в соответствии с требованиями широких трудовых белорусских масс»³⁰.

Во время оккупации большей части Белоруссии немцами народное движение за объединение с РСФСР приняло столь широкие масштабы, что под его напором даже такие организации, как земство и городские думы, имевшие в своём составе представителей буржуазных партий, выносили резолюции с заявлением о желательности федеративного объединения Белоруссии с РСФСР. Так, Минская городская дума, стремясь укрепить своё влияние в массах, незадолго до изгнания немцев вынесла резолюцию о желательности вхождения Белоруссии в РСФСР на федеративных началах³¹. Могилёвская городская дума ещё в июле 1918 г. отметила, что Белоруссия может сохранить свою независимость лишь в союзе с РСФСР³². Резолюции собраний Пуховицкого волостного земства, Игуменского, Засловского земств и др., признавая, что Белоруссия сможет освободиться от германского ига лишь при помощи русского народа, тоже высказывались за федеративное объединение её с РСФСР³³.

Белорусская рада, которая продала Белоруссию немцам, и её руководители, посылавшие холопские телеграммы Вильгельму с просьбой не выводить войска из пределов Белоруссии, окончательно дискредитировали себя в глазах белорусского народа.

Могучее народное движение в оккупированных немцами областях, развивавшееся под лозунгом объединения народов этих областей с русским народом, подтверждало правильность ленинско-сталинской национальной политики правительства РСФСР. Одновременно это движение свидетельствовало о провале расчётов иностранных империалистов на расчленение Российского государства и показывало, насколько глубоко народы России осознали нерасторжимость своей судьбы с судьбой русского народа.

В своей статье «Политика советской власти по национальному вопросу», опубликованной в 1919 г., товарищ Сталин отметил связь замены империалистского лозунга самостоятельности столь же империалистским лозунгом «единой и неделимой» с фактом нарастания массового объединительного движения народов России. Товарищ Сталин указывал также, что эта перемена лозунгов произошла в 1919 г., когда на смену пытавшемуся поработить народы России германскому империализму пришёл империализм стран Антанты. Смена этих империалистских лозунгов отразила борьбу различных империалистских групп. Известно, что французские империалисты, исходя из своих интересов, одно время считали необходимым восстановление царской России, в то время как англичане и немцы с самого начала последовательно и вполне официально высказывались за расчленение России. Коренного различия в позиции французских и английских империалистов, разумеется, не было; что видно хотя бы из факта участия французов в заключении тайного договора о разделе России.

Связанное с борьбой различных империалистских групп выдвижение лозунга «единой и неделимой» в то же время, несомненно, преследовало цель использовать в интересах этих реакционных групп объединительное движение народов России, их тягу к союзу с русским народом. Однако народное движение за объединение вокруг РСФСР, развернувшееся на Украине, в Белоруссии и Прибалтике ещё в условиях германской оккупации, было советским объединительным движением.

³⁰ «Звезда» от 6 сентября 1918 года.

³¹ «Звезда» от 7 января 1919 года.

³² «Известия ВЦИК» от 8 июля 1918 года.

³³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 492, л. 76.

Оно шло под лозунгом установления советской власти и объединения Советской Украины, Советской Белоруссии, советских прибалтийских республик с первой советской республикой — Российской республикой — для общей борьбы за свободу и независимость против общих врагов. Поэтому расчёты иностранных империалистов на то, что лозунг восстановления царской России поможет им использовать тягу народов России к объединению, неизбежно должны были потерпеть полный крах. Украинский и белорусский народы, народы Прибалтики и другие народы России не хотели восстановления того насильственного единства, каким была царская Россия. Они стремились создать новое, братское единство и новые формы этого единства, а это мыслимо было лишь при условии установления советского строя.

Изгнание немцев из Украины, Белоруссии и Прибалтики привело к повсеместному восстановлению советского строя на территориях этих областей и создало возможность для выявления подлинной народной воли украинского и белорусского народов, а также народов Прибалтики. 13 ноября 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет обратился с воззванием ко всем народам России по поводу аннулирования Брестлитовского договора. В обращении ВЦИК говорилось, что ныне все народы «призваны сами решать свою судьбу». Обращаясь к населению оккупированных немцами областей, ВЦИК заявлял, что «право на самоопределение будет в полной мере признано за всеми народами»³⁴.

После изгнания германских оккупантов с территории Украины и восстановления там советской власти временное советское правительство Украины заявило о своём желании заключить самый тесный союз с правительствами других советских республик и в первую очередь с правительством РСФСР. В декларации украинского советского правительства от 28 января 1919 г. говорилось: «В первую очередь мы заявляем громко свою солидарность с Российской федеративной советской республикой... Врагов Советской России мы объявляем врагами Советской Украины. У нас одинаковые политические, экономические и военные задачи. Полный разгром русской буржуазии и русских помещиков является условием не только укрепления России, но и Украины... Всё это предreshает объединение Украинской советской республики с Советской Россией на началах социалистической федерации»³⁵.

Такое же стремление к объединению с другими советскими республиками, и в первую очередь с РСФСР, обнаружила с первых дней своего существования и Советская Белоруссия. Оккупация значительной части Белоруссии немцами задержала образование Белорусской Советской Социалистической Республики. Лишь к концу 1918 г., когда белорусский народ с помощью русского народа изгнал из своей страны немецких оккупантов, создались условия для образования БССР.

29 декабря 1918 г. в Москве состоялась конференция белорусско-коммунистов. На этой конференции выступил товарищ Сталин, который указал, что необходимо пойти навстречу чаяниям белорусского народа и принять решение об образовании Белорусской советской республики. Конференция белорусско-коммунистов в своём решении указала на желательность образования Белорусской Советской Социалистической Республики и подчеркнула, что Советская Белоруссия должна находиться в федеративной связи с РСФСР.

Огромную роль в образовании Белорусской советской республики сыграла состоявшаяся 30 декабря 1918 г. VI областная партийная конференция Северо-западной области. Эта конференция приняла постановление об образовании самостоятельной советской социалистической рес-

³⁴ Собрание Узаконений, 95, стр. 947, за 1918 год.

³⁵ «Жизнь национальностей» от 4 февраля 1919 года.

публики Белоруссии и объявила себя I съездом коммунистической партии Белоруссии. В основу решений конференции легли решение ЦК РКП(б) и указания, сделанные товарищем Сталиным от имени ЦК Мясникову и другим видным белорусским деятелям. Вначале предполагалось, что товарищ Сталин лично будет присутствовать на VI партийной конференции Северо-западной области, но события на Восточном фронте, где Колчак прорвался к Перми, помешали отъезду товарища Сталина в Смоленск.

2 февраля 1919 года в Минске открылся I съезд советов Белоруссии. Этот съезд провозгласил Белоруссию республикой советов, отменил все законы реакционной Белорусской рады и объявил членов её вне закона. От имени правительства РСФСР съезд приветствовал товарищ Я. М. Свердлов. «Русский пролетариат, — говорил в своей речи Я. М. Свердлов, — никогда не забудет того, что вы первыми приняли на себя удары и натиск германского империализма, остановив его продвижение в глубь страны»³⁶. Свердлов огласил постановление ВЦИК о признании независимости Белоруссии. В заключении постановления президиума ВЦИК говорилось о готовности РСФСР «оказать всяческую помощь и поддержку трудящимся массам Белоруссии в их борьбе против господства эксплуатации и угнетения и в защите их свободы и независимости от попыток иностранных завоеваний»³⁷. Уже в решениях I съезда советов Белоруссии была ясно и определённо выражена воля белорусского народа к заключению федеративного союза с РСФСР. Присутствовавший на I всебелорусском съезде представитель Наркомнаца телеграфировал из Минска в Москву: «В кулуарах съезда живо обсуждается вопрос об образовании республики. Одна тенденция — остаться с РСФСР»³⁸.

В декларации, принятой I съездом советов Белоруссии, говорилось, что съезд постановил «начать переговоры с Российской советской республикой по установлению федеративной связи между нею и Советской Белоруссией и избрать для этой цели комиссию, ответственную перед органом власти, выделенным съездом»³⁹. Одновременно I съезд советов Белоруссии принял решение об объединении Советской Белоруссии с советской республикой Литвой.

После освобождения Прибалтики от германского ярма там также образовались советские социалистические республики.

7 декабря 1918 г. состоялось заседание Совнаркома, на котором выступил товарищ Сталин с докладом по вопросу о признании независимости прибалтийских советских республик. С докладом по этому же вопросу товарищ Сталин выступил и на заседании президиума ВЦИК⁴⁰. В своём докладе товарищ Сталин указал, что советское правительство РСФСР, исходя из принципа равноправия и суверенитета наций, готово безоговорочно признать независимость прибалтийских советских республик и предоставить возможность народам этих республик самим определить свою дальнейшую судьбу.

9 декабря 1918 г. Совнарком РСФСР опубликовал декрет, в котором сообщалось об установлении советской власти в Эстонии и о признании независимости советской республики Эстонии. Декретами СНК от 22 декабря 1918 г. была признана независимость Советской Латвии и Литвы.

В своих решениях съезды советов прибалтийских советских республик также отразили волю народов этих республик к установлению

³⁶ Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1, стр. 450.

³⁷ «История советской конституции». стр. 108.

³⁸ ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. № 600, л. 16.

³⁹ «Жизнь национальностей» № 5 от 16 февраля 1919 года.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. № 2, л. 333.

федеративной связи с РСФСР. В резолюции, принятой I съездом советов Латвии 17 января 1919 г., указывалось, что съезд советов Латвии «в основу своей внутренней работы кладёт конституцию РСФСР и поручает Совету народных комиссаров Латвии выработать основные положения взаимоотношений РСФСР и Латвии, исходя из единодушного желания трудящихся Латвии о необходимости братского единства Латвии с РСФСР в общей борьбе против иностранных империалистов»⁴¹.

Во время кратковременного существования Советской Эстонии эстонский народ также выразил своё стремление к заключению тесного союза с РСФСР. В обращении советского правительства Эстонии от 8 декабря 1917 г. говорилось: «Теперь эстонский пролетариат восстал против угнетателей и восстановил советскую власть в Эстляндии. Но молодой Советской Эстляндии угрожает смертельная опасность, и только великая Российская республика поддерживает молодую освобождающуюся Эстляндию, помогая ей, воодушевляя и заражая всех эстонских рабочих и батраков своей великой борьбой за освобождение трудящихся»⁴².

Состоявшийся в конце февраля 1919 г. съезд советов Литвы провозгласил свою солидарность с РСФСР и записал своё решение о необходимости установления федеративной связи советской Литвы с РСФСР. Одновременно съезд присоединился к решению I съезда советов Белоруссии о федеративном объединении советских республик Белоруссии и Литвы.

Решение о федеративном объединении советских республик Литвы и Белоруссии вызывалось главным образом внешнеполитической обстановкой, опасностью иностранной интервенции, которая в равной мере грозила обеим советским республикам. Федерация советских республик Белоруссии и Литвы отнюдь не означала в какой бы то ни было мере умаления независимости белорусского и литовского народов. Эта федерация была прежде всего военным оборонительным союзом, и в этом смысле её можно рассматривать как определённый этап на пути к созданию заключённого впоследствии в июне 1919 г. военно-политического союза всех независимых советских республик.

Таким образом, независимые советские республики с первых дней своего существования обнаружили большое стремление к установлению федеративных связей с РСФСР и между собою. Эта тяга народов вновь образовавшихся независимых советских республик к сплочению вокруг РСФСР, к созданию единого фронта советских республик была, разумеется, отнюдь не случайным явлением.

С первых же дней своего существования независимые республики — Украина, Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония — получали со стороны РСФСР огромную военную, политическую и экономическую помощь, в которой они остро нуждались. Так, 8 февраля 1919 г. в адрес Совнаркома РСФСР была получена следующая телеграмма: «Временное рабоче-крестьянское правительство Украины постановило обратиться с просьбой к российскому советскому правительству о займе в миллиард рублей. Теперь же настоятельно просим выслать аванс в счёт будущего займа»⁴³.

12 февраля ВЦИК РСФСР получил аналогичную телеграмму из Минска за подписью Мясникова. В телеграмме Мясникова говорилось: «В виду полного отсутствия денежных средств в крае прошу удовлетворить просьбу белорусского правительства о его финансировании»⁴⁴. 21 мая вопрос об отпуске займа советским правительствам

⁴¹ «Известия ВЦИК» от 21 января 1919 года.

⁴² «Жизнь национальностей» от 8 декабря 1918 года.

⁴³ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 420, ч. 2-я, л. 476.

⁴⁴ Там же, д. № 417, л. 386.

Украины, Белоруссии, Латвии и Литвы обсуждался на заседании коллегии Наркомнаца. Коллегия постановила ходатайствовать об отпуске займа перед ВЦИК⁴⁵. Решением последнего ходатайство советских республик было удовлетворено.

Ленин и Сталин лично уделяли большое внимание оказанию помощи молодым советским республикам.

В составленном Лениным в январе 1919 г. проекте распоряжения СНК указывалось: «1) Послать максимум денег в Харьков, 2) ВСНХ — самым спешным образом туда мануфактуры и пр... 3) Создать центр в Харькове... Людей послать, организаторов хотя бы несколько, — знакомых с продовольственным делом»⁴⁶.

3 июня 1919 г. Ленин послал телеграмму на имя Совнаркома Украины, в которой говорилось: «Наряды для Белорусско-Литовской армии и вообще Наркомпрода, Минск, очень прошу не задерживать и направлять по назначению в Минск. Всячески ускорять... Ленин»⁴⁷.

Представители молодых советских республик неоднократно обращались к товарищу Сталину как наркому по делам национальностей, прося его оказать содействие в деле удовлетворения нужд их республик. Так, в декабре 1918 г. имели место переговоры товарища Сталина с представителем советского правительства Эстонской республики. Глава советского правительства Эстонии просил товарища Сталина оказать помощь въехавшим в Москву представителям Эстонской республики в получении ими всего необходимого для республики. 30 декабря на заседании Совнаркома слушался доклад товарища Сталина об отпуске займа в 50 млн. руб. правительству Советской Эстонии. Совнарком принял решение отпустить Советской Эстонии из средств государственного казначейства заимобразно 50 млн. руб. и поручил товарищу Сталину выработать и сообщить представителям правительства Эстонской республики условия займа⁴⁸. На этом же заседании Совнаркома был заслушан доклад товарища Сталина о займе правительству Латвии в 20 млн. рублей. Совнарком также принял решение предоставить заём советскому правительству Латвии и поручил товарищу Сталину разработать условия займа.

Следуя указаниям товарища Сталина, Наркомнац заботился о том, чтобы молодые советские республики были обеспечены необходимыми кадрами специалистов для восстановления разрушенного немцами и белогвардейцами народного хозяйства этих республик. Так, например, 6 декабря 1918 г. газета «Известия ВЦИК» поместила обращение литовского комиссариата Наркомнаца с призывом к специалистам ехать в Советскую Литву для оказания помощи в восстановлении её народного хозяйства.

Большую помощь правительство РСФСР, в частности Наркомнац, оказало советским республикам Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии в деле создания красных армий этих республик. К формированию национальных частей Наркомнац приступил ещё до образования независимых советских республик, в тот период, когда значительная часть территории Украины и Белоруссии и вся территория Прибалтики были оккупированы немцами. Уже на первом заседании коллегии Наркомнаца 15 февраля 1918 г. стоял вопрос «Наркомнац и Красная армия». 7 мая вопрос о создании национальных полков вновь обсуждался на заседании коллегии Наркомнаца и было принято постановление большой принципиальной важности. В нём

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 1318, д. № 20, л. 103.

⁴⁶ Ленинский сборник XXIV, стр. 188.

⁴⁷ Ленинский сборник XXXIV, стр. 170.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. № 2, л. 352.

говорилось о национальных полках: «Коллегия считает допустимым образование национальных отрядов советской армии лишь на территории данной национальности (например, Украина, Башкирия, Армения и т. д.). Что же касается национальных отрядов, образованных из беженцев и эмигрантов (например, польские и литовские части), коллегия допускает образование их лишь в виде исключения (например, латышские части) при безусловной гарантии заинтересованного национального комиссариата, что данные отряды не попадут в руки националистов и буржуазии»⁴⁹.

Основным принципом построения национальных частей Красной Армии Наркомнац считал непосредственную, живую связь этих частей со своей национальностью. Постановление Наркомнаца о национальных частях Красной Армии имело целью предотвратить возможность создания воинских частей по инициативе всякого рода авантюристов и буржуазных националистов.

В решении коллегии Наркомнаца 7 мая 1918 г. указывалось, что коллегия намерена войти с отношением в комиссариат по военным и морским делам, чтобы «в случае возникновения вопроса об образовании каких-либо национальных частей никакие шаги не делались бы без согласия Наркомнаца»⁵⁰. Это постановление коллегии Наркомнаца отражало сталинские принципы создания национальных частей Красной Армии.

Формированием национальных частей Красной Армии и созданием их в советских республиках Украины, Белоруссии, прибалтийских советских республиках и советских республиках Закавказья лично руководил товарищ Сталин.

Во время переговоров с главой правительства Советской Эстонии товарищ Сталин от имени правительства РСФСР обещал оказать помощь формированию Красной Армии Эстонии.

Белорусский комиссариат Наркомнаца активно участвовал в формировании Полоцкого белорусского полка. При петроградской секции Белорусского комиссариата Наркомнаца был сформирован белорусский кавалерийский отряд. Впоследствии эти направленные в Белоруссию части составили ядро белорусской Красной Армии.

Не меньшую работу по созданию частей Красной Армии проводил украинский отдел Наркомнаца. Создаваемые по инициативе Наркомнаца РСФСР национальные части в ряде случаев являлись основой для формирования армий независимых советских республик. Показательна в этом смысле резолюция происходившей в декабре 1918 г. конференции белоруссов-коммунистов. В принятой конференцией резолюции по вопросу об организации Красной Армии в Белоруссии говорилось: «1) Учитывая исключительно ответственное международное положение, в котором находится сейчас освобождённая Белоруссия, конференция признаёт необходимым создание белорусских полков Красной Армии, почётной и ответственной задачей которых будет защита Белоруссии... В целях практического разрешения этого вопроса конференция постановляет поручить избранному конференцией Центральному бюро белорусских коммунистических секций РКП(б) всё руководство и заботу о формировании белорусских красных полков. 2) Отправить сформированный в Петрограде добровольческий отряд белоруссов-коммунистов в Минск, где он сможет послужить хорошим коммунистическим ядром для белорусских красноармейских частей, к формированию которых будет приступлено»⁵¹.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 1318, д. № 2, л. 17.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 1318, д. № 32, л. 90.

Укрепление обороноспособности советских республик являлось задачей первоочередной важности. Освобождение народов советских республик от ига германских оккупантов не означало ещё наступления мирного периода развития этих народов. Уже с конца 1918 г. территория Украины и Белоруссии и территория Прибалтики стали подвергаться нападениям со стороны румынских разбойничьих шаек, банд польских легионеров, петлюровцев и всякого рода белогвардейцев. Все эти покушения на независимость молодых советских республик вдохновлялись и направлялись империалистами стран Антанты, разработавшими к весне 1919 г. план организованного похода в глубь России. Возглавлять этот поход было поручено Колчаку, армия которого была сформирована и вооружена на деньги империалистов западных стран. Колчак, объявленный «верховным правителем» России, по плану интервентов должен был пойти из Сибири в глубь России, соединиться с Деникиным, овладеть Москвой и свергнуть советское правительство. Одновременно Юденич угрожал Петрограду, а западные державы объявили блокаду советских республик. Коммунистическая партия и советское правительство подняли все народы советских республик на отечественную войну против интервентов. Партия выдвинула лозунги «Социалистическое отечество в опасности», «Всё для фронта». Советская страна была объявлена вооружённым лагерем.

Основная задача, которая стояла в этот период перед народами советских республик, заключалась в том, чтобы отстоять территорию своих республик от врага, отстоять свою свободу и независимость. Народы советских республик выразили своё горячее желание создать единый фронт советских республик против фронта интервентов и белогвардейцев.

Происходивший в 1919 г. в Харькове съезд украинских профсоюзов принял резолюцию, в которой говорилось, что в условиях войны необходимо заключение военного и хозяйственного союза между Украиной и РСФСР. Одновременно съезд принял специальную резолюцию, указывавшую на необходимость слияния украинского СНХ с ВСНХ⁵². Аналогичные резолюции были приняты на конференции работников украинского Наркомтруда и на многочисленных собраниях украинских рабочих и крестьян. Происходивший в марте 1919 г. III украинский съезд советов в своих решениях указал на важность, укрепления обороноспособности советских республик, объявил Украину вооружённым лагерем и подчеркнул необходимость тесного военного сотрудничества между всеми советскими республиками. Съезд от имени правительства РСФСР приветствовал Я. М. Свердлов. В своей речи он указал на готовность русского народа оказать братскую помощь Украине и подчеркнул, что главной задачей советского правительства Украины является создание Красной Армии по примеру РСФСР⁵³. На съезде были зачитаны приветствия от имени советских республик Латвии и Эстонии. В них также выражалась мысль о необходимости заключения военного союза советских республик.

18 мая 1919 г. ЦИК Украины принял решение «об объединении военных сил советских республик». Это решение имело очень важное значение в подготовке военного союза советских республик. В нём говорилось, что «общность врага требует от всех советских республик общности борьбы и единства руководства ею... Поэтому ЦИК вместе с Киевским советом рабочих депутатов, киевским уездным советом крестьянских депутатов и представителями киевских профессиональных

⁵² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 420, л. 128.

⁵³ «Известия ВЦИК» от 11 марта 1919 года.

союзов и фабрично-заводских комитетов постановил: 1) вся вооружённая борьба с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках; 2) все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра. Исходя из этого, ЦИК поручает своему президиуму обратиться в ЦИК всех советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы»⁵⁴.

Решение ЦИК Украины от 18 мая 1919 г. показывало, что Советская Украина, находившаяся под постоянным натиском врагов, признавала необходимость сплочения советских республик и выступала в роли инициатора создания военного союза советских республик.

Не менее горячее стремление к созданию единого фронта советских республик проявили и народы других советских республик. 3 мая 1919 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано воззвание представительства правительств советских республик Литвы и Белоруссии: «Настал момент чрезвычайной серьёзности, идёт решительная борьба рабочего класса, завоевавшего власть, с империализмом всего мира, который в лице Колчака и всяких легионеров совершает наступление на социалистические советские республики»⁵⁵. В заключение воззвание призывало к тесному сплочению трудящихся Литвы и Белоруссии и объединению их с трудящимися РСФСР.

31 мая 1919 г. в адрес Совета обороны в Москве, за подписью Мясникова, была получена следующая телеграмма из Минска: «Совет обороны Литвы и Белоруссии как высший орган власти, получивший свои полномочия от ЦИК советов Литвы и Белоруссии, предлагает установить всем советским республикам тесный военный союз с единым военным командованием. Совет обороны, считаясь с необходимостью срочного осуществления этого принципа во имя более успешной борьбы с международным империализмом, просит в срочном порядке обсудить данное предложение на заседании ВЦИК и решение нам сообщить»⁵⁶. Центральный Комитет коммунистической партии учитывал эти стремления народов советских республик к созданию единого фронта против общего врага. Анализируя конкретную обстановку и обобщая результаты развития объединительного движения в этот период, Ленин и Сталин приходят к выводу, что наилучшей формой федеративной связи советских республик в данных условиях будет военный союз, в основу которого будет положено объединение военных сил советских республик и всех тех государственных органов, деятельность которых непосредственно связана с решением первоочередной задачи укрепления обороноспособности советских республик. В мае 1919 г. Лениным и Сталиным был разработан проект директивы ЦК о военном единстве. В проекте указывалось, что наиболее правильной формой объединения советских республик в данный момент является военный союз, излагались принципы, которые должны лечь в основу его.

1 июня 1919 г. состоялось заседание ВЦИК. На нём присутствовали представители советских правительств Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и др. Заседание было открыто М. И. Калининым, указавшем в своей речи на важность решения, которое предстояло вынести на этом заседании. В своих выступлениях представители советских правительств независимых советских республик единодушно указывали на горячее желание своих народов создать мощный оборонительный союз советских республик. При этом все представители

⁵⁴ «История советской конституции», стр. 122.

⁵⁵ «Известия ВЦИК» от 3 мая 1919 года.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 417, л. 103.

советских республик в своих речах подчёркивали, что возглавлять военный союз призвана старейшая советская республика — РСФСР. Заседание приняло весьма важное решение — о создании оборонительного союза советских республик. В решении указывалось на миролюбивую политику всех советских республик и отмечалось, что вопреки этой политике советские республики вынуждены с оружием в руках отстаивать свою свободу и независимость. Империалисты западных стран, «охваченные безумной надеждой покорить весь мир», не только игнорировали проявление миролюбия советских республик, но и напрягали «все усилия к подавлению советской власти всюду, где она создана массовым революционным движением рабочих и крестьян»⁵⁷.

Именно эти обстоятельства и побуждали, как отмечало решение ВЦИК, советские республики заключить военный союз. «Отпор этой попытке вновь ввергнуть в рабство десятки миллионов русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них теснейшего объединения боевых сил, централизации руководства в тяжёлой борьбе на жизнь и на смерть. Военный союз всех упомянутых советских социалистических республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов»⁵⁸. Далее в решении ВЦИК указывалось на единодушное желание народов советских республик заключить военный союз и отмечалось, что создание этого союза не противоречит суверенитету и независимости республик. Постановление ВЦИК от 1 июня предписывало провести объединение: «1) военных организаций и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов, 5) комиссариата труда»⁵⁹. В постановлении не были указаны конкретные формы объединения этих наркоматов. Было лишь определено, что объединение деятельности соответствующих наркоматов должно происходить в порядке соглашений между ЦИК советских республик.

Решение ВЦИК о создании оборонительного союза республик было встречено со стороны народов всех советских республик с чувством большого удовлетворения. В передовой «Звезды» «К объединению советских республик» говорилось, что «борьба за самое существование советских республик требует самого тесного их единения, требует прежде всего их военного союза. Этот военный союз у нас в настоящее время имеется»⁶⁰. В этой же статье указывалось на разруху в народном хозяйстве Белоруссии в результате немецкой оккупации и на значение братской помощи, оказываемой Белоруссии со стороны РСФСР: «Ни подвижного состава, ни паровозов, ничего не было... Немецкие грабители всё увезли. Только благодаря непосредственной, самой активной помощи со стороны российского центра удалось наладить транспорт и почтово-телеграфную связь. Фактически с первого дня существования нашей республики существовал самый тесный союз Литвы и Белоруссии с РСФСР... Теперь этот союз торжественно закреплён на заседании ВЦИК»⁶¹.

Приветствуя решение ВЦИК о военном союзе республик, «Звезда» одновременно указывала, что заключение этого союза является лишь первым шагом в процессе объединения советских республик. Эта же мысль была выражена в решениях состоявшегося 21 июня 1919 г. торжественного объединённого заседания ЦИК Литвы и Белоруссии, Минского городского совета, совета профсоюзов и фабзавкомов. На этом заседании присутствовал прибывший в Минск с агитпоездом председатель прези-

⁵⁷ Собрание Указаний, 21, ст. 264, июнь 1919 года.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ «Звезда» от 20 июня 1919 года.

⁶¹ Там же.

диума ВЦИК РСФСР М. И. Калинин. Восторженно встреченный населением столицы Белоруссии—Минска, М. И. Калинин выступил на митинге у вокзала с речью, в которой указал на важное значение военного союза советских республик и подчеркнул, что этот союз подготовлен всем ходом предшествующего исторического развития:

«Товарищи, я приветствую вас от имени ВЦИК, от трудящихся масс всей России... Мы долго жили совместной жизнью под ярмом царских насильников, долго вели совместную борьбу против царизма и против тех цепей, которые в течение долгих лет сковывали все национальности бывшей царской империи»⁶². Указав, что революция раскрепостила народы России, М. И. Калинин подчеркнул, что в настоящее время у народов России есть важные общие задачи, главная из которых — борьба против интервентов. Он отметил далее, что «фронт буржуазии в настоящее время всё более объединяется, опасность мировой контрреволюции, опасность, грозящая нам со стороны тех банд, которые стараются задушить советскую республику, всё это, вместе взятое, заставляет нас прилагать все усилия к тому, чтобы между нами был самый тесный союз... Да здравствует, товарищи, единство советских республик! Да здравствует братство Литвы и Белоруссии с единой Россией!»⁶³.

На другой день М. И. Калинин присутствовал на торжественном объединённом заседании ЦИК Литвы и Белоруссии. «Ваше предложение (т. е. предложение о военном союзе. — С. Я.), — говорил М. И. Калинин, — имело большое значение в истории социалистической революции. Российская советская республика идёт навстречу вашему предложению. Этот вопрос рассматривался ВЦИК и был разрешён в положительном смысле»⁶⁴. От имени русского народа М. И. Калинин обещал оказать братскую помощь белорусскому и литовскому народам в их борьбе за свою свободу и независимость: «Я не сомневаюсь, что во все тяжёлые моменты на западном фронте Россия будет вас защищать. Мы вступаем в полосу действительного объединения. Этот союз даст нам возможность победить наших врагов и укрепить власть обеих социалистических советских республик»⁶⁵.

В резолюции, принятой объединённым заседанием ЦИК Литвы и Белоруссии по поводу решения ВЦИК от 1 июня 1919 г., говорилось: «Объединённое заседание ЦИК советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ССР Литвы и Белоруссии, Минского совета рабочих и красноармейских депутатов, при участии председателя ВЦИК тов. М. И. Калинина, восторженно приветствует в лице последнего свою учительницу РСФСР, приветствует нашу славную Красную Армию... и выражает глубокую уверенность в том, что союз, заключённый между дружественными советскими республиками, станет ещё теснее»⁶⁶.

Приветствуя решение ВЦИК о военном союзе, ЦИК Литвы и Белоруссии в своей резолюции указал одновременно и на необходимость дальнейшего укрепления федеративных связей советских республик. В заключительной части резолюции заседания ЦИК Литвы и Белоруссии от 21 июня указывалось, что белорусский и литовский народы рассматривают военный союз советских республик как «первый шаг на пути объединения всех советских республик»⁶⁷.

Столь же восторженно приветствовали решение ВЦИК от 1 июня и другие советские республики. ЦИК Украины на своём заседании 14 июня 1919 г. единогласно принял резолюцию, которая приветство-

⁶² «Звезда» от 21 июня 1919 года

⁶³ Там же.

⁶⁴ «Звезда» от 22 июня 1919 года.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

вала создание военного союза советских республик, указывая, что это решение ВЦИК идёт навстречу единодушным желаниям украинского народа.

Вскоре после решения ВЦИК от 1 июня последовало заключение соглашений между ВЦИК и ЦИК отдельных республик о создании единого военного командования и объединении управления транспортом и почтово-телеграфной связью. Так, например, 22 июня 1919 г. на имя Ленина была получена следующая телеграмма из Киева: «21 июня на объединённом заседании украинского ЦИК, киевского совета профсоюзов, фабзавкомов и представителей политических партий единогласно была принята резолюция о создании объединённого командования»⁶⁸.

В особом воззвании ЦИК Украины объявил организацию отдельного украинского фронта ликвидированной и заявил, что украинский фронт подчиняется распоряжениям Совета обороны РСФСР⁶⁹. На Украину было распространено действие всех декретов правительства РСФСР относительно организации армии и управления связи. В циркуляре украинского ЦИК на имя губревкомов, опубликованном в конце 1919 г., говорилось: «В развитие соглашения Всеукраинского ЦИК и всероссийского ЦИК от 1 июня 1919 года об объединении деятельности обеих республик, впредь до окончательного оформления взаимоотношений последних, объявляется: все декреты и постановления УССР, касающиеся органов власти и подведомственных учреждений, связанных с вышеуказанным соглашением, как-то: военного, ВСНХ, продовольствия, путей сообщения, почты и телеграфов, аннулируются и заменяются декретами РСФСР»⁷⁰.

Заключение военного союза независимых советских республик явилось важнейшим политическим итогом развития объединительного движения в его первой фазе. Оформлявшее заключение этого соглашения постановление ВЦИК РСФСР от 1 июня 1919 г., не являясь законодательным актом, определявшим структуру нового государства, тем не менее представляло документ огромного принципиального значения, так как оно знаменовало собой дальнейшее упрочение и развитие братских связей между независимыми советскими республиками.

Сложившийся в огне войны против интервентов и белогвардейцев военный союз советских республик полностью оправдал себя.

Русские войска, осуществляя гениальные стратегические планы, разработанные Лениным и Сталиным, сражались под водительством русских полководцев — Фрунзе, Ворошилова, Чапаева, Будённого — за свободу и независимость Украины, Белоруссии, народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Народы советских республик уже в эти годы показали миру нерушимость их боевого союза и свою сплочённость вокруг русского народа. Уже в эти годы своей самоотверженной борьбой на всех фронтах русский народ снискал признательность и горячую любовь со стороны народов всех советских республик. Во все самые критические моменты войны, когда той или иной советской республике угрожала опасность, русский народ спешил ей на помощь. В этом смысле показательно обращение Наркомнаца от 16 мая 1920 г. ко всем национальностям России в связи с нападением панской Польши на Украину: «Предательское нападение польских белогвардейских легионов вызывает глубокое возмущение во всех слоях народных масс России... Свой главный удар поляки направили на нашу братскую страну — Советскую Украину. Все национальности России должны понять, какой злой враг поднялся против нас. Общий порыв,

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, л. 420, л. 379.

⁶⁹ Там же, л. 381.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. № 505, л. 6.

охвативший Россию в борьбе против нашествия польской шляхты, должен быть поддержан всеми национальностями России. Они должны с большим энтузиазмом приступить к отражению общего врага»⁷¹.

Народы братских советских республик в годы гражданской войны всегда видели свою естественную защитницу и опору в старейшей советской республике — в РСФСР. Эта мысль хорошо выражена в манифесте IV всеукраинского съезда советов, изданном в связи с нападением панской Польши на Украину: «Товарищи, нам навязали новую войну. Против нас пошли польские паны... Умереть или победить польских панов — таков выбор, который стоит перед Украиной. Советская Россия спешит нам на помощь. Лучшие советские полки, разбившие генералов Колчака, Юденича и Деникина, переброшены теперь на Украину. Русские рабочие и крестьяне спешат к нам на помощь. Братский союз наш с рабоче-крестьянской Россией ещё больше окрепнет и закалится в борьбе»⁷².

Таковую же активную военную помощь оказывала РСФСР в освобождении народов Закавказья и Средней Азии.

К концу 1920 — началу 1921 г. территория всех советских национальных республик была освобождена от интервентов и белогвардейцев. Народы советских республик одержали историческую победу над внешними и внутренними врагами. Под руководством большевистской партии, под руководством Ленина и Сталина народы советских республик отстаивали свою независимость и собрали воедино Советскую страну. Указывая на историческое значение победы, одержанной народами советских республик, передовая «Правды» отмечала: «Три года мы отстаивали нашу страну и три года собирали её по кусочкам. Теперь из этих кусочков, на которых сидели англичане, французы, поляки, Дутов, Каледин, Краснов, Деникин, Врангель, Колчак, Семёнов или Юденич, а то ещё какой-нибудь генерал, — из этих городов, сёл и земель построили мы великую, освобождённую от капитала и помещиков рабоче-крестьянскую державу. Никто кроме рабочего класса и крестьянства не мог собрать Россию, ни помещики, ни капиталисты, ни эсеровские учредилорцы»⁷³.

Важнейшим условием исторической победы, одержанной советским народом в войне, являлось существование военного союза советских республик, возникшего в результате первой фазы объединительного движения.

Освобождение территории советских республик от врагов было важнейшим условием для образования СССР. В условиях нового периода, в условиях перехода от войны к миру, объединительное движение советских республик переходит в новую фазу, поднимается на новую ступень.

В последующих фазах советское объединительное движение приводит к образованию единого дипломатического фронта советских республик и их хозяйственному сотрудничеству.

Венцом советского объединительного движения явилось имеющее огромное мировое историческое значение образование Союза Советских Социалистических Республик.

⁷¹ «Жизнь национальностей» № 14 от 16 мая 1920 года.

⁷² «Коммунист» от 22 мая 1920 года.

⁷³ «Правда» от 22 декабря 1920 года.

ИЗ ПРЕДИСТОРИИ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

А. Манфред

I

В обширной европейской литературе, посвящённой истории франко-русского союза, вопрос о его происхождении и его предистории принадлежит к числу наиболее затемнённых: предвзятые мнения, политические расчёты нередко ввели пером историков, писавших на эти темы.

Между тем без правильного понимания этих вопросов не может быть дана и верная оценка значения и характера союза России и Франции — крупнейшего фактора международной политики нового времени.

Не ставя своей задачей дать критико-историографический разбор существующей литературы и не претендуя на освещение вопроса о происхождении и предистории франко-русского союза во всех его деталях, что возможно лишь в монографии, автор в данной статье пытается представить эти проблемы в их подлинном, освобождённом от спекулятивных построений значении, то есть в соответствии с действительными фактами исторического процесса.

Каково происхождение франко-русского союза 1891—1893 годов? Откуда идут его корни?

В официальной публикации материалов французского министерства иностранных дел по истории франко-русского союза, в главе «Происхождение» (союза) первым документом помещено письмо французского посла в Петербурге Лабуле министру иностранных дел Франции Рибо от 24 августа 1890 года¹. Эта хронологически начальная дата выбрана совершенно произвольно. Она ничем не оправдана и не объясняет происхождения франко-русского союза. Неудовлетворительность и случайный характер этого определения начальной грани предистории франко-русского союза понял крупнейший из французских историков, писавших на эту тему, — Жорж Мишон².

Жорж Мишон — известный исследователь великой французской буржуазной революции, издавший переписку Робеспьера, Барнава, много и плодотворно работавший в этой области, опубликовал в 1927 г. обширную монографию по истории франко-русского союза. Не вдаваясь в детальный анализ работы Мишона, отметим здесь, хотя бы в общей форме, что основная концепция Мишона, считавшего союз с Россией роковой ошибкой правящих кругов Франции, «одной из самых тёмных страниц её истории»³, насквозь порочна и несостоятельна. Эта концепция обнаруживает прежде всего полное непонимание автором её проблемы союзов, как главной проблемы внешней политики Франции после войны 1870—1871 гг., и нежелание или неспособность вдуматься в реальные уроки истории. Для нас, однако, важно в данном случае выяснить раньше взгляды Мишона на вопрос о происхождении франко-русского союза.

¹ «L'alliance franco-russe». Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. N I. Paris. 1918.

² Michon G. «L'alliance franco-russe 1891—1817», p. 47. Paris. 1927.

³ *Ibidem*, p. 305.

Мишон, не удовлетворённый решением этого вопроса в официальной французской публикации, предлагает свою, иную точку зрения. Вкратце она сводится к следующему: Россия, потеряв на Берлинском конгрессе часть своих завоеваний, зафиксированных Санстефанским договором, осталась недовольна своими союзниками — Австро-Венгрией и Германией — и поэтому пыталась установить тесные связи с Францией. Заключение двойственного союза между Германией и Австро-Венгрией усилило стремление Горчакова к достижению соглашения с Францией. И Мишон заключает: «Можно сказать, что франко-русский союз возник из восточного вопроса»⁴.

Нетрудно разглядеть, как распределяются свет и тени в этой конструкции Ж. Мишона. Если франко-русский союз возник из восточного вопроса, то, естественно, представляется, что Франция совершила в некотором роде акт великодушия, протянув руку помощи униженной после Берлинского конгресса и ищущей французской поддержки России. Изобразить Россию нуждающейся во французском союзе и Францию почти покровительствующей ей — вот к чему сводится реальный смысл предложенной Мишоном версии о происхождении франко-русского союза из восточного вопроса.

Эта версия Мишона едва ли может быть признана оригинальной. Мысль о том, что франко-русский союз берёт свои истоки из восточного кризиса 70-х годов и его ближайших последствий, усиленно подчёркивалась и в немецкой и в английской исторической литературе, в частности в работах Хаммана, Курта Кёрлина, Гуча и др.

Однако, если названные немецкие и английский историки, так же как и Мишон, устанавливают генезис франко-русского союза в восточном вопросе 1870-х годов, то всё же в конкретном анализе предистории этого союза и в поисках его исходных начал они существенно расходятся. Мишон считает, что стремление России к сотрудничеству с Францией особенно усилилось после заключения двойственного союза между Германией и Австрией. Хамман, Кёрлин и Гуч, напротив, утверждают, что первая, реально обозначившаяся вероятность заключения франко-русского союза относится к летним месяцам 1879 г., т. е. ко времени до заключения австро-германского союза. В этом мнимом русско-французском сближении Хамман в наиболее категорической форме (хотя и менее других заботясь об аргументации⁵), а другие авторы с меньшей определённой как раз и видят одну из главных причин, побудивших Бисмарка поспешно заключить сделку с Австрией. Политический смысл этой исторической конструкции очевиден: она имеет целью реабилитировать Бисмарка, снять обвинение германской политики в агрессивных намерениях при заключении двойственного союза 1879 г. и представить самое возникновение австро-германского союза как средство самозащиты Германии от якобы складывавшегося франко-русского союза.

Следует отметить, что по рассматриваемому вопросу и М. Н. Покровский высказывал в печати мнение, очень близко совпадающее с этой насквозь лживой, исторически несостоятельной концепцией немецких и английских историков. Так, в предисловии к известной публикации Центрархива «Русско-германские отношения» М. Н. Покровский писал: «В 1879 году уже замаячил на горизонте... призрак союза русско-фран-

⁴ Michon J. Op. cit., p. I. Разрядка моя. — *А. М.*

⁵ Hamman O. «Der Missverständene Bismarck. Zwanzig Jahre Deutscher Weltpolitik», S. 18. Brl. 1921. Знаменательно, что в более поздней своей работе — «Deutsche Weltpolitik 1890—1912» (Berlin. 1925), представляющей расширенное и дополненное издание первой, Хамман уже отказался от прежнего категорического утверждения, выпустив соответствующие места (см. S. 8—10).

цузского. Бисмарк это понял, приняв военные меры предосторожности (союз с Австрией... был заключён в том же 1879 году)»⁶.

Возникает вопрос: на какие факты опираются сторонники этой исторической версии и чем подтверждают они своё мнение? Все они — и Хамман, и Кёрлин⁷, и Гуч⁸, и отчасти Беккер⁹ — с разной степенью определённости (Хамман и Гуч, как нечто вполне достоверное, другие — с меньшей убеждённостью) говорят о русских предложениях союза Франции, сделанных будто бы летом 1879 года. При этом упоминаются даже конкретные персонажи, бравшие на себя выполнение этой миссии: генерал Обручев и в более общей форме — князь Горчаков.

Ниже специально будет рассмотрен вопрос о взаимоотношениях России и Франции в этот период. Здесь же со всей определёностью следует сказать, что эта версия о русских предложениях союза Франции представляет собой старую мистификацию, историческую легенду, созданную Бисмарком и ныне используемую некоторыми историками в спекулятивных целях.

Слух о русских предложениях союза Парижу и Риму родился летом 1879 г., в период резкого обострения русско-германских и русско-австрийских отношений. 8 сентября 1879 г. граф Андраши сообщил о нём германскому послу в Вене князю Рейссу¹⁰. Видимо, он вообще распространял этот слух, так как разговоры об этом дошли и до французского посла в Вене — Тессерен де Бора¹¹. Князь Рейсс в тот же день сообщил об услышанном в Берлин, а Бисмарк запросил германского посла в Париже князя Гогенлоэ. Последний телеграммой Бисмарку 10 сентября опроверг эти сведения: «Прямых предложений или просьб, касающихся франко-русского союза, сделано не было. Но возможны намёки в частных беседах между Ваддингтоном и русскими дипломатами»¹².

Несмотря на это вполне определённое заявление Гогенлоэ, Бисмарк использовал эти ложные, как он удостоверился, слухи в политических целях. Он пустил их в оборот, пугая ими кайзера Вильгельма¹³, и ссылаясь на них в переговорах с Россией, в частности в беседе с Орловым 1 октября 1879 г.¹⁴ и тогда же с Сабуровым¹⁵. Созданная Бисмарком легенда была подхвачена его клеветами. В сентябре 1880 г. она получила широкое распространение в связи с выступлениями бывшего юртембергского министра Варнбюллера, в определённой форме утверждавшего, что сведения о русских предложениях Франции были переданы Бисмарку самим Ваддингтоном¹⁶.

Тогда же авторитетнейшие и наиболее осведомлённые представители обеих стран — России и Франции — категорически опровергли эти слухи, как лживые, совершенно не соответствующие фактам. Орлов в беседе с Бисмарком тут же назвал их баснями¹⁷. Александр II на полях донесения Сабурова, сообщавшего о тех же инсинуациях Бис-

⁶ Покровский М. «Русско-германские отношения», стр. 7.

⁷ Koerlin Kurt «Zur Vorgeschichte des Russisch-französischen Bündnisses 1871—1890». S. 30—52. Halle. 1926.

⁸ Гуч «История современной Европы», стр. 29. М. 1925.

⁹ Becker Otto «Bismarck und die Einkreisung Deutschlands», Bd. I, II. Berlin. 1923, 1925, см. В. I. S. 28—29.

¹⁰ «Grosse Politik der europäischen Kabinette». Bd. III, № 477, S. 81.

¹¹ «Documents diplomatiques français». Série I. V. II, № 46.

¹² «Grosse Politik». Bd. III. № 477.

¹³ Ibidem, № 482.

¹⁴ «Русско-германские отношения», стр. 89.

¹⁵ «Grosse Politik». Bd. III, № 515.

¹⁶ Hamman O. Op. cit., S. 18; De Chaudordy «La France en 1889», p. 272—273. Paris 1889.

¹⁷ «Русско-германские отношения», стр. 89.

марка о русских предложениях Франции и Италии, написал: «где нет ни слова правды»¹⁸, Ваддингтон, со своей стороны, трижды публично опроверг эти слухи. В первом заявлении, 15 сентября 1880 г., в связи с выступлением Варнбюллера, Ваддингтон категорически утверждал, что на протяжении всего его руководства министерством между Францией и Россией не велись никакие переговоры и не было никаких предложений или проектов соглашения¹⁹. В данном через несколько дней (23 сентября) интервью Ваддингтон столь же твёрдо опроверг эти сообщения Варнбюллера: «Обыкновенно думают, и часто с основанием, что не бывает дыма без огня. Это не относится к данному случаю — здесь не было ни дыма, ни огня»²⁰.

Наконец, в 1888 г., в письме к директору «Матэн», подтверждая свои прежние заявления, Ваддингтон снова повторяет, что в период его руководства «никогда, ни в близкой, ни в отдалённой форме, не возникало вопроса о союзе между Францией и Россией» и что генерала Обручева, на которого ссылаются, он даже «не имел чести знать»²¹.

Позднее французские и русские историки, специально занимавшиеся этим периодом, никогда не подтверждали распространявшихся Бисмарком слухов. С. Д. Сказкин, первым выступивший с критикой взглядов Покровского в этом вопросе²², обследовал архивы министерства иностранных дел и не нашёл в них никаких подтверждений приписываемых России попыток добиться соглашения с Францией²³. В французской официальной публикации дипломатических документов (Doc. dipl. fr. v. II) также нет никаких следов русских предложений о союзе. Понятно, что такого рода документы не могли бы быть пропущены во французской публикации. Прав французский историк и журналист Раймонд Рекули, который в своей вышедшей в 1932 г. работе о внешней политике Франции утверждает, что Франция в 70-х годах была ещё настолько слаба в военном отношении, что вообще не могла бы оказать России никакой серьёзной помощи²⁴.

Было ли, однако, что-либо, что могло дать пищу для первоначального возникновения этих слухов?

После Берлинского конгресса, в 1878 и 1879 гг., как известно, отношения России с Германией и Австрией носили крайне напряжённый характер. На страницах русской печати велась открытая кампания против Германии, и нередко раздавались голоса в пользу сближения с Францией. В марте 1879 г. французский посол в Петербурге генерал Лефло сообщал Ваддингтону: «Ввиду того, что отношения России с Германией и Австрией ухудшаются, умы поворачиваются в нашу сторону, и его величество, как мне кажется, склонен скрепить связи более дружественным соглашением с Францией»²⁵. Лефло в общем правильно оценил настроение Петербурга. Несмотря на враждебную России позицию, занятую Францией на Берлинском конгрессе (о чём опять-таки речь будет впереди), русское правительство готово было вернуться к прежним взаимоотношениям между Францией и Россией 1872—1878 гг., т. е. к отношениям дружественного контакта. В этом же был и смысл сказанной князем Горчаковым осенью 1879 г. в Бадене французскому корреспонденту фразы, ставшей почти стереотипной в его устах: «Надо, чтобы вы были сильными».

¹⁸ Сказкин С. «Конец австро-русско-германского союза». Т. I, стр. 115. М. 1928.

¹⁹ De Chaudordy. *Op. cit.* p. 270.

²⁰ *Ibidem*, p. 275.

²¹ *Ibidem*, p. 269—270.

²² Сказкин С. Указ. соч., стр. 103.

²³ Там же, стр. 108.

²⁴ Recouly R. «De Bismarck à Poincaré», p. 102. Paris, 1922.

²⁵ Doc. dipl. France. V. II. N° 302.

Вот, собственно, и всё, что было. Никаких предложений о союзе от России не исходило, никаких поисков соглашения она не предпринимала. Впрочем, по самой природе франко-русских отношений самая возможность таких предложений со стороны России была исключена.

Легко видеть, как далеки были реальные факты от той легенды, которую сознательно сотворил Бисмарк. Попытка привлечь мистификацию Бисмарка для объяснения происхождения франко-русского союза должна быть решительно отвергнута.

Нельзя также признать сколько-нибудь правомерной и обоснованной попытку искать начальные корни франко-русского союза на почве восточного кризиса и его регулирования Берлинским конгрессом. Основные контуры франко-русских отношений обрисовались достаточно ясно не в 1878 г., а значительно раньше, и их определял не Берлинский конгресс, а Франкфуртский мир.

Сюда, к ситуации, созданной поражением Франции в войне с Германией, и следует обратиться, чтобы найти начало нитей, связавших двадцать лет спустя Францию и Россию союзным договором.

II

Франко-прусская война 1870—1871 гг. дала Франции ряд уроков серьезнейшего длительного значения. Самые существенные из них касались вопросов большой стратегии, и в частности проблемы союзов, ставшей с этого времени главной и основной для внешней политики Франции.

Война 1870 г. доказала, что Франция уже не может вести войну с сильным противником один на один. Героические времена французской революции и периода Наполеона, когда Франция одна сражалась против могущественных европейских коалиций, остались позади. Тогда Барер, руководивший дипломатической комиссией Конвента, в связи с вступлением Испании в войну 1793 г., мог горделиво заявлять: «Ещё один лишний враг — ещё один повод к победе». В ту пору Франция одерживала победы над многочисленными врагами, так как она представляла собой исторически прогрессивную силу — рождающийся буржуазный строй, вступивший в ожесточённую схватку с реакционным феодально-абсолютистским режимом, господствовавшим в Европе.

Но с тех пор многое изменилось и в развитии самой Франции и в развитии Европы. Уже в период Второй империи даже те всегда сомнительные победы, которые одерживал Наполеон III, были достигнуты лишь в коалиционной войне Франции и её союзников — Англии в 1853—1856 гг., Пьемонта в 1859 г. — против одной державы.

В войне 1870 г. Франция впервые после революционных войн встретила в поединке с противником — Пруссией, — одна, без союзников. И война доказала неспособность Франции противостоять в единоборстве сильному европейскому государству. Из войны 1870 г. вытекала для Франции повелительная необходимость преодолеть международную изоляцию и сосредоточить усилия своей дипломатии на привлечении и завоевании союзников или хотя бы сколько-нибудь надёжной опоры в Европе.

Необходимость разрешения проблемы союзов вызывалась для Франции не только и не столько стремлением к возвращению потерянных провинций, к войне-реваншу (в 70-х годах об этом нечего было и говорить²⁶), сколько прямой опасностью новой агрессии со стороны Герма-

²⁶ Известно, что не только Жюль Фавр, Тьер и другие сторонники примирения с Германией, но и Гамбетта в 70-х годах считал невозможной для Франции новую войну против Германии. Знаменитая формула Гамбетты: «Всегда об этом думать, никогда не говорить» — была, в сущности, горестным признанием практической невозможности осуществления реванша в близком будущем.

нии. В 70-х годах эта опасность была главной для Франции. Франкфуртский мир не устранил опасности возобновления германской агрессии. Уже на другой день после подписания Франкфуртского договора Бисмарк снова заговорил с Францией угрожающим языком²⁷.

Характеризуя ситуацию, создавшуюся после заключения мирного договора во Франкфурте, Аното правильно определил её следующей формулой: «Мир был подписан, но мир не был установлен»²⁸.

Чем быстрее Франция оправлялась от понесённого поражения, чем быстрее восстанавливались её хозяйство, финансы, её военная сила, тем всё более зловещим и вызывающим становился язык Берлина. «Враждебность Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой»²⁹, — писал Бисмарк в 1872 г. в директивном письме к германскому послу в Париже графу Арниму.

Германия делала всё возможное, чтобы задержать восстановление Францией её сил. В 1872 г. Германия пыталась грубыми угрозами заставить французское правительство отказаться от введения закона о воинской повинности. Она была крайне придирчивой при рассмотрении вопросов о выплате Францией контрибуции. В инструкции Арниму Бисмарк подчёркивал, что стабилизация политического режима во Франции прямо противоречит германским интересам. Но так как Франция всё-таки восстанавливала свои силы, и восстанавливала их быстрее даже, чем рассчитывал Бисмарк, то канцлер снова стал на путь провоцирования конфликтов с Францией.

Бисмарк провоцировал эти конфликты последовательно — в 1872, 1873, 1874, 1875 годах. Он находил всякий раз новые поводы для разжигания столкновений. В апреле — мае 1872 г. он использовал как повод французский закон о военной службе. Осенью 1873 г. он усмотрел опасность для Германии в пропаганде французских католиков. В январе 1874 г. он вновь использовал этот повод. В начале 1875 г. инспирированная им печать измыслила легенду о подготовке Франции к войне. Острота этих конфликтов усиливалась в возрастающей прогрессии.

В действительности Бисмарка не страшили ни пропаганда французских епископов, ни усилия Франции восстановить свою военную мощь. В то время когда Берлин выражал крайнее раздражение и недовольство военными мерами Франции, изображая их как серьёзную опасность для Германии, Бисмарк получал от Арнима вполне успокоительные заверения о том, что, по наблюдениям его советников, «французская армия в течение ближайших лет не будет в состоянии вести против нас даже самую короткую войну»³⁰. Военные мероприятия Франции, не внушая ни Бисмарку, ни Мольтке действительных опасений, были им даже на руку, давая удобный материал для инсценировки возмущения мнимой угрозой реванша.

Но было нечто, что порождало у Бисмарка действительную тревогу и постоянно его озабочивало: это — опасение, что Франция найдёт себе союзников — «кошмар коалиций», преследовавший его, как он признавался Шувалову.

«До тех пор, пока Франция не будет иметь союзников, нам нечего её бояться»³¹, — откровенно разъяснял Бисмарк свой взгляд на французскую проблему Арниму.

Бисмарк с достаточной прозорливостью разглядел, что опасность

²⁷ Уже 16 июня 1871 г. Бисмарк грозил Ж. Фавру возобновлением военных действий. См. *Na p o t a u x G.* «Histoire de la France contemporaine». V. I, p. 247.

²⁸ *Ibidem*, p. 285.

²⁹ *Hippreau E.* «Histoire diplomatique de la Troisième République, 1870—1889». p. 88. Paris. 1889.

³⁰ *Hippreau E.* *Op. cit.* V. II, p. 95.

³¹ *Ibidem*, p. 90.

образования блока, способного ограничить германские агрессивные поползновения, исходит прежде всего от Франции и России. Что Франция должна стремиться к сближению с Россией, в этом у Бисмарка не было ни малейшего сомнения. Предотвратить франко-русское сближение, не допустить самой возможности франко-русского союза стало для него главной и безотлагательной задачей.

Бисмарк допускал также возможность сближения между побеждёнными при Седане и Садовой — Францией и Австрией. Вся дипломатическая деятельность Бисмарка с первых же дней после подписания Франкфуртского мира была подчинена задаче сохранения Франции в состоянии изоляции, предотвращения её сближения с Россией и Австро-Венгрией. В этом был главный смысл созданного Бисмарком союза трёх императоров. Из опасения, что монархической Франции будет легче сговориться с Петербургом и Венной, Бисмарк стремился к сохранению республиканского режима во Франции и не скрывал своего враждебного отношения к планам французских монархистов восстановить трон Бурбонов.

Но что будущее Франции зависит от разрешения проблемы союзов, — это в Париже понимали, конечно, не хуже, чем в Берлине. Восстановление хозяйства страны, стабилизация политического режима, создание модернизированной постоянной армии — всё это само по себе ещё не гарантировало от повторения 1870 года. Политические руководители Франции тех лет, лидеры различных партийных группировок понимали это вполне отчётливо. При обсуждении военной реформы 1872 г., которая должна была дать Франции армию в 864 тыс. человек, Тьер указывал, что даже при наличии этой армии, близкой к миллиону, война без союзников была бы для Франции безрассудной. Гамбетта также утверждал, что с восстановленными военными силами Франции легче будет найти союзников. Необходимость привлечения союзников вполне понимали и политики монархистского направления — Деказ, Шодорди и др.

Но где могла республиканская Франция, ослабленная войной, униженная во Франкфурте, раздираемая внутривластной борьбой, найти эффективную поддержку? Кто мог бы стать её опорой в сопротивлении нажиму Германии, продолжающей держать над ней занесённый меч?

Этот вопрос вставал во весь рост перед руководителями французской дипломатии.

Из числа возможных союзников или доброжелателей Франции, на которых рассчитывал, без сколько-нибудь, впрочем, реальных оснований, герцог Грамон накануне франко-прусской войны, ни один в действительности не оказался её партнёром. Австрия не поддержала Францию, Италия также осталась в стороне от борьбы. Ожидать крутого изменения их политики теперь не приходилось. Дружеские связи правительства Тьера с папой исключали возможность сближения с Италией. Австрия после ухода Бейста шла в фарватере политики Бисмарка. Гамбетта одно время надеялся привлечь её к Франции, но должен был отказаться от этого плана, убедившись в его иллюзорности. Оставались Англия и Россия.

К Англии французские политические руководители и дипломаты относились с большим вниманием и предупредительностью. При решении всех больших вопросов во внимание принималась возможная позиция Англии, и с мнением Лондона очень считались. Получить поддержку Англии считалось весьма желательным. К тому же во Франции в правящих и влиятельных кругах всегда существовала определённая группа, в разное время складывавшаяся из разных элементов, так называемая «английская партия», которая, по мотивам экономических

или иных интересов, ориентировалась на Лондон, пропагандировала «проанглийский» курс, как якобы наиболее соответствующий интересам Франции. Но решающим при определении взаимоотношений между западными державами были более важные и реальные факторы. У Франции с Англией были в прошлом долголетние распри; нетрудно было предвидеть в будущем возникновение новых споров, в частности на почве колониального соперничества. В то время успехи немцев сравнительно мало трогали англичан: не считая Германию в ту пору ещё сколько-нибудь серьёзным соперником Англии, либеральное правительство Гладстона относилось к создавшейся на континенте новой ситуации достаточно равнодушно. Французская дипломатическая публицистика с некоторой меланхоличностью признавала, что Гладстон не изменит манчестерскому принципу невмешательства в пользу Франции³². Не теряя из виду Англии и не отказываясь от мысли наладить с ней контакт в дальнейшем, французская дипломатия должна была примириться с тем, что на ближайшее время на поддержку Англии рассчитывать не приходится.

Добиться дружеского расположения и поддержки России, на первый взгляд, могло казаться ещё труднее. Во время войны 1870 г. позиция русского правительства, как известно, была благоприятной для Пруссии. Серьёзным препятствием на пути к сближению было различие в формах политической власти: неискоренимая враждебность петербургского двора к республиканскому строю правления могла казаться непреодолимой преградой. Шансы Франции понижались также её военной и общей слабостью в результате неудачной войны. Россия же, напротив, во время событий 1870—1871 гг. полностью восстановила свой поколебленный Крымской войной престиж и авторитет в Европе. Генерал Лефло, французский посол в Петербурге, в донесении в Париж 3 сентября 1871 г. пессимистически писал: «Нет, Россия не готова, я настаиваю на этом слове, не расположена с нами соединиться сегодня... ибо для того, чтобы с нами объединиться, нужно чтобы мы снова представляли собой реальную силу»³³.

И всё-таки французская дипломатия пошла по этому, казалось, наиболее трудному пути. Руководители французской внешней политики уже на другой день после Франкфуртского мира поняли, что главное усилие французской дипломатии должно быть направлено на политику завоевания доверия и расположения России и приобретения её поддержки.

Уже 7 июня 1871 г. Жюль Фавр в просторном инструктивном письме генералу Лефло ориентирует посла именно в этом направлении. Жюль Фавр развёртывает широкую аргументацию. Он подробно останавливается на истории франко-русских отношений, изображая позицию Франции в выгодном свете и давая понять, что ни в прошлом, ни в настоящем между Францией и Россией не было и нет реальных противоречий. Он обращает особое внимание на вопрос о русско-германских отношениях. Фавр разъясняет французскому послу, что сближение России и Германии таит в себе противоречия, что нельзя не предвидеть, что дальнейшее развитие Германской империи и направление её политики будут в будущем угрожать безопасности России и её интересам. Французская дипломатия должна использовать эти противоречия. Для французов, инструктирует далее посла Фавр, не остались также незамеченными внимание и доброе расположение, проявленные к ним императором Александром II: «Вы должны поблагодарить за них императора так, чтобы ему было

³² Pirrean E. Op. cit.

³³ Buchler F. «Das Verhältnis Frankreichs zu Russland 1871—78». S. 20. Aarau. 1924.

вполне ясно, что мы сумели оценить всё их значение, и вы должны направить свои усилия повсюду вокруг вас, чтобы их полностью сохранить. Время сделает всё остальное»³⁴.

Тьер, который ревностно старался наладить добрососедские отношения с Германией и больше всего боялся вызвать раздражение Бисмарка, также понимал всю важность для Франции приобретения поддержки России и соответственным образом, хотя и со множеством оговорок, инструктировал того же Леффло³⁵.

Французское политическое руководство сумело правильно оценить значение таких факторов, как отсутствие между Францией и Россией сколько-нибудь существенных реальных противоречий и вероятность ухудшения в дальнейшем отношений между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией — с другой. Взяв курс на сближение с Россией, оно рассчитывало использовать эти факторы в благоприятном для Франции направлении. Эти расчёты французского правительства оказались правильными.

Во время берлинского свидания трёх императоров в сентябре 1872 г. Бисмарк пытался заручиться поддержкой России и Австро-Венгрии против Франции. Это ему не удалось. Более того, князь Горчаков, имевший во время сентябрьского свидания беседу с Гонто-Бироном, дал ясно понять французскому послу, что Россия не поддерживает агрессивных намерений Германии против Франции. «Будьте уверены и уверьте господина Тьера, — сказал Горчаков, — если вы выполните ваши обязательства, к вам ничего не может быть больше предъявлено. Говорят о вашей армии и её организации. По этому вопросу Германия не имеет права предъявлять вам никаких требований. Делайте то, что вы считаете нужным, и вы будете правы». И в заключение Горчаков особо доверительно добавил Гонто-Бирону: «Надо, чтобы Франция была сильной и мудрой. Надо, чтобы она была сильной, дабы играть в мире роль, которая ей назначена»³⁶.

Это заявление Горчакова было весьма многозначительным. Франция знала теперь, что в лице России она может найти силу, способную обуздать агрессивные намерения Германии Бисмарка и Мольтке.

Тьер, боясь вызвать недовольство Бисмарка, недостаточно использовал возможности, открывавшиеся этим заявлением Горчакова. Но в мае 1873 г. Тьер ушёл, а поведение Берлина с осени того же года стало в такой степени вызывающим, что Франция вновь должна была обратиться к России за поддержкой.

Новый (с декабря 1873 г.) министр иностранных дел, герцог Деказ, в полной мере отдал себе отчёт в значении для Франции дружественной поддержки России. В сложной обстановке возрастающего нажима со стороны Германии Деказ избрал двойственную тактику. С одной стороны, он проявлял большую гибкость и уступчивость в переговорах с Германией, стараясь лишить Бисмарка возможных поводов для провоцирования столкновения. Канцлера это сердило: он отзывался о Деказе не без раздражения: «Деказ — это шар. Я хочу его уколоть, он катится, я не могу в него попасть»³⁷. С другой стороны, понимая, что без поддержки извне Франция останется беззащитной перед лицом германской агрессии, Деказ значительно усилил старания добиться дружественного расположения России. В соответствующем духе он инструктировал и генерала Леффло; в этих же целях в Петербург был послан со специальной миссией Гонто-Бирон.

Из бесед с Александром II и Горчаковым Леффло вынес впечатление, что несмотря на участие царя в союзе трёх императоров петер-

³⁴ «Doc. dipl. fr.», V. I, № 21.

³⁵ *Ibidem*, № 54.

³⁶ *Notes aux G. Op. cit.* V. I, p. 501.

³⁷ *Ibidem*, V. II, p. 391.

бургский кабинет сохраняет к Франции дружеские чувства. В декабре 1873 г. Горчаков говорил французскому послу: «Мы хотели бы — и мы сохраняем на это надежду, — чтобы (Франция) в возможно более скором времени возвратила себе то большое место в Европе, которое ей законно принадлежит»³⁸. В тревожную пору, когда германская угроза Франции казалась непосредственной, Александр II дал французскому послу успокоительное заверение³⁹. Генерал Лефло в донесении Деказу 11 февраля 1874 г., говоря о возможности нападения Германии на Францию, имел основание писать: «В этом случае (конфликта между Германией и Францией. — А. М.) я верю, что мы можем рассчитывать на дружеское вмешательство России, вмешательство, конечно, тайное и чисто дипломатическое, но такое, что заставит задуматься нашего врага и окажет нам значительную моральную поддержку»⁴⁰.

Позиция русского правительства по отношению к Франции определялась правильно понятыми государственными интересами России. Горчаков ещё ранее превосходно учёл, что дальнейший рост германской мощи в Европе и окончательное сокрушение Франции победоносной Германией отнюдь не соответствуют интересам России. В лице Франции создавался естественный противовес Германии, и усиление Франции означало возрастание сил противодействующих германским стремлениям к гегемонии.

Все попытки Бисмарка добиться внутри союза трёх императоров поддержки Россией агрессивных планов Германии против Франции неизменно наталкивались на упорное сопротивление Горчакова. Выражение дружеских чувств к Франции, почти афишируемое проявление особого расположения царя к французскому послу генералу Лефло, — словом, вся та поддержка, которую Россия в 1872—1874 гг. оказывала Франции, удерживала Бисмарка от выполнения его агрессивных намерений, отвращала от Франции германские удары и тем самым давала ей необходимое время для восстановления своих сил.

И когда в 1875 г. Бисмарк разыгрывал новый вариант провокационной игры, которая должна была развязать ему руки для нанесения решающего удара Франции, оказалось уже вполне естественным, что французское правительство сразу обратилось за помощью в Петербург, и Петербург ему тут же оказал необходимую поддержку.

Ещё в середине апреля, в период обострения франко-германского конфликта, Александр и Горчаков, в ответ на ряд представлений Лефло о германской опасности, дали французскому правительству ответственное заверение в дружественности позиции России. «Не тревожьтесь, мой дорогой генерал, — сказал Александр II Лефло, — успокойте ваше правительство и скажите ему, что я надеюсь, что наши отношения останутся такими же, как сегодня, хорошими и сердечными... У наших обеих стран общие интересы, и если, чему я не хочу верить, вы подвергнетесь однажды опасности, вы это узнаете очень быстро, вы это узнаете от меня»⁴¹. Это заявление Александра, соответственно комментированное Горчаковым, что подчёркивало его важность, весьма приободрило французское правительство.

Но в конце апреля военная тревога, шедшая, казалось, уже на убыль, как известно, вступила в новую, ещё более острую фазу.

Деказ, убедившись (из беседы Гонто-Бирона с Радовицем 21 апреля, из донесения дипломатических агентов, из собственных переговоров с германским послом Гогенлоэ и т. п.) в возрастании агрессивной активности Германии, вновь забил тревогу. Сохраняя и даже афиши-

³⁸ Doc. dipl. fr. V. I. № 247.

³⁹ Ibidem, № 278.

⁴⁰ Buchler F. Op. cit., S. 25.

⁴¹ «Doc. dipl. fr.». V. I. № 388, 393.

руя миролюбие Франции, он заявил в беседе с Гогенлоэ 28 апреля, что «посоветует маршалу (Мак-Магону) и правительству отступить на Луару и ожидать, не производя ни одного выстрела, пока справедливость Европы или бога не обернется против вас»⁴², — и в то же время дал знать в европейские столицы о воинственных намерениях Германии. Но главные надежды он попрежнему возлагал на Россию. 29 апреля Деказ продиктовал Альберу Сорелю, будущему знаменитому историку, работавшему в то время у него секретарём, пространное послание в Петербург. Через посредство французского посла он обращался к русскому царю, как «истинному арбитру европейского мира», с открытым и официальным призывом о помощи⁴³. Одновременно и Орлов в донесении князю Горчакову от того же 29 апреля сообщал, что «в настоящее время французское правительство возлагает все надежды на нашего августейшего монарха»⁴⁴. Вслед за ним и президент республики Мак-Магон формально обратился к России с просьбой о помощи.

7 мая Мак-Магон имел беседу с русским послом Орловым. Донося о ней русскому правительству, Орлов так излагал просьбу президента: «Герцог Маджента все свои надежды возлагает на миролюбивое вмешательство нашего августейшего монарха. Он не требует ни арбитража, ни посредничества. Он поручает Францию покровительству императора»⁴⁵.

Эти призывы о помощи были услышаны в Петербурге. Французский посол получил новые успокоительные заверения. Ещё ранее, 21 апреля, Александр в беседе с генералом Вердером, германским военным атташе, сообщил ему, что он, царь, заверил обеспокоенного французского посла в мирных намерениях Берлина. Это было предостережением Германии. Через посредство Шувалова был установлен контакт с английским правительством. Наконец, в Берлине, где проездом должны были остановиться Александр и Горчаков, должно было разыгаться финальное действие.

Французы даже не рассчитывали, не могли надеяться на такую решительность и определённую поддержку России. «Мы достигли крупного, можно сказать, непредвиденного результата»⁴⁶, — восторженно писал Лефло в Париж.

10 мая Александр и Горчаков прибыли в германскую столицу. Как известно, их приезд имел решающее значение для исхода всего кризиса. Бисмарк отступил по всему фронту. В беседе с царём и Горчаковым германский канцлер, как известно, уверял, что Германия и не помышляла о нападении, что никакой военной тревоги не было, что всё это является вымыслом биржевиков и других заинтересованных лиц.

Цель была достигнута. Александр после беседы с Бисмарком мог с полным основанием сообщить Гонто-Бирону, что военная тревога миновала⁴⁷.

Серьёзная опасность, угрожавшая Франции в 1875 г., была преодолена.

Что же спасло Францию?

⁴² Napotauх G. Op. cit., V. III. p. 256—259; ср. «Cr. Politik»: Bd. I, № 169. Гогенлоэ передаёт это заявление Деказа об отказе Франции драться в ещё более категорической форме. Деказ будто бы сказал ему: «Делайте, что хотите. Забирайте Бельгию, Голландию, Люксембург, нам всё равно; мы не будем драться».

⁴³ «Doc. dipl. fr.», № 404; Napotauх G. Op. cit., V. III. p. 251—256. «Grosse Politik», Bd. I, S. 265.

⁴⁴ «Красный архив», Т. 91 (6), 1938, стр. 125.

⁴⁵ Там же, стр. 129.

⁴⁶ «Doc. dipl. fr.», V. I, № 404.

⁴⁷ Ibidem, № 416, 419.

В исторической литературе⁴⁸ общераспространённым является мнение, что решающая роль в ликвидации военной тревоги 1875 г. принадлежала России и Англии. Такое мнение надо признать верным в общей форме. Однако оно не выясняет вопрос до конца, не раскрывает, какая же именно из двух названных держав сыграла главную, решающую роль в обуздании германской агрессии против Франции в 1875 году.

Здесь лучше всего обратиться к высказываниям самих французских политических деятелей.

По окончании кризиса руководители французского правительства обратились с выражением благодарности в Петербург и Лондон. Президент республики Мак-Магон обратился со специальным посланием к Александру, в котором от имени Франции приносил свою глубокую признательность. Деказ через Леффо в ещё более пылкой форме выражал те же чувства. Через французского посла в Лондоне Говара Деказ принёс благодарность и английскому правительству — лорду Дерби.

Но гораздо существеннее для понимания оценки событий этого времени французскими государственными руководителями являются не официальные выражения благодарности, а те мнения, которыми они обменивались в своём кругу.

Один из самых активных и наиболее осведомлённых участников дипломатической борьбы 1875 г., Гонто-Бирон, тут же, после ликвидации конфликта, в частном письме Деказу писал: «Слава богу, мы вышли из этого ужасного кризиса. Мы вышли из него намного лучше, чем я надеялся, и этим мы, конечно, обязаны русскому императору»⁴⁹.

Так же расценивал роль России и сам Деказ. В числе многих документальных свидетельств этого мнения французского министра иностранных дел наибольший интерес имеет его письмо от 14 мая 1875 г. к маркизу Гаркуру, французскому послу в Вене. Гаркур должен был вскоре занять пост посла в Лондоне, и естественно, что Деказ в письменной беседе с этим корреспондентом уделяет большое внимание Англии. В частности Деказ даёт здесь вполне откровенную сравнительную оценку роли Англии и России в только что преодоленном франко-германском конфликте. Сообщая Гаркуру о том, что Александр телеграммой дал знать своим представителям о том, что всякая опасность войны исчезла, Деказ пишет: «Он имел на это несомненное право, так как наступившее успокоение — дело его рук. Мы не должны говорить это слишком громко или в выражениях, которые могли бы ранить Англию. Но мы не должны забывать и игнорировать того, что только после приезда Шувалова и по его настоянию лорд Дерби обратился в Рим и Вену с приглашением этих двух дворов присоединиться к демаршу императора Александра»⁵⁰. И дальше, подчёркивая важность установления дружественного контакта с Англией и желательность сближения Англии с Россией, Деказ в сжатой форме высказывает обобщающую мысль, звучащую, как предупреждение будущему послу: «Я упорствую в том, что на неё (на Англию. — А. М.) мы можем рассчитывать меньше, чем на Россию»⁵¹.

Эти откровенные, не рассчитанные на посторонних слушателей высказывания Деказа (как и Гонто-Бирона) дают вполне ясное представление о том, как французские политические руководители оценивали роль России во время военной тревоги 1875 года.

Деказ, и ранее понимавший всю важность для национальных интересов Франции тесного сотрудничества с Россией, после уроков 1875 г. ещё более укрепился в этом мнении. Тогда, как установив-

⁴⁸ За исключением многих немецких авторов, которые, следуя за лживой версией Бисмарка, вообще отрицают самый факт агрессивных намерений Германии в 1875 году.

⁴⁹ *Наполаух G. Op. cit. V. III, p. 275.*

⁵⁰ *Ibidem, p. 280.*

⁵¹ *Ibidem, p. 281.*

шиеся весной 1875 г. дружественные отношения с Англией уже с осени этого года осложнились трениями на почве соперничества обеих держав в Египте⁵², франко-русские отношения принимали всё более дружественный характер.

Деказ последовательно и убеждённо проводил «русский курс». Французские национальные интересы требовали сотрудничества с Россией. Когда с того же, 1875 г. на авансцену европейской политической жизни стал выдвигаться восточный вопрос, французское внешнеполитическое руководство тех лет решило, что французские интересы требуют, чтобы и в этом вопросе французская дипломатия шла об руку с русской.

Какова же должна была быть конечная цель этого настойчивого стремления французской дипломатии к укреплению сотрудничества Франции с Россией?

Это раскрыл со всей ясностью в одном из писем к Деказу генерал Лефло, человек, стоявший в центре сложной политической практики франко-русского сближения. В 1876 г., обсуждая вопрос об отношении Франции к русской политике в восточном вопросе, французский посол в Петербурге писал своему министру иностранных дел: «Для нас это может быть решающий момент... Мы должны поддерживать Россию — и крепко, определённо, без всяких экивоков. Действуя так, мы дадим ей удовлетворение, уверим её в нашей признательности и тем самым установим первую значительную веху на пути к союзу, единственному, на который мы можем рассчитывать»⁵³.

Даже такое беглое рассмотрение развития франко-русских отношений в первой половине 70-х годов с достаточной очевидностью выясняет, на наш взгляд, вопрос о происхождении франко-русского союза. Факты показывают, что исследование истоков франко-русского союза должно быть перенесено на более раннее время, чем 1879 год, — сакраментальная дата мнимых русских предложений о союзе — и что самые эти истоки нужно искать не в мифических переговорах, а в реальных явлениях длительного сотрудничества двух держав, сотрудничества, порождённого исторической необходимостью, по крайней мере, для Франции.

Вот когда побеждённая, полностью изолированная, подвергавшаяся угрозе новой германской агрессии, Франция стала искать поддержки России, когда Деказ и Мак-Магон стучались в двери русского дома с просьбой о помощи и когда они эту помощь получили, тогда и сложились основные контуры франко-русских отношений и франко-русского сотрудничества, которое, по мысли французских политических руководителей, должно было в конечном счёте завершиться и формальным союзом.

Это значит, иными словами, что франко-русский союз в своей самой начальной стадии переого сближения, а затем сотрудничества двух держав произошёл из стремления слабой и изолированной Франции найти у России поддержку против угрожавшей ей германской агрессии. Необходимой предпосылкой для самой возможности сотрудничества на этой почве было то, что между Россией и Францией не существовало серьёзных реальных противоречий.

Отбросив, как несостоятельную, теорию о происхождении франко-русского союза из восточного вопроса, мы должны, естественно, отвергнуть и те хронологические границы предистории союза 1879—1891 гг., которые предлагают сторонники этой теории.

⁵² В ноябре 1875 г. Дизраэли скупил принадлежавшие египетскому хедиву акции займа и тем самым значительно усилил позицию Англии в Египте.

⁵³ «Doc. dipl. fr.», V. II. № 80. Разрядка моя. — А. М.

Эрнест Доде, за тридцать с лишком лет до Мишона писавший на эту же тему, обнаружил гораздо большее историческое понимание, начав изложение предистории франко-русского союза с 1873 года⁵⁴.

Предисторию франко-русского союза нужно датировать с того времени, как Франция ощутила потребность и жизненную необходимость в поддержке со стороны иной державы, и когда эта поддержка ей была оказана. Если так подойти к этому вопросу, то здесь, естественно, устанавливается и начальный хронологический рубеж — 1872—1873 годы.

III

В последующие годы, до 1877 включительно, отношения между Францией и Россией сохраняли характер того же дружественного сотрудничества. Попытки Бисмарка добиться от России в 1876 г. гарантирования Эльзас-Лотарингии в обмен за безоговорочную поддержку русской политики на востоке («следовать за вами в огонь и в воду»), как об этом позднее рассказывал сам Бисмарк⁵⁵, остались безуспешными. Франция, со своей стороны, оказывала поддержку русской политике на Ближнем Востоке. В секретной инструкции французским делегатам на Константинопольской конференции послов 1876 г. Деказ предписывал им полностью поддерживать русские требования⁵⁶. «Вы пойдёте вместе с русскими», — кратко сформулировал директиву французским представителям президент Мак-Магон⁵⁷.

В 1877 г., когда Бисмарк пытался вызвать новый конфликт с Францией, позиция России попрежнему оставалась дружественной Франции.

Но с конца 1877 г. в отношениях между Францией и Россией наметился поворот. Осенью этого года во внутреннем и внешнеполитическом руководстве Франции произошли существенные перемены.

Провал попыток реакционного переворота Мак-Магона («кризис 16 мая 1877 г.») привёл к власти буржуазных республиканцев. Но на смену монархистско-клерикальным элементам пришли не демократические слои республиканской партии, а наиболее правое и консервативное крыло буржуазных республиканцев, так называемый «левый центр». Эта правая фракция республиканцев, связанная с банковскими кругами и крупнобизнесменскими элементами, ещё ранее выступала с критикой внешней политики Деказа. Тьер, остававшийся до своей смерти (1877) лидером этой группы, обвинял Деказа в том, что тот своей прорусской политикой вызывает недовольство и раздражение Бисмарка и тем самым способствует ухудшению отношений с Германией. Тьер и другие лидеры «левого центра», в 1870—1871 гг. стоявшие на капитулянтских позициях и взявшие на себя с французской стороны ответственность за Франкфуртский мир, сохраняя последовательность в этой, по существу, антинациональной политике, старались и в 70-х годах добиться дружеского примирения с Германией. Тьер незадолго до смерти (в 1877 г.) даже составил план свержения Деказа и замены его Жюль-Симоном. Но после «16 мая» и последующих событий в этом не было больше надобности. Деказ, тесно связанный с монархистско-клерикальными элементами, после их поражения должен был уйти со своего поста. Министром иностранных дел — сначала в кабинете Дюфора, а затем в своём собственном — с конца 1877 г. по 1880 г. стал Анри Ваддингтон.

Историки внешней политики Франции уделяли большое внимание личной биографии Ваддингтона. Придавая значение — одни — его английскому происхождению, другие — его прошлому нумизмата и археолога, третьи — его психологическим особенностям, — они склонны

⁵⁴ См. D a u d e t E. «Histoire diplomatique de l'Alliance franco-russe». Paris. 1895.

⁵⁵ «Русско-германские отношения», стр. 72—75; «Grosse Politik». Bd. III. № 455. S. 28 ff. Бисмарк, кстати, излагает всё это далеко не точно.

⁵⁶ «Doc. dipl. fr.». V. II, № 115.

⁵⁷ D a u d e t E. Op. cit., p. 69.

были искать в этих биографических подробностях объяснение политики нового министра иностранных дел. Но новый внешнеполитический курс Франции с конца 1877 г. не был личной политикой Ваддингтона, хотя и носил некоторый индивидуальный отпечаток руководителя внешней политики Франции.

Основная черта этого курса заключалась в том, что он определялся особыми, эгоистическими расчётами верхних слоёв буржуазии — финансовых групп в первую очередь. Эта часть буржуазии руководствовалась заботой о своём дальнейшем обогащении и связывала его с колониальной экспансией и укреплением позиций французского капитала в зарубежных странах вообще и на Ближнем Востоке в частности. Этим корыстным расчётам она в значительной мере подчиняла внешнюю политику республики.

Так началась новая фаза — фаза охлаждения франко-русских отношений, связанная прежде всего с именем Ваддингтона.

Уже в одном из первых документов, составленных Ваддингтоном по вступлении на пост министра иностранных дел, в письме в Петербург генералу Лефлю 31 декабря 1877 г.⁵⁸, он дал новую формулу внешнеполитических связей республики: «Франция остаётся верной чувству дружбы к двум державам»⁵⁹, под которыми он подразумевает Россию и Англию. При крайней остроте англо-русских противоречий в 1877—1878 гг. такое новое, подчёркнуто равномерное разделение дружбы между двумя соперниками звучало по меньшей мере двусмысленно. Подлинный смысл этого нового курса очень скоро стал проясняться. Открытая ревизия «русской политики» предыдущих лет сопровождалась требованием сближения с Германией и Англией. Близкий к правительственным кругам «Журналь де деба» резко критиковал политику Деказа за то, что она «возбудила подозрение Германии, парализовала инициативу Англии и придала смелость России»⁶⁰. Некоторое время спустя, накануне Берлинского конгресса, «Журналь де деба» выражался ещё более определённо и ясно: он приветствовал освобождение от иллюзий франко-русского союза, ради которого Франция якобы пожертвовала своими кровными интересами на Востоке»⁶¹.

На Берлинском конгрессе 1878 г. руководимая Ваддингтоном французская делегация, не имея собственной позитивной программы, добровольно взяла на себя роль услуживающей Англии, Германии и Австро-Венгрии. По всем большим вопросам она шла в хвосте английской делегации, также старательно стремясь услужить Германии и Австрии. Французская делегация не только не поддерживала Россию, но только приспешничала англичанам и немцам, но и сама создавала затруднения для России. Так, вынужденная вместе со всеми державами голосовать за возврат Бессарабии России, французская делегация обусловила это требованием компенсации Румынии на Чёрном море для того, чтобы создать нейтральную зону между Россией и Болгарией. Ваддингтон утверждал, что в интересах Европы «сохранить Россию отдалённой достаточно широкой зоной от Болгарии, чтобы предотвратить неприятности от их постоянного контакта»⁶². Даже единственный, поставленный по собственной инициативе Франции вопрос — греческий — был подан в ярко выраженной антирусской интерпретации⁶³.

⁵⁸ То есть через две недели после прихода Ваддингтона в министерство иностранных дел.

⁵⁹ «Doc. dipl. fr.», V. II, № 223.

⁶⁰ Цит. по В и с h l e r F. Op. cit., S. 88.

⁶¹ Ibidem, S. 90—92.

⁶² «Doc. dipl. fr.», V. II, № 322.

⁶³ «Последняя война создала для восточных славян позиции столь сильные и угрожающие остальному населению этой местности, — заявлял Ваддингтон, — что остальные державы, за исключением России, как будто начинают понимать необходимость укрепления, насколько возможно, греческого королевства» (там же).

Но, отплатив России чёрной неблагодарностью за поддержку Франции в прежние годы, выслуживаясь перед Дизраэли и Бисмарком, Ваддингтон, в свою очередь, был «вознаграждён» унижением и прямым ущемлением интересов Франции со стороны его новых друзей и покровителей. Передача Англии Кипра, санкционированная конгрессом, была прямо по интересам Франции. Переход этого важного форпоста в зоне Суэцкого канала в руки Англии давал ей существенные преимущества в её конкурентной борьбе против Франции за Египет. Ваддингтон по необходимости должен был с этим примириться. Он удовлетворился тем, что, забыв о данном накануне конгресса заверении сохранить руки Франции «незапятнанными», жадно ухватился за брошенную ему англичанами кость — обещание не препятствовать овладению Тунисом. Но в своей дипломатической неловкости он не сумел заручиться даже связывающим Солсбери документом. Ничего реального не получил он и от Бисмарка, кроме нескольких поощрительных замечаний о Тунисе, который канцлер, впрочем, одновременно предлагал и конкурентам Франции — итальянцам.

Внешняя политика Франции, начав с конца 1877 г. уклоняться от пути сближения с Россией, находилась в течение некоторого времени на распутье.

Как только что было показано, на конгрессе Франция пошла с Англией, Германией и Австрией против России. Но так как результаты конгресса оказались неудовлетворительными и для Франции, так как за первый опыт осуществлённого Ваддингтоном сотрудничества с Англией Франции пришлось расплатиться ослаблением своих позиций в восточной части Средиземноморского бассейна (о. Кипр), то всё тот же вопрос — с кем идти? — оставался во всей остроте и после конгресса.

В Петербурге это превосходно понимали и трезво оценивали довольно жалкое положение Франции, в котором она очутилась после конгресса. Вот почему русское правительство, несмотря на нелюбовность и, даже больше того, враждебность позиции Ваддингтона к России, будучи ещё в большей степени недовольно поведением Германии и Австрии, готово было сохранить и укрепить прежние дружественные отношения с Францией. К этому и сводился смысл тех сообщений генерала Лефло из Петербурга в марте 1879 г. и дружелюбных заявлений князя Горчакова представителям французской печати в том же 1879 г., о которых говорилось выше.

В этой мере сказалось и значение восточного вопроса в развитии франко-русских отношений, игравшего также известную и немалую роль, но отнюдь не явившегося исходным началом и всеопределяющим фактором в франко-русском сближении, как это изображали названные выше иностранные историки.

Возможность овладения Тунисом, казавшаяся Ваддингтону столь близкой в последние дни Берлинского конгресса и отдалившаяся уже через месяц после него вследствие дипломатических затруднений, сооружаемых Италией и Англией, продолжала распалать воображение руководителей французской внешней политики и стоящей за ними французской плутократии.

Бисмарк не только поддерживал, но и усиленно поощрял эти французские устремления; он прямо подталкивал Францию на активные действия в Тунисе⁶⁴. В 1880 г. он готов был оказать самое широкое

⁶⁴ «Grosse Politik». Bd. II. №№ 655, 656, 657: «Doc. dipl. Fr.», особенно № 369. Сен-Валье Ваддингтону 5 января 1879 г., где первый воспроизводит известные слова Бисмарка, сказанные французскому послу: «Тунисская груша созрела, и наступило время для вас сорвать её».

содействие французской инициативе в колониальных предприятиях, вплоть до проекта Транссахарской железнодорожной магистрали⁶⁵.

В Берлине по отношению к новому французскому послу Сен-Валье был усвоен тон самого дружественного внимания и предупредительности⁶⁶. В то же время Бисмарк всячески пытался увеличить расхождения между Францией и Россией. Недоброжелательное освещение русской политики и намерений русского правительства стало излюбленной темой бесед канцлера с французским послом. Отчуждение Франции от России было оборотной стороной той политики «соседской дружбы», включающей поддержку французских колониальных предприятий, которую канцлер предлагал Франции.

Но то, что эта германская дружба предоставлялась Франции отнюдь не безвозмездно, не представляло сомнений ни для кого. Первой платой за поддержку Германии должно было быть отречение Франции от завоеванных немцами французских провинций. Бисмарк высказал это со всей определённости в директивном письме Гогенлоэ 8 апреля 1880 года⁶⁷. Достаточно ясно он давал это понять и в своих переговорах с представителями Франции. Иные цели, которые преследовал Бисмарк, предлагая Франции руку помощи в её колониальных делах, могли обнаружиться лишь позднее.

Франция должна была сделать выбор. В 1878 — 1879 гг. перед ней лежали открытыми два возможных пути её внешней политики. Первый путь — путь накопления сил, сохранения дружбы и укрепления сотрудничества с Россией, путь, обеспечивающий благодаря поддержке России возможность для Франции противостоять дипломатическому нажиму Германии и сохранять независимую от неё политику. Второй путь — путь колониальных завоеваний и походов, неизбежно ослабляющий Францию в Европе и увеличивающий число её противников, а потому возможный лишь при условии примирения с Германией и приобретения её поддержки, что фактически ставило Францию в отношении зависимости к победителю 1871 года. Это был как раз тот путь, который германский канцлер с напускным грубоватым простодушием дружелюбного соседа настойчиво рекомендовал французскому послу Сен-Валье, как самый выгодный для Франции⁶⁸.

Французские банковские круги, финансовая олигархия и политическое представительство умеренных республиканцев, которые очень быстро приобрели вкус к лёгкой наживе с помощью аппарата государственной власти, стояла за этот второй путь. Он представлялся для них более выгодным прежде всего потому, что сулил лично им крупное обогащение в колониальных предприятиях. Сближение с Германией для большинства сторонников этого пути было лишь естественным продолжением их политики 1870 — 1871 годов и ретроспективно как бы оправдывало эту политику, давая тем самым «козыри» против революционно-демократических элементов, не простивших им измены в 1871 г. и требовавших и сейчас «достойной национальной политики». Само собой разумеется, что эти мотивы маскировались выпренными рассуждениями о «цивилизаторской миссии» Франции на Востоке, о восстановлении её «величия» путём создания обширной колониальной империи и прочей демагогией.

У Ваддингтона хватило решимости лишь на то, чтобы отвергнуть первый путь. Выражение дружественных чувств, исходившее от России в 1879 г. и открывавшее возможность восстановления прежних отношений, было оставлено им без ответа. Более того: выслуживаясь

⁶⁵ «Grosse Politik». Bd. III. №№ 662, 663, 664.

⁶⁶ См. Daudet E. «La mission du comte de Saint Vallier». Paris. 1918.

⁶⁷ «Grosse Politik». Bd. III. № 662.

⁶⁸ См. Daudet E. «La mission du comte Saint Vallier à Berlin»; «Doc. dipl. fr.». T. II. №№ 369, 380, 390, 440; T. III. № 133.

перед немцами, он позволил себе афишировать своё враждебное отношение к идее франко-русского сближения. В беседе с Гогенлоэ в сентябре 1879 г., объясняя, почему часть французской прессы на него нападает, Ваддингтон сказал: «Это потому, что мои уши закрыты для всякой мысли о франко-русском союзе». В то же время он заверил германского посла, что, по его твёрдому убеждению, в интересах Франции идти с Германией и Англией⁶⁹.

Так, начавшийся с конца 1877 г. отход Франции от прежней политики сотрудничества и поисков союза с Россией привёл к отчуждению этих двух держав. Франко-русский союз, к которому французская дипломатия упорно пробивала дорогу с начала 70-х годов, был теперь, что парадоксальнее всего, по инициативе новых французских руководителей, отсрочен на долгие годы.

Французская внешняя политика не без колебаний вначале пошла по второму пути.

С приходом Жюля Ферри (1881) Франция стала на путь активной политики колониальных захватов.

При прямой дипломатической поддержке Германии Франция при помощи военной силы навязала 12 мая 1881 г. Бардоский договор тунисскому бею, установивший фактический протекторат Франции над этой страной. На следующий день, 13 мая, Бисмарк принёс поздравление по этому поводу французскому послу, а ещё через три дня кайзер Вильгельм, пригласив обедать Сен-Валье, «с большой сердечностью поздравил с удачным завершением тунисского дела»⁷⁰. Германия же использовала своё влияние, чтобы оставить безрезультатными протесты Турции и возражения Англии против действий Франции в Тунисе.

Вслед за захватом Туниса последовали французские экспедиции в Северо-Западной и Центральной Африке, активизация Франции в Египте, закончившаяся, правда, её отступлением перед Англией, война 1882—1884 гг. на Мадагаскаре, завоевание Аннама и Тонкина, приведшее к войне с Китаем, и ряд других более мелких колониальных экспедиций.

На протяжении всех этих лет активной политики колониальных захватов Бисмарк сохранял по отношению к Франции неизменно ласковый тон и давал ей многократные доказательства дружественности позиции Германии. Германское правительство оказывало поддержку Франции в её колониальных предприятиях в Африке, стало на сторону Франции в её споре с Англией из-за Конго, поддержало Францию на Берлинской конференции 1885 г. по африканским вопросам, оказывало ей существенные услуги во время войны с Китаем. В беседах с бароном де Курсель, французским послом, сменившим Сен-Валье, Бисмарк в том же стиле доброго малого, привыкшего «правду-матку рубить», откровенно хвалил Ферри, давал французам советы, добродушно корил их за промахи и с той же показной простоватостью, не боясь затрагивать самых острых вопросов, доказывал, что французы напрасно его подозревают в каких-то тайных планах и целях, что он, Бисмарк, далёк от этого и единственно хотел бы, чтобы Франция навсегда забыла про Эльзас-Лотарингию⁷¹.

Но могли ли французские политические руководители поверить в правдивость германского канцлера? Что побуждало Бисмарка, ещё недавно столь беспощадного к Франции, выступить теперь в качестве её доброжелателя?

⁶⁹ «Grosse Politik». Bd. III, № 659.

⁷⁰ «Doc. dipl. fr.». V. IV, №№ 2, 8.

⁷¹ Daudet E. «La mission du baron de Courcel», pp. 29, 38—48, 76, 77, 116. Paris 1919; cp. «Grosse Politik». B. III, №№ 680—698.

Эти вопросы, естественно, должны были встать перед руководителями французской политики.

Ещё в 1881 г. вопрос о мотивах, побуждавших Бисмарка поддерживать Францию, подвергся обсуждению (понятно, кейсному) в среде французских дипломатических деятелей. Граф Сен-Валье объяснял позицию Бисмарка в тунисском деле желанием переключить внешнюю экспансию Франции от рубежей Рейна в иные, более отдалённые места и тем избежать реванша. Сен-Валье отказывался видеть иные расчёты в политике Бисмарка и полагал, что «позиция канцлера не была вдохновлена преднамеренным планом изолировать нас, расстроив с Англией и Италией»⁷². Министр иностранных дел того времени Бартеlemi Сент-Иллер, откровенный сторонник сближения с Германией, запросил ещё мнение Шапзи, посла в Петербурге, переслав ему письмо Сен-Валье. Шапзи согласился с тезисом Сен-Валье о стремлении Бисмарка перенести экспансию Франции за пределы Европы. Но в отличие от своего коллеги он настаивал на том, что, поддерживая колониальную политику Франции, канцлер кроме того намеренно старается столкнуть её с Италией и Англией и тем ослабить позиции республики⁷³.

Из этого видно, что ещё в 1881 г. французские политические руководители имели достаточно отчётливое представление о скрытых пружинах политики Бисмарка⁷⁴. Впрочем, красноречивее всяких рассуждений это раскрывали факты международной политики.

Уже заключение австро-германского союза 1879 г., усилившее Германию и навсегда лишившее Францию надежды сговориться с Австрией, резко ухудшало позиции Франции в Европе. Как ни успокаивал Францию Бисмарк, в Париже не могли не понимать, что германо-австрийский союз направлен не только против России, но и против Франции. Превращение Италии в непримиримого врага Франции после захвата ею Туниса и присоединения Италии к австро-германскому союзу в 1882 г. также означало возрастание опасности для Франции. Французская колониальная экспансия в Африке и Индокитае привела к крайнему обострению противоречий с Англией. Отношения с Россией оставались холодными. В то же время Германия, добившись в 1881 г. восстановления союза трёх императоров, установила самые дружеские отношения с Россией. Наконец, даже по ту сторону Пиренеев — в Испании — после визита германского кронпринца в 1883 г. отношение к Франции стало недоброжелательным.

Франция осталась совершенно одна, и — своеобразный исторический парадокс — единственным дружественным государством из всех её соседей и великих держав оказался её самый непримиримый, самый беспощадный враг — Германия.

Но Жюль Ферри и его коллеги по политическому руководству (кстати сказать, лично заинтересованные в финансовых махинациях и в Тунисе и в Аннаме), не взирая на фатальные последствия проводимой ими политики, продолжали вести Францию по избранному ими (и подказанному Бисмарком) пути.

⁷² «Doc. dipl. fr.», V, IV, № 39.

⁷³ *Ibidem*, № 58.

⁷⁴ Стоит отметить, что М. Н. Покровский, нередко в силу ложного понимания задач разоблачения политики царской России бравший на себя роль политического адвоката Бисмарка, и в этом вопросе пытался его обелить. Покровский писал: «Впоследствии, когда эта (т. е. колониальная.—А. М.) политика Франции потерпела неудачу, французские публицисты из русофильского лагеря и здесь усматривали «интригу» Бисмарка, толкнувшего республику в заморскую авантюру, чтобы развязать руки в Европе. Но германский канцлер был не при чём» («История России в XIX в.», Изд. «Грантъ», Т. 9, стр. 170). Легко видеть, что М. Н. Покровский идёт дальше даже дипломатизма иогерманской ориентации.

В Тонкин, где дела шли отнюдь не блестяще, отправлялась экспедиция за экспедицией; палата по требованию правительства вотировала все новые кредиты. Но отношения Парижа с Берлином сохраняли подчёркнуто сердечный характер. Бисмарк обсуждал план свидания с Ферри, поговаривали уже о союзе, а генерал Кампенон, военный министр в кабинете Ферри, упоённый рисующимися ему грандиозными перспективами, на банкете военных атташе иностранных посольств надменно заявлял: «Франция и Германия, объединившись, господствовали бы над всем миром»⁷⁵.

Так продолжалось до марта 1885 г., когда весть о катастрофе под Лянг-Сонгом вызвала взрыв негодования в стране и смела в несколько часов казавшееся столь прочным правительство Жюлья Ферри.

IV

30 сентября 1885 г. к Шарлю де Фрейсине, в то время министру иностранных дел в кабинете Бриссона, явился князь Гогенлоэ, долгодлительный германский посол в Париже. Гогенлоэ пришёл проститься: он получил назначение наместником Эльзас-Лотарингии.

Начав с выражения всяческого сожаления по поводу расставания с Парижем, германский посол кончил свой разговор многозначительным заявлением о том, что Германия обеспокоена ростом реваншистских настроений во Франции, что в империи с тревогой следят, как развивается против неё чернильная война со стороны её соседа, что, наконец, как он угрожающе сказал: «У нас верят, что вы хотите возобновить войну против нас»⁷⁶.

Фрейсине, искусный дипломат, пытался парировать это тяжело-весное наступление лёгкой французской шуткой: «А знаете ли, кого вы мне напоминаете? Вы мне напомнили тех подозрительных мужей, которые всегда обвиняют свою жену и в каждом, даже самом невинном шаге усматривают все признаки предосудительного свидания». Гогенлоэ рассмеялся: «Вы правы», — но тем не менее продолжал настаивать на своём⁷⁷.

Фрейсине оценил смысл этой беседы 30 сентября как начало поворота во франко-германских отношениях, как провоцирование Германией нового конфликта с Францией. В секретной директиве барону де Курселью 17 октября он подчёркивал именно эту сторону — намеренное провоцирование Берлином конфликта.

«Если бы он (Бисмарк. — А. М.) оценивал вещи беспристрастно и точно, он бы увидел, что поведение Франции по отношению к Германии более корректно и сердечно, чем Германии к Франции»⁷⁸, — писал Фрейсине де Курселью.

У Фрейсине были все основания так утверждать. Отношения нового французского правительства, Бриссона—Фрейсине, к Германии оставались корректными и предупредительными, и сам Фрейсине заявлял, что его политика к Германии остаётся такой же, как и его предшественников⁷⁹. Буквально за несколько дней до зловещих заявлений Гогенлоэ, в том же сентябре 1885 г., в связи с германо-испанскими трениями, и Фрейсине и де Курсель подчёркнули дружественность позиции Франции к Германии⁸⁰. Наконец, самое обвинение в антигерманской кампании было со стороны Гогенлоэ надуманным и голословным. Единственно, на что Гогенлоэ мог сослаться, это на

⁷⁵ Цит. по Callier-Boissiere «Histoire de la III République». V. II, p. 68. Paris, 1935.

⁷⁶ «Doc. dipl. fr.», V. VI. № 79.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem. № 96.

⁷⁹ «Grosse Politik», Bd. III. № 708.

⁸⁰ Ibidem.

заметку в «Тан», впрочем, достаточно невинную, от которой к тому же Фрейсине отмежевался⁸¹.

Это важно подчеркнуть потому, что в немецкой исторической литературе почти общим местом стало утверждение о том, что антифранцузские выступления Германии в 1885—1886 гг. были вынужденным ответом на рост реваншизма во Франции, связанный с деятельностью Буланже. Это легенда, созданная немецкими политиками и историками, построенная на грубом смешении дат. Буланже не был в составе французского правительства в 1885 г. и серьезной роли тогда не играл. Военным министром он стал в январе 1886 г., а реваншистскую пропаганду начал лишь летом того же года. Внимание политических деятелей Германии, если судить по дипломатической переписке, он привлёк впервые лишь в конце февраля 1886 г.⁸², т. е. пять месяцев спустя после обвинений Гогенлоэ. «Лига патриотов» Дерулета до 1887 г. тоже сколько-нибудь заметной роли не играла. Кабинет же Бриссона был далёк от какой бы то ни было мысли о выступлении против Германии, и инициатива, следовательно, всецело принадлежала немцам.

Вслед за дипломатическим демаршем Гогенлоэ поднимает кампанию против Франции германская печать. Усиливаются репрессии в Эльзас-Лотарингии, в самой Германии проводятся значительные военные приготовления. Одновременно Бисмарк дипломатически подготавливает удар против Франции, заверяя правительства европейских держав в решимости Франции начать реваншистскую войну против Германии.

Опасность германской агрессии, впервые открывшаяся в угрожающих словах прощальной беседы Гогенлоэ, усиливаясь и нарастая на протяжении 1886 г., достигла своего кульминационного пункта к началу 1887 года. После знаменитой речи Бисмарка 11 января 1887 г. и выступлений германской печати, громко заговоривших о том, что келейно давно подготавливалось в германских дипломатических и военных кабинетах, о вероятности войны с Францией (понятно, что немцы при этом, как всегда, изображали себя обороняющейся стороной) германский удар против Франции казался уже неизбежным. Теперь во Франции в полной мере поняли все губительные последствия политики предыдущих лет—внешнеполитического курса Ваддингтон—Ферри.

В грозные дни военной тревоги 1887 г. до конца раскрылись те тайные цели, во имя которых канцлер маскировался простоватым приятелем Франции, заботившимся о примирении с соседом и о его колониальных приращениях. Поощряя и поддерживая политику колониальной экспансии Франции, Бисмарк добился, во-первых, ослабления Франции—колониальные экспедиции, в особенности тонкинская, отняли у неё немало сил; во-вторых, дискредитация её военной мощи—Лянг-Сонг заставил снова вспомнить про Седан, причём на этот раз победителями над наследниками наполеоновской славы были китайцы, и, наконец, что было самым главным, — полной международной изоляцией Франции.

Ситуация, создавшаяся в 1887 г., не была похожа на 1875 год. Для Франции она была неизмеримо опаснее, ибо тогда можно было рассчитывать на дружественную поддержку России и Англии. В 1887 г. рассчитывать было не на кого: Россия отдалилась от Франции; Англия активно выступала против неё и занимала угрожающую позицию; Австрия была тесно связана союзом с Германией. Италия — третий участник германского блока — была полна самых агрессивных намерений против Франции. Из всех былых друзей и возможных партнёров в будущем у Франции никого не осталось. Политика дружбы с бисмар-

⁸¹ Ibidem. Bd. VI. № 706. ,

⁸² Ibidem, № 1223.

ковской Германией и политика колониальных завоеваний превратила бывших друзей либо в активных противников Франции либо в холодных, равнодушных к её судьбе наблюдателей.

Бисмарку, напротив, казалось, всё благоприятствовало. Англо-русские противоречия, едва не приведшие в 1885 г. к открытому столкновению на почве соперничества в Афганистане, оставались и в 1886—1887 гг. крайне острыми. Россия сталкивалась с Англией и в ещё большей мере с Австро-Венгрией на Балканах — в Болгарии, — что должно было её всё более связывать. Русско-германские отношения сохраняли дружественный характер. В конце 1886 г. в связи с истечением срока действия союза трёх императоров, Шувалов начал с Бисмарком переговоры о двустороннем соглашении⁸³. Италия стремилась укрепить свои связи с Берлином и Веной. В начале 1887 г. был возобновлён Тройственный союз. Усилиями Бисмарка налаживался контакт между Италией, Австрией и Англией; в 1887 г. он привёл к созданию средиземноморской Антанты. Германия опиралась на широкие и прочные связи в Европе.

Ослабленная и изолированная Франция осталась один на один с могущественной Германской империей, готовившейся нанести ей решающий удар.

Что же могло спасти Францию?

В грозный 1887 г. граф Шодорди, старый, опытный французский дипломат, монархист, человек крайне правых взглядов, опубликовал книгу, носившую исторический заголовок, но представлявшую собой дипломатическую и политическую публицистику. Шодорди в ней писал: «Между Францией и Россией не существует никаких преград для дружбы и близких отношений. Всякий, имеющий во Франции какое бы то ни было влияние, должен трудиться для этой цели. Все партии, все направления должны содействовать этому, ибо в этом спасение наше и ваше»⁸⁴.

Нужна была, видимо, чрезвычайно напряжённая и опасная ситуация, чтобы монархист Шодорди призывал к забвению партийных разногласий во имя сближения с Россией. Но он очень точно определил единственную возможность, остававшуюся у Франции, — спасение с помощью России.

Правда, необходимость возврата к политике 70-х годов — сотрудничества с Россией — стала осознаваться во французских руководящих кругах ещё раньше — с 1885 года. Ещё Фрейсине в кабинете Бриссона, а затем в собственном пытался добиться расположения России разными средствами, главным из которых была поддержка России в балканских делах. Он проявлял такую услужливость и готовность в разных вопросах угодить царскому правительству, что Гирс мог сказать германскому поверенному в делах в Петербурге Бюлову: «Они (французы — А. М.) стояли буквально на коленях перед нами»⁸⁵. Правда, это не мешало Фрейсине в то же время распространять в целях повышения акций Франции слухи о том, что русское правительство в конце августа — начале сентября 1886 г. делало французскому предложения о союзе. Мюнстер сообщал 1 октября 1886 г. Бисмарку, что он узнал об этом из разных источников: от английского поверенного Егертона, известного журналиста Бловица, итальянского поверенного в делах⁸⁶. 5 ноября сам Фрейсине в беседе с Мюнстером подтвердил, что он получил «от доверенного лица царя... далеко идущие предложения», но что Гриви,

⁸³ См. об этом «Историю дипломатии». Т. II, стр. 86—89.

⁸⁴ C-te de Chaudordy «La France à la suite de la guerre 1870--71», p. 118. Paris. 1887. Разрядка моя.— А. М.

⁸⁵ «Crosse Politik». Bd. VI. № 1200.

⁸⁶ Ibidem. Bd. V. №№ 1200, 1206.

он сам и большинство кабинета несклонны идти на политику авантюры⁸⁷. На самом деле, от русского правительства никаких предложений не поступило, но близкие к Каткову люди (по германским сведениям, ген. Обручев и его жена француженка и Трубецкой)⁸⁸ зондировали в этом направлении почву в Париже. Но Бисмарк это столь серьёзно встревожило (он официально запросил через германское посольство Петербург)⁸⁹, что заставило изменить политику в болгарских делах и пойти навстречу русским желаниям⁹⁰. На развитие франко-русских отношений этот инцидент, впрочем, существенного влияния не оказал. Фрейсине умел угождать царю (в частности, при назначении Лабуле послом в Петербурге) и продолжал оказывать услуги в болгарских делах. Его преемник Флуранс полностью следовал за ним в этом. Если Фрейсине за услуги, оказываемые России в болгарских вопросах, снискал благодарность русского посла Моренгейма⁹¹, то Флуранс уже заслужил благодарность царя. Болгарской делегации, 9 января 1887 г. посетившей вслед за Берлином Париж, Флуранс оказал ледяной приём и жёстким и сухим тоном предложил ей обратиться в Петербург: все вопросы Болгария может разрешить только в русской столице⁹². Александр был настолько в восторге от этого жеста Флуранса, что Швейниц, германский посол, даже сделал специальное представление Гирсу; он утверждал, что в Петербурге переоценили значение ответа Флуранса и что болгары впервые услышали то же в Берлине. Александр на докладе Гирса сделал характерную запись: «Да, но Бисмарк всё-таки хитрил, а Флуранс и Гобле просто и откровенно высказались»⁹³.

Всё это было хорошим предзнаменованием. Благоприятной была и позиция русской печати, в своём большинстве державшей сторону Франции в её конфликте с Германией. Но в Париже знали, что не печать определяет политику русского правительства и что вместе с похвалой Флурансу и Лабуле (французский посол в Петербурге) с уст русского самодержца, а ещё чаще Гирса срывались далеко не лестные оценки французских государственных деятелей, да и всего республиканского режима.

Но когда в январе разразилась гроза, перед смятёнными и напуганными руководителями Франции встал безотложный вопрос: в чьи двери стучаться за помощью? В английские? Но с этой стороны как раз и следовало опасаться удара: статья в «Стандарт» 4 февраля, допускающая возможность немецкого вторжения во Францию через Бельгию, рождала самые худшие опасения. В Вену? В Рим? Но над этими дверьми стояла германская эмблема. Оставалось одно — снова стучаться в двери русского дома, просить Россию о помощи.

21 января Флуранс обратился к барону Моренгейму с просьбой о поддержке. 26 января Лабуле, не дожидаясь поручений от своего правительства, на собственный страх и риск обратился с той же просьбой в Петербурге. Надо заметить, что и французский министр иностранных дел и посол в Петербурге были в известной мере скованы в своей инициативе позицией президента республики. Гриви, один из вдохновителей курса Валлингтона — Ферри, был решительным про-

⁸⁷ Ibidem, Vol. VI, № 1203; Ламздорф В. Дневники. Т. I, стр. 7; «Grosse Politik», Bd. V, №№ 1004, s. 113.

⁸⁸ Ibidem, №№ 1200, 1212.

⁸⁹ Ibidem, №№ 1204, 1209, 1210, 1211, 1212.

⁹⁰ См. «История дипломатии», Т. II, стр. 86.

⁹¹ «Freycinet et ses collègues», p. 306-307, éd. G. Paris, 1913.

⁹² A. B. P. Pierre «La paix amicale L'Allemagne et la France en Europe» (1885—1890), p. 254, Paris, 1913.

⁹³ Ламздорф В. Дневники, Т. I, стр. 52.

тивником сближения с Россией⁹⁴. Но острота ситуации заставила, например, Лабуле даже выйти из рамок своих полномочий.

Когда Моренгейм послал Александру донесение, излагающее запрос Флуранса: окажет ли Россия Франции моральную поддержку, — Александр сделал на ней краткую, но вполне категорическую надпись: «Конечно, да»⁹⁵. Александр в этом вопросе преодолевал сопротивление Гирса и Ламздорфа — сторонников прогерманской ориентации. Понятно, что мотивы, побудившие его встать на эту позицию, определялись не только удовлетворением от отповеди Флуранса болгарам: царь не разделял безграничного доверия своего министра иностранных дел к «обер-скоту», как, не без язвительной меткости, Александр называл Бисмарка. Александр отнюдь не намеревался играть германскому канцлеру наруку. Он сумел правильно оценить значение внешнеполитической ситуации: разгром Франции Германией не соответствовал русским интересам. Не только от Каткова, который, оставаясь реакционером и мракобесом, сумел сохранить здравый смысл в отношении Германии, не только из его «Московских ведомостей», но из всей русской прессы того времени, за исключением разве «Вестника Европы», царь мог знать, что так думает и вся Россия, по крайней мере, представленная печатью. Такой случай — совпадение мнения реакционнейшего самодержца с так называемым общественным мнением — был почти уникальным.

Правда, Александр не проявлял торопливости в движении навстречу желаниям французов и не скрывал своей враждебности республиканскому режиму. Но Ламздорф тем не менее вполне справедливо оценил позицию Александра, комментируя его замечание на донесении Моренгейма, как обещание Франции «нашей поддержки против Германии»⁹⁶. И хотя подтверждаемое Тугеном⁹⁷ сообщение Лабуле⁹⁸ о том, что Александр 7 февраля в беседе с Швейницем отказался гарантировать русский нейтралитет в случае войны Германии против Франции, опровергается записями Ламздорфа⁹⁹, видимо, позиция русского двора в целом давала Лабуле основания верить в правдоподобность полученных им сведений о беседе царя с германским послом.

Сообщения из Петербурга настолько окрылили Флуранса, позиция России, из донесений Лабуле и из бесед с Моренгеймом, казалась ему настолько благоприятной, что Флуранс решился на смелый шаг.

В двадцатых числах февраля французское правительство (Флуранс действовал по согласованию с премьером Гобле) обратилось через Моренгейма к русскому правительству с предложением послать в Петербург специальную миссию, возглавляемую неофициальным представителем Франции, для переговоров о заключении соглашения с Россией¹⁰⁰.

⁹⁴ Гревс говорил Мюнстеру, послу Германии, что он (Гревс) «полагает... что было бы грубой ошибкой втягивать Францию в наступательный и оборонительный союз с Россией, так как он убежден, что она покинет Францию в решающий момент» (Toulin E. «Alexandre III et., la République française», p. 185. Paris. 1929). «Grosse Politik». Bd. VI. № 1270.

⁹⁵ См. опубликованную в томе 18 «Исторических записок» статью проф. Хвостова «Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 года», в которой дан превосходный, весьма детальный анализ роли России в кризисе 1887 года. Дневник Ламздорфа (1886—1890), стр. 46.

⁹⁶ Дневник В. Ламздорфа, стр. 46.

⁹⁷ Toulin E. Op. cit. Туген в то время был секретарем французского посольства, и его информация, видимо, имела тот же источник, что и Лабуле.

⁹⁸ «Doc. dipl. fr.». V. VI. № 436.

⁹⁹ Ламздорф В., стр. 69. Ламздорф ссылается на перлюстрацию донесений Швейница, и поэтому ему приходится более доверять.

¹⁰⁰ Hansen J. «Diplomatische Entfaltungen aus der Botschafterzeit des Baron von Mohrenheim», S. 37—39. Leipzig. Ламздорф. Указ. соч., стр. 78—79. В «Истории дипломатии» (Т. II, стр. 92) сказано, что заявление Гирса (20 января) избавляло Флуранса «от необходимости продолжать переговоры с Россией». В свете указанных фактов это надо признать неточным.

Выполнение этой миссии было возложено на виконта Мельхиора де Вогюе ¹⁰¹.

Выбор Мельхиора де Вогюе не был случаен. Консерватор и монархист по политическим взглядам и связям, дипломат и литературный критик по роду занятий, бывавший в России и знавший русский язык, Вогюе как раз в это время (1886) опубликовал произведшую сенсационное впечатление во Франции и вызвавшую широкие отклики в России книгу о русской литературе ¹⁰². В книге доказывались мировое значение и огромная художественная ценность таких мастеров слова, как Толстой, Тургенев, Достоевский. Эти качества Вогюе, его связи в петербургском обществе и известность в России и заставляли думать французское министерство иностранных дел, что он окажется наиболее подходящим лицом для выполнения этой тонкой и ответственной миссии.

Но здесь обнаружилось, что французское правительство слишком поспешило. Предложение о посылке специальной миссии было Александром отклонено, хотя и не в той категорической и окончательной форме, которую предлагал Гирс ¹⁰³.

Однако, хотя Россия и отвергла торопливое предложение Франции о соглашении между двумя странами, в поведении России в кризисный, 1887 г. было нечто такое, что было гораздо существеннее и важнее вопроса с миссией Вогюе.

Брутальное дипломатическое наступление Германии на Францию, достигшее своей кульминации к концу января — началу февраля, к середине этого месяца довольно неожиданно прекратилось. Бисмарк, размахивавший мечом над головой Франции, снова вложил его в ножны. Но в апреле того же года, в связи с арестом немцами французского полицейского комиссара Шнебеле, военная тревога возникла снова. Пьер Альбен, исследовавший франко-германские отношения этих лет, утверждает, что никогда со времени 1870 г. общественности не казалась война такой близкой, как в дни инцидента Шнебеле ¹⁰⁴. Но в последних числах апреля Шнебеле был освобождён немецкими властями и военная тревога миновала. Бисмарк снова отступил.

Что же заставляло Германию, дважды начинавшую наступление на Францию, обрывать его и возвращаться к исходным позициям, не достигнув никакого успеха?

Иными словами, повторяя поставленный ранее вопрос: что же спасало Францию от германской войны?

В короткий промежуток между двумя военными тревогами, в начале марта 1887 г., германскую столицу посетил французский генерал д'Абзак. Д'Абзак был принят кайзером Вильгельмом I и кронпринцем Фридрихом, знавшими ранее генерала. Свои впечатления от беседы с ними д'Абзак в разговоре с Эрбеттом (французским послом в Берлине) сформулировал так: «Не будем чересчур озабочены военной опасностью в данный момент: здесь боятся прежде всего России» ¹⁰⁵.

В этих словах случайного наблюдателя или скромного соучастника событий кризисного, 1887 г. оказалась раскрытой тайна спасения Франции.

Впрочем, несколько лет спустя в другой форме то же самое подтвердил и самый осведомлённый человек, главный автор и режиссёр антифранцузских провокаций — Бисмарк. В 1890 г. разжалованный Вильгельмом II, опальный Бисмарк, покидая свой канцлерский кабинет, в более

¹⁰¹ Жорж Мишон (указ. соч., стр. 5) допускает фактическую ошибку: он говорит о графе Вогюе. Но из текста письма Флуранса Моренсейму, опубликованного Гансенем, видно, что речь идёт о виконте Вогюе. Граф Вогюе был также дипломатом, но в данном случае речь шла не о нём.

¹⁰² M. de Vogüé. «Le roman russe». Paris. 1887.

¹⁰³ Ламздорф В. Указ. соч. Т. I, стр. 79.

¹⁰⁴ Albin P. Op. cit., p. VII.

¹⁰⁵ Toutin. E. Op. cit., p. 194. Разрядка моя.— А. М.

сткровенной чем когда-либо беседе с Шуваловым, снова вернулся к теме русско-германских отношений. «Чего мог я бояться со стороны России? — в тоне общего раздражения говорил Бисмарк Шувалову. — Я вполне понимаю, что если бы мы роковым образом оказались втянутыми в войну с Францией, то в случае нашего успеха Россия в известный момент сказала бы нам: «Стой!», — и мы бы остановились»¹⁰⁶.

Вот это-то опасение русского «стой» и останавливало всякий раз Бисмарка от нанесения удара Франции. Как удачно сформулировал французский журналист и историк Андре Мевиль, «Бисмарк знал, что Германия не может ничего предпринять против Франции без абсолютного нейтралитета России»¹⁰⁷.

В течение 1886—1887 гг. Бисмарк вёл переговоры с Россией¹⁰⁸. В ходе их он должен был убедиться, что Россия не предоставляет ему свободы действий на Западе, — это и заставило его отступить в январе и апреле 1887 года.

В заключительной стадии переговоров, в мае 1887 г., при выработке двухстороннего соглашения, так называемого «договора о перестраховке», Бисмарк, как известно, внёс в германские обязательства сохранения нейтралитета оговорку на случай нападения России на Австрию. В ответ на это Павел Шувалов сделал контрзаявление, что и в русских обязательствах сохранения нейтралитета исключается случай нападения Германии на Францию. При этом Шувалов, в соответствии с данными ему инструкциями, заявил, что «его величество не может допустить нанесения смертельного удара Франции»¹⁰⁹. Как рассказывал Шувалов в своих донесениях, эта позиция России породила крайнее разочарование и раздражение Бисмарка и вызвала с его стороны самое активное противодействие. Канцлер развернул целый ряд аргументов и доводов, чтобы заставить представителя России отступить от этой позиции.

Все усилия Бисмарка сбить русского посла в пункте о Франции остались безуспешными. Шувалов, в конце концов, в почти ультимативной форме пригрозил Бисмарку прекращением переговоров, если русские условия о Франции не будут приняты¹¹⁰. Бисмарк капитулировал и принял условия России.

Договор о перестраховке обычно изображается в западноевропейской исторической литературе как шедевр дипломатического мастерства Бисмарка¹¹¹.

В действительности, в дипломатическом поединке с Россией Бисмарк потерпел поражение. Договор о перестраховке не только не дал ему желательной свободы германской политики на Западе, но и связывал ему руки в будущем. Более того: Бисмарк уже тогда догадывался, что устанавливаемый этим договором контакт с Россией будет в такой степени иллюзорным, что не только не обеспечит русского нейтралитета в возможном конфликте с Францией, но и не сумеет предотвратить франко-русского сближения и союза.

Через три месяца после подписания договора о перестраховке, в сентябре того же 1887 г., на полях донесения Бюлова, сообщавшего из

¹⁰⁶ Ламздорф В. Указ. соч., стр. 278.

¹⁰⁷ Mévil A. «De la paix de Francfort à la Conférence d'Algeras», p. III. Paris. 1909.

¹⁰⁸ См. историю этих переговоров: «История дипломатии». Т. II, стр. 76—96; Хвостов В. Указ. статья в «Исторических записках», Т. 18.

¹⁰⁹ «Русско-германские отношения», стр. 116—117.

¹¹⁰ Шувалов заявил Бисмарку: «Уверяю вас также, что успех или неуспех порученных мне переговоров не является для меня вопросом самолюбия; я хочу только добросовестно исполнить свой долг, поэтому говорю с вами открыто и не торгуюсь, не запрашивая; если же я настаиваю на маленькой добавочной статье касательно Франции, то ведь я знаю, что это условие неизбежно (sine qua non)». Там же, стр. 121.

¹¹¹ См., например, Resouly R. «De Bismarck à Poincaré»; Фэй С. «Происхождение мировой войны». Т. I, стр. 63—64. М. 1931; Гуч Г. «История современной Европы», стр. 86. М. 1925.

Петербурга, что Александр III не хочет союза с Францией, Бисмарк меланхолически написал: «Александр II тоже не хотел турецкой войны, но всё-таки вёл её»¹¹².

За этими словами германского канцлера скрывалось горестное признание тщетности всех его упорных усилий, бесполезности с таким трудом возведённого дипломатического сооружения — договора 18 июня 1887 г.; Бисмарк уже предчувствовал, что вся его многолетняя и сложная игра, имевшая целью не допустить франко-русского союза, теперь идёт к проигрышу.

Таким образом, хотя Россия в ту пору и не связала себя прямым соглашением с Францией и отклонила миссию Вогюе, она оказала Франции более существенную и реальную помощь. В переговорах с Бисмарком русское правительство сумело оградить интересы Франции так, как если бы она была союзницей России, и тем самым сделала невозможной германскую агрессию в 1887 году. В соглашении с Германией Россия поставила Францию в те же условия, которые Германия выговорила для своей прямой союзницы — Австро-Венгрии.

Если предистория франко-русского союза восходит к 1872—1873 гг., то с 1887 г., с первого, хотя и безуспешного, предложения Францией формального соглашения с Россией и с предоставления Россией Франции помощи, равноценной союзнической поддержке, следует датировать начало подготовки франко-русского союза.

V

Союз с Россией, который в течение долгого времени был для Франции, по выражению историка её внешней политики, «мечтой»¹¹³, после 1887 г. стал вырисовываться как нечто реальное и практически достижимое.

Французская дипломатия не была обескуражена неудачей предложения о миссии Вогюе. Оценив реальное значение русской поддержки против германской агрессии, она сосредоточила все свои усилия на том, чтобы добиться дальнейшего сближения с Россией и оформления его определённым соглашением о союзе. Все известные факты и документы дипломатической переписки этих лет свидетельствуют о том, что инициатива и настойчивые домогательства заключения союза на протяжении всего периода 1887—1893 гг. исходили от Франции. Это вынужден признать даже столь враждебный идее франко-русского союза историк Жорж Мишле¹¹⁴.

Вслед за политическим сотрудничеством установилось и деловое: в 1888 г. Россия разместила крупный заём в Париже, в конце того же года Франции был передан большой заказ на изготовление оружия для России. Но в основе этого сотрудничества лежали прежде всего политические и стратегические интересы, и общность этих интересов делала возможным самое деловое сотрудничество.

Как видно из предыдущего, франко-русское сближение с неизбежностью вырастало из сближения сил в Европе, сложившегося после Франкфуртского мира, а затем из создания германского блока держав.

Что было определяющим в этих тенденциях к сближению между двумя государствами? Во-первых, отсутствие сколько-нибудь серьёзных противоречий между Францией и Россией: ни континентальная, ни колониальная политика России и Франции не вели к столкновению

¹¹² «Grosse Politik», Bd. IV, № 1217.

¹¹³ Dechaenel L. «Histoire de la politique extérieure de la France (1806—1936)», p. 261. Paris, 1936.

¹¹⁴ Michon G. Op. cit., p. 48. По условиям места, автор не может здесь подвергнуть анализу историю франко-русских отношений 1887—1893 гг. и конкретные условия, предопределившие оформление франко-русского сотрудничества в союз; он предполагает это сделать в специальной статье.

этих государств; во-вторых, общность интересов и стремлений к восстановлению нарушенного созданием Тройственного союза европейского равновесия и к преодолению изоляции, в которой по разным причинам и по-разному оказались как Франция, так и Россия; в-третьих, общность задач обуздания агрессивных намерений Германии, угрожавших главным образом Франции, но задевавших также интересы России, в особенности благодаря союзу с Австро-Венгрией, политика которой находилась в ту пору в прямом противоречии с интересами России; наконец, умеряющее воздействие франко-русского сотрудничества на Англию, колониальная политика которой сталкивалась с интересами колониальной политики как Франции, так и России.

Вот в основном те важнейшие факторы политического и стратегического характера, которые способствовали сближению между этими двумя государствами. Из них главным была германская опасность. Германская опасность делала для Франции союз с Россией жизненной необходимостью. Резкое ухудшение в конце 80-х — начале 90-х годов русско-германских отношений (напомним, что в 1890 г. Германия отказалась от возобновления договора о перестраховке) и ухудшение отношений с Австрией, а также наметившееся в ту пору сближение Англии с Тройственным союзом (при возобновлении его в 1891 г. ходили слухи, что Англия к нему присоединится) побудили и русское правительство, проявлявшее до сих пор сдержанность, пойти навстречу французским стремлениям.

Соглашениями 27 августа 1891, 17 августа 1892, 4 января 1894 г. был оформлен франко-русский военно-политический союз.

Однако если в момент своего зарождения франко-русский союз был главным образом средством обуздания германской агрессии, то это отнюдь не значит, что он представлял собой сугубо миролюбивое, пацифистское соглашение, как это часто изображается во французской исторической и публицистической литературе. Будучи заключён буржуазной Францией и царской Россией — государствами, ведущими захватническую, империалистическую политику, — он был использован ими в тех же империалистических целях.

Заключение франко-русского союза было событием крупнейшей исторической важности. Глубокое и точное определение значения и места его в истории нового времени дал товарищ Сталин в докладе на XIV съезде партии в 1926 году. Говоря об истории возникновения первой мировой войны, товарищ Сталин указывал на то, что одной из основ будущей империалистической войны было соглашение между Австрией и Германией в 1879 году. «Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции... Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение России и Франции в 1891 — 1893 гг.»¹²⁵

Товарищ Сталин, таким образом, рассматривает возникновение франко-русского союза, являвшегося также новым этапом в подготовке империалистической войны 1914 — 1918 гг., как ответ на заключение австро-германского союза, угрожавшего России и Франции.

Этим высказыванием товарища Сталина определяется со всей ясностью историческое место франко-русского союза.

Заключение союза с Россией в 1891 — 1893 гг. имело для Франции значение, выходящее за рамки конъюнктурных и проходящих интересов.

Не выясняя (что, по условиям места, является невозможным) вопроса о значении союза 1891—1893 гг. для России, важно подчеркнуть, какую роль в оценке самих французских историков он сыграл в истории Франции.

¹²⁵ Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 15. 1926.

Союз с Россией оказался для судеб Франции фактором перво-степенной, кардинальной важности. Он внёс решающие изменения в её статус; он коренным образом изменил положение Франции в системе европейских и мировых государств.

Здесь лучше всего предоставить слово самим французам. Различные общественные группы по-разному интерпретировали союз с Россией и вкладывали в него разное содержание. Но все они сходились на том, что этот союз жизненно важен для обеспечения безопасности Франции вообще, от германского нападения в особенности.

Не только современники и политические деятели, участвовавшие в подготовке и оформлении союза, подчёркивали его огромное значение для Франции, но и историки, располагавшие для оценки критерием времени, приходили к тем же выводам, по-разному излагая его характер.

Дешанель в вышедшей в 1936 г. «Истории внешней политики Франции XIX—XX вв.» подчёркивал, что союз с Россией вывел Францию из состояния изоляции, избавил её от германской угрозы и возвратил ей снова место великой нации¹¹⁶.

Ту же мысль утверждал и Пьер Альбен: «Франко-русский союз свидетельствовал о возрождении побеждённой в 1870 г. Франции. Франция не была более изолирована. Гегемония, которую Германия, казалось, уже утвердила в Европе, с этого времени превратилась для неё в воспоминание... нарушенное равновесие было восстановлено и утверждено»¹¹⁷.

Шефер в истории внешней политики Франции 1871—1918 гг. период её сближения с Россией называет «возвращением в Европу», а последующее время — «периодом равновесия»¹¹⁸. Один из новейших историков, Ансель, в немногих словах многое извративший в проблеме франко-русского союза, должен был тем не менее признать, что франко-русский союз возвратил Францию в Европу¹¹⁹.

Андре Тардьё, игравший большую и зловещую роль в истории Третьей республики, дал довольно точную оценку значения союза с Россией для Франции. Тардьё писал, что франко-русский союз «дал нам в Европе моральный авторитет, которого со времени наших поражений нам не доставало. Он поднял нашу дипломатическую стоимость. Он нам открыл поле для политических комбинаций, которое нам было закрыто вследствие нашей изоляции. От роли наблюдателя мы, благодаря союзу с Россией и установленному им равновесию, смогли перейти к действительной политике»¹²⁰.

Близкой к этому является точка зрения Андре Мевия и других авторов, касавшихся этой темы. Все они единодушно сходятся на том, что франко-русский союз возвратил Франции, после длительного периода изоляции и крайней шаткости её положения в Европе, прочность и стабильность, восстановив полностью её положение великой державы. Отныне германская опасность потеряла для Франции прежнюю остроту; она осталась, но была уже совершенно иной, чем раньше, ибо Франция опиралась на военную мощь России, а Германия, озираясь на Восток и страшась войны на два фронта, не легко могла решиться на активные действия против Франции.

В то же время союз с Россией, укрепляя позиции Франции в Европе, развязывал ей руки на мировой периферии. Не случайно, что после заключения союза — и в этом сказывается его империалистическая природа — Франция снова перешла к активной колониальной политике.

¹¹⁶ Dechanel. Op. cit., p. 363.

¹¹⁷ Albin P. Op. cit., p. 378.

¹¹⁸ Schefer Chr. «D'une guerre à l'autre», p. 127, 173.

¹¹⁹ Ancel J. «Affaires étrangères», p. 85. Paris, 1936.

¹²⁰ Tardieu A. «La France et les alliances», p. 16. Paris, 1909.

ГУСТАВ-АДОЛЬФ И ПОДГОТОВКА СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Проф. Б. Поршнеv

В истории Тридцатилетней войны так называемый шведский период (1630—1635) привлекал к себе, пожалуй, больше всего внимания, и всё же именно он остаётся в некоторых отношениях самым загадочным для историков. Многие важнейшие моменты в поведении шведской армии в Германии не объяснены до конца современной наукой. Почему шведский десант в Германию совершился не после заключения шведско-французского союзного договора, а более чем за полгода до него, когда Швеция была ещё одинока? Почему Густав-Адольф, заняв померанский плацдарм летом 1630 г., целый год не двигался в глубь Германии? Имеется немало указаний на остановившие его причины, но нет удовлетворительного объяснения, почему все они вдруг и разом потеряли свою силу летом 1631 года. Чем, далее, объясняется в конце концов знаменитый «зигзаг молнии»: стремительное и загадочное возвращение Густава-Адольфа с армией в октябре 1632 г. из Юго-Западной Германии, куда он ворвался как триумфатор и победитель, в Северо-Восточную Германию? И, наконец, каковы причины резкого изменения соотношения военных сил в Германии к осени 1634 г., приведшего к поражению шведов у Нёрдлингена, к последующей утере ими большей части завоеваний, а вместе с тем и своих союзников-князей, словом, каковы причины того неожиданного фиаско шведской интервенции в 1634—1635 гг., которое неминуемо должно было бы завершиться полным торжеством императора и католической реакции, если бы Франция не спасла положения, вступив сама в 1635 г. в Тридцатилетнюю войну?

Первый из этих тёмных вопросов — о причинах выступления Швеции в тот момент, когда, по видимости, она находилась в изоляции, — отчасти уже освещён в двух наших ранее опубликованных очерках¹. Мы выяснили, что Московское государство предоставило Швеции в 1629—1630 гг. крупную субсидию на войну с Империей и одновременно гарантировало ей со своей стороны вступление в войну с Польшей, без чего вторжение Густава-Адольфа в Германию было бы совершенно немислимо. Теперь мы попытаемся показать, что и другие загадки шведского периода Тридцатилетней войны получают удовлетворительное объяснение, если принять во внимание положение дел в Восточной Европе, и прежде всего историю русско-польской борьбы в эти годы.

Законность такой постановки вопроса станет очевидна, если учесть, что вся история Тридцатилетней войны в стратегическом отношении покоится на одном принципе: тот, у кого оказывался второй противник где-нибудь в тылу, на противоположной или отдалённой границе, был почти обречён. Вести одновременно две войны — это прежде всего зна-

---

¹ Поршнеv Б. «Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну». «Исторический журнал» № 3 за 1945 г.; его же «Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны», «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, № 5 за 1945 год.

чило вести каждую из них вполсилы, ибо наёмные армии того времени, на наш современный взгляд, крайне малочисленные, стоили так дорого, что требовали напряжения всей финансовой мощи государства. А при ведении войны вполсилы численное превосходство в решающую минуту могло оказаться у армии противника — то численное превосходство, которое в эпоху Тридцатилетней войны, войны профессионалов-наёмников, было главным фактором победы. Но специфика Тридцатилетней войны состояла, собственно, и не в том, что два фронта были опасны — они были опасны во всей истории войн, — а в том, что сравнительно легко было добиться открытия второго театра военных действий. Именно из-за малочисленности, довольно несложного вооружения, интернационального состава наёмных армий нетрудно было субсидиями и дипломатией вызвать появление второго театра в тылу у своего врага.

Понятно, что мудрость политиков и дипломатов любого государства во время этой первой всеевропейской войны состояла в заключении военных союзов с соседями своих соседей. Европа оказалась подобной шахматному полю: угрозу стратегических тисков любое государство парировало созданием такой же угрозы каждому из своих соседей. Габсбургская Испания и габсбургская Священная Римская Империя (Германия) представляли собой смертельные тиски для Франции. Но сама Испания оказалась зажатой в тиски между Францией с суши и Голландией — с моря, а также со стороны Нидерландов (не говоря о последующем отпадении Португалии), а Империя — в тиски между Францией и Швецией. Швеция, в свою очередь, была тоже в тисках: Альтмаркское перемирие 1629 г. отнюдь не было миром с Польшей и не устранило острой вражды между Густавом-Адольфом и Сигизмундом III. Но Польша опять-таки была в тисках между Швецией и Московским государством.

Не будем пока продолжать дальше эту цепь. Здесь важно подчеркнуть её единство — все её звенья крепко скованы. В 1630—1634 гг. ни одно из названных государств не ведёт на самом деле войну на два фронта: хотя бы один из противников отвлечён кем-то другим, а у Франции отвлечены до поры до времени даже оба противника, и она ведёт лишь «скрытую» войну. Но понятно, что стоит измениться хотя бы одному звену, как вся система перестроится: если, например, Московское государство (или кто-нибудь другой) не будет отвлекать на себя военные силы Польши, то последняя окажется реальной угрозой для Швеции, та принуждена будет обернуться лицом к Польше, силы Империи в таком случае освободятся для войны с Францией, а если французские войска будут заняты войной с Империей, это даст возможность и Испании начать военные действия против Франции, хотя бы той частью своих войск, которая не скована голландской угрозой. Словом, Европа должна будет приобрести примерно тот вид, какой она и в самом деле получила после 1635 г., т. е. в франко-шведский период Тридцатилетней войны.

Разумеется, мало кто из современников мог ясно охватить в сознании всю эту сложную систему государств. Но европейское общественное мнение всё же тесно связывало ход событий в Германии с ходом русско-польской борьбы. Даже люди, не очень искушённые в политике, не могли не спрашивать: почему в смертельном поединке германского императора со шведским королём, сотрясавшем всю Германию, на помощь изнемогающему императору не приходит его давний верный союзник, польский король, — и получали ответ, что польский король не может прийти на помощь, так как сам находится под угрозой войны (а затем — в войне) с московским царём. Уже в 1629 г. с разных концов Европы и в Польшу и в Московское государство потянулись с предложением своих услуг предводители ландекнехтских полков, предприимчивые кондотьеры, привлекаемые слухами о скором истечении срока перемирия и неизбежной

войне между Польшей и Московией². В 1632—1634 гг. в Германии навряд ли можно было найти взрослого человека, который вовсе не слышал бы об этой войне. Именно в 30-х годах XVII в. купцы и всякого рода путешественники, побуждаемые повышенным интересом в Европе к Московскому государству, особенно охотно проникали в него, а издатели удовлетворяли рыночный спрос публикацией первых серьёзных, стоявших на уровне тогдашней науки, книг о России³. В европейской, в частности в германской, прессе, которая была тогда довольно обильна, падка на слухи и сенсации, подчас грубо полемична⁴, — как в собственно газетах, так и в бесчисленных листовках, памфлетах, книжках — в течение всей Тридцатилетней войны и особенно в 30-х годах не редкость было встретить упоминания о Московском государстве. Ещё больше было написано о Польше. В преддверии историографии шведского периода Тридцатилетней войны у авторов-современников, писавших первые обозрения шведского похода в Германию, например, у Буржа⁵, Абелина⁶ и др., чем-то само собой разумеющимся было упоминание и о тыльной стороне этого похода: о позиции Польши, о польских заботах Густава-Адольфа и его преемников. Также и два первых учёных-эрудита, посвятивших в XVII в. по толстому фолианту истории шведской войны в Германии — Хемниц⁷

² См., например, переписку по этому вопросу московского правительства с новгородским воеводой кн. Д. М. Пожарским за 1629 год. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Дела шведские. 1629, стб. 1, л. 264, 397, 410, 439. Один из этих кондотьеров, Фритт, служивший у шведского короля, потом у датского короля против императора, затем у императора — против датского короля, предлагая царю доставить любое количество наёмных солдат и офицеров всех рангов, писал: «Мы (т. е. он и четыре других рыцаря, явившихся с ним) знаем подлинно, что мирное постановление между его кесарским величеством и короной польской скоро уж кончится и поэтому его кесарскому величеству цесарские (т. е. из Германской империи) солдаты надобны будут, потому, что уж ныне у польского короля несколько тысяч таких солдат стоят наготове» (л. 411). Дела многих десятков таких кондотьеров, предлагавших в 1629—1634 гг. свою службу Москве, сведены у Е. Сташевского «Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии», стр. 19—38, 69—71 и др. 1919.

³ Например, в 1630 г. в Лейпциге вышла книга (эльзевир) «*Russia seu Moscovia. Commentario topographico atque politico illustratae*» Lugd. Batavorum, — томик (вторая половина которого посвящена Крымскому ханству), представляющий собой обстоятельную сводку географических, исторических и политических знаний о России.

⁴ См. Bellef E. A. «Propaganda in Germany during the Thirty years War». Princeton. 1940; «Die deutsche Zeitung im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1609—1700)», Bd. III, Schöne W. «Die deutsche Zeitung des siebzehnten Jahrhundert in Abbildungen». Leipzig. 1940.

⁵ Burgi P. B., gennensis «*De bello suecico commentarii, quibus Gustavi Adolphi, suecorum regis, in Germaniam expeditio, usque ad ipsius mortem comprehenditur*». Leodii. 1633. См. стр. 10, 12—14, 86, 134, 137. То же переиздано в 1643 г. (editio nova; эльзевир). Франц. перевод. Burge P. B., gennois «*Commentaires des guerres de Suède qui contiennent tout ce qui s'est passé de plus remarquable depuis la descente de Gustave Adolphe, roy de Suède en Allemagne, jusques à sa mort, traduit par la sieur de Mauvoy*». Paris. 1653.

⁶ Arlanibaeo Ph. (J. Ph. Abelin) «*Arma suecica, hoc est, vera et accurata descriptio belli, quod Gustavus Adolphus, suecorum, gothorum, et vandalarum, etc., rex; contra Ferdianandi II romanorum imperatoris, etc., exercitum in Germania haecenus gessit, quae eius causae, initia et progressus hucusque comemorantur*». 1631; см. стр. 3—4, 9—10, 15, 16, 51—52, 162—163 и др. Продолжение: «*Armorum suecicorum continuatio, in qua breviter describuntur omnia ea, quae a serenissimo et potentissimo rege Sueciae Gustavo Adolpho, et aliis principibus protestantibus confoederatis, post pugnam Lipsensem, in Imperio Romano memoratu digna gesta sunt*». Francofurti. 1632 (см. стр. 17 и др.). Продолжение: «*Armorum Suecicorum continuatio ultima, 1634*». Позже Абелин включил весь этот материал во II том грандиозной истории Европы в XVII в. «*Theatrum Europaeum*», охватывающий 1629—1633 гг. (Frankfurt a/M, 2-е изд. 1679 г., о шведско-польских отношениях см. стр. 81—86, 108—110, 571—583, 733—735). Годы 1634—1635 см. в томе III «*Theatrum Europaeum*» (1644). Об этих первых историках шведского периода Тридцатилетней войны см. Droysen G. «*Arlanibaeus, Godofredus, Abelinus sive Scriptorum de Gustavi Adolphi expeditione princeps*». Berolini. 1864.

⁷ Chemnitz B. J. von «*Königlichen schwedischen in Deutschland gefürten Kriegs, Theil I—II (1630—1636)*». Stettin. 1648.

и Пуфендорф⁸, — немало страниц уделили шведско-польским, а в этой связи также шведско-русским и даже шведско-крымским отношениям, хотя, разумеется, не дали — да и не искали — объяснения подлинной взаимосвязи событий.

Но в более поздней историографии вся эта восточная сторона шведского периода Тридцатилетней войны как-то незаметно исчезла. Этому способствовали как немецкие историки, искажившие историю Тридцатилетней войны националистическими легендами и оторвавшие её от всемирноисторического фона, так и поддавшиеся их влиянию шведские историки. В частности, выпущенная в Швеции в середине XIX в. двухтомная публикация документов по истории немецкой войны Густава-Адольфа⁹, легшая в основу соответствующих разделов в капитальных биографиях Густава-Адольфа — Дройзена¹⁰, Кронхольма¹¹, позже Флетчера¹² и др., совершенно односторонне направила внимание историков в сторону внутригерманской обстановки шведского похода. Восточноевропейская ситуация, в действительности оказывавшая важное влияние на всю судьбу этого похода, обойдена почти полным молчанием также и в общих сочинениях по истории Тридцатилетней войны, написанных как в XIX в., например у Гиндели, Шарвериа, Гардинера, Винтера, Клоппа, Риттера¹³, так и в XX в., кончая новейшей сводной американской работой Веджвуд¹⁴.

Эта однобокость всей новейшей историографии шведского периода Тридцатилетней войны была отчасти восполнена появлением в 1901 г. специальной монографии шведского историка Карла Вейле «Политика Швеции в отношении Польши в 1630—1635 гг.»¹⁵. Вейле тщательно исследовал материалы шведского государственного архива, а именно отделы: Polonica, Muscovitica, Turcica, переписка канцлера Оксеншерны. Выводы Вейле во многом спорны и недостаточны, но всё же следует пожалеть, что этот основательный труд мало повлиял на позднейших авторов, в том числе даже на шведских; лучше всего он, пожалуй, известен польским историкам¹⁶. Впрочем, в недавно вышедшей грандиозной восьмитомной коллективной работе о войнах Густава-Адольфа, изданной шведским генеральным штабом и являющейся образцовой сводкой всего, что известно науке об этих войнах¹⁷, международная обстановка начала германского

⁸ Puffendorffi Samuelis «Commentariorum de rebus suecicis, libri XXVI ab expeditione Gustavi Adolphi Regis in Germaniam ad abdicationem usque Christinae». 1686 (ниже цит. по изданию 1705 г.).

⁹ «Arkiv till upplysning om svenska krigens och krigsinzättningarnes historia. Tidskiftet 1630—1632». Bd. I—II, Stockholm, 1854—1860.

¹⁰ Droysen G. «Gustav Adolf». Bd. II. 1870.

¹¹ Cronholm A. «Sveriges historia under Gustav II Adolf regering». Bd. V; нем. перевод: «Gustaf II Adolf in Deutschland» (1875).

¹² C. R. L. Fletcher M. A. «Gustavus Adolphus and the struggle of protestantism for existence». 1891.

¹³ Gindely «Das Dreissigjährige Krieg» (1869—1880); Charvériat «Histoire de la guerre de Trente ans», 1875; Gardiner «The Thirty year's War». 1884; Winter «Geschichte des 30-jähriges Krieges». 1893, нов. изд. 1934; Klopp «Der 30-jährige Krieg bis zum Tode Gustav Adolf». 1891—1895; Ritter «Geschichte des Gegenreformation und des 30-jährigen Krieges». 1901

¹⁴ Wedgwood C. V. «The Thirty years War». 1939.

¹⁵ Weile Carl «Sveriges politik mot Polen 1630—1635». Uppsala. 1901. Важным дополнением к исследованию Вейле является небольшая, но целиком основанная на архивных документах работа Rettig H. «Die Stellung der Regierung und des Reichstages Svedens zur polnischen Frage. April 1634 bis November 1635». 1916.

¹⁶ См., например, Czaplinski Wl. «Wladyslaw IV wobec wojny 30-letniej». Kraków. 1937. (Polska Akademia Umiejetności. Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Seria II, t. XLV, N 3). Польские историки с своей стороны в некоторой мере осветили историю польско-шведских отношений в 30-х годах XVII в.; см., например, Czeglowski A. «Układy królewicza Wladyslawa i dyssidentów z Gustawem Adolfem w r. 1632». «Kwartalnik historyczny». 1899. IV; Krajewski «Wladyslaw IV a korona szwedzka (Bibl. Warsz. 1913. III); Godziszewski Wl. Polska a Moskwa za Wladyslawa IV. Kraków. 1930.

¹⁷ Generalstaben «Sveriges krig 1611—1632». Bd. I—VI. Bilagsband I—II. Stockholm. 1936—1939.

похода Густава-Адольфа излагается в специальной главе, 4-й, тома V в таком порядке: сначала отношения Швеции с германскими государствами, затем довольно подробно — с Польшей, Россией, Трансильванией и, наконец, с Францией, Голландией, Данией, Англией. Отношения Швеции с Польшей и Россией изложены в основном по Вейле. Однако русско-шведские отношения этих лет были освещены Вейле и его последователями лишь отчасти, воссоздание же восточноевропейской международной ситуации времён шведского периода Тридцатилетней войны останется, на наш взгляд, до тех пор незавершённым, пока именно русско-шведские отношения не будут взяты в центр внимания и пока наряду с шведскими и польскими архивами не будут привлечены русские, прежде всего дела «шведского двора» Посольского приказа¹⁸. Именно эти документы, т. е. неопубликованные столбцы шведских и иных дел Посольского приказа, положены нами в основу дальнейшего изложения.

Не пристрастны ли мы, придавая такое большое значение именно России? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от того, как оценить значение Польши и польской проблемы в политике Густава-Адольфа. Была ли Польша опасным и важным врагом в его глазах, когда он двинулся в Германию? Ответ может быть только один: да. Напомним, что борьба с Польшей составляла основное содержание всего предшествовавшего периода царствования Густава-Адольфа и тянулась с переменным успехом многие годы. До 1628 г. включительно Густав-Адольф был ещё убеждён в слабости Польши и в возможности, разбив её, превратить её в плацдарм для войны с Империей. Но именно военная помощь императора Польше привела в 1629 г. к коренному изменению плана: по словам историка Борнгаупта, «из войны против Польши должна была развиться война против императора»¹⁹. Густав-Адольф убедился, что победа над Польшей не могла быть достигнута раньше победы над Империей. Поэтому он заключил в 1629 г. весьма неудовлетворительное, с его точки зрения, Альтмаркское перемирие с Польшей и в 1630 г. занял другой, не польский, как думал раньше, а померанский плацдарм для германской войны. После многолетней борьбы Польша осталась неразбитой. Мог ли Густав-Адольф не бояться её теперь, когда он отдался другой войне? По справедливым словам авторов упомянутого выше новейшего капитального труда о войнах Густава-Адольфа, «так как силы Швеции были связаны в Германии, её внешняя политика должна была

¹⁸ В книге Г. Форстена «Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях» т. II (1894) русско-шведские отношения освещены на основании материалов только стокгольмского архива, без использования московского архива Посольского приказа. В публикации К. Якубова «Россия и Швеция в первой половине XVII века» (1897) использованы и стокгольмский и московский архивы, но название этой книги вводит читателя в заблуждение: собственно дипломатических и политических отношений России и Швеции она почти не касается, а освещает преимущественно вопрос о населении пограничных территорий и некоторые другие специальные темы. Работа Н. В. Голицына «К истории русско-шведских отношений и населения пограничных со Швецией областей в 1634—1648 гг.» (1903) представляет собой публикацию нескольких второстепенных документов из лифляндского архива. Наконец, в приложении к книге Е. Сташевского «Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича» ч. 1-я (1913) опубликовано несколько действительно важных дипломатических документов, но принцип их отбора непонятен и какие-либо пояснения к ним отсутствуют. В предисловии к другой своей книге, «Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии» (1919), Е. Сташевский сообщает, что причинам и дипломатической подготовке Смоленской войны он посвятил особый выпуск своего исследования, однако этот выпуск так и не появился в печати. Некоторые документы из фонда шведских дел Посольского приказа за 20—30-е годы XVII в. были опубликованы в «Собрании государственных грамот и договоров» и в других археографических изданиях, но их относительное число столь невелико, что в общем можно считать этот обширный и богатейший архивный фонд почти неопубликованным и мало утилизированным исследователями.

¹⁹ Bornhaupt Chr. von «Gustav Adolf vor seinem Auftreten in Deutschland» «Veibagen Monatshefte», Bd. II, S. 71—73. 1894—1895.

определяться необходимостью обезвредить на востоке Польшу»²⁰. Если это положение правильно, остаётся только решить, занимали ли шведско-русские сношения центральное место в осуществлении данной внешне-политической программы.

На первый взгляд кажется, что это не совсем так. Современный шведский историк Нильс Аһнлунд, автор новейшей биографии Густава-Адольфа, справедливо указывая, что для Густава-Адольфа «главным врагом» всегда оставался Сигизмунд III, что поэтому он, видя в России «векский политический фактор», старался побудить русского царя к совместному наступлению на Польшу, что именно из-за ориентации московской политики на разрыв с Польшей русско-шведские отношения «становились всё более дружественными и в конце концов достигли заметной теплоты», — тем не менее находит нужным оговориться: «Однако эти планы занимали в энергичной, решительной политике Густава-Адольфа относительно незначительное место, — они несколько напоминают его прощупывание возможности совместных действий с татарами и турками в том же направлении, ибо и с ними он также нередко был связан»²¹. Вейле держится той же точки зрения. Он ставит в один ряд все планы Густава-Адольфа, как предохранить себя от польской опасности на время войны с германским императором: и его тайные антипольские переговоры 1628—1630 гг. с государем Трансильвании Бетленом Габором через специального посла Пауля Страссбурга и различных гонцов; и его интриги в 1630 г. в Константинополе через того же Страссбурга, голландского посла Корнелия Хага и других лиц с целью устрашения Польши шведско-турецким союзом; и его обмен посольствами с крымским ханом в 1629—1632 гг. с намерением направить крымских татар или против германского императора или против польского короля; и его попытки в 1630—1631 гг. оторвать запорожских казаков от Речи Посполитой, поднять их на польского короля-католика; и, наконец, его оживлённые антипольские сношения с Россией²². К этим планам создания внешней угрозы Польше Вейле присовокупляет, с другой стороны, также проект Густава-Адольфа парализовать способность Польши к внешней активности путём разжигания в ней внутренней религиозно-политической борьбы. Но можно ли в самом деле считать все эти планы равноценными? Нет, потому что осуществился только один из них — русско-польская война. Всё прочее осталось только «прощупыванием». Трансильвания не выступила против Польши; Турция, поглощённая борьбой с Ираном, совершенно не смогла грозить Польше, даже заключила с ней мир в 1631 г. и только в 1633—1634 гг. произвела незначительные диверсии; крымские татары так и не напали ни на императора, ни на Польшу, наоборот, выступили в союзе с Польшей против России; запорожские казаки не реагировали на шведские призывы; религиозно-политическая борьба в Польше не только не разгорелась, а, напротив, совсем затихла к моменту избрания Владислава IV. Поэтому, если мы хотим изучать не неудавшиеся замыслы, а исторические реальности, не субъективные планы государственных деятелей, а объективные отношения между народами, — мы должны на первый план выдвинуть именно значение русско-польской Смоленской войны 1632—1634 гг. для истории шведского похода на Германию.

Когда Густав-Адольф весной 1630 г. принял, наконец, решение начать вторжение в Германию, он уже знал о смерти своего шурина Бетлена Габора в Трансильвании и тем самым о крушении всего дипломатического здания, с таким трудом и искусством возведённого там Паулем

²⁰ «Sveriges krig 1611—1632». Bd. V, s. 227. 1938.

²¹ Nils Ahnlund «Gustav Adolf», S. 315—316. 1938.

²² Wejle. Op. cit., s. 8—14

Страссбургом²³; в Константинополе ему было обеспечено при дворе султана Мурада IV содействие великого визиря, а также константинопольского патриарха Кирилла, однако прямых обещаний военного выступления Турции против Польши он не имел; посол от крымского хана Халбердей, прибывший через Москву в Стокгольм в октябре 1629 г., хотя и привёз согласие хана на договор о взаимной помощи против германского императора и польского короля, также ничего определённого не обещал²⁴.

Но, что Густав-Адольф имел весной 1630 г. — это официальное подтверждение обещания царя Михаила Фёдоровича вскоре начать войну с Польшей²⁵. Это известие в начале апреля привёз в Стокгольм из Москвы шведский посол Антон Моньер; его инструкция предписывала ему говорить перед царём о совместном нападении на католиков: России — на Польшу, Швеции — на императора, — в противном случае или император поможет полякам или поляки «тайным образом» помогут императору, так что Швеция и Россия волей-неволей нуждаются друг в друге; Моньер получил, по словам Вейле, «ответ, совершенно совпадающий со взглядами Густава-Адольфа»²⁶. В серьёзности решения Москвы воевать с Польшей Густав-Адольф удостоверился, повидимому, не только дипломатическими каналами. Ещё в конце 1629 г. он отправил в Россию одного из своих военных помощников, полковника Александра Лесли, с военно-информационной миссией²⁷. Прибыв в Москву 22 января 1630 г. (на две недели

²³ Донесения Страссбурга и другого тайного шведского уполномоченного, Фаренсбаха, по подлинникам стокгольмского архива, опубликованы как приложение к книге венгерского историка Szilágyi Sándor «Bethlen Gábor és a svéd diplomácia», s. 53—75. Budapest. 1882; ср. Wibling Carl «Sveriges förhållande till Siebenbürgen 1623—1648». Lund, 1890, кап. I, «Gustav II Adolf och Bethlen Gabor», s. 1—37. Ср. сообщение, полученное в 1629 г. в Москве, в Посольском приказе: «Шведский король послал шляхтича Фаренсбаха сквозь голландскую и французскую землю в угорскую (венгерскую) землю к Бетлену Габору, для того чтобы Бетлен Габор Польшу воевал» (ЦГАДА. Дела шведские. 1623, стб. 2, л. 72). После смерти Бетлена Габора все эти планы, связанные с Трансильванией, отошли на задний план, зато, говорят авторы «Sveriges krig», «самая опасная угроза окружения Польши пришла из России», и именно Россия отныне заняла первое место в антипольских проектах Густава-Адольфа («Sveriges krig 1611—1632», bd. V, s. 223).

²⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1629, стб. 4 (проезд крымского посольства в Швецию); 1630, стб. 4 (проезд посольства из Швеции через Москву в мае).

²⁵ Обещание было дано ещё весной 1629 г. (см. «Исторический журнал» № 3 за 1945 г., стр. 18), но в феврале 1630 г. в Москве посол Моньер говорил, что Густав-Адольф до настоящего момента «не мог сведать», действительно ли царь «себе в мысли взял» необходимость этой войны, в то время как польский король уже готовится. Ответ гласил, что «в мысль себе то царское величество взял крепко» и готовится («прomyшляет») немедленно отомстить «польскому королю и всей Посполитной Речи» их обиду и разрушить их злой план, не дожидаясь истечения срока Деулического перемирия, поскольку «на чем учинено перемирие, того всего польский король вцеле не сдержал» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, лл. 129, 203, 174—175, 243—244).

²⁶ W e j l e. Op. cit., s. 8. В самом деле, Моньер перед боярами утверждал, например, что «если государь (Михаил Фёдорович) войны с польским королём не начнёт, то государю нашему (Густаву-Адольфу) против цесаря стоять будет тяжело, потому что цесарю помогают испанский король, папа римский и король польский», а боярский ответ, в свою очередь, рекомендовал шведскому королю «выразуметь и взять себе в мысль крепко», что если польский король не будет принуждён воевать с царём, то иначе «того ему нельзя учинить, что б он от цесаря отстал или цесарю не помогал всяким вспоможеньем» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, лл. 204, 244).

²⁷ Миссия Лесли была подготовлена переводом из шведской армии в русскую ряда офицеров в 1629 г.; русское правительство само не принимало их, если они не имели направлений от шведского правительства. Среди них в июне приехал племянник Лесли — Яков Виммес, сообщивший, что дядя его скоро прибудет, как только вернётся из посольства в Англию (ЦГАДА. Дела шведские. 1629, стб. 1, л. 266, 397 и др.). Всё это дело началось с того, что Лесли вручил в Стокгольме русскому купцу Глазкову письмо на имя Михаила Фёдоровича с просьбой выхлопотать ему у Густава-Адольфа отпуск на русскую службу; царская грамота Густаву-Адольфу была послана, и только тогда последний снабдил Лесли лестными рекомендательными письмами и отправил в Россию. Полковник Лесли прибыл в сопровождении (кроме шести слуг) целого штаба: двух капитанов, трёх поручиков, прапорщика, писаря и «пущечного мастера», т. е. артиллериста-инженера Юлиа

раньше посла Моньера), Лесли поступил на службу к царю, ознакомился с состоянием русской армии и военными планами, вчлс первые предложения о реорганизации русских полков по шведскому образцу²⁸ и, как можно предполагать, уже в марте вернулся на время к Густаву-Адольфу.

Так или иначе, в марте — начале апреля 1630 г. Густав-Адольф знал, что Москва будет воевать с Польшей. Это сразу прояснило его политические горизонты. Заключая Альтмаркское перемирие с Польшей в сентябре 1629 г., когда он не был ещё вполне уверен в позиции России, он сам согласился на включение в договор особого параграфа 20, предусматривавшего начало мирных переговоров между Швецией и Польшей во время перемирия при посредничестве бранденбургского курфюрста; иначе говоря, он допускал мысль, что для того, чтобы воевать с императором в Германии, ему, может быть, придётся согласиться на любой мир с Сигизмундом III, даже признав права последнего на шведскую корону или вернув ему оккупированные шведами Лифляндию и Пруссию. Мирные переговоры вот-вот уже должны были начаться в Данциге. Но 8 апреля Густав-Адольф вдруг пишет записку канцлеру Оксеншерне, что не видит никакой надобности в переговорах с Польшей, даже если бы польский король отказался от претензий на шведский престол. С этого времени он считал мысль о мире с Польшей вредной; война с императором была решена, и одновременно было дано указание оставить § 20 мёртвой буквой²⁹. Ведь Польша, скованная Москвой, не сможет ударить в тыл шведам. Да и Москва, хотя и имеющая мирный договор со Швецией, на всякий случай будет связана этой польской войной³⁰.

Густав-Адольф был настолько уверен в русско-польской войне, что вскоре после отъезда крымского посольства из Швеции, в мае, направил в Крымское ханство своего посла, Вениамина Барона, с характерным заданием: добиваться уже не выступления татар против Польши (раз этот противник парализован), а диверсии через Венгрию против императора³¹.

Перед отплытием Густав-Адольф послал также в Москву своего доверенного человека — Иоганна Мёллера. Ему было поручено передать

Козта, энергично принявшегося за организацию пушечного производства в России. Царь принял Лесли тотчас по его прибытии в Москву и щедро одарил. См. Цветаев Д. «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований», стр. 372. 1889—1890; Сташевский Е. «Смоленская война», стр. 70.

²⁸ В июне—июле 1630 г. уже шёл набор в первые два русских полка иноземного строя, отданные в обучение сподвижникам Лесли. См. Сташевский Е. Указ. соч., стр. 63—64.

²⁹ Wejle. Op. cit., s. 7. Оксеншерне, по-своему комментируя эти указания в меморандуме от 30 апреля 1630 г., так формулирует новые задачи шведской политики в отношении Польши: вместо заключения мира—сближение с польскими протестантами и создание «factiones» в Польше в интересах Швеции. «Handlingar rörande Skandinaviens historia», t. 24, s. 196—197. Stockholm. 1840.

³⁰ «Прежде чем уехать в Германию, Густав-Адольф предписал остающимся дома, чтобы они стремились к дружбе с соседом на востоке (Москвой) сочетали с бдительностью, простирающейся даже до известной военной готовности» («Sveriges krig 1611 — 1632», bd. V, s. 229).

³¹ Вениамин Барон 11 февраля 1631 г. выехал из Москвы в Крым и только 14 февраля 1632 г. проехал обратно через Москву в Швецию в сопровождении нового крымского посла Муралея Улана, который должен был объяснить Густаву-Адольфу, что воевать с императором крымский хан не может, а когда у Швеции будет война с Польшей, охотно пошлёт своё войско на польского короля. На обратном пути в 1633 г. татарское посольство было арестовано Московским государством, находившимся уже в войне с Крымом, и только через несколько месяцев отпущено по ходатайству Швеции. См. ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 5; 1632, стб. 3; 1633, стб. 9 и 10. Не найдя Густава-Адольфа в Швеции, Муралея Улан с товарищами съездил в Германию. По данным стокгольмского архива, они уже не застали его в живых и вернулись, не получив королевской аудиенции (Wejle. Op. cit., s. 10—11), но Хемниц (Op. cit. Th. I, S. 422—423) описывает приём этого посольства Густавом-Адольфом под Нюрнбергом 13 августа 1632 года. Пуфендорф сообщает о прибытии в Швецию в 1633 г. татарского посольства через Трансильванию (Op. cit., lib. V, § 109 «Legatio tartarica», p. 129), но, видимо, это ошибка.

дипломатическое послание царю и организовать вывоз русской субсидии, в виде хлеба, из Архангельска. Это был на самом деле крупный военный специалист: впоследствии, став постоянным шведским резидентом в Москве, он добился разрешения наблюдать за учениями русских солдат, открыто взял на себя функции военного инструктора по вопросам сапёрного вооружения и фортификации («как делал его королевское величество в немецких землях») и т. д.³² Но, прибыв в Новгород в начале июня 1630 г. в качестве простого дипломата, Мёллер потерпел неудачу. В царской грамоте к новгородскому воеводе было указано, чтобы пропустить его «с бережением» в Архангельск через Вологду только в том случае, если он приехал для хлебной закупки. В Москву же его вежливо отказались пустить под вымышленным предлогом «морového поветрия» в Швеции. Мёллер поэтому из Новгорода отправил дипломатическое послание Густава-Адольфа обратно в Швецию, а сам поехал в Архангельск и только в октябре попал в Москву³³. Этот афронт объясняется тем, что в начале июня 1630 г. московское правительство ещё не имело ожидавшегося ответа от Турции о совместном выступлении против Польши. Пока коалиция не оформилась, Москва предпочитала не связывать себя дальнейшими обязательствами перед Швецией и хотела ограничиться «скрытой войной»³⁴. Однако благоприятный турецкий ответ прибыл в июне же; в октябре стали готовить «большое посольство» к Густаву-Адольфу. Поэтому, когда Мёллер приехал в Москву, он был окружён подчёркнутой заботой, и правительство с поразительным вниманием старалось удовлетворить все выдвинутые им пожелания и просьбы, даже частные³⁵.

Но шведское правительство и тем более Густав-Адольф в Германии узнали обо всём этом лишь в 1631 г., а пока что грамота Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу, без ответа возвращённая Мёллером из Новгорода, должна была породить у них серьёзную тревогу по поводу русских намерений. Вот почему Густав-Адольф, заняв Померанию как плацдарм, но видя, что Россия не выступает следом за ним и что Польша поэтому может грозить ему ударом в спину, не делал даже попыток двинуться дальше, в глубь Германии. Зато он предпринимал одну за другой энергичные меры для установления военного и дипломатического контакта с Москвой и побуждения её к войне.

Повидимому, в июле он снова отправил в Россию полковника Александра Лесли. Последний прибыл в Москву в августе или сентябре 1630 г. в сопровождении 62 лиц, часть которых принадлежала к его семье. Он обратился к царю и патриарху с пылкими доказательствами необходимости тотчас начинать войну с Польшей и одновременно с проектами уже не только реорганизации русской армии по шведскому образцу, а и найма целых иностранных полков. С этого времени Лесли становится главным реформатором и одним из основных руководителей русской армии в эпоху Смоленской войны. Не может быть никакого сомнения в том, что эту роль он выполнял по непосредственным указаниям Густава-Адольфа. Уже во время первого пребывания Лесли в Москве, в феврале 1630 года, посол

³² ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 65, 70, 106.

³³ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 6, л. 2—4, 17—20, 51—63.

³⁴ Ещё в марте 1629 г., когда впервые шведским послам Моньеру и Бенгарту в Москве было обещано вступление России в войну с Польшей, в инструкции боярам первоначально говорилось, что в случае вопроса послов, пошлёт ли царь свою рать на польского короля уже в нынешнем году, следует отвечать, «что царское величество польскому королю больше до перемирных лет ожидать не будет и рать свою пошлёт, если успеет, и на нынешнем лете»; однако в окончательном тексте инструкции эта фраза была выпущена и заменена заверением, что в знак разрыва перемирного договора с Польшей царь прикажет, если польский король пришлёт послов, их не принимать и «отпустить без дела» (ЦГАДА. Дела шведские. 1629, стб. 2, л. 275, 319, 354). Следующий раз определённый срок начала военных действий был фиксирован в переговорах с Швецией только в начале 1631 года.

³⁵ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 6, л. 90—194. -

Моншер официально от имени Густава-Адольфа предлагал присылать в Москву, кроме политической информации, военных командиров, артиллерию и вооружение для русской армии, и это предложение было принято³⁶. Именно с 1630 г. среди иноземных «выходцев» в Россию основное место заняли офицеры («начальные» или «приказные люди»), причём офицеры — или прямо из шведской армии или преимущественно шотландцы, лично связанные с Лесли³⁷.

Собственно говоря, неправильно считать, что они реорганизовали русскую армию по шведскому образцу: сама шведская военная школа Густава-Адольфа была в огромной мере подражанием голландской военной школе, родившейся ещё в XVI в. в горниле нидерландской буржуазной революции. Лесли был одним из тех военных профессионалов, которые перенесли эту школу в Швецию, так же как позже в революционную Англию; можно сказать, что они были военными учителями и Густава-Адольфа и Кромвеля. Вместе с другими связанными с ним офицерами Лесли попытался перестроить и русскую армию по тому же, нидерландскому образцу. В сентябре 1631 г. польский гетман Гонсевский получил шпионские сведения, что в Москве уже имеется несколько «режиментов голландского образца»; во время осады Смоленска поляк Москоровский писал, что с московской армией «надо воевать по-нидерландски»³⁸.

Впрочем, военное искусство Густава-Адольфа было связано и с некоторыми чисто шведскими нововведениями. Это прежде всего — лёгкие пушки, чрезвычайно портативные, ранее неизвестные Европе. Они сильно способствовали его головокружительным успехам в Германии. И вот что крайне характерно: эту военную новинку Густав-Адольф передаёт Московскому государству ещё до своего выступления в Германию. Приехавший с Лесли в январе 1630 г. пушечный мастер Юлис Коэт знал именно секрет отливки лёгких пушек — вскоре по его заявке московское правительство уже выписывает в помощь ему «к новому пушечному делу» нужных мастеров (кузнеца, колёсника, станочника, мастера по отливке ядер)³⁹. В июне 1631 г. Иоганн Мёллер в Москве передавал настоятельные советы Густава-Адольфа, что время для выступления против Польши сейчас самое лучшее и чтобы царь при этом обзавёлся «гораздо» пушками и прочим вооружением, «а пушки б были не тяжелы и не велики»⁴⁰. Но Густаву-Адольфу не терпелось, и в это время от него уже ехал к Михаилу Фёдоровичу другой гонец, поручение которого встретивший его в пути Лесли изложил в письме: Густав-Адольф хочет сам послать царю «пушек, которые деланы легки по тому образцу, что господин Юлис Коэт на Москве слыл»; Лесли объясняет военно-тактические преимущества лёгких пушек и просит царя решать этот вопрос, учитывая, что Густав-Адольф

³⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, л. 138, 248—249.

³⁷ Сташевский Е. Указ. соч., стр. 35—36 и др. Мы не можем здесь углубиться в рассмотрение любопытной альтернативы, возникающей перед биографом Лесли: тот ли это знаменитый Александр Лесли, которого считают одним из крупнейших военных деятелей первой половины XVII в., т. е. видный полководец шведской армии во время Тридцатилетней войны, а в 40-х годах солдник Кромвеля в Англии в качестве главнокомандующего шотландской пресвитерианской армией, или же следует допустить гипотезу о существовании в армии Густава-Адольфа в одно и то же время в одном и том же полковничьем чине двух шотландцев с одинаковым именем — Александр Лесли, — о чём не подозревают шведские военные историки (см. упомянутые указатели к восьми томам «Sveriges krig 1611—1632»). Разбор всех аргументов в пользу каждого предположения потребовал бы много места и увлёк бы нас далеко от нашей темы — в 40—50-е годы XVII века. Отметим лишь, что решение этой дилеммы, во всяком случае, требует критического пересмотра ряда документов и ряда утверждений как иностранных, так и русских авторов, писавших о Лесли, особенно Цветаева.

³⁸ Сташевский Е. Указ. соч., стр. 84, 174.

³⁹ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 18, 48. В 1632 г. были основаны тульские и каширские оружейные заводы другим посланцем Густава-Адольфа — «приказчиком шведского короля» Винусом (Елисеём Ульязовым), который был, как и Коэт, по национальности голландцем.

⁴⁰ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 64.

уже «в нынешнюю войну с теми лёгкими пушками промысл (победу) учинил и с тем промышлением в дальнее место доехал, да и вперёд ещё ходити чаем»⁴¹.

Московское правительство шло навстречу этим желаниям и советам Густава-Адольфа, отнюдь, однако, не теряя политической дистанции⁴². Оно широко предоставило командные посты в русской армии направляемым из шведской армии иностранным офицерам. Оно поручило вскоре своим послам Племянникову и Аристову закупить за границей большую партию мушкетов, карабинов, пистолетов, шпаг, шлемов и пр. именно тех образцов, которые на вооружении в шведской армии⁴³. Проект Лесли был принят почти дословно в том виде, как он его изложил: самому Лесли и было поручено ехать обратно за границу и нанять «как можно спешнее и лучше» на царскую службу три (в дальнейшем четыре) полка опытных ландскнехтов с должным штатом командиров на тех же условиях оплаты и службы, которые были приняты в остальной Европе⁴⁴. Лесли, выехавший в феврале 1631 г. вместе с русскими послами Племянниковым и Аристовым, получил, кроме денежной наличности для найма и закупок, также на 110 тыс. ефимков «грамоток» (векселей) к амстердамским коммерсантам от находившихся в Москве иноземных купцов⁴⁵. Очень характерно, что и в наказе, данном Лесли, и в царском послании к Густаву-Адольфу выражено желание московского правительства, чтобы оружие было закуплено по возможности непосредственно из шведской казны, а солдаты

⁴¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 168—169; ср. 1631, стб. 2: приезд шведского гонца Иоганна фон Стенберга, которому пушечный мастер Коэт приходился зятем. Коэт, кроме передачи этого предложения о пушках, должен был осуществить своего рода ревизию деятельности Елисея Ульянова и Демулина по закупке и отправке русского зерна «на шведского короля».

⁴² Ср., например, решительный отпор, данный в 1630 г. шведским попыткам дипломатического панибратства: выписка на основании прошлых договоров, что московские цари «братством (т. е. «братом») к шведскому королю никогда не писывали и не пишут» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 11, л. 5).

⁴³ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4. О доставке разнообразного закупленного оружия в декабре 1631 — январе 1633 г. см. в стб. 11 за 1631 год.

⁴⁴ Е. Сташевский ошибочно противопоставляет плану шотландца Лесли план голштинца фон Дама, поданный 18 января и принятый в конце февраля 1631 г. (Указ. соч., стр. 74—81). Фон Дам был помощником и как бы заместителем Лесли; во время отсутствия последнего фон Дам вместе с тестем Лесли, Унзингом, писали из Москвы донесения Густаву-Адольфу (см. Форстен Г. «Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI—XVII вв.», вып. II, стр. 129. 1893). Они же принимали нанятых Лесли солдат и закупленное оружие.

⁴⁵ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10; 1631, стб. 3; ср. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 3, №№ 81—88; Е. Сташевский (Указ. соч., стр. 71—83, 88—108) подробно анализирует историю найма, состав, транспортировку в Москву, организацию этих иноземных полков. Они начали прибывать только с конца 1631 года. Необходимо отметить, что Сташевский развивает совершенно ошибочную концепцию, будто наём иностранных полков, задуманный Лесли, дал плохие результаты из-за отказа Густава-Адольфа (а также датского короля) разрешить вербовку войск в своих землях. Московское правительство, полагает Сташевский, зная о деморализованности и негодности немецких ландскнехтов, сознательно не указало в наказе Лесли Германию, а предписало ему, если не удастся нанять всех солдат в Швеции, ехать для вербовки дальше, в Данию, Голландию и Англию; между тем обстоятельства принудили его вопреки инструкции нанять основную часть ландскнехтов именно в немецких землях. На самом деле Лесли в своём проекте рекомендовал писать к Густаву-Адольфу, «что б он, для дружелюбства, в своём королевстве и в (тех) немецких землях, которые ныне за ним, позволил ц. величеству людей нанимать», и именно эта формула воспроизведена в царской грамоте к Густаву-Адольфу, посланной с Лесли: царь просит «для нашей царской дружбы и любви позволить в своём королевстве и в немецких землях, которые ныне за вами, ратных людей полковнику Александру Лесли нанимать» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 139; стб. 10, л. 2). Таким образом, вся концепция Сташевского построена на недоразумении. Густав-Адольф отнюдь не отказал Лесли, а, напротив, помог осуществить именно то, что он сам через Лесли и посоветовал московскому правительству: использовать для усиления московской армии те рынки ландскнехтских рук в Германии, которые оказались под властью Швеции.

наняты предпочтительно из числа тех «охочих людей добрых», «которые ныне у его королевского величества служат по найму», и чтобы Густав-Адольф отпустил также «полковников, капитанов, поручиков и иных начальных людей, которые ныне служат в шведской армии, но захотят ехать служить в Московское государство»⁴⁶. Эту просьбу Густав-Адольф, разумеется, полностью не смог удовлетворить в ущерб своей армии, но важно, что даже мысль такого рода не возникла бы, если бы в Москве не были уверены, что Густав-Адольф видит в русско-польской войне часть собственной военной задачи.

Обеспечивая себе всеми этими средствами известное влияние в русской армии, Густав-Адольф тем не менее понимал, что всё же не от военных кругов, а от русского правительства будет зависеть, в конце концов, начало войны Московского государства с Польшей. Попрежнему бездействуя поневоле на своём померанском плацдарме, он не переставал обдумывать то тот, то другой способ подтолкнуть медлительный ход событий на Востоке. Решение этой дипломатической проблемы было найдено им только в конце октября — начале ноября 1630 года. Вернее, решение привёз ему в эти дни один из самых своеобразных и интересных деятелей европейской дипломатии того времени — француз Яков Руссель⁴⁷, приехавший в качестве венгерского (собственно, трансильванского) посла через Константинополь, Москву, Швецию и привезший Густаву-Адольфу в Померанию письма от Бетлена Габора (уже умершего), турецкого султана, крымского хана и московского царя⁴⁸. Руссель, хотя, безусловно, не лишённый черт авантюриста, внушил Густаву-Адольфу, как и ряду других крупных деятелей, большое уважение своим умом и политическими идеями. Вместе они и разработали проект, по словам Нильса Анлунда, «поразивший весь мир»⁴⁹: заявить претензию Густава-Адольфа на польский престол, который вот-вот должен был освободиться ввиду дряхлости Сигизмунда III.

Из последующих писем Русселя к Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету Никитичу видно, что этот проект Руссель уже ранее обсудил и выработал с ними во время своих тайных бесед в Москве⁵⁰, хотя присланто был изложить перед ними план приобретения польской короны Бетленом Габором⁵¹ (во время пребывания Русселя в Москве стало известно о

⁴⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 108, 139; стб. 10, л. 25.

⁴⁷ В статье «Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну» мы назвали Русселя шведом в результате ошибочного отождествления его с шведским гонимым к Бетлену Габору. Биографические сведения о Русселе удалось найти у французских мемуаристов. Подробная характеристика политической роли Русселя в Трансильвании, Турции и России будет дана нами в другой связи.

⁴⁸ Wejle. Op. cit., s. 19. Руссель выехал из России через Новгород 24 июля 1630 г., 20 августа отплыл из Выборга в Швецию (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 40, 62). См. там же, 1630, стб. 8, данную ему рекомендательную грамоту Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу от 6 июля 1630 года.

⁴⁹ Nils Ahnlund. Op. cit., s. 332.

⁵⁰ В своём первом сообщении о переговорах с Густавом-Адольфом (от 29 января 1631 г.) он пишет: «И сверх того я говорил один-на-один с королевским величеством о том добром деле от вашего царского величества, и договорился с ним тайно по вашему произволению и желанию вашему. И только за тем стало, что надлежит наводнить и соединить (организовать) изволение (т. е. волю) панов-рады на доброхотение к превельможнейшему Густаву-Адольфу королю, так же как они желали и хотели покойника блаженной памяти короля Габора, еже волею божиею преставился, тогда как он со своим войском шёл в Польшу на исходе 1629 года» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 2).

⁵¹ Бетлен Габор, судя по речи его послов в Москве, рассчитывал на три фактора: 1) военную силу свою и своих союзников, 2) доброжелательное отношение сейма («панов-рады») к нему и к идее польско-венгерской унии, 3) рокош, который, по его предположению, со ссылкой на исторические прецеденты, поднимут против своего короля поляки, если он начнёт не одобряемую ими войну (ЦГАДА. Дела венгерские. 1630, стб. 1, л. 162—163).

смерти Бетлена Габора)⁵². Проект посадить на польский престол Густава-Адольфа был, как видно, составной частью того «великого замысла», обсуждавшегося в палатах Филарета Никитича в июне 1630 г., на который Руссель часто намекает в письмах. Но и Густав-Адольф со своей стороны был тоже подготовлен к этому шагу. Ему было известно от посла Страсбурга, вернувшегося с отчётом в Швецию в начале 1630 г., что перед смертью Бетлен Габор писал польским магнатам, горячо рекомендуя Густава-Адольфа на польский престол. Канцлер Оксеншерне был ещё раньше сторонником выдвижения кандидатуры Густава-Адольфа и теперь вместе со Страсбургом держал курс на всемерное разжигание религиозной борьбы внутри Польши. Густав-Адольф имел тайные сношения (через рижского бургомистра Ульриха) с вождём польских протестантов — князем Кристофером Радзивиллом⁵³.

Однако всё это было совсем непохоже на принятое теперь решение. Густав-Адольф, возведя Русселя в высокий придворный ранг и снабдив 5 ноября пышными верительными грамотами и огромными полномочиями, отправил его в качестве своего официального посла к польским магнатам и сенаторам, к польской «республике», минуя короля. Руссель должен был открыто пропагандировать выгоды польско-шведской унии и Густава-Адольфа как защитника польских свобод от «узурпаций» Сигизмунда, собиравшегося при жизни добиться избрания королём кого-либо из своих сыновей. Заехав в конце ноября в г. Эльбинг к канцлеру Оксеншерне, который был удивлён всем этим, но подчинился воле короля, Руссель затем с декабря 1630 г. обосновался в Риге и Дерпте. Оттуда он посылал гонцов в Польшу с письмами к магнатам и сейму, а позже, в 1632 г., стал даже печатать эти письма и антигабсбургские воззвания, как и верительные грамоты Густава-Адольфа, и широко распространять их в Польше. Перепуганные польские протестанты, к которым он адресовался, в том числе Радзивилл, разумеется, начали отрекаться от всякой связи со шведами, шляхтичи публично рвали русселевские листовки с восхвалениями Густава-Адольфа или отсылали их разгневанному Сигизмунду. В апреле 1632 г. гонец Русселя Мавиус, добивавшийся после сейма встречи с польским дворянством, едва спас свою жизнь⁵⁴. Вся Европа была понетине поражена таким небывалым способом ведения политических дел⁵⁵.

Русселя считают первым виновником неудачи претензий Густава-Адольфа на польский престол. «Насколько удачна, — говорит Вейле, — была политика Густава-Адольфа в отношении Польши до заключения Альтмаркского перемирия, настолько неудачной она была во время перемирия». Его «основной план» — вызвать в Польше междоусобия, отнять престол у потомков Сигизмунда или хотя бы принудить их к отказу от притязаний на Швецию — «полностью провалился». Руссель только оттолкнул от Густава-Адольфа польские оппозиционные круги, слишком рано разоблачив его намерения перед противниками, когда надо было ещё действовать в глубокой тайне через Радзивилла⁵⁶. Но действительно ли в этом состоял «основной план» Густава-Адольфа? 22 апреля 1631 г. он сам писал Оксеншерне, что вопрос о польской короне его совершенно не интересует⁵⁷. Да и мог ли этот проницательный политик не понимать

⁵² Ещё будучи при дворе Бетлена Габора, Руссель выступал как горячий поклонник Густава-Адольфа, определённо ориентировался на него и заключил тайный договор с его послом Страсбургом. Последний снабдил Русселя не только рекомендательными письмами к Густаву-Адольфу, но и полномочиями действовать в Турции и России в интересах Густава-Адольфа и от его имени (Wejle. Op. cit., s. 12—13).

⁵³ Wejle. Op. cit., s. 12—16; Szela g w s k i. Op. cit.

⁵⁴ Wejle. Op. cit., s. 19—33.

⁵⁵ См. «Theatrum Europaeum». Т. II, p. 571—572.

⁵⁶ Wejle. Op. cit., s. 61—65.

⁵⁷ Ibidem, s. 39.

что у него ни при каких обстоятельствах нет шансов получить мирное большинство в польском сейме! Сопоставление актов его польской политики и его русской политики подтверждает эту мысль, — что на самом деле его основной план состоял в том, чтобы принудить Московское государство к войне с Польшей. Ведь его манила гораздо более пленительная цель, чем польская корона: покорение Германии, возможно, германская императорская корона⁵⁸. И только свобода рук Польши была помехой на пути к этой цели. В те же самые дни, в начале ноября 1630 г., когда столь громогласно Руссель был отправлен в Польшу, Густав-Адольф дал совершенно тайное поручение Моннеру ехать в Москву с новым проектом разгрома Польши, о чём речь будет ниже. Насколько эти две миссии представляли одно целое, видно из того, что Густав-Адольф обе составленные им инструкции, Русселю и Моннеру, из которых первая датирована 8 ноября, вторая—11 ноября, переслал вместе (повидимому, с Русселем) для сведения канцлеру Оксеншерне, ответ которого от 17 января 1631 г. с разбором обеих инструкций, кстати сказать, лишней раз подтверждает впечатление, что Оксеншерне в те времена стоял несколько в стороне от русской и польской политики Густава-Адольфа, не всё в ней понимал, да и не всё знал. Но во всяком случае, и Оксеншерне было ясно, что главная задача не только Моннера, но и Русселя, — «добиться в России войны против Польши»⁵⁹; инструкция предписывала Русселю ехать после Польши в Москву.

В чём же состоял замысел Русселя и Густава-Адольфа? Они решили воздействовать на московское правительство его же собственным козырем. Московское правительство, предлагая через Русселя Густаву-Адольфу польскую корону, несомненно исходило из того расчёта, что в случае согласия Густаву-Адольфу придётся предпринять военное вторжение в Польшу (как собирался действовать и Бетлен Габор); при этом он должен будет искать военного союза с Москвой, и Москва сможет продиктовать свои территориальные и политические условия будущему польскому королю⁶⁰. А Густав-Адольф теперь с помощью того же Русселя перенёс акцент на вопрос о согласии польских панов на его избрание и тем самым пугал Москву возможностью получить польскую корону мирным путём, без военного давления и, следовательно, без московской помощи. Мало того, в перспективе Московское государство оказалось бы соседом сильного польско-шведского государства, не успев ничего вернуть из своих потерь времён смуты и интервенции. Ясно, что известие о миссии Русселя должно было заставить Москву поторопиться с объявлением войны Польше. Так и случилось.

Руссель очень энергично принялся в декабре 1630 г. выполнять обе части своей миссии: и подсобную — польскую и главную — русскую. Повидимому, ему следует, между прочим, приписать появление в Москве в декабре 1630 г. провокационных «вестей» о близком выступлении поля-

⁵⁸ См. анализ конечных целей похода Густава-Адольфа в Германию у Nils Ahnlund. Op. cit., s. 393—401. Для характеристики этих целей ещё никем не привлеклась следующая фраза из неопубликованного письма Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу из Штеттина от 21 июня 1631 г. (в переводе Посольского приказа): «А что ваше ц. в-во держит к нашему кор. в-ву добрую надежду, чтоб наше кор. в-во вашему ц. в-ву против польского короля помогал, то хотя (ещё) и не вся немецкая земля под наше королевское величество поддана, однако мы нашу королевскую великую дружбу и любовь к вашему ц. в-ву показать хотим»: следует разрешение нанять 5 тыс. солдат в Померании, Мекленбурге и Пруссии для войны с Польшей, провезти их через Швецию, бесшумно вывезти закупленное оружие и пр. (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4, л. 133).

⁵⁹ Arkiv till upplysning om svenska krigens historia. Bd. II, s. 157.

⁶⁰ Это подтверждается наказом, данным позже русским послам Пушкину и Горихвостову, отправленным в 1632 г. в Швецию для заключения союза.

ков («литовских людей и русских воров порубежных мужиков») ⁶¹, породившее серьёзную военную тревогу: рассылку царской грамоты о переходе на военное положение по 19 городам, экстренную ревизию военной готовности порубежных крепостей, ряд чрезвычайных мероприятий Пункарского приказа ⁶². В связи с этой тревогой стоит, несомненно, и срочное принятие 30 декабря всех предложений уже заждавшегося Александра Лесли о найме иностранных полков ⁶³. Но свой главный ход Русселя сделал в январе 1631 г.: он прислал из Дерпта на имя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета Никитича донесение о своём свидании с Густавом-Адольфом, о своём новом высоком poste полномочного шведского посла «к всему миру в Польше» в связи с открывающимся в Варшаве сеймом, о своём решении остаться пока в Риге и послать в Польшу на сейм только двух гонцов с приглашением к вельможам приехать в Ригу для переговоров о кандидатуре Густава-Адольфа на польский престол. К донесению были приложены копии верительной грамоты, выданной Русселю Густавом-Адольфом, и письма Густава-Адольфа к польским вельможам (кастеляну краковскому и др.), датированные 5 ноября в г. Штральзунде ⁶⁴. Это донесение Русселя прибыло в Псков с сопроводительным письмом шведского губернатора Лифляндии Иоганна Шютте ⁶⁵, просившего псковского воеводу ввиду важности дела «ту грамоту тогдашн днём и ночью беспрестанно с прямым гонцом послать» в Москву.

Дипломатическая комбинация Густава-Адольфа оказалась рассчитанной совершенно точно. Донесение Русселя произвело в Москве сильное действие. Это видно из сопоставления дат. Буквально на другой день было решено дело, тянувшееся уже несколько месяцев. Хотя обязательство Турции выступить против Польши ранней весной 1631 г. прибыло ещё в июне 1630 г. и Московское государство твёрдо намеревалось выступить одновременно с Турцией, с сообщением об этом Швеции не считали нужным спешить. Посольство Племянникова и Ариетова к Густаву-Адольфу, подготовлявшееся с октября 1630 г., всё откладывалось: собиралась информация о военных действиях шведов в Германии, — ещё 16 января 1631 г. очередная царская инструкция новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому предписывала тайно выведать за рубежом: что

⁶¹ Это предположение основано на том, что в другом случае появления таких же «вестей», вскоре после данного случая, нити ведут прямо к Русселю: в феврале 1631 г. он прислал из Дерпта на русскую заставу возле Пскова человека для передачи письма на имя Михаила Фёдоровича, и этот человек подробно рассказал на заставе о числе и расположении литовских войск, которые, по его словам, вскоре должны были уже начать наступление на Псков под командованием Владислава. На этот раз московское правительство приказало послать за рубеж двух — трёх разведчиков под видом купцов для проверки «литовских вестей» и вскоре получило успокоительное сообщение о ложности всей этой информации (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5, л. 2—5, 14—15, 21—22).

⁶² Сташевский Е. Указ. соч., стр. 283.

⁶³ Судя по особой грамоте Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу от 28 февраля 1631 г. (из Альтенштадта в Немерани), Лесли даже написал Густаву-Адольфу, что его в Москве не используют и низко оплачивают; Густав-Адольф просит или назначить Лесли то же содержание, какое получают в шведской армии другие полковники, или отпустить его, «потому что здесь в царской области (т. е. в Германии) нашему кор. в-ву разумные полковники в службе годны» (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 51). Из столбца Посольского приказа видно, что ещё до получения этой грамоты дело Лесли вдруг сдвинулось с места во второй половине декабря 1630 года. По просьбе кн. И. Б. Черкасского, Лесли 21 декабря на основе предшествовавших переговоров представил докладную записку; 30 декабря последовало распоряжение царя и патриарха изготовить, исходя из неё, все необходимые документы для миссии Лесли (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 1—13).

⁶⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 1—6, 29—30. Письмо Русселя ошибочно датировано январём 1630 г. вместо 1631 года.

⁶⁵ О Шютте и его деятельности в качестве шведского губернатора Лифляндии см. Lilje dahl R. «Svensk förvaltning i Livland 1617—1631». Kap. XI, s. 524—530 Uppsala. 1933.

делается в Швеции и на войне, где находится Густав-Адольф «и с польским королём у него ссылка (сношения) есть ли и если есть, то о чём»⁶⁶.

Но 25 января, сразу после получения донесения Русселя, был подписан наказ Племянникову и Аристову, 29 января была подписана грамота Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу, а 30 января Племянников, Аристов и Лесли спешно выехали из Москвы. Они везли с собой то, чего так страстно желал Густав-Адольф. Послы должны были, изложив перед ним краткую историю русско-польских отношений со времён смуты, подчеркнуть, что царь уже порвал Деулинское перемирие, отказавшись принять в прошлом году польских послов, и заявить от имени царя: «а ныне мы великий государь за те короля Сигизмунда многие неправды хотим на него стояти и бояр наших и воевод с ратными людьми на весну (зачёркнуто: рано) хотим послати»⁶⁷.

Александр Лесли получил также дипломатические послания Михаила Фёдоровича к английскому королю Карлу I, к датскому королю Христиану IV, к голландскому штатгальтеру Генриху Оранскому и Нидерландским Генеральным Штатам. Во всех этих посланиях, как и к Густаву-Адольфу, фигурирует, после изложения «неправд» Сигизмунда III, одна и та же формула, очень важная для понимания международной концепции московского правительства: «Да и то нам ведомо, что королевич Владислав хочет достигать нашего Московского государства и разорить государство и веру нашу христианскую, а свою еретическую папешскую проклятую веру ввести и утвердить, по умыслению папы римского и по совету цесареву и короля испанского и короля литовского (т. е. Сигизмунда). И мы великий государь видя их такие многие неправды, до перемирных лет польскому королю (Сигизмунду) и панам-раде терпеть не хотим». Как видим, война против Польши публично трактовалась Московским государством перед лицом Европы как косвенная война и против всего габсбургско-католического лагеря. Сообщая всем указанным государям о своём намерении начать военные действия весной 1631 г., Михаил Фёдорович просил у них помощи в найме солдат и закупке оружия⁶⁸. Таким образом, это было гласным и формальным объявлением войны Польше.

Но как ни спешили послы и Лесли, они встретились в пути до Швеции и из Швеции в Германию с задержками. Прошло целых четыре месяца, прежде чем они смогли доставить Густаву-Адольфу это драгоценное известие.

Тем временем тревога Густава-Адольфа возрастала. Правда, в январе 1631 г. он имел, наконец, союзный договор с Францией, подписанный в Бервальде. Но двигаться в глубь Германии он попрежнему не мог: прибывали известия о польских военных приготовлениях, которые могли быть использованы против Швеции даже и без формального нарушения Польшей Альтмаркского перемирия. Например, 8 января 1631 г. рижский бургграф Ульрих донёс, что «император пытался получить возможность вербовки армии в Польше, которая должна ударить в тыл шведам в Германии»⁶⁹. Действительно, в 1631 г. вся Европа знала, что Сигизмунд, в соответствии с договором о взаимопомощи, заключённым ещё в 1621 г. с императором Фердинандом II, предоставил ему свободу вербовки и

⁶⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 46—47.

⁶⁷ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 96—106. Тут же сообщается о прошлогоднем посольстве от султана Мурада IV, известившего, что «на весну» посылает на польского короля большое войско, «а нам бы стоять с ним на польского (короля) заодно» (л. 103). Приблизительно тот же текст содержится и в письменной грамоте Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу (л. 127—145).

⁶⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 51—69 (грамота к Христиану IV), 70—85 (грамота к Карлу I), 86—97 (грамота к Генриху Оранскому), 98—111 (грамота к Нидерландским Штатам). Все грамоты, как и к Густаву-Адольфу, датированы 29 января 1631 года.

⁶⁹ Wejle. Op. cit., s. 18.

формирования войск на территории Польши, отклонив, однако, его требование о немедленном военном союзе против Швеции⁷⁰.

Но у Густава-Адольфа был уже заготовлен противовес всем этим угрозам. Выше мы упомянули о его тайном поручении, данном Моннеру в ноябре 1630 года⁷¹. То была вторая половина проекта, предложенного Русселем Густаву-Адольфу, с целью ускорить вступление России в войну с Польшей. Миссия самого Русселя должна была послужить кнутом, миссия Моннера — пряником. Только из-за медлительности Моннера и стремительности Русселя обе части единого плана разошлись во времени: Моннер попал в Москву лишь 15 мая 1631 г., через три с половиной месяца после того, как русское посольство уехало к Густаву-Адольфу.

Моннер — крупный шведский военный; когда впоследствии московское правительство предложило ему взять командование целым полком, он отказался, сославшись на полученное назначение в шведской армии⁷². Его миссия также носила чисто военный и в высшей степени секретный характер⁷³. Она служила как бы следующим шагом в развитии миссии Лесли⁷⁴. Моннер, согласно инструкции, от имени Густава-Адольфа должен был предложить царю и патриарху нечто, очень похожее на то, чего они через Русселя как раз хотели добиться от Густава-Адольфа, — военное вторжение в Польшу с запада одновременно с русским вторжением с востока, — но только с существенной поправкой: армия для этого вторжения будет нанята, хотя и в Германии (на территориях, подвластных или союзных Швеции), и даже под личным руководством Густава-Адольфа, но на русские деньги⁷⁵.

Полный текст докладной записки, поданной Моннером царю, не сохранился, однако её содержание частично воспроизведено в позднейшей переписке, и мы можем составить себе о ней представление. Сначала Моннер от имени Густава-Адольфа пылко благодарил царя («дружно бил челом») за «великую дружбу», выразившуюся в разрешении уже несколько лет закупать в России «доброе число ржи». «Высоко почитая» эту помощь и прося о её продолжении, Густав-Адольф «в печали пребывал как бы ему против того воздати» и, наконец, нашёл способ: подобно тому, как Михаил Фёдорович этим разрешением помог ему против императора, он решил «в вашем зачатом деле против польского (короля) думою и

⁷⁰ Например, Бурж, описывая положение Швеции весной 1631 г., сообщает: «Польский король, связанный договором со шведским королём и не имея возможности ничего предоставить императору, не пожелал выступить, но всё-таки позволил императору наберечь в своём королевстве сколько угодно войск» (*De bello suecico*. 1633, p. 134).

⁷¹ Ср. протокол рейхерата от 26 января 1631 г. об отправке Моннера в Москву. *Svenska riksrådets protokoll (Handlingar rörande Sveriges historia, 3 serien)*. Bd. II, s. 53. 1880.

⁷² ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 228—229.

⁷³ Приехав в Москву, Моннер сообщил приставам, что, кроме явных дел, «есть с ним речь к государю тайная»; поэтому ему предложено было на публичном приёме у царя ничего не говорить, а прислать свою речь в письменном и запечатанном виде. Тайно был ему вручён и царский ответ, не известный никому даже в Посольском приказе, кроме самого думного дьяка (Ф. Ф. Лихачёва), у которого «в тайном посольском столпу», не дошедшем до нас, был подклеен текст этого ответа (см. ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 7, л. 140, 189). Отметим, что какие-то неведомые нам силы пытались и сумели проникнуть в тайну этого ответа: листы 269—282 указанного столбца повествуют о том, что по выезде из Москвы, в Химках, возок того члена посольства Моннера, который вёз документы, был ограблен, а через несколько дней все документы, запечатанные и завёрнутые в «пспону», были подброшены на дороге и доставлены нашедшим их крестьянином в Москву, в Посольский приказ; специальный гонец повёз их вдогонку за Моннером.

⁷⁴ Моннер не застал Лесли в Москве, но, покидая Москву 7 июня, он заехал будто бы «выпить» к тестю Лесли—Унзингу, проживавшему в Химках (очевидно, вместе с дочерью — женой Лесли). Именно по выезде оттуда и был ограблен отставший возок. Не соблазнил ли Моннер чьего-либо любопытства как раз в доме Лесли, демонстрируя тайный царский ответ?

⁷⁵ Изложение инструкции, данной Моннеру, см. у Фюрстена «Балтийский вопрос». Т. II, стр. 364—365. Wejle. Op. cit., s. 9.

делом помогать». Учитывая, «что король польский римскому цесарю во всём радует и ищет ему добра чинить: не только ему полковников перепустил (т. е. отпустил служить), но и позволил цесарю в своей земле людей нанимать», — Густав Адольф полагает, что он в той же мере не нарушит польско-шведского перемирия, если поступит, как польский король, и русскому царю «таким же способом свою добрую подвижность (поддержку) окажет». «Добре годно вашему ц. в-ву видную армаду, то-есть войско в (той) немецкой земле учинить, которую его к. в-во взял и ододел, и с той стороны в польскую землю удариться»⁷⁶. При этом царю конкретно рекомендовалось нанять 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конных, формированием и военными действиями которых Густав-Адольф брался лично руководить⁷⁷. Но зато он просил не заключать сепаратного русско-польского мира, т. е. не включив в него Швецию⁷⁸.

Вейле справедливо замечает, что осуществление этого плана «сделало бы более несомненным успех русских в войне с поляками и в то же время дало бы Густаву-Адольфу полное спокойствие, что Польша не выступит против него»⁷⁹. Оксеншерна увидел в этом плане только хитрость со стороны Густава-Адольфа. Анализируя в цитированном уже письме инструкцию Моннера, он пишет, что, насколько он понял, она сводится к трём основным пунктам: «1) втянуть московитов в войну с Польшей, 2) доставить вашему королевскому в-ву денег под предлогом вербовки в Германии для нужд России, 3) достигнуть продолжения закупки хлеба. Все три пункта, — продолжает он, — именно таковы, каких требует настоящее время, и я очень желаю, чтобы Моннер вёл это дело разумно и добился чего-либо хорошего. Безопасность Швеции и вашего королевского в-ва требует, чтобы Польша не была свободна от опасности со стороны Москвы, и если она (Москва) действительно вступит в войну, то наши дела будут обстоять хорошо и обеим сторонам придётся уважать нас»⁸⁰. Источники подтверждают, что цена, которую в дальнейшем запросил Густав-Адольф с Москвы, в самом деле дала бы ему возможность попутно основательно пополнить свою казну, но план нападения на Польшу с запада всё же не был только «предлогом». Сам Оксеншерна с некоторым сомнением допускает: «Если та вербовка в Германии для нужд великого князя (московского) затеется, то Руссель имеет широко дискутировать со мной об этом; он сам хочет по возможности продвигать это дело»⁸¹. Действительно, инициатор всего плана, Руссель, смотрел на него, как на реальность, и хотел держать руководство им в своих руках. Так же смотрел на дело и Густав-Адольф.

Авторы цитированного новейшего труда «Sveriges krig 1611 — 1632» склонны упрекнуть Густава-Адольфа в легкомыслии за его увлечение этим планом и восхваляют трезвую мудрость Оксеншерны. «У Русселя был наготове план, подобный тем, какие авантюристы того времени рассыпали вокруг себя и которые Оксеншерна всегда расценивал с охлаждающей трезвостью». Они исходят при этом из традиционного мнения о глупости всех вообще польских затей Русселя. Гибельное влияние на Густава-Адольфа приписывается также Моннеру, убеждавшему короля выполнить план Русселя, как ни противился этому канцлер. «Тщетно Оксеншерна предупреждал: предполагаемая вербовка для русских только запутала бы Швецию в русско-польскую войну, а задача Швеции должна была бы быть только та, чтобы «сидеть смиренно при этом положении вещей, не затронутой поляком»; угроза со стороны России могла бы принести помощь и без этих авантюристических способов. Однако Густав-

⁷⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 220—222.

⁷⁷ Там же, стб. 7, л. 287.

⁷⁸ Там же, стб. 8, л. 68.

⁷⁹ Wejle. Op. cit., s. 9.

⁸⁰ Arkiv till upplysning om svenska krigens historia. Bd. II, s. 157.

⁸¹ Ibidem.

Адольф крепко держался за мысль при помощи этого проекта отвлечь Польшу и рьяно утверждал, что этот план не противоречит международному праву»⁸².

Нам взгляд Оксеншерны представляется, напротив, очень близоруким, а план Русселя и Густава-Адольфа — значительно более дальновидным, хотя и рискованным. Ведь русско-польская война ещё не была действительностью. Без серьёзного вклада со стороны Швеции дело не могло обойтись. И сознавая это, Густав-Адольф, вопреки Оксеншерне, торопил Русселя и Моннера.

Пристав в феврале 1631 г. новое донесение в Москву о своей миссии в Польше, Руссель в марте уже сам прибыл на рубеж во главе пышного посольства. Сопроводительная грамота губернатора Шютте рекомендовала его как «великого посла, больше которого давно не бывало», имеющего тайный «изустный приказ от шведского короля, которые дела гораздо надобны шведскому королевству и российскому государству»⁸³. В связи с его ролью в Польше его пустили на Москву с большой подозрительностью⁸⁴ и лишь после долгой проволочки, тем более, что у него не было письменного документа от Густава-Адольфа⁸⁵. Однако вслед за ним пришло новое послание Шютте с извещением, что Густав-Адольф к нему в Ригу «пригнал гонца» в начале апреля: Русселю «велено идти к Москве день и ночь наспех» с порученными ему «надобными делами» «и чтоб ему к королевскому величеству приехать с добрым ответом непременно вскоре»⁸⁶. Густав-Адольф определённо нервничал. В Москве Руссель вёл абсолютно тайные переговоры с кн. Иваном Борисовичем Черкасским, доверенным лицом патриарха и царя⁸⁷.

По последующей переписке можно установить, что, предвосхищая запаздывающего Моннера, Руссель сам изложил план найма войск для вторжения с запада в Польшу и сосредоточения их в «Силезской земле», причём предлагал свои услуги для руководства этим наймом⁸⁸. С этого момента началась борьба Русселя против вербовки иноземных полков в Германии, которую проводил Лесли; учитывая невидимому, ограниченность и русской казны и немецкого рынка найма (а может быть, также собственную выгоду), он всячески доказывал в последующих письмах царю, что «сбор» полковника Лесли «не сойдётся и помешку учинит думе (т. е. замыслу) вашего величества», что иноземные полки на русской службе могут изменить и перейти к гетману Гонсевскому, что «тех немцев, которых нанимают», надо послать на Польшу не с московской стороны, а с силезской⁸⁹. Наряду с этим Руссель обсуждал с И. Б. Черкас-

⁸² «Sveriges krig 1611—1632». Bd. V, s. 229—230.

⁸³ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5, л. 42, 48.

⁸⁴ Ещё в феврале новгородскому воеводе было приказано, послав в Ливонию разведчиков под видом купцов, поручить им, между прочим, «тайно проводывать» в Риге про деятельность Якова Русселя: «что у него учётся делати». По прибытии в Москву состав посольства был поставлен в необычные условия: приставам было приказано всех, кто придёт к двору и будет о чём-либо разговаривать с послом или его людьми, «ктошед от посольского двора» хватать и присылать в Посольский приказ, но «что б то послу было не знатно и не сумнительно» (там же, л. 15, 120—121).

⁸⁵ Любопытна резолюция рукою Филарета Никитича: «Как государь произволил, а мне кажется — его не мешкая пропустить: потому как ему без королевского ведома ехать сюда? Что б его велеть пропустить не мешкая. А яз чаю, что он едет с великим делом» (там же, л. 45 об.)

⁸⁶ Там же, л. 147—148.

⁸⁷ Запись переговоров не сохранилась; она должна была храниться у кн. И. Б. Черкасского, «а в Посольском приказе ни о чём не ведомо, потому что Яков Руссель приезжал с великим и тайным делом» (там же, л. 166—167).

⁸⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 9, л. 3—19.

⁸⁹ Там же, стб. 10, л. 5, 29, 43. Позже Руссель предлагал съезд посредничества между Московским государством и князем Христианом Ангальтским, который выразил согласие за хорошее вознаграждение стать во главе нанятых Москвою иностранных войск (1632, стб. 8). Но в это время Смоленская война была уже в разгаре.

ским все вопросы предстоящей войны с Польшей, а также вопрос о русско-шведском союзе. Полученную информацию, представлявшую огромную ценность для Густава-Адольфа, Руссель позже, в июле, переслал последнему через Оксеншерну⁹⁰. Но никакого официального письменного ответа Руссель с собой не повёз, поскольку не привёз письма Густава-Адольфа. Одарённый богатыми царскими подарками, окружённый заботой и вниманием, Руссель выехал из Москвы обратно в Ригу 13 мая⁹¹, за два дня до приезда в Москву Моньера, переговоры которого он, таким образом, подготовил и который получил уже официальный царский ответ на план Густава-Адольфа.

Каков же был этот ответ? По словам Вейле, предложение Густава-Адольфа «возбудило большое удовольствие у царя»⁹². Действительно, оно было охотно и целиком принято, лишь с незначительными поправками. Так, в Москве не захотели включить конницу в нанимаемое войско, предпочитая лучше нанять лишних 5 тыс. человек пехоты, а конницу направить свою собственную к условленному месту встречи. Ответ по поводу просьбы Густава-Адольфа не заключать сепаратного мира с Польшей содержал не только согласие, но и намёк на то, что, может быть, в результате войны вообще не придётся с нынешним королём заключать ни мира, ни перемирия, т. е. что польская корона может достаться самому Густаву-Адольфу. Наконец, была выражена просьба уточнить место, откуда Густав-Адольф думает напасть на Польшу (через Лифляндию или через Германию), и стоимость всего предприятия⁹³. Моньер выехал из Москвы 7 июня 1631 г., но Густав-Адольф только в августе узнал об успехе его миссии и получил тайное послание Михаила Фёдоровича. В этом послании, между прочим, подтверждалось обязательство начать в нынешнем, 1631 г. войну против Польши, но срок выступления передвигался с весны на «лето»⁹⁴.

Густав-Адольф, видимо, был обеспокоен медлительностью Моньера, судя по тому, что уже в марте 1631 г. он направил не только упомянутого выше гонца к Русселю, торопя последнего ехать в Москву, но и формально назначил (3 марта) с тем же поручением, какое имел Моньер, нового посла в Москву, Иоганна Мёллера, «на смену Антону Моньеру», которому ездить слишком «протяжливо», тогда как Мёллер взялся пересылать письма за четыре недели; при этом Мёллер должен был остаться на постоянное жительство в Москве для ведения всех «явных и тайных дел»⁹⁵. Следует учесть, что Мёллер лишь незадолго до того, в феврале 1631 г., приехал в Померанию к Густаву-Адольфу из Москвы, и был первым, кто привёз ему радостные известия, хотя ещё не официальные, о военных приготовлениях Московского государства. Прибыв вторично в Москву в начале июня 1631 г. (за несколько дней до отъезда Моньера), Мёллер рассказывал, что он «недели три каждый день в комнату его в-ва (Густава-Адольфа) ходил и его в-во о сем (Московском) царстве и о своей тайности (тайне) с особенным радением наказывал»; «а ведает у короля те тайные дела, о которых он послан к царскому в-ву, один королевский канцлер Оксеншерна, а оприч того канцлера про тайные дела никто не ведает»⁹⁶. Всё это производит впечатление правды, с той, впрочем, оговоркой, которая выше была сделана о роли Оксеншерны.

⁹⁰ Это донесение выслано им из Риги 17 июня и получено Густавом-Адольфом с письмом Оксеншерны (от 12 июля) не раньше конца июля 1631 года. Wejle. Op. cit., s. 24.

⁹¹ 26 мая Руссель отплыл на судах из Пскова, прихватив с собой иноходца из царской конюшни и возок, крытый лазоревым сукном, вовсе ему не подаренные, а данные лишь на проезд от Москвы до рубежа (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5. л. 187 и сл.).

⁹² Wejle. Op. cit., s. 10.

⁹³ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 222, 68.

⁹⁴ Там же, л. 68.

⁹⁵ Там же, л. 15, 57—58.

⁹⁶ Там же, л. 57, 16.

Мёллер предпослал изложению своих тайных дел международную информацию — тенденциозную, однако не лишённую основания. Между прочим, он говорил о намерениях польского короля и сейма искать мира со Швецией и Московским государством. Польский посол уже направлен «о миру» к Густаву-Адольфу, который, однако, не собирается верить их «обманам». Быть третейским посредником в мирных переговорах с Москвой поляки попросили германского императора, — последний уже снаряжает в Москву через Польшу большое посольство, и сам Мёллер встретил в пути двух отправленных вперёд императорских гонцов, у которых он хитростью и выведал всё это⁹⁷. Кроме того Мёллер сообщил о взятии Густавом-Адольфом множества немецких городов, многозначительно подчеркнув: «и которые цесаревы города были смежны с польским королём и те все города ныне за государем его, за Густавом-Адольфом королём»⁹⁸.

Самый план нападения на Польшу со стороны Германии Мёллер не развивал подробно, поскольку Антон Мониер перед ним уже «те дела совершил», но сделал ряд частных дополнений. Он передал военные советы и указания Густава-Адольфа и его общее мнение, что если Михаил Фёдорович захочет «нанять немецких людей и на Польшу послать с немецкой стороны», в то время как русские «ратные люди пойдут со своей стороны», то вследствие неожиданности Польшу ждёт неминуемый разгром. Считая, что польский король, послав императору на помощь два полка во главе с польскими полковниками, уже нарушил перемирие с Швецией, Густав-Адольф тоже «для царского в-ва любви поступитя своих ратных людей два регимента с добрыми начальниками». Более того, он готов сам ввязаться в войну, если поляки дадут повод: «а если польские люди немецких людей встретят большими людьми (т. е. крупными силами) и немцев потеснят, то им можно отойти в те места, что ныне за шведским королём, а шведский король тому и рад, чтобы польские люди за ними пришли за рубеж: то и нарушение перемирья»⁹⁹.

Как видим, военный гений Густава-Адольфа не на шутку увлечён разработкой этого стратегического плана. Но ещё важнее для Густава-Адольфа был дипломатический план шведско-русского союза. Он поручил Мёллеру передать: «Если бы царскому в-ву можно было в сердце моё зрети, то он бы увидел, как я ему доброхотаю» — и даже готов за Михаила Фёдоровича и его наследников «по смерть свою стоять»¹⁰⁰.

Чем более благоприятно развивались дальнейшие переговоры Мёллера в Москве, тем больше новых заманчивых предложений, повидимому, следуя инструкции, выдвигал он. Тут и предложение дешёвой закупки разнообразного оружия непосредственно из запасов шведского короля, и широкий меркантилистский план переселения в Россию ремесленников с Запада для обогащения царской казны и пр. Однако всё это отходит на второй план по сравнению с осторожным зондажем самой щекотливой проблемы во время беседы с И. Б. Черкасским 15 июля: по моему мнению, сказал Мёллер, если царь начнёт войну против польского короля, «Белая Русь от Польши отложится»; «добро бы, — добавил он, — что б и черкес (т. е. запорожских казаков) уговорить» сделать то же самое¹⁰¹. Если сопоставить это с ранее сделанным им заявлением от имени Густава-Адольфа, «добро б так было, чтоб такое укрепление меж обоих великих государей, что ни один без другого с польским королём не мирился»¹⁰², — то ход мыслей станет ясен. Уговариваясь не заключать сепаратного мира, надо предвидеть уже контуры будущего совместного мирного

⁹⁷ Императорское посольство в сопровождении польской свиты действительно прибыло на русскую границу в следующем, 1632 году, но не было принято.

⁹⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 63, 19—20, 15—16.

⁹⁹ Там же, л. 64.

¹⁰⁰ Там же, л. 63, 67.

¹⁰¹ Там же, л. 106.

¹⁰² Там же, л. 65.

договора. Густав-Адольф давал понять, что он не возражает против перехода от Речи Посполитой к Московскому государству Белоруссии и Запорожской Украины. Мы уже видели, что московское правительство со своей стороны наемкнуло в ответе, посланном с Моньером (и многозначительно повторённом Мёллеру), что, может быть, и вовсе не понадобится заключать мир или перемирие с третьим лицом — «польским королём». Так, в дипломатической дымке впервые обрисовываются перед нами очертания того соглашения о разделе Речи Посполитой, которое в следующем, 1632 году, московское правительство уже без прикрас и умолчаний выдвинет перед Швецией, по проекту, разработанному всё тем же Русселем.

Не может быть сомнений в том, что Руссель уже в 1630 г. согласовал в общих чертах эту перспективу русско-шведского союза по отдельности и с Михаилом Фёдоровичем (вернее, с Филаретом Никитичем) и с Густавом-Адольфом. Московское правительство никогда не согласилось бы, тем более не указало бы само, на кандидатуру Густава-Адольфа в качестве польского короля, если бы не рассчитывало за свою поддержку вытребовать у него возвращение обширных русских земель, захваченных в прошлом Литвой и Польшей.

Но размер и состав этих территориальных возмещений не могли быть ясны Русселю с самого начала. О Смоленске и прилегающих районах нечего было спорить¹⁰³. Всё внимание Русселя первоначально было приковано к Запорожской Украине, вопрос же о Белоруссии возник позже, должно быть это требование Москвы Руссель впервые услышал в июне 1630 г. и довёл его до сведения Густава-Адольфа в октябре — ноябре 1630 года. Что касается Украины, то есть основания думать, что ещё Бетлен Габор, строя свои планы захвата польской короны, рассчитывал получить согласие и военную помощь Москвы именно в обмен за уступку ей Запорожской Украины. Как раз в 1629 г. православное запорожское казачество, естественно, ориентировавшееся на Москву, вновь подняло восстание против поляков. Это обстоятельство подводило реальный фундамент под такой план. От общего истоска — Бетлена Габора — эта идея достигла, с одной стороны, Густава-Адольфа через посла Страссбурга, с другой стороны — Михаила Фёдоровича и Филарета Никитича через посла Русселя. Густаф-Адольф ещё в июле 1630 г. инструктировал губернатора Лифляндии Шютте, что следует по возможности разжигать восстание казаков против Польши¹⁰⁴. Руссель, повидимому, говорил об этом деле с константинопольским патриархом Кириллом, будучи в Турции, и затем подробно беседовал о запорожском вопросе во время первого посещения Москвы, как видно по сохранившимся отрывкам его письма к царю и патриарху, отправленного с дороги сразу же после отъезда, а именно из Выборга¹⁰⁵.

¹⁰³ Руссель, будучи второй раз в Москве, взял на себя перед И. Б. Черкасским какие-то обязательства диверсионного или разведывательного характера в отношении Смоленска. В июле и в октябре 1631 г. он сообщал через своего секретаря Вассермана, ездившего от него из Риги в Москву, что «умышление, которое заведено под Смоленском городом», связанное с применением какой-либо тайной «лучевой снасти», приводится в исполнение, повидимому, с помощью двух доверенных лиц, посланных Русселем к смоленскому воеводе Гонсевскому под предлогом официального запроса от имени Швеции о якобы задержанных в Смоленске шведских военнопленных. Руссель обещал сообщить царю при своём следующем посещении Москвы и о других задуманных им «неминуемых» средствах, «чтоб то место Смоленское вашему величеству отдать». Пока что в октябре Вассерман привёз точнейшие сведения об укреплениях и гарнизоне Смоленска, о настроениях населения в пользу перехода под власть Москвы, о советниках и личном окружении смоленского воеводы (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 10, л. 3, 30, 34—40, 54—55).

¹⁰⁴ Wejle. Op. cit., s. 25.

¹⁰⁵ Он пишет, что Сигизмунд III уже 40 лет побуждает казаков к набегам на Турцию и надо, чтоб султан Мурад IV был поставлен в известность об этом. «Я ведаю, — продолжает он, — что ваше царское в-во гораздо ведаёт, что годно держать тое запорож... они не делали разве... патриарха Кирилла, да и моей, и общесе б наше свидетельство привезли к вашему царскому в-ву. И по тому ваше царское в-во рассу-

В следующем письме, уже после посещения Густава-Адольфа, он снова особенно многозначительно пишет о запорожских казаках¹⁰⁶.

Тут же он стал готовить отправку двух своих доверенных лиц, л'Адмирала и де Грева, к запорожским казакам через Москву. Однако губернатор Лифляндии Шютте и, повидимому, Оксеншерне противились этому, хотя Руссель ссылаясь на инструкции Густава-Адольфа¹⁰⁷. Только в июле 1631 г., воспользовавшись отлучкой Шютте, он, наконец, отправил их, снабдив письмами к московскому царю, с просьбой о содействии их миссии, и к запорожским казакам — с призывом продолжать борьбу против Польши, предложением союза и уверениями, что задача Густава-Адольфа состоит в защите греческой веры от папистов¹⁰⁸. Московское правительство охотно оказало содействие этой миссии и предоставило в распоряжение л'Адмирала и де Грева пристава и переводчиков. Оно ведь само готово было поддержать борьбу запорожцев; по заслуживающему внимания утверждению одной польской печатной листовки 1631 г., царь и патриарх в 1630 г., узнав о начале войны запорожских казаков против Польши, направили к ним послов и намеревались сами тотчас же выступить против Польши: уже воеводы царские, бояре и всё войско были приведены в готовность к наступлению на Витебск и Полоцк, к осаде Смоленска и даже Киева, — но в этот момент польскому правительству удалось успокоить казаков, и Москве пришлось отложить своё намерение¹⁰⁹. Этой же неблагоприятной политической ситуацией объясняется и полная неудача миссии л'Адмирала и де Грева: новый запорожский гетман Кулага выдал их польскому коронному гетману Конецпольскому, который препроводил их в Варшаву. Оттуда польский канцлер Задик отправил их к шведскому канцлеру Оксеншерне с протестом по поводу попыток пропаганды среди казаков в нарушение шведско-польского перемирия, и Оксеншерне пришлось долго оправдываться, ссылаясь на то, что Руссель превысил свои полномочия. В то же время сам Руссель печатно восхвалял эту миссию и даже опубликовал (в 1632 г.) своё послание к казакам.

Если думать, что Густав-Адольф всерьёз поставил перед Русселем задачу склонить умы поляков к его кандидатуре, то надо согласиться, что этим посольством к казакам Руссель окончательно испортил дело. Но в действительности Руссель добивался другого. Он старался практически связать казацкое восстание с Москвой и тем самым предпринять вопрос о переходе Запорожской Украины от Польши к Московскому государству. Абстрактное обещание передачи территории Запорожской Украины Москве после воцарения Густава-Адольфа в Польше звучало бы ненадёжно. Напротив, связавшись теперь же с казаками, Михаил Фёдорович принуждён был бы, отстаивая свой уже фактически достигнутый успех, немедленно начать войну с Польшей.

Теперь мы можем оценить замысел Густава-Адольфа и Русселя в целом. В письме к Михаилу Фёдоровичу от 7 октября 1631 г. Руссель совершенно недвусмысленно сформулировал альтернативу: «В конце концов польская земля попадёт государю моему королю (Густаву-Адольфу) в руки — либо насилу, либо по дружбе»¹¹⁰. Понятно, что во втором

дит, что не надобно им объявить никакой статьи про умышление. И сверх того, если произволит ваше царское в-во, что б промышлять день и ночь, что б подтвердить войну запорожских казаков, и для того дела посулит им, то помогать будет надобно всякими мерами, что годно к тому, что б та война не перестала» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 28 и 21).

¹⁰⁶ Он общает «писать про тайные дела, и те дела возвеселят ваше царское в-во, и годно будет, чтоб ваше ц. в-во безответуно наводил запорожских казаков, что б они...» (ЦГАДА. Дела шведские. 1611, стб. 5, л. 12).

¹⁰⁷ Wejle. Op. cit., s. 24—26. Переписку Русселя с Москвой по поводу отправки двух уполномоченных см. ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5.

¹⁰⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 9.

¹⁰⁹ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 10, л. 42—43.

¹¹⁰ Там же, л. 29.

случае Москва осталась бы не только не при чём, но и в крупном политическом проигрыше. Как Руссель теснил Москву этой угрозой, видно, например, из того, что в тот самый день, 22 июля 1631 г., когда он подписал инструкцию л'Адмиралу и де Грезу, он подписал и приказ своему секретарю Вассерману сообщить в Москву об успехах своих сношений с польскими политическими лидерами — Гонсевским и особенно Львом Сапегой, который-де уже прислал в Ригу для переговоров о кандидатуре Густава-Адольфа уполномоченного, полковника Корфа¹¹¹. Но одновременно перед московским правительством раскрывали вторую возможность: получение Густавом-Адольфом Польши не «по дружбе», а «насилу», — если Москва согласится на военное выступление. В этом случае Густав-Адольф помог бы разгрому Польши нанесением одновременно удара из Германии (правда, от имени и на средства царя) и уступил бы Московскому государству восточную часть Речи Посполитой¹¹².

Насколько страшилось московское правительство первой возможности, настолько охотно оно шло навстречу второй. Этот внешнеполитический курс отнюдь не был навязан ему Швецией. Напротив, по письмам Русселя нетрудно убедиться, что он, в сущности, лишь вложил в руки Густава-Адольфа то оружие, которое получил в Москве из рук Филарета Никитича. Он даже не сразу полностью раскрыл перед Густавом-Адольфом весь замысел. В том же письме с Вассерманом в июле 1631 г. Руссель пишет Филарету Никитичу, что собирается вскоре снова ехать к Густаву-Адольфу, «что б ему, королевскому в-ву, внятнее объяснить то дело, о чём я с вашим государским величеством говаривал». Оказывается, что русско-шведский военный союз против Речи Посполитой — это всего лишь программа-минимум, намеченная в Москве («ближнее дело» — «воинское соединение против общего недруга»), которая может быть проведена в жизнь даже и в том случае, если не осуществится некая программа-максимум — «вышнее дело»¹¹³.

Таким образом, согласие Москвы на все предложения Густава-Адольфа отнюдь не было вынужденным. Борьба шла лишь из-за срока выступления Москвы, — и в этом вопросе ничто не могло её поколебать, поскольку она твёрдо хотела дожидаться совместного выступления с Турцией.

Вынужденными были скорее, как это ни странно, претензии Густава-Адольфа на польскую корону. У него не было другого средства вызвать русско-польскую войну, как принять целиком план Русселя. Раз Густав-

¹¹¹ Которого, отмечает Руссель в письме, ты, святейший патриарх, «гораздо знаешь» (там же, л. 2, 7). И три месяца спустя, в следующем письме с Вассерманом, Руссель снова акцентирует успехи своих сношений с поляками и даже прилагает письмо Льва Сапегы (там же, л. 33).

¹¹² Оксеншерн не был посвящён в весь замысел полностью, но достаточно знал о нём, чтобы принимать участие в давлении на Москву по способу «кнута и пряника». Так, в одном из донесений Александра Лесли с дороги в Москву (начало июня) заключительная часть, как нетрудно убедиться из контекста, приписана или самим Оксеншерной или по его указанию: канцлеру шведскому стало точно известно, что польский король и сенаторы решили добиваться заключения с Швецией «векового мира», «да они ж на то положили: счастье своё со всюю силою над русской землёю искати. А у его кор. в-ва (Густава-Адольфа) охоты к такому миру нету. А после того, как король шведский взял город Франкфурт, князя и сословия Силезской земли писали к королевскому величеству, что б он со своим войском шёл в Силезскую землю, а ворота все отворены будут». Выше в тексте донесения также отмечается, что в результате взятия Франкфурта н'О для Густава-Адольфа «силезская, моравская и чешская земля стала отворена», а польский король «ныне бессилен и царскому в-ву можно своему недругу отомстить» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 195—199).

¹¹³ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 5. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу анализа движущих мотивов внешней политики Московского государства. Это отчасти сделано нами в цитированной статье, отчасти будет выполнено в другой связи.

Адольф нуждался, чтоб Польша была скована войной с Россией, волей-неволей пришлось, как мы убедились, и публично объявить о своём желании быть избранным сеймом на королевство и тайно согласиться на завоевание польской короны с помощью России. Занять польский престол надо было также и для того, чтоб он не достался после победы московскому царю: это был бы слишком опасный тыл. Так-то приобретение польской короны, которой Густав-Адольф вовсе и не желал, оказывалось вынужденным условием торжества над германским императором, к чему Густав-Адольф страстно стремился.

Целый год, с июня 1630 по июль 1631 г., Густав-Адольф не предпринимал крупных операций со своего плацдарма в Северо-Восточной Германии.

Чем объяснить это? Может быть, Ришелье, предвосхищая будущее, уже боялся соперника в борьбе за Рейн и втайне противодействовал шведскому наступлению? Так иногда думают, но письма Ришелье доказывают, что именно в конце 1630—начале 1631 г. он всеми средствами старался обрушить силы шведского короля на своего главного врага — императора. «Как только возможно, надо побуждать шведского короля, — пишет он инструкцию в январе 1631 г., — идти скорее атаковать австрийский дом в Богемии, Австрии и других наследственных землях»¹¹⁴. Как ни сложны отношения Густава-Адольфа с Ришелье, который пытался навязать этому пламенному защитнику протестантизма в Германии союз с немецкой католической лигой и с её вождём Максимилианом Баварским, во всяком случае, они ни в какой мере не пригодны для объяснения пассивности шведской армии в течение этого года.

Принятый в историографии взгляд сводится к тому, что Густав-Адольф, легко принудив последнего славянского герцога Померании, Богислава, к союзному договору и получив затем часть Мекленбурга, благодаря поддержке мекленбургских герцогов, выгнанных Валленштейном, не мог никуда двинуться дальше Померании и Мекленбурга просто из-за несогласия остальных немецких князей. Лишь два — три мелких территориальных князя и несколько городов, в том числе Магдебург, объявили себя на его стороне, но оба протестантских курфюрста, владения которых преграждали дорогу в глубь Германии — бранденбургский и саксонский — не хотели и слышать о союзе со шведским королём против императора. В конце февраля 1631 г. бранденбургский и саксонский курфюрсты созвали «лейпцигский конвент» протестантских князей и городов Германии, на котором было принято решение о вооружённом нейтралитете (с ориентацией на Данию), а союз с Швецией был отвергнут. Тщетно Густав-Адольф изощрял свои дипломатические способности: то он униженно заискивал перед своим зятем — бранденбургским курфюрстом Георгом-Вильгельмом, то придвигал войска к его границам и даже захватил Франкфурт на Одере. Георг-Вильгельм под давлением своего министра католика Шварценберга оставался непреклонным. Только когда имперско-католические войска во главе с Тилли и Паппенгеймом вторглись в его земли и стали грозить владению его дяди, городу Магдебургу, он согласился на ограниченную помощь Густава-Адольфа. После того как Магдебург был всё равно захвачен и чудовищно опустошён войсками Тилли (30 мая 1631 г.), Густаву-Адольфу предложено было покинуть Бранденбург, но, опираясь на общественное мнение, возмущённое бесчинствами Тилли, Густав-Адольф принудил бранденбургского курфюрста заключить со Швецией союз. Точно так же и саксонский курфюрст вскоре был вынужден неосторожной агрессивностью Тилли искать союза со Швецией: чтобы принудить курфюрста отказаться от нейтралитета, Тилли вторгся в Саксонию, и только тогда Иоанн-Георг, боясь разгула католической реакции в своих землях, отвернулся от импе-

¹¹⁴ Richelieu «Lettres et papiers d'état». Т. IV, p. 251; ср. Weibull K. «Gustave Adolphe et Richelieu». «Revue historique». 1934. Т. 174, № 2.

рагера и соединился с Густавом-Адольфом. Таким образом, ворота в Германию распахнулись. Вслед за Бранденбургом и Саксонией другие протестантские княжества стали отдаваться под защиту шведского короля. Уничтожив армию Тилли 7 сентября 1631 г. при Брейтенфельде (близ Лейпцига), Густав-Адольф почти беспрепятственно устремился в Западную и Южную Германию.

Так можно вкратце резюмировать многие томы, написанные на эту тему исследователями, преимущественно немецкими. Но нетрудно заметить однобокость и противоречивость этой немецкой концепции. Получается, что Густав-Адольф вовсе не был ни победителем, ни завоевателем в Германии. Не он сломил упорство обоих курфюрстов, а один неразумный Тилли. Инициатива всех событий исходила исключительно от немецких князей и немецких полководцев. Шведский король не вторгся в Германию, а только ждал, когда его туда впустят. Что это мнение не содержит в себе полной истины, становится очевидным от одного сопоставления: как же мог бы Густав-Адольф разгромить сильную армию Тилли, если он не мог оказать военного давления ни на Саксонию, имевшую весьма незначительную армию, ни на Бранденбург, почти вовсе не имевший армии?

Всё изложенное выше помогает правильнее понять поведение Густава-Адольфа в течение этого первого года войны. Мало сказать, что он ждал решения Москвы и всеми возможными средствами торопил это решение. Со своей обычной неистощимой энергией он в то же время искал других возможностей предохранить свой тыл от польской опасности. Приглядываясь к содержанию и тону его переговоров с Георгом-Вильгельмом бранденбургским¹¹⁵, мы видим, что Густав-Адольф определённо предназначал Бранденбургу роль заслона против Польши, когда шведская армия углубится в Германию¹¹⁶. Ясно, что при этом надо было искать дружбы бранденбургского курфюрста и скорее заискивать перед ним, чем действовать военной угрозой, ибо союзник, приобретённый силой, всегда оставался бы ненадёжным (как позже Саксония). Если дружба Бранденбурга (усиленного шведскими гарнизонами) нужна была Густаву-Адольфу для отпора Польше, то недружелюбие Бранденбурга в случае военного выступления Польши было бы равносильно катастрофе: неминуемо образовалась бы коалиция из Польши, Бранденбурга и Дании. Иными словами, мы можем утверждать, что политика Густава-Адольфа в отношении Бранденбурга должна быть поставлена в один ряд с целой серией других его, отмеченных выше, попыток и проектов решения польской проблемы: противопоставлением Польше Трансильвании, Крымского ханства, Турции и т. д. Бранденбургский проект оказался ничуть не реалистичнее, чем все остальные проекты, кроме русского. Неумный и трусливый Георг-Вильгельм бранденбургский держался за пьяницу Иоанна-Георга саксонского, и оба тем больше хорохорились и упирались, чем вежливее и просительнее обращался к ним Густав-Адольф. Но как только Густав-Адольф перестал нуждаться в их союзе, получив известия о решениях Москвы, он так цыкнул сначала на одного, потом и на другого, что оба вдруг стали послушными и изменили свои «политические убеждения».

В самом деле, всё поведение Густава-Адольфа в Германии в течение этого года выступит в новом свете, когда мы сопоставим его с постепенным поступлением сведений из Москвы. Густав-Адольф не всё время остаётся в бездействии, ограничиваясь маневрированием и стычками: несколько раз он как будто уже бросается на врага, вдохновение боя уже

¹¹⁵ Ср. Helbing K. G. «Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Brandenburg 1630—1632». 1854.

¹¹⁶ Это отражено даже в донесении Александра Лесли в Москву, в котором дан ценный обзор померанской кампании Густава-Адольфа и его отношений с Бранденбургом (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 172—175).

овладевает им, но осторожность берёт верх, и он снова и снова осаждает, как боевого коня, свою лучшую в Европе армию. Так, в январе 1631 г. он ринулся в Мекленбург, разбил у Грейфенхагена и Гарца два отряда императорской армии и остановился; в апреле 1631 г. обрушился на Франкфурт, перешёл через Одер,—и снова замер; в начале июня осадил Берлин, принудил курфюрста Георга-Вильгельма к союзу,—но не воспользовался открывшимся проходом на запад; в конце июня — начале июля бросился на Тилли, нанёс его армии несколько жестоких ударов,—а потом сам же дал ему уйти. И только 7 сентября 1631 г. пошёл прямо на основные силы Тилли под Лейпцигом, буквально стёр их с лица земли и, уже не останавливаясь, начал свой головокружительный марш по Германии. Каждому из этих военных порывов Густава-Адольфа предшествовало получение одного из основных московских известий. Не служило ли психологически каждое сообщение из Москвы электрическим зарядом, побуждавшим Густава-Адольфа к действию? Разумеется, для объяснения его поведения в Померании следует учитывать всю сумму факторов и всю международную обстановку, в частности сложную политическую ситуацию Германии¹¹⁷. Свести всё к одному польскому фактору—значило бы впасть в односторонность. Но для исправления обратной односторонности исследователь вправе и даже обязан уделить преимущественное внимание именно этому, игнорированному прежде, фактору и проверить, в какой мере с его помощью можно объяснить действия Густава-Адольфа.

Выше мы отметили, что в конце декабря 1630 г. Иоганн Мёллер первый привёз Густаву-Адольфу прямо из Москвы и непосредственно от русского правительства известие о военных намерениях и приготовлениях Московского государства. После нескольких месяцев томления в Померании это известие, прояснившее международные горизонты, не могло не воодушевить Густава-Адольфа. Оно, естественно, вдохновило его на наступление в Мекленбурге. Но оно было всё же недостаточно для генеральной кампании в Германии, хотя бы уже по одному тому, что не носило характера официального письменного уведомления; к тому же оно не полностью отвечало новому плану русско-шведского сотрудничества, разработанному в ноябре с Русселем. Густав-Адольф, как мы видели, три недели инструктировал Мёллера в духе этого нового плана и отправил его обратно в Россию.

В начале марта (по западноевропейскому исчислению) русские послы Племянников и Аристов вместе с Александром Лесли прибыли в Стокгольм. Хотя из-за климатических условий их не могли с должной пышностью перевезти морем в Германию до мая месяца¹¹⁸, запрос о пропуске послов и объяснение задач посольства были тотчас отправлены шведским правительством к Густаву-Адольфу. Он получил это сообщение не позже двадцатых чисел марта. И вот уже в конце марта он радостно устремляется на Кольберг, а 3 апреля берёт Франкфурт на Одере. Но, разумеется, с его стороны было бы безумием развёртывать дальше наступление до непосредственных переговоров с русскими послами. И он возвращается к томительному ожиданию и, на всякий случай, дипломатничанию с бранденбургским курфюрстом¹¹⁹.

Этот последний, видя, что Густав-Адольф не наступает и не угрожает, и полагая, что это симптом слабости, в начале мая, по подстрекательству Саксонии, предъявил Густаву-Адольфу высокомерное требова-

¹¹⁷ См. Helbing. Op. cit; Voëthius S. B. «Svenskarne i de nedersachsiska och westfaliska kustländerna juli 1630 — november 1632. Till lelysning af Gustav II Adolfs tyska politik». 1912.

¹¹⁸ Ср. протоколы рейхсрата от 11 февраля, 26 марта, 16 апреля, 5 и 7 мая 1631 года. Svenska riksrådets protokoll, bd. II, s. 58, 72—73, 79, 84, 86.

¹¹⁹ Наиболее подробный обзор военных действий и дипломатии Густава-Адольфа за этот период дан у Cronholm «Gustav II Adolf i Deutschland». Bd. I. Buch 2 и в «Sveriges krig 1611—1632». Bd. IV, s. 107—164.

ние: немедленно очистить занятую шведами бранденбургскую крепость Шпандау. Спор продолжался месяц, и 7 июня Густав-Адольф пережил один из неприятнейших дней: он принуждён был уступить и вывел из Шпандау шведский гарнизон. Дальше произошло нечто необычайное, чего до сих пор не могут толком объяснить военные историки. Через два дня Густав-Адольф появился с армией под стенами Берлина, навёл на дворец курфюрста артиллерию, объявил недействительными все прежние соглашения и заставил обезумевшего от страха Георга-Вильгельма 11 июня подписать договор о предоставлении своих крепостей и военных субсидий шведам на всё время войны¹²⁰. Думают, что Густава-Адольфа вывело из себя подоспевшее известие о происшедшем 30 мая разгроме Магдебурга. А дело объясняется проще: 1 июня в Штеттин к королевскому двору прибыли, наконец, русские послы. Сначала они думали ехать дальше «в полки» к королю, потом им было предложено подождать его скорого прибытия, а гонец с извещением о посольстве выехал на встречу королю. Он, повидимому, встретил Густава-Адольфа сразу после эвакуации Шпандау. Не медля ни минуты, Густав-Адольф изменил все свои намерения и повернул войско на Берлин, а гонца отправил обратно в Штеттин с извинением, что он «для великих дел» воротился с дороги к своему войску, а в Штеттин ко двору приедет несколько позже, чем предполагалось¹²¹.

14 июня Густав-Адольф, успев закончить «великие дела», уже был в Штеттине и с необычайной торжественностью принял Племянникова и Аристова. Газеты подробно описывали пышность посольства и дружественность аудиенции, высказывали догадки и передавали слухи по поводу содержания переговоров и назначения вербовки войск, проводимой Лесли (одна из этих газет была доставлена через Мёллера в Москву). Некоторые утверждали, что московский царь предложил Густаву-Адольфу свою помощь против императора, другие, — что Густав-Адольф обещал свою помощь царю против польского короля. Официальное шведское сообщение гласило, — несомненно, с целью дезориентировать Польшу, — что царь хочет прислать Густаву-Адольфу войска и денег. Насколько многообразна была информация, видно по тому, что все упомянутые выше авторы-современники — Бурж и Абелин, Хемниц и Пуфендорф — описывают и трактуют московское посольство совершенно по-разному, опираясь, видимо, на разные источники¹²².

Письменный ответ Густава-Адольфа Михаилу Фёдоровичу от 21 июня 1631 г., вручённый послам, показывает, с каким нескрываемым удовлетворением было принято обещание московского правительства начать войну с Польшей «на весну». Густав-Адольф готов советом и делом поддержать царя; он снова побуждает его «остерегаться» польско-габсбургских католических замыслов¹²³ и изъявляет готовность всеми средствами помочь в найме и транспортировке солдат, приглашении опытных офицеров, закупке вооружения и снаряжения, входя тут же во все детали этих вопросов. В особом приложении Густав-Адольф «бьёт челом» за «великую дружбу» — разрешение закупать русский хлеб, и просит оказывать и дальнейшую помощь, которую он тем более ценит, «что ваше ц. в-во

¹²⁰ «Sveriges krig 1611—1632», bd. IV, s. 316—337.

¹²¹ См. перевод вестей из немецкой газеты от 19 июня 1631 г. ЦГАДА. Дела шведские, стб. 8, л. 148. Ср. статейный список посольства, там же, стб. 4, л. 172—193.

¹²² Burgo. Op. cit., p. 137; Arlanibaes. Op. cit., p. 162—163; Theatrum Europaeum. Bd. II, S. 413; Chemnitz. Op. cit. Th. I, S. 173; Pufendorf. lib. III, § 18, p. 47. Последний трактует смысл переговоров наиболее глубоко: Густаву-Адольфу «желательно было разжечь войну между поляками и русскими, которая на всё время послужила бы ему как бы мерой предосторожности против и тех и других» (ibid.).

¹²³ «Нашему королевскому в-ву то сполна ведомо злое умышление несаря и папы, как бы им через Польшу великое государство и землю нашего царского в-ва потешить и победить и старую греческую веру пограть и известь и на то место свою злую неправедную папежскую веру и идолство (язычество) ввести» (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4, л. 152—153).

хочет начать войну и то дело (вам самому) надобно»¹²⁴. И немедленно по подписании этих документов Густав-Адольф выезжает из Штеттина к армии и устремляется на войска Тилли¹²⁵.

Но мог ли он не удержать своего порыва и на этот раз? Ведь Племянников и Аристов не привезли ему никакого ответа на план удара по Польше с двух сторон, они даже, как и Лесли, ничего не знали об этом плане. В этом смысле их приезд принёс Густаву-Адольфу известное разочарование или, по крайней мере, потребовал от него нового запаса терпения. А он-то приготовился к выполнению своих обещаний ещё в начале апреля: тотчас по взятии Франкфурта на Одере он отправил своего лучшего генерала, Густава Горна, с несколькими тысячами солдат (пехоты и конницы) в Силезию, к польской границе. В июле Горн был отозван из Силезии, зато Александр Лесли, возведённый в звание генерал-майора, был назначен командующим группировкой войск во Франкфурте на Одере и у силезской границы¹²⁶.

Нет никакого сомнения в том, что Густав-Адольф предназначил именно эту группировку для вторжения в Польшу через Силезию (с базой во Франкфурте), когда выступит Москва и когда основные шведские силы будут находиться уже далеко в Германии¹²⁷.

Мы уже знаем из предыдущего, когда именно Густав-Адольф получил, наконец, и известия о принципиальном согласии Москвы на его военный план. Первое известие пришло в конце июля или начале августа — донесение Русселя о поездке в Москву, пересланное через Оксеншерну. Но это была неофициальная информация. Официальный ответ через Моньера и почти одновременно через Мёллера был получен Густавом-Адольфом в самом конце августа, как видно по его письму к Оксеншерне от 29 августа¹²⁸. На этот раз вся накопленная за год и с трудом сдерживаемая энергия разразилась с огромной силой. Густав-Адольф стремительно снялся с лагеря в Вербене, где только что успел заключить союзный договор с ландграфом Вильгельмом Гессенским, и ринулся в Саксонию. Курфюрст Иоанн-Георг, смертельно перепуганный, без малейших возражений отдал ему своё войско и свою страну, найдя благовидный предлог в «обидях» со стороны Тилли, а сам бежал от армии в далёкий Эйленбург заливать испуг вином. И уже 7 сентября Густав-Адольф выиграл свою первую великую битву в Германии — Брейтенфельдскую¹²⁹. Не задерживаясь после того ни на минуту, он с невероятной быстротой двинулся через Тюрингию и Франконию на Рейн и далее, в Баварию, а саксонскую армию направил в охватывающий марш через Моравию и Чехию.

Но и накануне и после Брейтенфельдской битвы мысли Густава-Адольфа снова и снова не без тревоги обращались к далёкой России. Всего лишь за неделю до сражения он пишет новую инструкцию Моньеру, уточняя свой проект согласно запросам московского правительства. 30 августа «в великих полках» подписана и грамота Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу с обещанием любых услуг и рекомендацией на

¹²⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4, л. 127—142. Эти ответные грамоты доставлены в Москву 3 ноября 1631 г. Аристовым. Племянников заболел в Штеттине и умер там в июле 1631 года.

¹²⁵ «Sveriges krig 1611—1632», bd. IV, s. 368—397.

¹²⁶ Chemnitz. Op. cit. Th. I, S. 192; ср. ibidem, S. 228 (§ 41 — Acta des General-Major Leslé am Oderstrom).

¹²⁷ Как и выше (см. стр. 62), мы оставляем здесь открытым вопрос, тот ли это Александр Лесли командовал силезской группировкой летом и осенью 1631 г., который в те же месяцы руководил вербовкой и отправкой полков для Москвы. В конце 1631 г. Александр Лесли выехал в Англию, где сверх плана получил для Москвы полк полковника Сандерсона, а в январе 1632 г. был уже снова в Москве.

¹²⁸ Wejle. Op. cit., s. 10. По словам авторов «Sveriges krig 1611—1632», «ещё яснее выступили дружественные отношения (с Россией), когда Моньер вернулся в августе из Москвы» (Bd. V, s. 230).

¹²⁹ «Sveriges krig 1611—1632», bd. IV, s. 428—523.

царскую службу нового доверенного лица — Гилиуса¹³⁰. А сразу после Брейтенфельдской победы он с чрезвычайной поспешностью отправляет в Москву специального гонца, который должен был через Мёллера не только передать радостное известие, но и заверить, что Густав-Адольф уже направил одного из своих генералов в Силезию для подготовки вторжения в Польшу.

Анализ этих новых демаршей, как и причин отсрочки русского выступления до 1632 г., выходит за рамки настоящей статьи.

Здесь же, забегаая вперёд, достаточно указать на финал всей эпопеи, служащий как бы фактической проверкой изложенного нами мнения о решающем значении польской проблемы и в связи с этим русско-польской борьбы для судьбы шведского похода в Германию.

После смерти Густава-Адольфа в 1632 г., канцлер Оксеншерна не смог и не захотел с такой же энергией способствовать развитию войны России с Польшей. Двусмысленность его политики была одной из причин, побудивших Московское государство прервать Смоленскую войну с Польшей и заключить с ней в июне 1634 г. Поляновский мир. Катастрофическое значение этого события для Швеции не замедлило сказаться: цепь поражений шведской армии в Германии, начинающаяся с Нёрдлингена, объясняется не гением Валленштэйна, не «немецким чудом» и не изменой военного счастья, а тем, что именно в момент наибольшего напряжения борьбы в Германии, во второй половине 1634 — первой половине 1635 г., Швеция принуждена была сосредоточить часть своих войск на польской границе. Освободившись от войны с Россией, а затем и с Турцией, Владислав IV уже в 1634 г. готовился в союзе с Данией к возобновлению войны против Швеции. Общеизвестно, что Швеция проиграла в 1634—1635 гг. войну в Германии из-за недостатка резервов. Но резервы-то у неё в это время были, только они находились частью в Швеции, скованные эвентуальной польской войной, частью в Лифляндии и Пруссии, т. е. у польской границы, частью, наконец, у русской границы. Не только нельзя было ничего подбросить на германский театр войны, но несколько полков пришлось даже снять с него и отправить на границу Польши.

Таким образом, фиаско шведского похода в Германию было прямым следствием прекращения Смоленской войны. Шведов спас Ришелье: в июне 1635 г. Франция открыто вступила в Тридцатилетнюю войну и отвлекла на себя основные силы императора. Это дало возможность Швеции сосредоточить свои главные силы против Польши, принудить Польшу к мирному договору в Струмздорфе и уже после того вернуться к активной войне в Германии.

---

¹³⁰ ЦГАДА. Дела шведские 1631, стб, б, л. 233--234.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

(Философские, общественно-политические и экономические воззрения)

Проф. И. Бак

Яков Павлович Козельский — крупный мыслитель, учёный-энциклопедист, талантливый писатель и видный общественно-политический деятель — депутат екатерининской Законодательной комиссии, — почти забыт. Мало кому известно его имя.

В дореволюционной литературе характеристика его деятельности как писателя дана Столянским¹, наибольшее же число биографических сведений представлено Модзалевским². В советской печати Гуковский³, основываясь в значительной мере на материалах Модзалевского, дополняя и уточняя их, составил биографию Козельского. Гуковскому принадлежит также характеристика его литературной деятельности.

Мы привлекли дополнительные источники, не использованные биографами Козельского и историками русской общественной мысли. Это дало возможность восполнить биографию Козельского и характеристику его трудов, а также дать ответ на некоторые спорные в литературе вопросы, касающиеся личности и деятельности Козельского.

В литературе о Козельском наметились два направления. Современник Козельского Николай Новиков⁴, митрополит Евгений (Е. Болховитянов)⁵, Столянский, а также авторы заметок в Большой энциклопедии⁶ и Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона⁷ говорят о Козельском лишь как о писателе и переводчике, не упоминая об его

общественно-политической деятельности в качестве депутата екатерининской Законодательной комиссии.

С другой стороны. Семевский⁸ и Плеханов⁹ говорят о Я. П. Козельском лишь как о депутате екатерининской Законодательной комиссии, не касаясь его литературных трудов.

Существование таких двух односторонних направлений в характеристике Козельского является следствием того, что Я. П. Козельский-депутат не ссылаясь на свои литературные труды, а Я. П. Козельский-писатель нигде не упоминал о своей общественно-политической деятельности. Это привело даже к вопросу о том, одно ли и то же лицо Козельский-писатель и Козельский-депутат.

Автор заметки о Козельском в Русском биографическом словаре считает «почти несомненным, что это одно и то же лицо». Однако в защиту этого взгляда он приводит весьма неопределённые и шаткие доводы: «Приняв во внимание, с одной стороны, что Козельский-переводчик служил в Малороссийской коллегии и, как известно из записок Данилова, действительно бывал в Малороссии, а с другой, — что Козельский-депутат был выслан в комиссию от днепровского пикинерного полка (расположенного в Малороссии), мы можем считать почти несомненным, что это одно и то же лицо»¹⁰.

Не удивительно, что после такого «обоснования» идентичности личности Козельского-писателя и -депутата в литературе появились разноречивые утверждения. Модзалевский заверяет, что депутатом в екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. был не писатель, а другой Яков Павлович Козельский, младший современник первого, майор, впоследствии (1784) депутат дворянства Лубенского уезда в чине секунд-майора¹¹.

¹ «Энциклопедический словарь». Т. XV. А, стр. 596. СПб. 1895; «Новый энциклопедический словарь». Т. XXII, стр. 98.

² Семевский В. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Т. I, стр. 115—119. СПб. 1888.

³ Плеханов Г. Соч. Т. XXI, стр. 269. 1925.

⁴ «Русский биографический словарь». Том «Кнаппе — Кюхельбекер», стр. 38. 1903.

⁵ Модзалевский В. Указ. соч. Т. II, стр. 392.

¹ Столянский П. «Яков Павлович Козельский». «Русская старина» за декабрь 1906 г., стр. 567—584.

² Модзалевский В. «Малороссийский родословник». Т. II, стр. 390—392. Киев. 1910.

³ Гуковский Г. «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века», стр. 32—58. Л. 1928.

⁴ «Опыт Исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий, собрал Николай Новиков», стр. 100. В Санкт-Петербурге 1772 года.

⁵ «Словарь русских светских писателей, соотечественников, чужестранцев, писавших о России. Сочинение митрополита Евгения». Т. I, стр. 294—295. М. 1845.

⁶ «Большая энциклопедия». Под ред. С. Южакова. Т. XI, стр. 154. СПб. 1896.

Напротив того, Гуковский, говоря о литературной и общественно-политической деятельности Козельского, считает, повидимому, идентичность Козельского-депутата и писателя столь несомненной, что в своем «Очерках» даже не останавливается на этом вопросе.

Козельский-писатель и Козельский-депутат—безусловно одно и то же лицо. Однако, поскольку вопрос об этом возник в литературе и имеются противоположные утверждения, необходимо вернуться к нему. Нужно сопоставить титульные листы книг писателя Козельского со сведениями о депутате Козельском, имеющимися в именном списке депутатов на 20 апреля 1768 года.

По данным титульных листов, Я. П. Козельский находился на военной службе в чине артиллерии капитана в 1765¹² и 1766 годах¹³. В том же, 1766 г. он уже значится на статской службе, в чине надворного советника¹⁴, а в 1768 г., будучи в том же чине, он состоит в должности секретаря одного из департаментов сената¹⁵.

По данным именного списка депутатов, Я. П. Козельский, вступив на военную службу в 1752 г., перешёл на статскую службу в 1766 г. в чине надворного советника. На 20 апреля 1768 г. он, оставаясь в том же чине, состоит секретарём сената¹⁶. Таким образом, о служебном пути Козельского титульные листы его книг и именной список депутатов дают одинаковые сведения. Этим, полагаем, снимаются какие бы то ни было сомнения в идентичности Козельского-писателя и Козельского-депутата.

¹² См. титульные листы его переводов Шюффина «История славных государей и великих генералов» и Гольберга «История Датская». Ч. 1-я.

¹³ См. титульный лист его перевода Мозера «Государь и министр».

¹⁴ См. титульный лист его перевода Гольберга «История Датская». Ч. 2-я.

¹⁵ См. титульный лист его книги «Философические предложения», а также «Адрес-Календарь Российский на лето 1767, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит». СПб, при Императорской Академии наук.

¹⁶ «Имянный список господам депутатам, находящимся в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения с показанием, кто из оных в разныя от большого собрания учреждения частныя Комиссии определены, и ныне действительно находятся. Апреля по 20-е число 1768 года. Печатано в Санктпетербурге при Сенате», стр. 5. Кроме указанного списка имеются ещё два списка депутатов в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения: на 1 января 1768 г. и на 24 февраля 1769 года. В библиографической литературе упоминаются лишь эти два списка. Между тем неизвестный и неиспользованный биографами Козельского список на 20 апреля 1768 г., экземпляр которого имелся в библиотеке князя М. М. Шербатова (см. «Известия Императорской Академии наук»

Козельский, происходя, как он сам заявлял, «из помещиков в самых местах украинских»¹⁷, родился около 1730 г.¹⁸ в семье наказного сотника Полтавского полка¹⁹. Обучался он сначала в Киеве латинскому языку и закончил учение на риторике. С 1750 г. обучался в гимназии при Академии наук в Петербурге²⁰. В 1752 г. он поступает на военную службу²¹. В 60-х годах XVIII в. он преподавал математику и механику в «Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе благородного юношества». В 1764 г. Козельский выпускает учебные пособия—сначала «Арифметическия предложения», а затем и «Механическия предложения». Последнее представляло собой не только учебное пособие, но вместе с тем и оригинальное научное исследование. Горячо оспаривает Козельский распространённое в то время мнение, будто народы, у которых «давно заведены науки... имеют... больше разума к понятию наук». Он считает, что

№ 9 за 1910 г., стр. 675), содержит графы, отсутствующие в других списках. Список на 1 января 1768 г. указывает фамилию, имя, отчество и чин каждого депутата, а также—откуда он выбран и когда явился. Список на 24 февраля 1769 г. указывает, в каких комиссиях участвуют депутаты и где они служат. Список же на 20 апреля 1768 г. содержит сверх того сведения о том, когда депутат вступил в военную и статскую службу и с какого времени он находится в настоящем чине. Таким образом, список на 20 апреля 1768 г. даёт новые данные о Козельском, на которые мы будем ссылаться в дальнейшем изложении.

¹⁷ «Сборник Русского исторического общества» (РИО). Т. XXXII, стр. 496. 1881.

¹⁸ В своем «Философических предложениях», вышедших в 1768 г., Козельский пишет, что ему было тогда «близь сорока лет» («Обращение к читателю»). Между тем В. Модзалевский указывает, что Козельский родился в 1735 г. («Малороссийский родословник». Т. II, стр. 390). Вслед за ним ту же дату рождения Козельского отмечает «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона (т. XXII, стр. 98). Если принять 1735 г. за дату рождения Козельского, то последнему в 1768 г. было бы 33 года. В таком случае он не мог бы заявить, что ему в 1768 г. было «близь сорока лет».

¹⁹ Павловский И. «Краткий биографический словарь учёных и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века», стр. 90. Изд. Полтавской учёной архивной комиссии. Полтава. 1912.

²⁰ Козельский заявлял в предисловии к нижеуказанной книге, что своими знаниями в математике и физике он «одолжен Санктпетербургской Императорской Академии наук» и что плодом «нескольколетьяго... при ней упражнения в науках» является выпускаемая книга («Механическия предложения». 1764).

²¹ «Имянный список господам депутатам, находящимся в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения... Апреля по 20-е число 1768 года», стр. 5.

этому можно было бы поверить, «ежели б знание наук было наследственное добро, но понеже оно обретается трудами многих лет, так всё равно кажется, что во Франции ли или Татарии родиться»²². Козельский хочет этим подчеркнуть, что Россия имеет все возможности для развития науки силами русских учёных и может даже превзойти западноевропейские страны.

В центре научных интересов Козельского были вопросы общественно-политической жизни. Возмущённый политическим и экономическим гнётом, царившим в России, тяжёлым материальным положением и бесправием огромного большинства народа в своей стране, Козельский ищет в литературе ответа на мучившие его вопросы. Он изучает и переводит на русский язык иностранных авторов. Особое его внимание привлекают сочинения, направленные против тирании и разных форм угнетения.

В том же, 1764 г. Козельский переводит (с немецкого перевода) трагедию английского писателя Otway «Venice Preserved, or A Plot Discover'd» (1682), изображавшую в сочувственных тонах восстание свободолюбивых венецианцев против сената. Характерным является выбор этого сочинения для перевода и особенно заявление переводчика, что содержание книги ему «весьма понравилось» и что она содержит «весьма хорошие мысли, которые примечания охотного читателя стоят»²³.

В 1765 г. Козельский перевёл с французского книгу Choffin «Amusemens philologiques, ou Mélange agréable de diverses pièces concernant l'histoire des personnes célèbres...» Halle. 1749—1750, 2 vols. В предисловии к переводу Козельский говорит, что далеко не всегда замечательны те дела, которые «по объявлению историков велики». Он считает великими лишь те дела, которые ведут к «общему благополучию». С этой точки зрения, Козельский противопоставляет Александра Македонского, «неправедно наименованного великим... который явил себя неприятелем всего света», Петру I, который был действительно велик, ибо «не удовольствовался тем, чтоб укрепить своё государство нерушимой крепостью, то-есть искусством военным, и постарался притом подать России внутреннюю крепость и силу...»²⁴.

²² «Механическая предложения для употребления обучающихся при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочинённая артиллерии капитаном Яковом Козельским». Предисловие. СПб. 1764.

²³ «Возмущение против Венеции. Трагедия, сочинённая господином Оттваем, а с немецкого языка на русский переведена Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса поручиком Яковом Козельским». Последствие к переводу. СПб. 1764.

²⁴ «История славных государей и великих генералов с разсуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиним. Из сочинений Роллена, Кривьера

В 1765—1766 гг. Козельский издал в двух томах сокращённый перевод «Dannemarks Riges Historie» (1732) знаменитого датского писателя Гольберга, прозванного отцом датской литературы. Свой перевод Козельский сопроводил примечаниями, так как считал «некоторые места сей истории... требующими особливых рассуждений»²⁵.

В примечаниях он даёт смелую оценку исторических деятелей и важнейших исторических событий. С возмущением говорит о «предводителях Римского народа, которые ни во что ставили жизнь... множества людей пред славою, купленную неправедным пролитием неповинной их крови»²⁶, осуждает представление о «мнимой разности преимуществ разных народов»²⁷. Козельский видит несправедливости и в современной ему международной политической жизни: «Нынешний свет как ни хвастает себя политичным, однако он неважное перед прежними временами получил, да и получил ли приращения в добродетели; разность только в том, что теперешния люди не так просто, как прежния, а искуснее обнижают своих ближних»²⁸. Он говорит, что короля Канута, прозванного историками великим, следует назвать «великим Тиранном, великим похитителем и безчеловечным крогопивцем, а не великим королём»²⁹. Не стесняясь, выступает он и против римских пап, которые, как Григорий IX и Гонорий III и другие, «безвинно и по одним своим прихотям делали тяжкия озлобления и коварныя подлоги»³⁰, а также изобличает «явное ласкательство» Гольберга, — искажение им исторических фактов, неправильную их трактовку, что может довести, говорит он, «малодушных людей до великих беззаконий»³¹.

Эти примечания Козельского по своему характеру близки тем примечаниям, которые через восемь лет дал Радищев к переводу труда известного утописта аббата де Мабли — «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков»³².

Козельский не ограничивается осуждением тиранов и их приспешников. Он резко критикует современный ему общественный

и других, а с французского языка переведённая артиллерии капитаном Яковом Козельским». Предисловие к переводу. СПб. 1765.

²⁵ «История Датская, сочинённая господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания Артиллерии капитан Яков Козельский». Обращение к читателю. Ч. 1-я. СПб. 1765.

²⁶ Там же, стр. 28.

²⁷ Там же, стр. 99.

²⁸ Там же, стр. 129.

²⁹ «История Датская, сочинённая господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания надворный советник Яков Козельский». Ч. 2-я, стр. 59. СПб. 1766.

³⁰ Там же, стр. 339.

³¹ Там же, стр. 41.

³² См. Радищев А. Полное собрание сочинений. Т. II, стр. 229—328. М.-Л. 1941.

строй, при котором «одна часть народа едят, пьют, веселятся... а другая часть народа... работают без отдыха»³³. Этому несправедливому строю он противопоставляет свои рассуждения об устройстве общества, в котором все умеренно трудятся, где отсутствуют праздность, неумеренная роскошь и нет места нищете.

В 1766 г. Козельский переходит на статскую службу и получает чин надворного советника. По данным на начало 1767 г. он состоит секретарём одного из департаментов сената и в том же году избирается депутатом от Полтавского пикинерного полка в созданную Екатериной II «Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения»³⁴.

К этому времени относится его главный труд — «Философические предложения». Козельский писал эту работу, по его собственному признанию³⁵, лишь около года и выпустил её в свет в 1768 году.

В этой работе он оценивает разные теории и учения с точки зрения значимости их для практики, для достижения «общего благополучия». Философию он делит на теоретическую и практическую. Более важной Козельский считает практическую часть, нравоучительную философию, ибо «философия... заслуживает особенное уважение не только для содержания в ней оснований по всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия»³⁶. Теоретическую часть он делит на логику и метафизику, а практическую — на юриспруденцию и политику.

По вопросам практической философии, говорит он, «основательно писали» лишь Руссо, Монтескье, Гельвеций и некий Аноним. Козельский имеет в виду изданную анонимно «Моральную философию» Шефтсбери в вольном переводе с английского Дидро³⁷. Поскольку речь идёт о вольном переводе, можно считать, что во французском издании «Моральной философии» от-

ражены не только взгляды Шефтсбери, но и переводчика — Дидро, повлиявшего, таким образом, на формирование воззрений Козельского.

Характерно, что он не упоминает Вольтера, возводившего общественное неравенство в закон жизни. Екатерина II и фрондирующее дворянство восторгались тогда Вольтером и ненавидели Руссо³⁸. А для Козельского вождь демократического крыла французского просвещения Руссо, «как высокопарный орёл, превзошёл всех бывших до него философов»³⁹.

В вопросах философских (которые освещаются ниже) автор «Философических предложений» занимал самостоятельную позицию, критически оценивая и перерабатывая воззрения крупнейших мыслителей своего времени. Особый интерес представляют критическое восприятие и преодоление им учения Руссо, которого он так высоко ценил. В «Философических предложениях» Козельский излагает свой идеал общественного устройства и пути его достижения.

Замечательна роль Козельского в Комиссии: он выступил против законопроекта о преимуществах дворянства, требовал предоставления дворянского звания за выслугу лицам низших сословий и законодательного ограничения родительской власти над детьми. Никто из депутатов не выступал с такой решительностью, как Козельский, в пользу крестьянства: он требовал твёрдого определения и ограничения крестьянских повинностей, предоставления крестьянам не только права собственности на движимое имущество, но и права наследственного владения землёй.

Отсюда понятно, почему его в комиссии поддерживали депутаты от горожан, однодворцев, черносошных крестьян и почему против него так резко выступал дворянский лидер — князь М. М. Щербатов — и другие дворяне-депутаты. Повидимому, желая избавиться от беспокойного представителя в Комиссии, Козельского в декабре 1768 г., в

³³ «Государь и министр, книга, сочинённая господином Мозером, с немецкаго языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским». Предисловие переводчика. СПб. 1766.

³⁴ «Имянный список господам депутатам, выбранным в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, кто из которого места выбраны, и кто кому именно здали, также в разныя учреждённые от большого собрания частныя Комиссии определены и ныне действительно находятся Генваря по I число, 1768 года», стр. 55, № 535. Печатаи при Императорском Московском университете.

³⁵ «Философические предложения, сочинённые надворным советником и Правительствующаго Сената секретарём Яковом Козельским». Обращение к читателю. СПб. 1768.

³⁶ «Философические предложения». Обращение к читателю.

³⁷ «Philosophie morale réduite à ses principes, ou Essai de S***». 1751. Козельский не знал имён автора и переводчика. Их имена установлены нами по «Dictionnaire des ouvrages anonymes». Т. III, p. 878. 1875.

³⁸ «Вольтер и Руссо, — пишет Герцен, — почти современники, а какое расстояние делит их! Вольтер ещё борется с невежеством, за цивилизацию, — Руссо клеймит уже позором самую эту искусственную цивилизацию. Вольтер — дворянин старого века, отворяющий двери из раздушенной залы рококо в новый век; он в галунах, он придворный; он раз был на большом выходе, и, когда Людовик XV проходил, церемониймейстер назвал его по имени Франсуа-Мари-Аруэта; по другую сторону двери стоит плебей Руссо, и в нём ничего уж нет du bon vieux temps (от доброго старого времени. — И. Б.). Едкие шутки Вольтера напоминают герцога Сен-Симона и герцога Ришелье; остроумие Руссо ничего не напоминает, а предсказывает остроты Комитета общественного благосостояния». (Письма об изучении природы, письмо восьмое. 1845 г. Герцен А. Полное собрание сочинений и писем. Т. IV, стр. 180. 1919).

³⁹ «Философические предложения». Обращение к читателю.

числе других депутатов, под предлогом «нынешняго военного времени» (войны с Турцией. — И. Б.), освободили от депутатских обязанностей и отправили в армию⁴⁰.

В 1770 г. Козельский получил чин коллежского советника⁴¹ и был назначен членом «Малороссийской коллегии»⁴², находившейся в городе Глухове. В этой должности он состоял до 1778 года⁴³.

В 1770 г. вышел сборник избранных статей из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, в переводе Козельского. Первая часть сборника⁴⁴ содержит философские статьи, вторая — ряд юридических статей, статью об этике и статью о политике⁴⁵. Выход в свет сборника имел большое значение для распространения в России идей французских энциклопедистов-просветителей.

В дальнейшем для Козельского, повидимому, возникли затруднения в опубликовании своих работ в связи с его пребыванием в армии и затем, по всей вероятности, вы-

нужденной продолжительной службой в провинции. Да и вообще со второй половины 70-х годов XVIII в., после разгрома крестьянской войны под предводительством Пугачёва, сложилась неблагоприятная общая обстановка для литературной деятельности радикальных мыслителей.

После восемнадцатилетнего литературного молчания⁴⁶ Козельский в 1788 г. выпустил в свет первый том задуманной им популярной энциклопедии знаний, которую он изложил в распространённой в литературе того времени форме диалога — «Разсуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании»⁴⁷. В этом диалоге устами Ибрагима говорит автор⁴⁸.

В то время как в «Философических предложениях» Козельский ставит главной задачей ответ на вопросы личной и общественной морали, «Разсуждения двух индий-

⁴⁰ См. РИО. Т. XXXVI, стр. 149. 1882.

⁴¹ См. приведённый ниже титульный лист второй части сборника избранных и переведённых Козельским статей из французской «Энциклопедии».

⁴² «Месяцослов с росписью чиновных особ в Российском государстве... 1771 г.», стр. 197. В Санкт-Петербурге при Имп. Академии наук.

⁴³ «Месяцослов... 1778 г.», стр. 333.

⁴⁴ «Статьи о философии и частях её из Энциклопедии, переведённые надворным Советником Яковом Козельским». Часть 1-я, при Императорской Академии наук. 1770 года.

⁴⁵ «Статьи о нравоучительной философии и частях её из Энциклопедии, перевёл коллежский советник Яков Козельский». При Императорской Академии наук. 1770 года.

⁴⁶ Плавильщиков В. («Роспись российским книгам для чтения». Ч. 3-я, стр. 464, № 6125. СПб. 1820) и митрополит Евгений («Словарь русских светских писателей». Т. I, стр. 295. М. 1845) приписывают Я. П. Козельскому появившуюся в 1778 г. трагедию «Велесана». Это утверждение, повидимому без всякой проверки, нашло распространение в последующих справочных изданиях (Т. Геннадий «Справочный словарь о русских писателях и учёных». Т. II, стр. 147. Берлин. 1880; «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Т. XV-A, стр. 596. СПб. 1895; «Новый энциклопедический словарь». Т. XXII, стр. 98; «Русский биографический словарь». Том «Кнаппе—Кюхельбекер», стр. 38. 1903) и даже в специальной статье о Козельском («Русская старина» за декабрь 1906 г., стр. 571). Между тем трагедия «Велесана» написана не Я. П. Козельским, а его племянником Ф. Я. Козельским и вошла в собрание сочинений последнего («Сочинения Фёдора Козельского. Второе издание, исправленное и вновь приумноженное». Ч. 2-я, стр. 67—133. Печатаю при Академии наук. СПб. 1778). Таким образом, литературное молчание Я. П. Козельского продолжалось без перерыва с 1770 по 1788 год.

⁴⁷ Столь длительное литературное молчание Козельского после кипучей литературной деятельности в 60-х годах XVIII в. дало повод Столянскому предположить, что Козельский умер около 1770 г., а его «Разсуждения двух индийцев» были изданы посмертно («Русская старина» за декабрь 1906 г., стр. 584). Это неосновательное предположение опровергается свидетельством самого Козельского. Он отмечает, что сочинял эту книгу в возрасте, приближающемся «к тому пределу, который человечеству положен от природы», т. е. когда «уже достиг старости». Между тем в 1770 г. Козельскому было около сорока лет. Таким образом, «Разсуждения двух индийцев» могли быть написаны лишь незадолго до их издания, т. е. когда Козельскому было уже около 60 лет.

⁴⁸ В том же году появилось другое издание — с незначительными отличиями от «Разсуждений» в содержании и стиле, без указания фамилии автора и под иным, подробным заглавием: «Китайский философ, или учёные разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима, т. е. философические разсуждения о человеческих познаниях, касательно физики, врачебной науки, испытания природы и её тайнств, естественною историею открываемых; а имянно: о стихиях, земле, воде, воздухе, и огне, о человеке и животных, о растениях и ископаемых минералах, во врачевстве употребляемых; о тяжести, движении и покое земных тел и проч. издвигнем Н. М. А.» (СПб). 1788. Издатель, подписавшийся инициалами «Н. М. А.», — знаменитый русский врач второй половины XVIII в., профессор акушерства Н. М. Максимович, выступавший в литературе под именем М. Максимович-Амбодик. Какое из этих изданий было первым? Нельзя допустить, чтобы первое издание книги могло появиться с указанием, а второе без указания фамилии автора. Обратное же положение имело зачастую место в литературной практике XVIII в. и в России и за границей. Сочинение, изданное анонимно, в случае успеха издавалось вновь, но уже с указанием фамилии автора. Полагаем поэтому, что первым было издание Максимовича-Амбодика.

цов» ограничиваются натурфилософскими темами. Повидимому, Козельский к старости потерял интерес к вопросам социальной философии, которые так волновали его раньше.

«Разсуждения двух индийцев» были изданы после того, как автор возвратился в Петербург⁴⁹.

В конце 1788 или начале 1789 г. Козельский в чине статского советника поступил на службу в «Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения» на должность «сочинителя» при Дирекционной комиссии⁵⁰. Эта работа являлась как бы продолжением деятельности бывшего депутата екатерининской Законодательной комиссии, но уже в явно бюрократической форме.

В 1791 г. наряду с работой в Комиссии Козельский является инспектором «Гимназий чужестранных единоверцев»⁵¹. Последнее упоминание о пребывании его на этих должностях относится к 1793 году⁵². Летом того же года он ушёл в отставку по болезни и поселился в своём небольшом поместье, около Полтавы, — в Крутом Береге⁵³. Год смерти Я. П. Козельского остаётся неизвестным.

Главный философский вопрос — о бытии и сознании — Козельский решает материалистически. «Испытания природы и её гадств, — говорит он, — есть первейшее дело и упражнение каждого здравомыслящего, разумом одарённого, и бытие своё на земле чувствующего существа»⁵⁴. В этом положении явно сквозит мысль о первичности материи и вторичности сознания.

Однако Козельский, как и французские материалисты XVIII в., не вышел за рамки метафизического понимания вещей. Он считает, что «существо вещи есть необходимое, вечное неизменное и неизмучуемое»⁵⁵ и что «свойства вещи от существа её отделяться не могут... оне суть необходимыя, вечныя, неприменныя и неизмучуемыя, а случайности вещи от существа её отделяться могут»⁵⁶.

Подобно французским материалистам XVIII в., Козельский механически понимает движение: «Всякое тело, ежели оно будет один раз в спокойстве, то пребудет в том спокойстве вечно, ежели оно не приведётся в движение от какой-либо наружной или посторонней силы, также что всякое тело,

ежели оно будет один раз в движении, то соблюдет то движение вечно по одной линии направления и одною скоростью; ежели в том движении не помешает ему какая внешняя или посторонняя причина; и это основание... первой и главнейший закон натуре, на котором основываться должна вся наука о движении»⁵⁷.

Чувственное восприятие, отражая бытие, является основой познания, мышления, говорит Козельский. «Чувствие или понятие какой вещи есть представление её в мысли нашей; например посредством видения отличаем мы камень от дерева; и такое отличие называется понятие»⁵⁸. Он не признаёт врождённых идей, считает, что мы «получаем понятия... одними чувствами»⁵⁹. Козельский выступает как сенсуалист.

Научное познание, по мнению Козельского, должно быть основано на опыте. Естественное знание достигло блестящих успехов потому, что естественные науки руководствовались «больше наблюдениями и опытами, нежели умствованиями»⁶⁰. Он издевается над теми учёными, «которые спятыя вотще подвергнуть своим законам натуре», говорит, что он следует «одной натуральной связи» и отнюдь не заботится о «порядочной лестнице слов»⁶¹. Его материализм был воинствующе направлен против идеализма, против схоластики.

Он убеждён в огромных возможностях человеческого познания, в могуществе науки. В природе нет «тайнства», недоступного для познания. «Это не тайнство, а тайнство состоит в познании силы и действия, пользы и вреда каждой из тех вещей»⁶².

Однако Козельский останавливается перед проблемой «частиц тела». Он вместе с Вольтером считает, что решение этого вопроса надо оставить в разсуждение тому Премудрому существу, которое его создало»⁶³. Агностицизм не вполне, не до конца преодолён им; это связано с его деистическим мировоззрением.

Козельский, так же как Ломоносов до него и Радищев после него, был материалистом в объяснении природы, но так же, как они, был деистом. Козельский считал, что людям не следует заниматься доказательством или опровержением бытия божия, так как это — «не сходное с силами их разума дело»⁶⁴. Несомненно, деизм — показатель непоследовательности, ограниченности материалистического мировоззрения Козельского. Следует, однако, при этом иметь в виду, что в то время деизм был, по крайней мере для материалиста, лишь удобной и мягкой формой избавления от религии. Козельский

⁴⁹ В 1788 г. Козельский писал, что был «в долговременном удалении от сего края, в котором я с молодых лет моих... получил себе воспитание и всю мою фортуна» («Разсуждения двух индийцев», Т. I. Посвящение).

⁵⁰ «Месяцослов... 1789 г.», стр. 101.

⁵¹ «Месяцослов... 1791 г.», стр. 59.

⁵² «Месяцослов... 1793 г.», стр. 63, 110.

⁵³ Модзалевский. В. Указ. соч. Т. II, стр. 391.

⁵⁴ «Китайский философ», эпитафия.

⁵⁵ «Философические предложения», стр. 40.

⁵⁶ Там же, стр. 41.

⁵⁷ «Разсуждения двух индийцев», стр. 237.

⁵⁸ «Философические предложения», стр. 5.

⁵⁹ Там же, стр. 11.

⁶⁰ «Разсуждения двух индийцев», стр. 30—31.

⁶¹ «Философические предложения». Обращение к читателю.

⁶² «Разсуждения двух индийцев», стр. 31.

⁶³ «Философические предложения», стр. 49.

⁶⁴ Там же. Обращение к читателю.

клеил вероломство и ханжество папского престола, нападал на реакционную деятельность церкви.

Для Козельского, так же как впоследствии и для Радищева, содержанием жизни и деятельности людей является «искание благополучия» всего человеческого рода⁶⁵.

Он согласен с Руссо, что человечество было счастливым «в натуральном состоянии», когда люди жили-де обособленно, вне общества, когда не существовало «собственности имения», и не появились ещё «науки и искусства»⁶⁶. Козельский разделяет историческое объяснение общественного неравенства, причину которого Руссо видел в частной собственности, возникающей на определённой ступени экономического развития. Он, как и Руссо, стоит на точке зрения договорного происхождения государства, считает, что «человек чрез договор с обществом теряет натуральную вольность»⁶⁷.

Однако, в то время как у Руссо наука и искусства портят нравы, делают людей несчастными, Козельский признаёт объективно прогрессивную роль «науки и искусства» в процессе общественного развития: «Когда род человеческий... позабыл своё натуральное состояние, а вместо того навяз общественному бытию... необходимость заставила его, — говорит он, — искать удовольствия... через искусство и науку»⁶⁸.

Козельский приходит к решительному заключению, что польза или вред науки, искусства, промышленности зависят от того, в чьих руках они находятся: наука, искусство, промышленность «полезны, они нужны... а всё зло и весь вред происходят от худого их употребления»⁶⁹. «Худое употребление» науки, искусства, промышленности имеет место при общественном неравенстве, обусловленном возникновением и существованием частной собственности.

Историческое объяснение предпосылки неравенства, которую Козельский усматривает в процессе появления на определённой ступени экономического развития частной собственности, показывает наличие в социальной философии Козельского элементов материализма. Материалистические элементы у него сильнее, чем у Руссо, поскольку Козельский, дав объективно историческую оценку роли науки, искусства, промышленности, видит в частной собственности не главную, как Руссо, а единственную причину общественных бедствий.

В то же время договорная теория происхождения государства у Козельского, как и у

Руссо, неверна исторически и насквозь идеалистична. Из этой идеалистической теории он делал радикальный вывод — о необходимости нового общественного договора.

В поисках счастья народ уже не может, по мнению Козельского, вернуться «в натуральное состояние», отказаться от жизни в обществе и оставить науки. Это было бы возможно, если бы «ещё весь род человеческий был в натуральной простоте». Теперь же если какой-либо народ вздумает вернуться вспять, то «другие учёные народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают». И тогда этот народ «от сих просвещённых волков безсумненно убеждён будет о вредности своей простоты»⁷⁰. Неправильно считая, что «золотой век» человечества позади, Козельский дал правильное, материалистическое объяснение вредности, реакционности движения народа вспять и обосновал необходимость прогрессивного развития общества к лучшему будущему.

Каков же социальный идеал Козельского? Он, как и Руссо, предлагает новый общественный договор. Человек должен отказаться от своего естественного права на «натуральную вольность» и на всё то, «что его искушает и что он достичь может». Взамен этого через общественный договор он «приобретает гражданскую вольность и собственность имения».

Таким образом, человек, «будучи натурально не равен силою и разумом, другому делается равным по договору и по праву»⁷¹. Козельский считает, что «весьма не полезны великия различия состояний человеческих в обществах, а лучше им быть посредственными». Он полагает, что его идеальное общество будет построено «так, чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других»⁷².

Правильно усматривая в возникновении частной собственности источник общественного неравенства и эксплуатации человека человеком, Козельский вместе с тем частную собственность считает основой идеального общественного строя. В этом, как и у Руссо, заключается внутренняя противоречивость учения Козельского об обществе. Эта противоречивость объясняется непониманием Козельским того, что на основе мелкой частной собственности, простого товарного хозяйства, неизбежно вырастают капиталистические отношения, развиваются общественное неравенство и эксплуатация.

Благополучие идеального общества Козельский видит «в добронравии его и трудолюбии»⁷³. Частные интересы должны согласоваться с интересами общества в целом. Считая, что общество должно принимать участие «при всяком худом приключении одного гражданина»⁷⁴, Козельский подходит к мысли о создании общественного страхового фонда для возмещения убытков, в первую очередь от огня.

⁶⁵ «Философические предложения». Обращение к читателю.

⁶⁶ Под «искусствами» тогда понимали не только различные области искусства в современном смысле этого понятия, но также и различные отрасли промышленного производства.

⁶⁷ «Философические предложения», стр. 180.

⁶⁸ Там же. Обращение к читателю.

⁶⁹ «Разсуждения двух индийцев». Предисловие, стр. V.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, стр. 196.

⁷² Там же, стр. 182.

⁷³ Там же, стр. 187.

Законом общественной жизни должна быть умеренность: не должно быть ни нищеты, ни роскоши. Тогда, по мнению Козельского, не будет зависимости людей друг от друга, а потому не будет и эксплуатации. Он предлагает кроме того оградить общество от эксплуатации законодательным порядком: «не дозволить никакого другого заимствования кроме равноценного»⁷⁵.

В этом идеальном обществе все должны трудиться. Труд является обязанностью каждого гражданина. Возможно и полезно в случае надобности принуждение к труду. Но труд не должен быть тяжёлым бременем, «которое может укоротить жизнь человеку». Тем более что чрезмерный труд менее производителен, чем умеренный: от «неусыпных трудов... натурально приходит меньше плода, нежели от умеренных». Козельский считает, что «для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов может он употребить на одяние, кушанье и забаву, а третьи восемь часов на сон».

Козельский считает, что «не золото и серебро, а трудолюбие составляет богатство народов»⁷⁶. Что касается денег, то он их рассматривает, как «знаки, сделанные из металлов», которые «для способной размены вещей выдуманы»⁷⁷. Таким образом, в противоположность меркантилистам, он рассматривает деньги не как богатство, а лишь как орудие обращения, средство обмена, а их происхождению даёт рационалистическое, идеалистическое объяснение.

Источник обогащения праздной части общества он видит в труде другой части общества во всех отраслях производства⁷⁸. В вопросе об источниках богатства Козельский отличается от меркантилистов, видевших непосредственный источник богатства во внешней торговле, т. е. в сфере обращения, и от физиократов, усматривавших лишь в земледелии действительный источник богатства. Отличаясь от меркантилистов и физиократов, усматривавших истинный источник богатства в той или иной особой форме реального труда, Козельский рассматривает труд вообще в качестве источника богатства.

Козельский горячо возражал против взглядов, которые разделял Монтескье, а в России — Щербатов⁷⁹, — о пользе существования роскоши у одной, меньшей части общества, которая якобы содействует развитию промышленности, науки, искусства, росту народного богатства. Он считал, что общество, богатства которого сосредоточены у немногих, «всегда... несравненно убоже будет того, в котором сначала хотя и гораздо меньше было денег, нежели у первого, да оне

(деньги. — Н. Б.) разделены были между гражданами»⁸⁰.

Нападая на роскошь, с одной стороны, и на чрезмерный труд — с другой, Козельский не считает, что труд человека должен удовлетворять лишь текущие его потребности. Он полагает, что нужно создавать сверх того «запас для нужды в предбудущее время»⁸¹.

Придавая огромное значение воспитанию как средству ко введению добронравия⁸², Козельский вместе с тем считает, что «выполнить народ иначе нельзя, как через облегчение его трудностей»⁸³. Таким образом, он отстаивает материалистический принцип, что экономическое положение определяет возможности воспитания, что социальные реформы должны предшествовать распространению воспитания, а не наоборот, как думали идеалисты.

Празда, подобно французским материалистам, он рассматривал самой экономическое положение как продукт законов, определяемых воззрениями людей, т. е. идеалистически.

Идеализм Козельского в социальной философии сказался также в предлагаемом им общественном договоре, в котором он усматривал средство общественного переустройства. Он сам говорил, что его проект могут признать утопией, напоминая республику Платона. В защиту своего предложения он приводит рационалистический довод: если «люди к погублению других выдумали... целую военную науку, то кажется то же бы они могли сделать и в рассуждении своего благополучия»⁸⁴.

Несмотря на наличие материалистических элементов, социальная философия Козельского идеалистична. Козельский дал материалистическое объяснение природы и идеалистическое объяснение общества. К характеристике его взглядов вполне применимы высказывания классиков марксизма-ленинизма о французских материалистах XVIII века⁸⁵. Подобно им, Козельский, будучи материалистом в естествознании, сохранял идеализм «вверху» — в области общественной науки.

Остриё мысли Козельского направлено против феодализма, против различных форм феодального гнёта и феодальных ограничений. Он отстаивает свободу слова и печати, ибо наука «умирает без вольности»⁸⁶, считает, что политические вопросы должны обсуждаться всеми гражданами. Он ставит в пример Англию, где «самый простой мещанин читает ведомости и разсуждает о поли-

⁷⁵ «Философические предложения». Обращение к читателю, стр. 197.

⁷⁶ Там же, стр. 200—201.

⁷⁷ Там же, стр. 125.

⁷⁸ См. предисловие Козельского к его переводу книги Мозера «Государь и министр».

⁷⁹ Щербатов М. Соч. Т. I, стр. 253

⁸⁰ «Философические предложения». Обращение к читателю.

⁸¹ Там же, стр. 200.

⁸² «Философические предложения», стр. 193.

⁸³ Там же, стр. 198.

⁸⁴ Там же, стр. 206.

⁸⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. XIV, стр. 647—649; Ленин, Соч. Т. XIII, стр. 197.

⁸⁶ «Разсуждения двух индийцев», стр. 37.

тических делах и правлениях»⁸⁷. Вместе с тем Козельский против механического подражания другим народам, так как «обществам, а наипаче великим не пристойно смотреть на образы других»⁸⁸. Он за самостоятельный путь развития каждого народа с освоением того лучшего, чего достигли другие народы⁸⁹.

Объективно идеальное общество Козельского представляет собою общество свободных мелких товаропроизводителей, которое в своём развитии неизбежно должно превратиться в капиталистическое общество, в буржуазное государство. В этом — но, понятно, не только в этом — прогрессивность социальной философии и экономических воззрений Козельского.

Государственная власть будет идеальной тогда, «когда обладатели философствовать или философы обладать станут»⁹⁰, то есть когда будет «просвещённая власть». Козельский говорит о «просвещённой власти» вообще в то время, когда западноевропейские энциклопедисты-просветители говорили обычно лишь об одной форме «просвещённой власти» — о «просвещённом абсолютизме».

Замечательны для своего времени суждения Козельского о том, что внешняя сила и безопасность страны определяются её внутренним благосостоянием. «Наружная безопасность общества главную силу заимствует от внутреннего его благосостояния», — говорит он. Внутреннее же благосостояние общества должно строиться на основе экономической и политической независимости, «так, чтоб как можно меньше зависеть ему от других обществ». Однако независимость он не отождествляет с изолированностью, так как обществам быть без какой-либо зависимости почти не можно»⁹¹.

Козельский — сторонник тесного взаимного общения свободных и независимых народов.

Он противник войн — «несчастливаго жребия, от коего стонут отягощённые войною народы»⁹². Войны, даже победоносные, наносят народному хозяйству огромный ущерб, они отвлекают людей от производительного труда. «Ежели б употребить то число людей, которые бывают в кампаниях против неприятеля, к какому-либо другому делу, то чаятельно они не меньше принесли трудом своим пользы, как и победою своею»⁹³.

Для того чтобы сохранить и обеспечить тесное общение свободных и независимых народов, должно господствовать «доброе и справедливое... обхождение с другими народами» со стороны каждого народа. Но так как это будет неизбежно нарушаться, то «содержание каждому обществу себя в во-

оружённом состоянии необходимо»⁹⁴. Козельский оправдывает лишь войны, вызываемые необходимостью защиты, справедливые войны, когда «все миролюбивые и добродетельныя средства безуспешны будут»⁹⁵. Поэтому он считает необходимым укреплять обороноспособность каждого государства.

Вместе с тем он настаивает на ограничении контингента армии в мирное время: «Содержать столько войска, которое б пропорционально было пространству земли и количеству народа». Однако это возможно лишь в том случае, если «во всех, а наипаче в пограничных местах... приучивать всякаго звания людей без изъятия уметь обходиться с оружием»⁹⁶. Козельский защищает демократический принцип всеобщего военного обучения, с тем чтобы ограничить численность армии в мирное время.

Войны, заполнявшие последнюю треть XVIII в., вызвали большой интерес в русском обществе к вопросам войны и мира. Эти вопросы обсуждались в русской литературе того времени. Кроме статей в журналах появляются две переводные работы, специально посвящённые этому вопросу.

Первая из них представляет «Проект о вечном мире» аббата де Сент-Пьера в сокращённом изложении Руссо⁹⁷, перевод И. Богдановича⁹⁸.

Вторая работа — «Мир Европы или проект всеобщего замирения»⁹⁹.

⁸⁷ Там же, стр. 208.

⁸⁸ «Философическия предложения», стр. 218.

⁸⁹ Там же, стр. 222.

⁹⁷ «Сокращение, сделанное Жан Жаком Руссо, Женевским пражданином, из проекта о вечном мире, сочинёнаго господином Абатом Де-Сент Пиером. Переведено с французскаго в Санкт-Петербурге. 1771 года».

⁹⁸ В книге фамилия переводчика не указана. Принадлежность перевода И. Богдановичу указана у В. Сопикова «Опыт Российской Библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Словенском и Российском языках от начала заведения типографий до 1813 года». Часть IV, стр. 475—476. СПб. 1816.

⁹⁹ «Мир Европы или проект всеобщаго замирения. Мир Европы не может иначе состоявиться, как только по продолжительном перемирии или проект всеобщаго замирения, сопряжёнаго купно с отложением оружій на двадцать лет между всеми политическими державами. Переведено с французскаго языка в статье перед Очаковым в 1788 в течение солнца через небесные знаки (следуют небесные знаки сентября, октября, ноября и декабря. — И. Б.). Печатано с дозволения указнаго у Вильковского в СПб». 1789. «Посвящение» переводчика подписано инициалами «Р. П.». Это инициалы (см. Сопиков В. «Опыт Российской Библиографии», Ч. 3-я, стр. 386. СПб. 1815) Романа Цебрикова (1763—1817), известного переводчика, члена Российской академии. Интересно отметить, что он мечтал о «всеобщем замирении» накануне одной из крупнейших в то время битв — штурма русскими войсками Очакова.

⁸⁷ «Философическия предложения», стр. 177.

⁸⁸ Там же, стр. 204—205.

⁸⁹ См. там же.

⁹⁰ Там же. Обращение к читателю.

⁹¹ «Философическия предложения», стр. 208.

⁹² Там же, стр. 220.

⁹³ Там же, стр. 221.

В противовес милитаризму господствующей верхушки Козельский в вопросах войны и мира развивал идеи, разделявшиеся лучшими, передовыми умами той эпохи, находившие горячий отклик в прогрессивных кругах тогдашнего русского общества.

Козельский naïвно полагал, что человечество может добровольно прийти к его общественному идеалу, путём заключения общественного договора.

Вместе с тем он оправдывал восстание угнетённых, «которые, великими обидами утесняемы будучи от высших себя», становятся «при способном для них случае очень мстительны». Месть их тем сильнее, чем больше они вынуждались «к долголетнему терпению». Сравнивая гнев угнетённых против угнетателей с прорвавшейся рекой, которую долго сдерживала плотина, Козельский считает, что в случае восстания угнетённых «по справедливости почтеть их можно за невинных»¹⁰⁰. Эти строки писались во время работы екатерининской Законодательной комиссии, когда в дворянском обществе господствовала вера в возможность умиротворения социальных конфликтов законодательным путём; они писались за пять лет до крестьянской войны под водительством Пугачёва.

Депутаты в «Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения» в соответствии с «Положением», составленным Екатериной II, избирались от разных групп населения.

Дворяне избирали по одному депутату от уезда. Жители каждого города избирали одного депутата. Для однодворцев, пахотных солдат и государственных крестьян было установлено единообразное представительство. Каждая из этих трёх групп избирала одного депутата от каждой провинции. От «некочующих разных народов» посылался один депутат от каждого народа и провинции, да и то по назначению «местного начальства»¹⁰¹.

Число депутатов от казацких войск, в том числе и от Запорожского войска, должны были определить «высшие команды». Для «Малороссии» избирательным округом являлся полк¹⁰². Депутатом от Полтавского пикинерного полка и был избран Я. П. Козельский.

Сенат, синод, коллегии и канцелярии, то есть центральные государственные учреждения, представлялись одним депутатом от каждого учреждения, по назначению сената. Помещичьи крестьяне и «экономические», то есть бывшие монастырские крестьяне, не имели представительства.

¹⁰⁰ «Философические предложения», стр. 156.

¹⁰¹ См. Флоровский А. «Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг.», стр. 91—148. Одесса. 1915; см. также Лонгинов М. «Материалы для истории Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения 1767—74 гг.» («Русский вестник», декабрь 1861 г.).

Комиссия располагала материалом, подготовленным елизаветинской Законодательной комиссией в 1754—1761 годах¹⁰³. Ряд вопросов перед Комиссией был поставлен в екатерининском «Наказе»¹⁰⁴. Кроме того депутаты сами выдвинули многие вопросы, связанные с разработкой Нового Уложения. В депутатских наказах¹⁰⁵ были отражены мнения, чаяния разных групп населения, за исключением наиболее многочисленной его части:—крепостного крестьянства.

Дворянство в своих наказах¹⁰⁶ требовало не только сохранения, но и расширения дворянских прав и привилегий. Оно требовало монополии на эксплуатацию крепостного труда, стремясь таким путём в условиях недостатка вольнонаёмной рабочей силы вытеснить нарождающуюся буржуазию из промышленности. Дворянство ещё раньше добилось существенного ограничения прав купцов на эксплуатацию труда крепостных. Сенатский указ 1752 г. определил для них максимум рабочих людей, который разрешалось покупать к каждому стану, молоту, домне¹⁰⁷. Через десять лет Пётр III вовсе запретил покупку «к фабрикам и заводам» крестьян с землёй и без земли¹⁰⁸. В том же, 1762 г. этот запрет был подтверждён Екатериной II. Высочайше утверждённый доклад сената предлагал «всем фабрикантам и заводчикам отныне к их фабрикам и заводам деревень с землёй и без земли покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными наёмными по паспортам за договорную плату людья-

¹⁰³ О порядке выборов в «Малороссии» см. указ. соч. Флоровского, стр. 477—485.

¹⁰⁴ См. Латкин В. «Законодательные Комиссии в России в XVIII столетии». Т. I, стр. 80 сл. 1887.

¹⁰⁵ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения». Лучшее издание—Академии наук под ред. Н. Чечулина. 1907.

¹⁰⁶ См. «Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения» (РГО. Томы 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 115, 123, 134, 144 и 147). В указанных томах дневники заседаний и депутатские указы.

¹⁰⁷ См. С. Б-ва (Брюллова С.) «Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху. Дворянские указы» («Вестник Европы». Т. I за 1875 г.); Веретенников В. «К истории составления дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 года». «Записки Харьковского университета». Кн. 4-я за 1711 г. Часть неофициальная, стр. 1—32. Пресняков А. «Дворянский и крестьянский вопрос в Екатерининской Комиссии». «Великая реформа». Т. I, стр. 204—217, 1911 г.; его же «Дворянский и крестьянский вопрос в наказах». Там же, стр. 191—203.

¹⁰⁸ См. «Полное собрание законов» (ПСЗ). Т. XIII, № 9954.

¹⁰⁹ Там же. Т. XV, № 11450.

ми»¹⁰⁹; за «фабрикантами и заводчиками» из купцов, не имевшими личного права покупать и владеть крепостными, сохранялась возможность пользоваться трудом лишь тех крестьян, которые были приобретены «к заводам» до 1762 года.

Если среди промышленников петровского времени было мало дворян, то уже при Елизавете и особенно при Екатерине II встречается значительное число дворян-предпринимателей¹¹⁰.

В условиях экономического и политического господства дворянства экономическая политика после Петра I принимала формы покровительства, по преимуществу дворянскому предпринимательству.

В екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. дворянство отстаивало для себя исключительное право собственности на землю и крестьян. Депутат князь М. М. Щербатов, опираясь на данный ему Ярославским дворянством наказ¹¹¹, кетати сказать, составленный самим же Щербатовым, требовал, чтобы деревни, приобретённые купцами до указа 1762 г., были у них отобраны.

Дворянство не удовлетворяется монополией на эксплуатацию крепостного труда во всех отраслях народного хозяйства. Оно требует вообще монополии хозяйственной деятельности в земледелии, в промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырьё, в торговле (оптовой и экспортной) продуктами сельского хозяйства, в откупах вина, пива, мёда и т. д.

Для обоснования этого требования помещики ссылались на «естественное право»: раз земля дворянская, то всё, что произрастает на земле, и всё, что перерабатывается из продуктов земли, должно-де принадлежать дворянам. Стремясь всячески стеснить купеческое предпринимательство, дворянские идеологи одновременно добивались более широкого развития крестьянских промыслов, увеличивавших оброчные доходы помещиков.

Большинство дворянских депутатов высказывалось против развития купеческой мануфактуры, составлявшей преобладающую часть крупных промышленных предприятий страны. Многие дворянские наказы настаивали на господстве «дворянского корпуса» в местном управлении. Некоторые дворянские наказы возражали против пополнения рядов дворянства путём «выслуги» лицами из других сословий. Эти требования дворянства нашли отражение в «Проекте правам благородных»¹¹². Украинское дворянство стремилось к уравнению в правах с российским, наряду с сохранением и восстановлением «разных старинных прав»¹¹³.

Прибалтийские дворяне-немцы держались сепаратистских и наиболее реакционных тен-

денций. Они настаивали на автономии, на сохранении всех своих привилегий и требовали введения рабовладельческих законов¹¹⁴.

Купечество боролось за восстановление бывшего права на покупку «к заводам» крепостных деревень, против развития крестьянских промыслов, требуя ограничений и даже запрещений промышленной и торговой деятельности дворянства. Таким образом, купечество стояло на реакционных позициях. Оно настаивало на расширении крепостнических отношений.

Разные группы незакрепощённых крестьян и народы Поволжья жаловались на бесправие, говорили о тяжёлом бремени налогов и государственных повинностей, о произволе чиновников, о захвате крестьянских земель помещиками.

Крепостное крестьянство в Комиссии не было представлено¹¹⁵. Оно давало знать о своём положении, о своих чаяниях путём жалоб и протестов против крепостного гнёта.

Первое выступление Козельского в Комиссии было связано с обсуждением законов о дворянстве. Горячие споры вызвало обсуждение петровского закона от 16 января 1721 г.¹¹⁶ и пункта пятнадцатого петров-

¹¹² РИО. Т. XXXII, стр. 575—585.

¹¹³ См. «Депутатские наказы и всеподданнейшая челобитья от шляхетства Малороссийской и от дворян Слабозской Украинской губернии». РИО. Т. LXVIII, стр. 127—236; Прошение малороссийского шляхетства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 г. «Киевская старина». Т. VI, стр. 317—345. 1883, июнь.

¹¹⁴ См. «Депутатские наказы от дворян Эстляндской и Лифляндской губерний». РИО. Т. LXVIII, стр. 45—84. Особую реакционность немецкого дворянства прибалтийских губерний подчёркивали также известные лифляндские общественные деятели и писатели XVIII в.: Э й з е н — «Eines livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist». «Sammlung Russischer Geschichte», Bd. IX. St.-Petersburg, и М е р к е л ь — «Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия, дополнение к народоведению и человекознанию». 1800 («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 1-я, отд. IV (1870).

¹¹⁵ До нас дошло свидетельство того, как оценивала наиболее сознательная часть крепостного крестьянства отсутствие представительства в Законодательной комиссии. В произведении под названием «Плач холопов», принадлежащем неизвестному поэту, по всей видимости крепостному, встречаются такие строки:

«В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают.
Что могут-де холопы там говорить?

Отдали им волю до смерти нас морить».
(«Почина». Сборник Общества любителей российской словесности, стр. 12. 1895).

¹¹⁶ РСЗ. Т. I, № 3705.

¹⁰⁹ РСЗ. Т. XVI, № 11638.

¹¹⁰ По данным Мануфактур-коллегии, относящимся к 1770-м гг. — Центральный государственный архив древних и рукописных актов (ЦГАДА), ф. 199, Портфель Миллера, № 385, ч. I тетрадь I, лл. 6—56.

¹¹¹ См. РИО. Т. IV, стр. 297—314.

ской табели о рангах от 24 января 1722 г.¹¹⁷, согласно которым лица, дослужившиеся до обер-офицерского чина, и их потомки получают дворянское звание.

При обсуждении законов о дворянстве столкнулись два мнения, две точки зрения. Сторонники «породы» считали, что установленные Петром I законы должны быть изменены. В дворянство не следует принимать в общем порядке, за выслугу, а лишь за особые заслуги, причём присвоение дворянского звания должен производить лишь сам император. Дворяне, по мнению сторонников «породы», обладают особыми правами на занятие ряда высоких должностей и получение наград. «Они имеют, — по выражению депутата князя Щербатова, — преимущественное перед другими званиями право служить отечеству с тем, чтобы им, по их службе и по преимуществам в оной, определена была особая милость». Щербатов требовал предоставить лишь дворянам «право владения деревнями»¹¹⁸.

Против этих домогательств сторонников «породы» выступил Козельский. Он резонно напоминал дворянам, что их предки «начало своего достоинства получили чрез награждение по своим заслугам за верность и добродетель, а не чрез знатность рода»¹¹⁹.

Он говорил, что затруднение доступа в дворянство идёт «в подрыв государственной службе, ибо прочия не дворянския сословия, не видя себе равнаго с дворянами за службу возмездия, будут служить принуждённо без всякой ревности и любви к отечеству». Козельский доказывал, что сторонники «породы» стоят вообще на негосударственной точке зрения, так как если «в чести» окажется лишь старинное дворянство, то «служба, которую несло всё общество, была для прославления одних дворян, а не для пользы отечества и сохранения целости государства»¹²⁰.

На заявление некоторых дворянских депутатов, что дворянское воспитание даёт лучшую, чем служба, подготовку к занятию высоких постов, Козельский отвечал, что «при одном воспитании, без знания действительной службы и без испытания военного искусства на деле, нельзя быть ни надёжным полководцем, ни добрым гражданским правителем». Тем более, что «сверх воспитания и науки для службы потребны дисциплина и практика». Козельский выражал точку зрения многих недворянских депутатов.

Некоторые дворянские депутаты нападали на тех, вышедших «не из дворян в офицеры», которые, «получа небольшое поместье, стараются распространить его». Это, по мнению дворянских депутатов, являлось недворянским делом; дворянство было против нарушения присущей феодализму неподвижности границ земельных владений. И в этом вопросе Козельский противопоставил дворянскому мировоззрению взгляды, в соответствии с которыми «тот принесёт более пользы, который сохраняет и умножает, нежели тот, кто расточает», взгляды, защи-

щавшие антифеодалную по своей природе мобилизацию земельной собственности. Вместе с тем он был против оценки людей по их кошельку, так как «убожество при добронравии не противно ни чести, ни разуму».

Козельский требовал сохранения петровских законов о дворянстве «без всякой отмены»¹²¹. К его мнению присоединились многие депутаты от горожан, однодворцев, черносошных крестьян¹²², то есть недворянские элементы Комиссии.

Против Козельского выступил Щербатов. Депутат ярославского дворянства выразил удивление тому, что Козельский «укоряет подлым началом древния Российския фамилии, тогда как не только одна Россия, но и вся вселенная может быть свидетелем противнаго». В ответ на объяснение происхождения дворянства, которое дал Козельский, Щербатов нарисовал картину происхождения русского дворянства исключительно от знатных родов, противоречащую исторической действительности. Он старался уверить Комиссию, что единственной действительной силой России на протяжении её истории было дворянство. «Будь мне свидетелем, дражайшее отечество, в услугах тебе оказанных верными твоими сынами — дворянами древних фамилий... Они, оставя всё и жертвуя своею жизнью, они тебя освободили от чуждаго ига, они приобрели тебе прежнюю вольность...» и т. д. Так Щербатов обосновывал «первое право требования дворян древних родов, чтобы никто с ними без Высочайшей власти не был сравнен»¹²³. Железной логике Козельского Щербатов противопоставил дворянскую фанаберию и пафос незаурядного оратора.

Пётр I, включая в состав дворянства выслужившихся представителей других сословий, укреплял дворянский класс — свою политическую опору. Во второй же половине XVIII в. дворянство значительно возросло количественно и достигло кульминационного пункта своего могущества. Дальнейший количественный рост стал для дворянства не только излишним, но и вредным. Ограничивались возможности увеличения земельных владений для родового дворянства. Происходила борьба за служебные посты и должности между всё возрастающим числом претендентов, которых стало больше, чем свободных должностей. Дальнейший рост числа дворян означал теперь измельчание дворянства.

Это верно подметил ярый защитник дворянских интересов Щербатов. Он говорил, что Петра I «обстоятельства времени и разные случаи принудили... сделать для нашего же благополучия такая положения, которые ныне... от изменения нравов, не только не полезны, но скорее могут быть вредны»¹²⁴. При Петре получение дворянства всеми дослужившимися до офицерского чина «по тогдашним обстоятельствам было необходимо для понуждения дворян вступать в службу». Теперь же, говорил Щербатов, когда

¹¹⁷ ПСЗ. Т. I, № 3890.

¹¹⁸ РИО. Т. IV, стр. 152. 1869.

¹¹⁹ Там же, стр. 187.

¹²⁰ Там же, стр. 188.

¹²¹ Там же, стр. 189.

¹²² Там же, стр. 190.

¹²³ Там же, стр. 193.

¹²⁴ РИО. Т. IV, стр. 149—150.

«российское дворянство... достаточно наклонно и к службе и к наукам», это право надо отменить¹²⁵.

Дворянские депутаты поддерживали Щербатова против Козельского; они правильно поняли в то время интересы своего класса в целом.

Вместе с другими недворянскими депутатами Козельский поддерживал мнение депутата от горожан Дерпта—Якова Урсинуса, который заявлял, что «право иметь гербы — никакое отличное право дворянства, ибо никому не запрещено употреблять гербы для отличия своей фамилии от прочих», и что следует «назначить правила, по которым сограждане ваши должны почестся дворянами»¹²⁶.

На рассмотрение Комиссии поставлены были также две статьи Сысского приказа 1669 года.

Первая статья определяла, что «буде отец или мать сына, или дочь убьёт до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсиживать в тюрьме год, приходили их к церкви Божией... объявлять свой грех всем людям вслух: а смертью отца и матери, за сына и за дочь не казнить»¹²⁷.

Козельский резко осуждал эту статью. Он отмечал, что «по всем законам никто не властен предавать смерти человека, кроме одних законов, а и закон не убивает, но в отмщение за преступления казнит» и что отцовская власть не должна простираться до того, «чтобы человека без приговора законного живота лишать». Последнее, говорил он, подтверждает и разбрасмый закон тем, что «отца в тюрьму и церковному покаянию предаёт, признавая его виновным». По мнению Козельского, эта статья противоречива, так как она «отцу в детоубийстве некоторым образом попускает, и обвиняет его». И потому он требует отмены этой статьи, уравнивания ответственности за детоубийство с ответственностью за человекоубийство.

По другой статье, «буде, который, сын, или дочь учнут бить челом о суде на отца, или на мать и им на отца и на мать ни в чём суда не давать, да их же за такое челобитье бить кнутом, и отдать их отцу и матери»¹²⁸. Козельский требовал отмены и этой статьи, так как она лишала сына или дочь «законного защищения перед судом»¹²⁹ личных и имущественных прав.

Наиболее интересным было мнение Козельского о мерах к установлению надлежащих отношений между помещиками и крестьянами.

Вопрос о крепостном праве, о положении крестьянства в 60-х годах XVIII в. привлекал внимание всех слоёв общества, вызывал

¹²⁵ РИО. Т. IV, стр. 150; см. также Щербатов М. Соч. Т. I, стр. 252—254, 266—268, 619—628. СПб. 1896 («Размышление о дворянстве» и «Размышления о ущербе торговли, происходящем выхождением великаго числа купцов в дворяне и в офицеры»).

¹²⁶ РИО. Т. XXXII, стр. 225, 276. 1881.

¹²⁷ Там же, стр. 371.

¹²⁸ ПСЗ. Т. I, № 441, ст. 92.

¹²⁹ РИО. Т. XXXII, стр. 371.

страстные споры и в печати, и в правительственных сферах, и в екатерининской Законодательной комиссии, и в Вольном экономическом обществе, учреждённом в 1765 году¹³⁰.

Либеральное меньшинство дворян, как и сама Екатерина II, шло в 1760-х годах по пути поисков некоторой меры уступок крестьянству для того, чтобы сохранить основу — феодально-крепостной строй.

Консервативное, косное большинство дворян-помещиков стремилось сохранить в полной неприкосновенности формы феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства. Но ещё дальше, чем идеологи консервативного большинства русского дворянства (Щербатов, Сумароков), шли идеологи немецких баронов Прибалтики, стремившиеся превратить крепостных крестьян в рабов, возродить в XVIII в. рабство на основе рабовладельческого права — кодекса Юстиниана¹³¹.

Споры вокруг необходимых мероприятий по крестьянскому вопросу в 60-х годах XVIII в. явились началом векового спора по этому поводу между двумя лагерями внутри дворянства: «крепостниками» и «либералами».

Идеологи либерального дворянства ставили вопрос о мероприятиях, которые могли бы в рамках крепостного строя несколько облегчить правовое положение крестьянства, улучшить его материальное состояние и создать стимулы для повышения производительности труда крестьянина путём предоставления ему ограниченного права собственности на движимое имущество (Д. А. Голицын, Сиверс и др.).

Появились даже проекты постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости. Причём этому освобождению должна была предшествовать подготовка крестьян через «воспитание». Среди таких проектов следует выделить проект безземельного освобождения, выдвинутый тогдашним русским посланником в Париже князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным¹³². «Дарю свободу моим крестьянам,—писал Голицын.—...я переношу всю ценность моего состояния на землю. Значит, все старания, все заботы мои будут устремлены на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята... Существенным в моём хозяйстве будет то, чтобы каждый крестьянин имел участок земли, достаточный не только для его пропитания, но и для обогащения его, ибо чем состоятельнее он будет, тем за высшую цену он станет снимать землю». Крестьянам при их освобож-

¹³⁰ См. Б а к И. «Возникновение русской сельскохозяйственной экономики» (журнал «Социалистическое сельское хозяйство» № 9 за 1945 г.).

¹³¹ См. В и п е р Р. «Лифляндские бароны в роли теоретиков крепостничества» («Исторический журнал» № 11—12 за 1943 г.).

¹³² Письмо Д. А. Голицына к А. И. Голицыну от 30 сентября 1770 года. «Сборник Московского главного архива министерства иностранных дел», вып. 2-й, стр. 93 и сл. М. 1881.

денни, по мнению Голицына, следует предоставить в собственность лишь «их пожитки», т. е. движимое имущество. В своём проекте Голицына исходил из признания низкой производительности принудительного труда. Этот проект объективно вёл к превращению русского помещика в лендлорда, а крестьянина — в кабального арендатора.

Наряду с проектами, отражавшими интересы помещиков, выдвигались проекты, исходившие из интересов крестьян.

Алексей Яковлевич Поленов, «академический переводчик», в ответ на объявленную по инициативе Екатерины II Вольным экономическим обществом конкурсную задачу «Что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю, или только движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны»¹³³, представил проект разрешения крестьянского вопроса. Он подверг резкой критике существующие социально-экономические порядки, изобличая пороки крепостничества, вред последнего для развития страны. В то же время следует отметить нерешительность практической стороны его «проекта», робость его предложений. Он высказался за полное, неограниченное право собственности крестьян на «движимое имение». В отношении же «недвижимого имения» он отстаивает для крестьян лишь наследственное владение. При этом Поленов считает неизбежным нечто вроде выкупных платежей и отработок крестьян. Он не поднялся до требования отмены личной зависимости крестьян.

Но при всей умеренности его предложений, при всём стремлении показать выгоду своего «проекта» для помещиков Поленов выступал не в защиту интересов помещиков, а с точки зрения «человеколюбия», «общенародной пользы», то есть в интересах крестьянства.

Проект Поленова объективно был направлен на разложение крепостничества и содействие развитию буржуазного строя. Но это отнюдь не была сознательная защита интересов буржуазии. Поленов искренно заботился об интересах народных масс. Плеханов отметил, что «Поленов в значительной степени покинул дворянскую точку зрения». Развитие идей Поленова, говорит Плеханов, легко могло довести «до таких выводов, от которых затрещал бы весь наш тогдашний общественный порядок»¹³⁴.

К числу защитников интересов крестьянства принадлежит и Григорий Степанович Коробьин, которому в конце 1767 или начале

1768 г. передал депутатские полномочия депутат козловского дворянства капитан Семён Муравьёв¹³⁵.

Коробьин выступил в екатерининской Законодательной комиссии с «примечанием» на «чтание о беглых людях и крестьянах законы»¹³⁶.

В своём «примечании» Коробьин находил, что «начало, от которого толь вредныя происходят последствия, состоит в неограниченной власти помещика над именьями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало». Поэтому Коробьин требовал от государства законодательного ограничения крестьянских повинностей помещикам, «чего для надлежит предписать законами, коликую власть имеют помещики над именьями своего крестьянина». Однако Коробьин придавал чрезмерное значение законодательному регулированию, полагая, что «если бы всякий из владельцев известен был, что он не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано, то сим бы образом, кажется, могли пресечься те злоупотребления»¹³⁷.

Опираясь на екатерининский «Наказ», Коробьин требует законодательно установить «нечто для собственного крестьян имущества» на условиях выкупа, путём ежегодной выплаты «мерной (т. е. умеренной. — И. Б.) дани»¹³⁸, продуктами или деньгами.

Коробьин, как и Поленов, не посягал на личную зависимость крестьян от помещиков; он не ставил вопроса «об ограничении власти господской над именьями его земледельца, ... об ограничении власти помещичьей в разсуждении правления». Власть помещиков над крестьянами, по его проекту, «остается полная, как и ныне». Коробьин говорит, что его проект созпадает с желаниями «добраго владельца» и ему «не препятствует к приведению своих крестьян в лучшее состояние своим благоразумием». Вместе с тем благодаря его проекту «пресечётся токмо воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев»¹³⁹.

В проекте Коробьина требование ограждения имущественных прав крестьянина сочеталось с сохранением полной личной зависимости крестьянина от помещика. «Это была, — замечает Плеханов, — вопиющая непоследовательность, которую поспешили, разумеется, отметить защитники дворянства». Щербатов говорил, что именно крестьянина останется подвластным тому, под чьей властью находится его тело. «Это было как нельзя более справедливо, — отмечает Плеханов. — Но тем более характерно, что даже непоследовательный проект Коробьина вызвал такое сильное волнение в среде дворянских депутатов: он коснулся того, чего, по их убеждению, никто не должен был касаться»¹⁴⁰.

После выступления Коробьина об установлении податей крестьянских помещику Ко-

¹³³ «Труды Вольного экономического общества». Ч. 4-я, стр. 201. 1766.

¹³⁴ Плеханов Г. Соч. Т. XX, стр. 262.

¹³⁵ Депутаты законодательной комиссии 1767 г. имели право передачи полномочий по своему выбору любому лицу, лишь бы оно обладало пассивным избирательным правом. По подсчётам Флоровского, «общее число случаев, когда отдельные избирательные округа оказывались представленными не их избранниками, составляет не менее трети всего числа депутатов» (Флоровский А. «Состав Законодательной комиссии 1767 — 1774 гг.», стр. 543).

¹³⁶ РИО. Т. XXXII, стр. 400—410. 1881.

¹³⁷ Там же, стр. 408.

¹³⁸ РИО. Т. XXXII, стр. 409.

¹³⁹ Там же, стр. 410.

¹⁴⁰ Плеханов Г. Соч. Т. XI, стр. 269.

зельский внёс «примечание»¹⁴¹, в котором пошёл значительно дальше Коробьина в защите интересов крестьянства.

Он решительно требовал вмешательства государства в отношения между помещиками и крестьянами, против чего упорно возражало дворянство. Дворяне предлагали самое большее привлечь к ответственности и отдавать в опеку помещиков, разоряющих своих крестьян. Козельский же считал, что «лучше изыскивать способы к предупреждению разорений, так же как и преступлений». Он правильно подчёркивал, что предупредительные мероприятия, имеющие вообще большое значение, играют особо важную роль в самодержавном государстве, где надлежит «многочисленный народ крестьянства... предохранить от дальнейшего их разорения и жалостное состояние бедных крестьян... облегчить»¹⁴².

Козельский остроумно говорил, что такое вмешательство государства во взаимоотношения между помещиками и крестьянами должно удовлетворить всех помещиков — как «угнетателей», так и «человеколюбцев», — ибо «кои неумеренным порабощением своих подданных отягощают будет некоторым воздержанием в поправление же им; а кои из них найдутся человеколюбны и подданным своим не суть тягостны, то без принуждения законнаго сами себе уже предписали закон и таковым закон будет в похвалу его домостроительства»¹⁴³. Козельский при этом подчёркивал, что число помещиков, дурно обращающихся с крестьянами, возрастает. Он отменяет претензии помещиков на невмешательство со стороны государства, рассматривая это как прихоть «владеть подданными своими беспредельно», нарушающую права государственной власти.

Требование вмешательства государства в отношения помещиков и крестьян, требование законодательного урегулирования этих отношений, было тогда прогрессивным требованием. В то время как Поленов представлял свой проект на усмотрение и волю помещиков, Козельский настаивал на установлении законов, регулирующих отношения крестьян и помещиков, независимо от воли последних. На этой же позиции стояли и другие защитники интересов крестьянства, в том числе Посошков и Коробьин. Однако требования Козельского были шире, глубже и определённые.

Козельский, возражая против заявлений дворянских депутатов, что помещики-де благодетельствуют крестьян, ссужая их в случае нужды хлебом, скотом и т. д., указывал, что всё это помещики раньше получили от тех же крестьян. «Помещик, сколько бы ни богат был, то он в разсуждении поместья своего и от него же богат»¹⁴⁴.

По мнению Козельского, крестьян, эксплуатируемых помещиком и обогащающих его, нечего обвинять в лености, пьянстве и мотовстве, раз они лишены собственности и находятся в состоянии крепостной зависимости. «Лучше, кажется, по человеколюбию, стараться возбуждать народ к работе воль-

ной и не томной, то он большой урок выработать будет и не устанет, нежли одною неволею и удручением рабства»¹⁴⁵. Казалось бы, что Козельский должен был отсюда сделать решительный вывод о наделении крестьян землёю. Это вообще вытекало из его общественно-политических и экономических воззрений.

Однако вывода об уничтожении крепостной зависимости он не сделал; он требовал лишь ограничения крепостной зависимости путём государственного регулирования эксплуатации крестьян помещиками.

Козельский предлагает возвести в общегосударственный закон отношения, сложившиеся на его родине — Украине. На Украине, говорит Козельский, крестьяне обычно два дня в неделю работают на уплату государственных податей, два дня на барщине¹⁴⁶, два дня на себя и один день — воскресенье — посвящают молитве. Предложение распространить эти отношения на всю империю должно было бы значительно облегчить положение крестьян центральных и северных губерний. Вместе с тем Козельский предлагал оброк, как и барщину, взимать по оценке двух дней крестьянского труда. Тогда, по его мнению, повинности барщинных и оброчных крестьян будут уравнены. Выбор между барщиной и оброком можно будет поэтому «за разностию климатов, за неспособностью к плодородию земли и по другим обстоятельствам» предоставить в каждом отдельном случае «на волю помещикам и крестьянам»¹⁴⁷.

В то время как государство взимало подати подушно, крестьяне «помещику оброк платить или работать должны уже не по душам, а от двора»¹⁴⁸. Тогда выполняемые подворно повинности в пользу помещика, вообще более обременительные, чем государственные подати, не создадут, по мнению Козельского, у крестьян стимула к сокращению деторождения, дадут возможность количественного роста крестьянства. В результате возрастут, говорит он, государственные доходы от подушного обложения. Такое сочетание в условиях крепостничества принципов взимания государственных податей и выполнения повинностей в пользу помещика, по мнению его автора, содействовало бы одновременно росту населения и увеличению доходов казны.

Козельский значительно шире и конкретней, чем Посошков, Коробьин и другие, наметил систему государственных мер к ограничению помещичьего произвола, к регулированию отношений помещиков и крестьян, к ограничению крестьянских повинностей. Предложения Козельского, понятно, отрицательно были встречены дворянством. Депу-

¹⁴⁵ Там же, стр. 500.

¹⁴⁶ О преобладании на Украине в то время двухдневной барщины свидетельствует также Болтин, говорящий, что «во всей почти Малороссии... не больше работают крестьяне на помещика и сей обычай зделался почти законом» (Болтин И. «Примечания на Историю древняя и нынешняя России г-на Леклерка». Т. II, стр. 217. 1788).

¹⁴⁷ РИО. Т. XXXII, стр. 496.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴¹ РИО. Т. XXXII, стр. 494—502.

¹⁴² Там же, стр. 499.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ РИО. Т. XXXII, стр. 496.

тат от шляхетства Малороссийской губернии—от Переяславского полка—полковник Захар Забела нашёл выступление Козельского вредным и неприличным вообще и в особенности потому, что, мол, украинец Козельский, не имеющий недвижимой собственности в Великороссии, не зная тамошних условий, называет «малороссийские порядки», которые он вдобавок, по мнению Забелы, изобразил извращённо¹⁴⁹. В лице Забелы против Козельского выступило украинское дворянство.

Козельский, рассматривавший личную свободу и право собственности как две необходимые основы подъёма производительности труда и благополучия людей, всё же не сделал в Комиссии, как и Коробьин, решительного заявления об отмене крепостного права. Зато по вопросу о праве собственности крестьян позиция Козельского была более решительной, принципиальной и последовательной. В то время как Коробьин не дал ясного, конкретного ответа на вопрос о праве собственности крестьян, Козельский требовал не только предоставления крестьянам прав собственности на движимое имущество, но и, как Поленов, права наследственного владения недвижимостью, землёю, с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были никому продать, не заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещиков¹⁵⁰. Это не было ещё правом собственности на землю. Крестьяне не получали свободного распоряжения землёй, но всё же это было правом крестьян владеть землёю с передачей по наследству, «без участия помещикова»...

Как некогда Посошков¹⁵¹, Козельский настаивал на отделении крестьянских земель от помещичьих, «для того, чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаводиться и постоянное жить могли»¹⁵².

В условиях роста торгового земледелия усиливалась крепостническая эксплуатация. Это вело к увеличению числа крестьянских побегов. В своём «Письме о размножении и сохранении Российского народа» Ломоносов говорит об огромных размерах, которые приняли у нас во второй трети XVIII в. эти побег: «с пограничных мест уходят люди в чужия государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона». Он образно называет беглецов «живыми покойниками»¹⁵³.

В 60-х годах XVIII в. обезлюдение деревни возрастает также в связи с отходом крестьян-оброчников в город. Упадок крестьян-

ского хозяйства и обезлюдение деревни вызвали серьёзное беспокойство у помещиков.

Усматривая причину упадка крестьянского хозяйства и обезлюдения деревни в распространении денежного оброка, многие дворянские идеологи явно преувеличивали распространение последнего. Елагин писал в 1766 г., что «ныне земледельцы... принуждены став платить оброк... не имеют и нужды к претрудному прилежать земледелию»¹⁵⁴.

Явно преувеличенное представление о распространённости оброка разделяла и Екатерина II, считавшая, что «все деревни почти на оброке» и что это «уменьшает народ и земледелие»¹⁵⁵.

Консервативные писатели и общественно-политические деятели (М. Щербатов, И. Болтин и другие) требовали борьбы с распространением денежного оброка и связанных с ним крестьянских отходов. На той же позиции стоял известный агроном и экономист П. И. Рычков¹⁵⁶, тоже державшийся реакционных взглядов.

Распространение барщины за счёт оброка противоречило интересам крестьянства. Как свидетельствует Радичев, крестьяне считали, что даже тяжёлый оброк «всё лучше барщины»¹⁵⁷.

В своём развитии взгляды реакционных помещиков приводили к открытой борьбе против «мануфактур и протчих вымыслов»¹⁵⁸, то есть против развития промышленности.

Разорение крестьянского хозяйства и обезлюдение деревни беспокоило правительственные круги. В екатерининской Законодательной комиссии была выделена специальная «Частная комиссия о размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах». В плане этой Комиссии, подписанном 23 октября 1768 г., значительное место занимают вопросы о крестьянских побегих и отходах. Отмечается также вред занятия крестьян в «промыслах и самых торгах» и особенно в разносной торговле и извозном промысле, что «делает умаление и общему земледелию, ибо на всех сих людей дру-

¹⁴⁹ «Журнал землевладельцев». Т. VI за 1860 г., стр. 24—27. Между тем, по расчётам В. Семезкого, в помещичьих имениях в среднем по 20 губерниям Великороссии было тогда 56% барщинных и 44% оброчных крестьян. «Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса во второй половине XVIII и первой половине XIX века». Сборник «Великая реформа», стр. 27. М. (1911).

¹⁵⁰ «Наказ Екатерины Второй, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения», ст. 269. СПб. 1770; см. также статьи 270 и 271.

¹⁵¹ См. Б а к И. «Экономические воззрения П. И. Рычкова», «Исторические записки». Т. XVI за 1945 г., стр. 126—138.

¹⁵² Р а д и ч е в А. «Путешествие из Петербурга в Москву». Соч. Т. I, стр. 233. 1938.

¹⁵³ С у м а р о к о в А. «О домостроительстве». Соч. Т. X, стр. 159. 1787.

¹⁴⁹ РИО. Т. XXXII, стр. 519—520.

¹⁵⁰ Там же, стр. 496.

¹⁵¹ «Книга о скудости и богатстве И. Т. Посошкова», стр. 269. Редакция, вступительная статья и примечания Б. Кафенгауза. М. 1937.

¹⁵² РИО. Т. XXXII, стр. 500.

¹⁵³ «Русская старина» за октябрь 1873 г., стр. 579. См. также Б а к И. «Экономические воззрения М. В. Ломоносова». Гл. V. «Ломоносов о политике народонаселения». Госполитиздат. М. 1946.

гие неточно хлеб напакать, но и привести должны»¹⁵⁹.

Борьба с уходом сельского населения в город основывалась на непонимании того значения, которое имел городской рынок для развития торгового земледелия.

В своём выступлении Козельский ограничивается лишь требованием возврата из городов тех крестьян, которые явятся там «лишними». Таковыми он считает множество крестьян, занятых в мелкой торговле, в которой «наой торгует рублей на десять, а называется купцом». Козельский вопрошает: «Что же из сего купца прибыли обществу? Хлебоядствует только, да где? в столичном городе, где хлеб и без него многим надобен. Не лучше ли ему жить в деревне и упражняться в хлебопашестве, нежели на стоящим купцам в торгах их подрыв делать». Он предлагает «таков же разбор сделать и между находящимися под видом зарабатывания». В итоге, по мнению Козельского, «как только толпа сих туеядцев будет, то дороговизна в хлебе избавится, и в деревнях семейство умножится»¹⁶⁰.

Козельский не возражал, таким образом, против ухода сельского населения в город, против его работы в промышленности, занятия городскими промыслами и торговлей (кроме мелкой). Однако, как явствует из приведённых высказываний, и Козельский недооценивал значения городского спроса для развития сельского хозяйства, за которое он так ратовал.

Козельский считал, что в результате осуществления его предложений крестьяне «прилежнее в земледелии упражняться будут», увеличится деторождение, крестьяне перестанут нищенствовать и разбояничать, многие крестьяне, ушедшие на заработки в города, вернутся к земледелию, что приведёт к снижению хлебных цен в городе и к росту населения деревни, возвратятся, наконец, беглецы из-за границы и вообще прекратятся в дальнейшем крестьянские побегги.

Проект Козельского, несомненно, превосходил все предшествующие проекты устройства крестьян. «Нельзя не признать, — отмечает Семеновский, — что это было одно из самых лучших временных решений вопроса, да и вообще оно было лучше такой реформы, как освобождение крестьян без земли, допущенное русским правительством полвека позднее в Прибалтийском крае»¹⁶¹.

Интересно сопоставить выступления Козельского с наказом, данным ему избирателями — шляхетством Днепровского пикниёрного полка¹⁶².

В этом наказе Козельскому поручалось добиваться того, чтобы местечки, сёла и деревни в округе полка не отлавались во вла-

дение посторонним. Избиратели наказывали Козельскому отстаивать сохранение прав малороссийского шляхетства на землю, «какие до ныне имели и имеем во владении», и уравнение в правах с дворянством российским.

Сверх того днепровские или, иначе, полтавские шляхтичи хотели, чтобы Козельский получил для них различные льготы: разрешение винокурения не только из собственного, но и из привозного — польского хлеба. Полтавчане просили также ввиду «пограничности жительства» снизить «противу прочих малороссийских» разные сборы — портовые и внутренние пошлины¹⁶³.

Полученный Козельским наказ — выражение не только дворянских узкоклассовых, но даже чисто локальных групповых интересов полтавского шляхетства.

В постановке и путях решения крестьянского вопроса Козельский не только вышел за пределы этого наказа, но и стал в противоречие с духом последнего.

Однако его проект, как и проект Коробьина, был внутренне противоречив, Козельский, как и Коробьин, заботился об улучшении положения крестьян в условиях сохранения крепостного строя. Поэтому к проекту Козельского применимо замечание Щербатова на проект Коробьина, что раз сохранится власть над «телом» крестьянина, то и его «имение» фактически будет во власти собственника тела.

«Таким образом, — говорит Плеханов, — личная зависимость крестьян от помещиков была тем порогом, о который споткнулась мысль даже самых передовых и наиболее расположенных к трудящейся массе дворянских депутатов»¹⁶⁴.

Но и в таком виде это предложение Козельского, как и другие его предложения в Комиссии, восстановили против него дворянских депутатов. Это случилось после первого же выступления Козельского по вопросу о дворянстве.

При выборах тайным голосованием в «Комиссию о размножении народа, земледельца, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусстве и ремёслах», то есть в Комиссию, в которой было сосредоточено рассмотрение и подготовка экономических вопросов, против Козельского было подано 194 голоса и за него — 106 голосов¹⁶⁵. Козельский был забаллотирован также при выборах в духовно-гражданскую комиссию: против не-

¹⁶¹ Семеновский В. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.». Т. I, стр. 117—118.

¹⁶² Наказ шляхетства Днепровского пикниёрного полка... депутаты того ж полка, господину пример-майору Якову Козельскому (РНО. Т. ХСIII, стр. 22—27. СПб. 1894).

¹⁶³ Указ 1753 г. предписывал «сбирать... внутренняя пошлины единственно по 13 копеек с каждого рубля, более сего с того товара, с которого вышеописанное возьмётся, внутренней нигде не брать» (ПСЗ. Т. ХСII, № 10164).

¹⁶⁴ Плеханов Г. Соч. Т. XXI, стр. 269.

¹⁶⁵ РНО. Т. ХХХII, стр. 48.

¹⁵⁹ Дела по Комиссии сочинения проекта Нового уложения, т. II, л. 126. (Отдел рукописей Государственной Ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, шифр: М. 2934/1.)

¹⁶⁰ РНО. Т. ХХХII, стр. 497—498.

го было подано 158 голосов, за—135¹⁶⁶. После его второго выступления — по вопросу о крестьянстве,— при создании «Комиссии о разных установлениях, касающихся до лиц», против Козельского голосовали 168 человек, за него—115¹⁶⁷.

Учитывая дружную позицию дворянских депутатов против Козельского при обсуждении вопроса о дворянстве и устойчивое число голосовавших против него при выборах в разные комиссии, можно с достаточным основанием полагать, что большинство голосовавших против Козельского составляли депутаты от дворянства.

Результаты баллотировки подчёркивают изоляцию дворянством одного из наиболее выдающихся депутатов, выступившего против классовых интересов дворянства. Результаты баллотировки показали также, что Козельского поддерживала довольно устойчивая группа депутатов. Можно полагать, что это были главным образом недворянские элементы Комиссии.

Некоторые предложения Козельского об определении крестьянских повинностей совпадали с предложениями таких дворянских идеологов, как Д. Голицын, Елагин, Сиверс и другие. Но для них эти предложения были уступкой крестьянству для сохранения основы — феодального строя. Козельский же исходил из интересов крестьянства, из интересов народных.

Общественные идеалы Козельского далеко не полностью отражены в его практи-

ческих предложениях. Недостаточная решительность его практических предложений определялась условиями феодально-абсолютистского государства. Говоря о Козельском, стоит вспомнить замечательные слова Д'Аламбера, что потомки отличат то, что он мог сказать, от того, что он хотел сказать.

Объективно программа Козельского, особенно его предложение об установлении наследственного владения крестьян землёю, вела к расшатыванию основ феодального строя, к упрочению крестьянского хозяйства, к развитию простого товарного производства, на основе роста которого неизбежно вызревают капиталистические отношения.

Козельский пошёл значительно дальше своего современника Поленова. Он не ставил осуществление своего проекта в зависимость от желания помещиков, а являлся сторонником государственного регулирования отношений между помещиками и крестьянами. Его социальная философия глубже, его общественно-политические идеалы шире, определённой и радикальней. Козельский защищал интересы крестьянства гораздо более последовательно и решительно в практических предложениях, нежели Поленов и Коробьин.

Козельский оправдывал восстание угнетённых масс, но всё же предпочитал путь мирных реформ. Первым, кто сделал из критики крепостничества и самодержавия революционный вывод, был Радищев.

«СОЦИАЛЬНЫЕ ДОКТРИНЫ» ЭМИЛЯ АННОТЭНА

Н. Застенкер

Имя французского писателя и публициста Эмиля Аннотэна (Emile Nappotin) мы напрасно стали бы искать в трудах и публикациях по истории социализма во Франции. Ни в одном из них — даже в наиболее полных новейших изданиях известной работы П. Луи — оно не упоминается. Такое умалчивание имеет свои основания. В анналах истории общественной мысли Франции Аннотэн занимает более чем скромное место в качестве автора нескольких работ на философско-религиозные темы и демократического журналиста 40-х годов прошлого столетия. Слабый публицистический талант Аннотэна и малая оригинальность его религиозно-этических идей, которые высказывались, одновременно с ним, более яркими и глубокими умами, обрекли его имя на почти полное забвение. Однако это забвение незаслуженное. Оно лишь свидетельствует о том, как всё ещё не достаточно изучена история социалистических идей, как неполны и односторонни наши представ-

ления о различных направлениях во французском социализме 40-х годов XIX в. и о степени их влияния на умы современников. Пример Аннотэна в этом отношении является весьма поучительным.

Излагаемые ниже взгляды Аннотэна содержатся в двух его статьях, обнаруженных нами в газете «Représentant du Peuple», №№ 34 и 35 за 5 и 6 мая 1848 года¹. Они носят общее название — «Социальные доктрины или изложение новой системы организации труда».

Развитые в этих статьях мысли весьма решительно расходились не только с направлением газеты, их напечатавшей и служившей

¹ Издававшаяся Прудонем в 1848 г. газета «Représentant du Peuple» имела рубрику «Journal de tous», в которой печатались дискуссионные статьи, иногда совершенно враждебные прудонистской концепции, как это видно из самого содержания статей Аннотэна. Печатавая его статьи, редакция «Représentant du Peuple» сопроводила их примечанием, оговаривавшим её несогласие с автором по ряду сторон обсуждаемого вопроса.

¹⁶⁶ РИО. Т. XXXII, стр. 76.

¹⁶⁷ Там же, стр. 170.

органом пропаганды прудонистских идей, но и с большинством других школ во французском социализме 1848 года. Это расхождение наглядно обнаруживается при изучении того проекта организации труда, которому были посвящены статьи Аннотэна и который представлял собой, в сущности, набросок законченного социалистического переустройства общества.

Своему проекту Аннотэн предпослал весьма краткое введение, содержащее любопытную мотивировку необходимости коренного изменения общественного строя Франции.

Наряду с обычным указанием на отсутствие солидарности и братства между людьми, на эксплуатацию человека человеком и на губительные последствия всеобщей конкуренции, капиталистическое общество осуждается Аннотэном как «фальшивое и несправедливое» с религиозной точки зрения. Эксплуатация, подчёркивал Аннотэн, «порождает ненависть между пролетариями и собственниками, а это противно религии. Бог осуждает общественную организацию, которая производит такие бедствия и порождает такую вражду. Да, бог осуждает её, и народ больше не хочет её, ибо народ настойчиво требует организации труда»².

В основу своего проекта общественного устройства Аннотэн клал три принципа, сочетавшие положения различных французских социалистических систем 40-х годов прошлого столетия. Первый из них, гласивший «Общество должно обеспечить всем гражданам образование, должность и пенсию при старости». Аннотэн разъяснял в обычном для тогдашнего социализма духе «права на труд»: «Все членам великой общественной семьи государство должно доставить работу, чтобы каждый мог жить и пользоваться общественным положением, соответствующим услугам, какие он оказывает своим ближним»³. Второй принцип, примыкая к первому, конкретизировал его в направлении, показывавшем связь концепции с сенсимонистской иерархией способностей: Аннотэн провозглашал, что «каждый должен быть определён, в соответствии со своим призванием и своей способностью, на должность производственную, торговую или административную, к которой он лучше всего подходит». Перефразируя сенсимонистскую формулу, Аннотэн говорил: «Каждый должен оплачиваться и вознаграждаться по своим трудам»⁴. Но он проводил резкую грань между своей системой и системой сенсимонистской в следующем, третьем принципе, утверждая в нём «основные права наследования и собственности... естественные законы которых обычно не признавали многие социалисты»⁵.

Отстаивая семью и семейное воспитание детей, он доказывал, что «отец семейства должен свободно располагать своим имуществом, малым или большим, в пользу своих детей или родных». Мы увидим ниже, как выглядели эти права в конкретной расшиф-

ровке Аннотэна и в какой мере можно говорить об оригинальности его идей относительно семьи и собственности. Здесь же отметим лишь, что сам Аннотэн видел в «уважении законов семьи и сохранении наследования» главное отличие своей доктрины от всех других социалистических теорий.

В этих общих положениях ещё не выступает отчётливо своеобразие идей Аннотэна. К тому же он не стремился развернуть теоретическую защиту и обоснование своих «принципов» и ограничивался их беглым перечислением, перенося центр тяжести изложения в плоскость демонстрации их практического применения к проблемам общественного устройства. В ней-то и заключается главный интерес «доктрин» Аннотэна.

С первых же строк изложения мы встречаем у Аннотэна важнейшее положение, выделявшее его из числа многих мелкобуржуазных социалистов, известных своей сантиментально-расплывчатой трактовкой вопроса о социалистическом обществе и роли в нём государства. В отличие от фурьеристов и сенсимонистов, от П. Леру—не говоря уже о Прудоне,— Аннотэн осознавал и подчёркивал необходимость сильной государственной власти для осуществления социалистического преобразования общества. «Организация этой системы,— писал он,— требует того, чтобы государство или правящая власть—я понимаю под этим словом правительство, вышедшее из народа, избранное народом,— было облечено большой силой, чтобы оно могло выполнить свою миссию»⁶. Это чёткое положение Аннотэна, к сожалению, больше в его статьях не повторяется, и мы встречаем его лишь один раз. Однако мысль о сильной государственной власти при социализме у нашего автора—не случайная обмолвка. Она служила точкой опоры, на которой покоились его дальнейшие построения.

Эту мысль нельзя свести к тем идеям революционной диктатуры, которые Аннотэн мог позаимствовать у левореспубликанского движения 40-х годов, или же которые были навеяны якобинской традицией или бабувистским влиянием. В отличие от неоякобинцев и бланкистов Аннотэн видел источник той силы, которой должна обладать государственная власть при социализме, не в чрезвычайных полномочиях того или иного «комитета общественного спасения», а в экономической мощи государства, обладающего командными высотами общественного производства. Связь этих двух положений и составляет сердцевину всей его концепции.

Вслед за приведённым выше местом о необходимости облечь государство большой силой для выполнения его миссии, Аннотэн писал: «Так, необходимо, чтобы оно стало владельцем таких орудий труда, как заводы, земля и леса, с тем чтобы оно стало регулятором производства, распределителем потребления, и чтобы оно предоставило каждому должность, иначе говоря, каждому обеспеченное и удовлетворительное вознаграждение». И действительно, «Социальные доктрина-

² «Représentant du Peuple» № 34, 5 mai 1848.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ «Représentant du Peuple» № 34.

ны» Аннотэна содержали последовательное обобществление промышленности, сельского хозяйства и торговли, утверждение государственной собственности на все средства производства и распределения.

В этом отношении его проект серьёзно отличался от других схем «государственного социализма» 40-х годов во Франции. Возьмём, например, известнейшую систему Луи Блана. Вопреки многочисленным попыткам современников изобразить проекты Луи Блана как систему «государственного коммунизма», она не была, строго говоря, основана на подлинном обобществлении средств производства. Луи Блан намечал выкуп государством и национализацию железных дорог, шахт и рудников, Французского банка и страховых компаний. Другие же предприятия всех отраслей промышленности должны были, по его проектам, выкупаться у их собственников рабочими ассоциациями с помощью государства. Эти предприятия превращались в собственность ассоциаций.

Таким образом, система Луи Блана исходила из более или менее длительного сосуществования государственных предприятий, предприятий, принадлежащих ассоциациям, и частнокапиталистических предприятий. Даже при завершении процесса ликвидации частной собственности на средства производства, когда установится всеобъемлющая экономическая связь между ассоциациями, превращающая их в звенья единого народнохозяйственного организма, система Луи Блана сохраняла принадлежность предприятий не государству, а ассоциациям. Вот почему, подчёркивая разницу между идеями Сен-Симона и своими, Луи Блан противопоставлял «собственнику-государству» «собственника-общество»⁷.

В духе этих идей Луи Блана были составлены и известные проекты люксембургской комиссии 1848 года.

В отличие от этих схем Луи Блана проект Аннотэна содержал действительно последовательную национализацию, огосударствление всех средств производства и распределения. Его мысли по данному вопросу отталкивались от опыта государственной (казённой) промышленности, существовавшей во Франции 40-х годов в отдельных отраслях, объявленной государственной монополией. Опираясь на этот опыт, Аннотэн стремился представить свою систему как дальнейшее развитие и завершение статистического принципа, давно проверенного на практике и не внушающего сомнений в своей практической осуществимости.

Ещё большую убедительность приобретало в его глазах то обстоятельство, что его система не покушалась на частную собственность на предметы личного потребления. Аннотэн старательно отмежевывался от проектов сенсимонистов и фурьеристов, ошибочно квалифицируя их как коммунистические. Повидимому, он учитывал отрицательное впечатление, которое производили на мелкобуржуазную, собственническую Францию идеи обобществления быта. Свои проекты

национализации Аннотэн излагал в следующем виде:

«Государство будет держать в своих руках все орудия труда; с другой стороны, частные лица будут владеть своим движимым имуществом, своими домами, деньгами, государственными облигациями и т. д., — словом, всем, что не является орудием труда. Таким образом, при этой системе личные права гарантируются и принцип собственности сохраняется. При этом новом общественном строе республика ткала бы хлябчатую бумагу и изготавливала бы железо таким же образом, каким она изготавливает ныне табачные изделия; она имела бы сельскохозяйственных и промышленных администраторов, мастеров и рабочих, которых она оплачивала бы так, как оплачивает сегодня администраторов, мастеров и рабочих, занятых, например, на пороховых заводах. Так что мы предлагаем попросту развернуть в большом масштабе то, что уже сейчас практикуется в малом»⁸.

Стараясь подчеркнуть гармоничное сочетание государственного и личного начала в своих проектах и отсутствие в них «крайностей» коммунизма, Аннотэн разъяснял: «При этом новом порядке частные лица могли бы приобретать, накапливать, продавать и покупать жилые дома, сады, государственные ценные бумаги и частные обязательства». Однако он считал всё же необходимым ввести в процессе частнособственнического накопления известные ограничения, предлагая установить «законы, которые помешали бы имуществам частных лиц превышать слишком большую сумму»⁹.

На существующий опыт Аннотэн ссылался и тогда, когда он отстаивал и последовательно проводил в своём проекте идею государственной торговли продуктами, произведёнными на принадлежащих государству предприятиях: «Руководители этих предприятий будут отчитываться и будут сдавать свою продукцию, которая поступит в продажу так же, как, например, порох и табак в учреждённые с этой целью конторы и магазины. Как можно кричать об утопии, когда известно, что всё это уже наполовину осуществлено»¹⁰.

Вместе с национализацией всех средств производства произойдёт превращение занятых в промышленности, торговле и сельском хозяйстве лиц в государственных служащих, в «чиновников» (*fonctionnaires*), как выражается Аннотэн. Руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий будут выбираться из числа наиболее способных. Аннотэн не вдаётся в подробности относительно порядка этих выборов и способов управления предприятиями. Из разбросанных в его статьях отдельных замечаний следовало, однако, что обобществлённые предприятия будут находиться в распоряжении городских и сельских общин, которые будут выбирать руководителей предприятий и нести расходы по их оплате. Таким образом, Аннотэн в своём проекте мирил государственное

⁸ «Représentant du Peuple» № 34.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

⁷ См. Луи Блан «Организация труда», русский перевод. Л. 1926.

начало с коммунальным и, не поднимаясь до идеи централизованного управления экономикой, уклонялся в сторону экономического федерализма, что влекло за собой, как мы увидим ниже, и политический федерализм его проекта.

Нетрудно видеть, что автор «Социальных доктрин» механически распространял на сельское хозяйство принцип государственной собственности на средства производства. Предлагая национализацию земли и лесов, Аннотэн не ограничивался этим и вводил в сельском хозяйстве ту же законченную систему огосударствления всех средств производства, что и в промышленности. Он не понимал специфических особенностей крестьянской экономики, не предвидел особых путей её перехода на рельсы крупного общественного хозяйства, как не учитывал и мелко-собственнической психологии и навыков, укоренившихся в многомиллионном французском мелком крестьянстве. Вот почему в его проекте нет ни малейшего отличия в организации производства и труда между промышленностью и сельским хозяйством. В этом отношении его идеи во многом стояли ниже тех зрелых соображений, которые уже высказывались многими французскими социалистами 40-х годов относительно путей социалистического переустройства сельского хозяйства и особой роли, которую призван играть в этом трудном деле принцип ассоциации.

Игнорируя трудности, Аннотэн упрощал проблему и давал ей утопическое решение. Он рисовал следующую картину: «Каждое село образует бы большую и обширную ферму, которая обрабатывалась бы упрямцами и рабочими-подёнщиками, организованными по типу администрации дорог и мостов с её дорожными сторожами, десятниками и инженерами. Так как крупное хозяйство лучше, производительнее и экономичнее, чем хозяйство раздробленное, так как каждая община была бы крупным капиталистом и обладала бы денежными сбережениями, то она имела бы хороших коней, хорошие плуги, обширные, должным образом размещённые и находящиеся в хорошем состоянии постройки. Следовательно, она собирала бы больше продуктов, чем получается сегодня... Этот последний момент является главным и основным»¹¹.

Довод о преимуществе крупного, общественного производства над мелким, индивидуальным Аннотэн считал решающим аргументом в пользу его проекта. Он подчёркивал все огромные возможности социалистической системы крупного хозяйства и писал: «Да, производство увеличится, ибо при общественной организации у нас будут крупные фермы, громадные мануфактуры, позволяющие нам сократить время (производства) и осуществить такие экономии, каких не смогли бы добиться в условиях современного общества. Это мнение, впрочем, совпадает со взглядом наиболее выдающихся агрономов, которые жалуются на то, что дробление земельной собственности противоречит хорошей культуре земледелия»¹².

Впрочем, эти соображения не были оригинальны. Они выдвигались многими социалистами того времени и уже в 40-х годах XIX в. прочно вошли в инвентарь социалистической пропаганды. Аннотэн подчёркивал, что его система предотвращает кризисы и вызываемые ими бедствия, что она «вручает орудия труда в руки людей, более всего способных их использовать», что благодаря крупному производству и проистекающей из него экономии общественное богатство и продукция получают неслыханное развитие. Однако Аннотэн не довольствовался такими доводами. Он выдвигал новые, переносившие спор с противниками социализма в более убедительную, как ему казалось, практическую плоскость.

Аннотэн предвидел два основных возражения, пускаемые в ход против всякой социалистической системы. Первое из них: при социализме личность будто бы будет пользоваться меньшей независимостью, чем в условиях капиталистического общества. Разбирая этот довод, Аннотэн отвечал апологетам буржуазного общества: «Вы говорите о независимости, но зависят все — сын от отца и матери, жена от мужа, купец от своих покупателей; что же касается людей наёмного труда, образующих большинство, то они не только порабощены трудом, но этот сёмый труд им не обеспечен... К чему обращаетесь вы с разговорами о независимости к рабочим, страдающим от нищеты: не является ли их первой потребностью жить?»¹³.

Однако, хотя Аннотэн и вскрывал лицемерие, скрывающееся за утверждениями о «независимости» людей в условиях буржуазного общества, он не поднимался всё же над общим уровнем мелкобуржуазного представления о социалистическом обществе. Он не увидел в последнем гигантского шага вперёд по пути раскрепощения человеческой личности, создания необходимых условий для утверждения подлинной независимости людей, и ограничивался лишь тем, что противопоставлял фальшивой «независимости» людей капиталистического общества более счастливые условия их жизни при социализме, когда люди «будут жить в ассоциации, что даёт большое душевное удовлетворение», когда «их судьба была бы обеспечена и они не боялись бы более ни нищеты, ни банкротства, ни тех возможных бедствий, которые угрожают ныне всем трудящимся, большим и малым».

Аннотэн чувствовал неполноценность своего ответа; не будучи в силах найти решающий довод, он готов был идти на уступки ходячим буржуазным предрассудкам в данном вопросе, придумывая «правила, которые бы оградили интересы личности при новом общественном порядке». Так, например, правило, при котором за офицерами армии, смещаемыми с должности, сохранялся половинный оклад жалованья, он распространял в будущем устройстве на руководителей предприятий, мастерских, ферм при социализме. При смещении с должности они сохраняют по-

¹¹ «Représentant du Peuple» № 34.

¹² Ibidem.

¹³ «Représentant du Peuple» № 35, 6 mai 1848.

ловинный оклад жалованья, если только это смещение не будет следствием преступлений, караемых судом. «Таким образом, человек будет всегда прогрессировать, он будет позышаться в чинах и никогда не опускаться, если только он не допустит тяжких ошибок, за которые будет подлежать позорящему наказанию»¹⁴.

Значительно больший интерес представляют мысли, высказанные Аннотэном при разборе второго возражения против социализма — того взгляда, что при уничтожении частной собственности человек будет менее расположен к труду, ибо уничтожится его главный стимул. Опровергая это распространённое в тогдашних спорах о социализме возражение, Аннотэн высказал мысли, отмеченные организаторским чутьём и предвидением. Он называл «мнимым затруднением» буржуазный предрассудок насчёт того, что единственным стимулом к труду является частная собственность, и опровергал его показом, как может быть создана новая, более прогрессивная организация труда, опирающаяся на социалистическое соревнование.

Идею соревнования Аннотэн, бесспорно, заимствовал от Фурье и не только не скрывал этого, но признавал, что последний «высказал в известных случаях ряд верных идей, особенно в том, что касается группового соревнования»¹⁵.

Подтверждением правильности этих идей Фурье служит, по Аннотэну, опыт конкурсов, устраиваемых различными сельскохозяйственными обществами в ряде департаментов Франции. Ссылаясь на высказывания Фурье и на этот опыт, Аннотэн указал ряд способов организации соревнования между трудящимися, занятыми работой в социалистических государственных предприятиях.

Как предлагал Аннотэн осуществить при новом общественном строе соревнование, видно из следующих примеров. В земледелии, в зерновом хозяйстве он намечал, например, создание ферм, занимающих одинаковую по размерам площадь — в 2—3 кв. льа. «К тому же, если сделать все фермы одного округа, по возможности, равными между собой по размеру и качеству, или, скорее, по производственной мощности (*en valeur productive*) — что легко достигнуть, придав большие размеры ферме с низким качеством земли и меньшие размеры той, у которой качество земли выше, — то породится соперничество между всеми фермами, что будет новым стимулом и новым средством роста продукции. Надо было бы даже ввести соперничество одного округа с другим округом и, наконец, всех округов между собой. Эта новая конкуренция, надо понять, будет обладать совсем иной мощью в качестве двигателя соревнования, чем нынешняя слепая и беспорядочная конкуренция»¹⁶.

В своих набросках организации соревнования Аннотэн не забывал указывать на необ-

ходимость поощрения его участников, добившихся выдающихся результатов, и предлагал «после жатвы вознаградить тех, кто добился наилучших успехов. Отсюда возникло бы растущее соревнование».

Ещё определённое выступают мысли Аннотэна, когда он переходит к организации труда внутри фермы. Например: «Обширные участки общинной земли, предназначенной под огороды, разделили бы на три равные части, каждую из которых поручили бы руководителю группы рабочих. Для посадки, копки и прополки овощей посылались бы всегда в одно и то же время три равные группы по шесть, девять или двенадцать человек. В часы работы рабочих воодушевляло бы естественное соперничество, что ускоряло бы работу; кроме того так как той группе, чья продукция была бы наибольшей и наилучшей, присуждалась бы в конце года премия, то каждый был бы заинтересован в том, чтобы выполнить работы быстро и хорошо. И это — не всё: число общинных ферм в округе составляет, допустим, сто; их разделили бы на четыре группы, по двадцати пяти в каждой. Мы увидим сейчас, каким образом будет произведено это распределение, а сперва скажем, что в двадцати пяти фермах первой группы оклады директоров и десятников будут более высокими, чем в фермах второй группы, и будут понижаться дальше в третьей и четвёртой группах. Точно так же если подённая плата рабочих первой группы равна 3 фр. 50 сант., то во второй группе она составит 3 фр. 25 сант., в третьей — 3 фр. и в четвёртой — 2 фр. 75 сант. И вот к концу каждого года генеральный совет департамента распределит общинные фермы по группам, пропорционально тому, сколько они дали продуктов, а так как их всех стремились поставить в равные условия, давая меньшую площадь тем, у кого земля плодородная, и большую площадь тем, у кого земля посредственная, то из этого следует, что рабочие, десятники и директора будут весьма заинтересованы в том, чтобы их предприятие попало в одну из первых групп, иначе говоря, в том, чтобы доставить побольше хороших продуктов в зерне, овощах, скоте, жирах и т. д. Можно умножить, таким образом, пружины соперничества и так возбуждать честолюбие, чтобы добиваться от трудящихся великодушных результатов. Ясно, что эта гармоничная конкуренция утроила бы активность людей, а следовательно, и богатство, так что всякая нищета исчезла бы из этого мира»¹⁷.

Приведённый отрывок даёт достаточно представление о ходе мыслей Аннотэна по вопросам соревнования и иллюстрирует его подход к проблемам социалистического производства и организации труда в нём.

Над его мыслями довлеет представление о производстве, свойственное сельскому хозяйству, ещё основывающемуся на ручном труде. Нетрудно заметить, что и в отношении промышленности его взгляды ещё не выходят за рамки мануфактурного периода. Отсюда бросается в глаза ограниченность

¹⁴ «Représentant du Peuple» № 35, 6 mai 1848.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

кругозора, узость горизонта в подходе Аннотэна к проблемам социалистического производства — обстоятельство, лишний раз подчёркивающее мелкобуржуазный характер его утопических проектов.

Соревнование, подобное описанному выше, должно было, подчёркивал Аннотэн, охватить собой не только сельское хозяйство, но и промышленность. Более того: именно с промышленности оно должно было начаться и уже потом распространиться на сельское хозяйство. Выдвигая промышленность на первое место, Аннотэн не исходит из признания ведущей роли промышленности в современном народном хозяйстве и в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства. Дело обстоит проще: Аннотэн видит в промышленности то поле, на котором проявляется наиболее опустошительное воздействие капиталистической конкуренции, и поэтому сиешит начать отсюда социалистическое переустройство: «Если бы республика преисполнилась твёрдой решимости организовать труд, ей следовало бы раньше всего заняться промышленностью: именно здесь конкуренция производит наибольшие опустошения. Очередь земледелия наступит позже. Республика могла бы, например, овладеть суконным производством и организовать разные мастерские какой-либо фабрики в Эльбёфе таким образом, чтобы они соперничали между собой. Так же как с фермами, мануфактуры заставили бы соперничать между собой и давали бы им премии, как это было объяснено выше. При посредстве этих двух пружин соревнования и при исчезновении всякой возможности убытков, поскольку не было бы больше колебаний подъёма и упадка, которые делают торговлю ныне игрой случая и часто разоряют её, вскоре же получились бы отсюда значительные прибыли. Данный успех поощрил бы правительство на овладение железодельной промышленностью, хлопчатобумажной промышленностью и т. д. В конце концов место конкуренции заступила бы мало-помалу ассоциация»¹⁸.

Последняя фраза содержит указание на то, как наш автор представлял себе процесс национализации. Здесь мы имеем дело с типичным утопистом, не отличавшимся от многочисленных других представителей французского социализма 40-х годов в главном и решающем вопросе. Подобно им Аннотэн обходит классовые противоречия капиталистического общества; как типичный утопист, он не понимает роли пролетариата в уничтожении капиталистической системы и создании социалистического строя. Единственное новшество, какое мы встречаем у него, — принудительный характер постепенного выкупа предприятий и земель у их нынешних собственников государством, как поступает буржуазное государство в известных случаях общественной необходимости. Тогда, писал Аннотэн, «когда наступит момент действовать, достаточно будет экспроприировать граждан, которые отказались бы уступить

свою собственность за разумную цену, совершенно так же, как это делают при прокладке дорог и каналов». Так разделяется наш утопист с проблемой преодоления сопротивления буржуазии и крупных земельных собственников, считая, что «это — одна из тех незначительных трудностей, которые не должны останавливать серьёзных людей»¹⁹.

Эти мысли Аннотэна проливают дополнительный свет на его идеи о государстве социалистического общества. Выше мы подчёркивали выдающийся интерес, какой представляет его главная мысль о необходимости сильной государственной власти для осуществления социализма. Совершенно ясно, однако, что эта сильная власть у Аннотэна не носит характера классовой власти или революционной диктатуры трудящихся масс, а тем более диктатуры пролетариата. Он трактует её как общенародную власть в форме демократической республики; коммунальные власти избираются жителями общин, власти департамента избираются населением департамента, а руководители и министры всей Франции избираются населением всей страны. Полномочия каждого органа власти охватывают наиболее важные и крупные интересы граждан данной территории. Аннотэн не даёт дальнейших пояснений своей схеме государственного устройства и лишь оговаривает, что предлагаемое им государственное устройство есть «система федерализма, схожая с той, какая царит в Соединённых Штатах», и что он согласен с Руссо и Монтескье о невозможности существования большой, централизованной республики²⁰.

Таким образом, идея сильной государственной власти для осуществления социализма не получила у Аннотэна последовательного развития и применения. Она осталась зародышем мысли, не нашедшей ещё опоры в научной теории исторического процесса. Без последней же, равно как и без правильного понимания капиталистической системы, её классовых противоречий и роли рабочего класса в её уничтожении, невозможно было постигнуть истинное значение и место государственной власти в решении проблемы социализма, а следовательно, невозможно было воплотить эту мысль в адекватное представление о формах государственной власти при социализме.

Как ни выделялись идеи Аннотэна на общем фоне мелкобуржуазной социалистической мысли тогдашней Франции, они не были ни одинокими, ни вполне оригинальными. Как нам представляется, его идеи позволяют полнее и всестороннее изучить влияние, круг сторонников и развитие различных направлений во французском социализме 40-х годов.

Идеи Аннотэна заставляют нас вспомнить прежде всего о Пекёре. Сличение взглядов последнего со взглядами Аннотэна свидетельствует о том, что «Социальные доктрины» во многом весьма родственны системе Пекёра. Конечно, ряд мыслей Аннотэна мы найдём порознь у различных социалистиче-

¹⁸ «Représentant du Peuple» № 35, 6 mai 1848.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

ских школ: у Луи Блана — о необходимости сильной государственной власти для осуществления социалистических преобразований, у сенсимонистов — о превращении членов общества в его слуг, в общественных служащих и т. д.

Но только у Пекёра мы найдём в единой системе основные начала, характеризующие проекты автора «Социальных доктрин»: национализацию всех средств производства и торговли, существование сильной государственной власти, сосредоточивающей в своих руках управление хозяйством страны, превращение всей массы трудящихся в государственных служащих — «чиновников». У Пекёра же мы найдём и религиозно-моральную санкцию общественному строю коллективистского социализма, как единственно отвечающему требованиям «морального закона», предписывающего единство, братство и равенство между людьми.

Однако — и это составляет особый интерес «Социальных доктрин» — было бы неправильно говорить о простом заимствовании их автором его идей у Пекёра. В целом ряде вопросов, и притом весьма важных и коренных, Аннотэн не только воспроизводил взгляды, аналогичные взгляды Пекёра, но и высказывал отличные и прямо противоположные идеи или же развивал их самостоятельно.

Это относится прежде всего к управлению национализированными средствами производства, к подбору и вознаграждению их руководителей и к тому месту, которое должно занять в новой системе организации труда социалистическое соревнование и его поощрение.

По всем этим вопросам идеи «Социальных доктрин» Аннотэна отличались от тех, которые высказывал Пекёр в своих сочинениях в 40-х годах XIX века. При этом изменения, вносимые Аннотэном в систему Пекёра, шли в одном, определённом направлении: смягчение централизаторских начал системы Пекёра и устранение её сурового и прямолинейного эгалитаризма в вопросах вознаграждения труда.

Так, в то время как Пекёр доказывал необходимость подчинить социализированные предприятия единому, централизованному руководству, сверху вниз, до отдельного предприятия, проект Аннотэна передавал управление промышленными и сельскохозяйственными предприятиями коммунам. У Пекёра коммуны, управляя промышленностью и сельским хозяйством на своей территории, подчинены вышестоящим органам власти и плановое начало исходит от центральной государственной власти. У Аннотэна эта сторона вопроса обходится молчанием; он подчёркивает оперативную самостоятельность коммун и департаментов и становится, как отмечалось выше, на путь федерализма, отрицая возможность государственной централизации у современных больших наций.

Ещё рельефнее отличия выступают при сравнении взглядов Пекёра и Аннотэна на подбор и вознаграждение «чиновников» и на соревнование. Аннотэн отбрасывал выдвигавшуюся Пекёром сложную систему заме-

щения должностей путём экзаменов, определяющих деловые качества и квалификацию кандидатов, и последующих народных выборов на руководящие должности тех, кто, выдержав квалификационные испытания, удовлетворяет гражданским и моральным качествам руководителя. Он оставляет выборное начало для руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий и передаёт право выборов коллективам работников предприятий или коммунам, лишая вышестоящие органы власти неограниченного права смещения и перемещения должностных лиц, права, которое отстаивал и подчёркивал Пекёр²¹. Вместо этого Аннотэн выдвигал проекты, которые должны были обеспечить, в сущности, пожизненное занятие должностей руководителями предприятий и всячески оградить их интересы при смещении волею избирателей с занимаемых постов, вплоть до сохранения за ними половинного оклада жалованья.

Наконец, важнейшее отличие обеих систем относится к их представлениям о соревновании и его роли в социалистическом обществе и к связанному с этим вопросу о принципах оплаты труда. Как известно, Пекёр отстаивал в принципе систему полного равенства вознаграждения за труд в условиях социалистического общества, независимо от характера работы и личных способностей работника. Правда, предвидя отрицательные стороны и неудобства этой системы, Пекёр вносил в неё поправки и ограничения, предусматривая вычеты из заработной платы у недобросовестно работающих и перевод на другую работу тех, кто неспособен справиться с выполняемой. Пекёр допускал и поощрительное вознаграждение за труд, но только в отдельных случаях, при необходимости привлечь на работу, которая испытывает недостаток желающих²², для вознаграждения особо высокого качества продукции и, наконец, при «оплате «эгоистически настроенного» таланта»²³. В конце концов его мысли по данному вопросу отлились в формулировку: «Равенство заработных плат за одну и ту же должность, равенство вознаграждения за одинаково хорошо выполняемую работу».

Для того чтобы понять источник сдержанности и внутреннего сопротивления, которое обнаруживал Пекёр в отношении поощрительного вознаграждения за труд, надо иметь в виду не только его сомнения в справедливости, в моральности подобного неравенства вознаграждения, но и боязнь нарушения плановых пропорций в производстве и распределении, боязнь перепроизводства, с одной стороны, и неудовлетворения возросшего отсюда спроса на предметы потребления — с другой. Вот почему Пекёр вводил в свои проекты не только штрафы за нерадивую работу, но и максимум вознаграждения и ограничение размеров производства. «Человек не имеет права работать так, как он

²¹ См. P e s q u e u r «Théorie nouvelle d'économie sociale», p. 719. Paris, 1842

²² P e s q u e u r С. Op. cit., p. 734—735.

²³ I b i d e m, p. 734.

способен»,—говорил Пекёр. С этими соображениями тесно связаны и мысли Пекёра о соревновании. Соревнование в условиях капиталистической системы, когда оно не основано на труде и не находится в пропорции с затраченным трудом, порочно. Другое дело—соревнование при социализме, когда не будет существовать вознаграждение без труда и когда равный труд будет равно вознаграждаться. Тогда соревнование оправдано и займёт своё место в числе стимулов общественного прогресса²⁴.

Допуская этот фактор, Пекёр продолжал, однако, относиться к соревнованию с нескрываемым предубеждением, как к фактору, скорее дезорганизующему и деморализующему, чем положительному. «При всём том соревнование является двигателем низшего порядка, который дезорганизует более, чем гармонизирует, который почти всегда вырождается в ревнивое и ненавистное соперничество. Соревнование может пребывать в своих должных границах лишь в тех сердцах, которые охвачены и преисполнены религиозных чувств»²⁵.

Исходя из этого, Пекёр отказывался от материального поощрения соревнования и его результатов и ограничивал его лишь моральными стимулами—возможностью продвижения по должности, удовлетворением тщеславия, приобретением славы, наконец, сознанием хорошо исполненного религиозно-морального долга перед обществом.

Мы видим теперь, насколько более зрелой и содержательной является постановка данного вопроса в «Социальных доктринах» Аннотэна. Последний правильно видел всю неосновательность опасений перепроизводства в условиях социалистического общества и всю необходимость стимулировать рост общественного производства для покрытия постоянно растущих потребностей общества, для создания изобилия и богатства в жизни его членов. Совершенно иначе, чем Пекёр, подходя к этому вопросу, Аннотэн отбросил всякие сомнения в законности и целесообразности вознаграждения труда по его результатам и отвёл социалистическому соревнованию место важнейшего фактора развития и расцвета социалистического хозяйства. Отсюда понятно то внимание, которое, в отличие от Пекёра, уделил изысканию средств и способов стимулирования соревнования автор «Социальных доктрин». Эти новые идеи, внесённые Аннотэном в систему коллективистского социализма, обогащали её ценными дополнениями и устраняли многие черты утопического морализующего ригоризма, присущие его концепции в том виде, в каком её разработал перед революцией 1848 года её основоположник.

Не останавливаясь на всех остальных чертах сходства и различия между взглядами Аннотэна и Пекёра, отметим ещё лишь два момента, в которых они расходятся между собой. В то время как Пекёр, сохраняя в своих проектах общественное устройство частную собственность на предметы потребления и возможность личного накопления,

весьма ограничивает их запрещением всякого кредита, приносящего проценты²⁶, Аннотэн расширяет рамки личного накопления, вплоть до владения ценными бумагами, приносящими доход, и сохраняет право наследования в неограниченном виде. Другое расхождение касается вопросов семьи и воспитания детей. Пекёр отстаивал тот взгляд, что дети должны воспитываться в семье только в младшем возрасте, в период раннего детства, после чего их воспитание и обучение переходят к государству, которое получает право подготовки их к будущей работе по различным производственным специальностям²⁷.

Аннотэн решительно возражал против подобного вторжения государства в «священную» область родительских прав и отстаивал неограниченное право последних на воспитание и обучение своих детей по собственному усмотрению.

Мы видим, что вносимые Аннотэном поправки шли по той же линии смягчения, сглаживания крайностей коллективистской системы Пекёра, её большего приспособления к условиям реальной действительности. В проектах и выкладках Аннотэна чувствовался сильный ум не столько теоретика, сколько организатора, ищущего путей практического осуществления своей системы, ум, охваченный утопическими надеждами и иллюзиями февральского периода революции 1848 г., когда взору утопического социалиста открывались перспективы близкого торжества социализма во Франции.

Сам Аннотэн ни словом не упоминал о Пекёре и его произведениях, и наше предположение о влиянии на него Пекёра основывается лишь на сравнении его идей с идеями Пекёра. Помимо совпадения основных идей мы не нашли каких-либо прямых доказательств или фактов, способных подтвердить наше предположение. Можно всё же привести одно косвенное доказательство в его пользу, если обратиться к биографии Аннотэна. Скучные сведения, собранные нами об этом малоизвестном социалисте, рисуют жизненный путь и идейное развитие, во многом схожее с тем, которое проделал Пекёр, и обнаруживают ту общую почву, на которой могла произойти их идейная, а возможно, и личная встреча.

Аннотэн родился в 1812 г. в Бар-ле-Дюке и подвизался в качестве журналиста и публициста в своём родном департаменте. При Июльской монархии он редактировал газету «Journal de la Meuse» и вёл в ней борьбу за избирательную реформу, примыкая к лагерю демократической оппозиции и отстаивая лозунг всеобщего избирательного права²⁸. Но не только это представляло почву для возможного его сближения с Пекёром, являвшимся, как известно, заметной фигурой демократической журналистики

²⁶ См. *ibidem*, p. 782.

²⁷ *Ibidem*, pp. 284, 728.

²⁸ См. «La Grande Encyclopédie». Vol. XIX, p. 822, а также «La Révolution de 1848». T. XVII (1920—1921), статью Roger Lévy-Guénol «Ledru-Rollin et la campagne des banquets».

²⁴ P e s q u e u r C. Op. cit., p. 617.

²⁵ *Ibidem*.

30—40-х годов. Сперва в своей газете, а затем в отдельных книгах Аннотэн выступал с произведениями религиозно-философского характера, содержание которых во многом совпадало с религиозно-философским мировоззрением Пекёра. И тот и другой занимали место в рядах идейного движения, которое, критикуя католическую религиозную догму и католическую церковь, проповедовало рационалистическую теологию и мораль и делало из них радикальные политические и социальные выводы.

Аннотэн приветствовал страстные выступления Ламэнне против Июльской монархии и её социального строя. В своём сочинении «Религиозная и философская доктрина, основанная на свидетельстве сознания» он писал: «Насколько мы отдаляемся от г-на Ламэнне в религии, настолько же мы приближаемся к нему в политике. Да, когда автор «Слов верующего» борется с противниками прогресса и свободы, мы от всего сердца симпатизируем ему и аплодируем его благородным усилиям»²⁹.

Эта солидаризация не мешала, однако, Аннотэну подчёркивать своё несогласие с Ламэнне, отбрасывавшим идею божьего возмездия за грехи людей, идею религиозного долга и вытекающего из него морального закона поведения людей, в то время как именно эти принципы утверждались Аннотэном в качестве фундамента веры, общественной морали и социального строя.

Свои собственные религиозно-этические построения Аннотэн расценивал как поиски рациональной религии, долженствующей стать «религией демократии»³⁰. Он доказывал, что такая религия, будучи свободной от ретроградных и суеверных идей, внушаемых верующим католической церковью, и избавляя всё более просвещающийся народ от «веры в абсурд», совершенно необходима в качестве единственно прочного основания морали и политики. Так же, как Пекёр, Аннотэн подчёркивал пагубные последствия атеизма и доказывал, что «без религии нет и морали» и что «политику надо отнести к морали, ибо она трактует об обязанностях правительств и правах управляемых» и, следовательно, относится к области религии³¹.

Задача политики, утверждал Аннотэн,—осуществить моральный закон, получающий свою санкцию в религии и требующий справедливости во взаимоотношениях между людьми, так как «Бог хочет, чтобы мы были справедливыми» и «истинная, добрая политика должна воцарить справедливость между гражданами»³². Развивая последовательно эту мысль, Аннотэн отвергал, как кощунственное, предположение, что бог может равнодушно относиться к существованию в обществе «класса бедняков, которые угнетены, эксплуатируются и ввергнуты

в нищету несправедливыми законами»³³. Он объявлял всякое безразличие к их судьбе смертным грехом, нарушением божьей воли, требующей борьбы с царящей в капиталистическом обществе несправедливостью. «Горе тем, кто мешает установлению справедливости на земле!»—провозглашает Аннотэн. «И, наоборот, слава тем, кто борется за свободу и священные права рода человеческого!.. Бог правды сражается за них и даст им победу»³⁴. Но сенсимонистскую идею о том, что улучшение положения бедных и эксплуатируемых классов есть требование религии и морали, развивал в этом направлении и Пекёр. В то же время Пекёр был последовательным глашатаем рациональной религии и вытекающей из неё обязательной социальной морали. Именно он делал отсюда выводы, вылившиеся в систему, которую Изамбер верно охарактеризовал как «коллективизм на моральной основе»³⁵.

Аннотэн в своих сочинениях того периода не шёл дальше вывода о необходимости положить конец несправедливости, угнетению, эксплуатации трудящихся масс и их нищете и осуществить требования морального закона в общественном строе и взаимоотношениях людей. Но эти выводы вплотную подводили его, как нам кажется, к принятию социальных идей, построенных на предпосылках, вполне однородных с теми, которые содержались в религиозно-философских сочинениях Аннотэна, но значительно глубже, полнее и содержательнее разработанных в большой работе Пекёра «Новая теория социальной экономии».

Так же как и Пекёр, Аннотэн не принадлежал к числу революционных борцов против Июльской монархии и примыкал к демократической оппозиции, рассчитывавшей достичь социальных реформ мирными средствами, в первую очередь завоеванием всеобщего избирательного права. Он был, очевидно, близок к газете «La Réforme», являвшейся, как известно, органом республиканской оппозиции, объединявшим мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов, в числе которых находился и Пекёр.

На эту близость Аннотэна к лагерю «La Réforme» и на его политические идеи к концу Июльской монархии проливает свет корреспонденция о банкете в Бар-ле-Дюке, помещённая в «La Réforme» 21 сентября 1847 года. В этой корреспонденции приведена одна произнесённая речь Аннотэна. Аннотэн был делегирован на этот «реформистский» банкет группой демократов Бар-ле-Дюка и должен был произнести там тост: «За улучшение участи трудящихся классов!» Его тост не был допущен организаторами банкета, не желавшими, как выразилась «La Réforme», «нарушать конституционную манифестацию несвоевременным

²⁹ «Doctrines religieuses et philosophiques fondées sur le témoignage de la conscience» par Emile Hannotin. 1842, p. 120.

³⁰ Ibidem, p. V.

³¹ Ibidem, p. 112.

³² Ibidem, p. 113.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Isambert G. «Les idées socialistes en France de 1815 à 1848», p. 282. Paris. 1905.

упоминанием о нищете, не коснувшейся лиц, обладающих избирательным правом».

В своей непронесённой речи Аннотэн обвинял Июльскую монархию в том, что она ничего не сделала для трудящихся классов, борьбе которых на баррикадах она так обязана своим возникновением. Он требовал реформ в пользу рабочего класса и в первую очередь распространения на него избирательного права. «Иногда я слышу разговоры о том, что их (рабочих. — Н. З.) не касается политика. Я же утверждаю, что политика их касается. Разве они рабы, существа, которые ни во что не ценятся? Нет, господа, они люди, и они имеют права, торжество которых силой вещей неизбежно наступит»³⁶.

Аннотэн доказывал, что не жалобы и lamentации, произносимые дома, взаперти, и не «беспорядки», вызываемые отчаянием и гневом, а только политическая борьба и воздействие на общественное мнение способны обеспечить проведение реформ, улучшающих положение трудящихся масс. Эти реформы могут быть осуществлены путём парламентского законодательства, для чего необходима демократизация политического строя. «Будем же вести демократическую пропаганду; посредством неё мы добьёмся реформ, куда более важных, чем можно было бы это предположить. Так, разве не было бы легко уменьшить налоги, лежащие на малообеспеченные классы, переложив их на роскошь, богатство, на избыток?»

Речь Аннотэна была типичным образчиком реформистских и легалистских иллюзий мелкобуржуазного демократа и выдавала в её авторе последователя и сторонника политических идей партии «La Réforme».

Эти факты из биографии Аннотэна делают вероятным наше предположение о большом влиянии, какое оказал на его дальнейшее развитие Пекёр. Признание этого факта имело бы немаловажное значение для успешного изучения как биографии самого Пекёра, так и влияния его идей на современников. Исследователя, занимающегося изучением французского социализма 40-х годов, не удивит отсутствие у нас сведений о связях Аннотэна с Пекёром. Тот факт, что ещё недавно французские исследования, посвящённые этому выдающемуся французскому социалисту, можно было начинать с вопроса «Кто такой Пекёр?»³⁷,

³⁶ См. «La Réforme» 21 septembre 1847. Об этом эпизоде на банкете в Бар-ле-Дюке упоминает также Roger Lévy-Guènot в своей статье «Ледрю-Роллен и банкетная кампания» («La Révolution de 1848. T. XVII. 1920—1921»), где приведены выдержки из текста речи Аннотэна. Банкет в Бар-ле-Дюке состоялся не 14 сентября 1847 г., как полагает Roger Lévy-Guènot, а несколько раньше, так как 14 сентября «La Réforme» перепечатала из «Constitutionnel» текст тоста мэра города Бар-ле-Дюк, председательствовавшего на этом банкете.

³⁷ См. Antonelli E. «Constantin Pecquer». «Revue d'histoire économique et sociale». № 4. 1930, p. 482.

достаточно характеризует состояние изучения его идей и роли, какую они сыграли в умственном развитии своего отечества. В наших знаниях об этом, во многих отношениях наиболее глубоком и плодотворном, после Сен-Симона и Фурье, представителя французской утопической социалистической мысли, до сих пор сохранилось немало «белых пятен», создаваемых крайне скудными сведениями о деятельности Пекёра до революции 1848 г. и особенно после неё, когда Пекёр совершенно удалился в частную жизнь и в неизвестности провёл остальную часть своих дней. В особенности же скудны наши сведения о «школе» Пекёра, о его сторонниках и последователях, о влиянии его идей в среде современников, об их дальнейшем развитии в годы революции, контрреволюции и бонапартистской диктатуры.

Если так обстоит дело с самим Пекёром, то нет ничего удивительного в том, что ещё меньше мы знаем о таких писателях, как Аннотэн, о том вкладе, какой вносили они в теоретическую систему взглядов и социальную программу коллективистского социализма и об их практической и пропагандистской деятельности в период революции 1848 года. То немногое, что мы знаем об Аннотэне, укладывается в несколько строк: после февральской революции он занимал одно время пост «советника префектуры» своего родного департамента³⁸; в период контрреволюции подвергся преследованиям реакции как социалист и демократ; после бонапартистского переворота был репрессирован, покинул журналистику и удалился в частную жизнь, написав несколько работ религиозно-философского характера, не затрагивавших непосредственно социальных проблем³⁹. Умер Аннотэн почти в одно время с Пекёром — в 1886 году.

³⁸ Аннотэн был выдвинут на этот пост комиссаром временного правительства департамента Мёз Виктором Леутр, бывшим директором газеты «La Réforme». В докладной записке министру внутренних дел от 1 апреля 1848 г. Леутр характеризовал Аннотэна и второго назначенного им советника префектуры, Граньера, как «патриотов, известных тем, что они были почти единственными в городе, кто поддерживал энергичным пером и своим достоянием дело демократии ещё до её победы». Леутр сообщал Ледрю-Роллену, что он вполне удовлетворён деятельностью Аннотэна и его коллеги и считает этот свой выбор «счастливым». См. докладные записки В. Леутра, опубликованные Пьером Брауном в «Le Révolution de 1848». Vol. VI, p. 392. 1909—1910.

³⁹ «Un progrès du christianisme». 1854; «La philosophie ancienne retrouvée ou Connais-toi, toi-même». 1863; «Les grandes questions», 1867; «Dix ans d'études philosophiques». 1872; «Essais sur l'homme». 1882; См. Catalogue général de la librairie française pendant 25 ans» par Otto Lorenz. Vol. II, p. 562. Paris. 1868; vol. V, p. 629. Paris 1876. vol. LX, p. 727, Paris. 1886.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

TADEUSZ LEHR SPLAWINSKI. *O pochodzeniu i praoj czynnje slowian.*
Poznan. 1916. 237 str.

ЛЕЕР-СПЛАВИНСКИЙ Т. *О происхождении и прародине славян.*

Исследование выдающегося польского лингвиста посвящено научно-актуальной проблеме этногенеза славян, которой в настоящее время уделяют так много внимания советские историки. Об этногенезе славян было высказано много противоречивых суждений. Обилие научных теорий свидетельствует не только о сложности самой проблемы, но и о том, что попытки её разрешения до сих пор не удовлетворяли исследователей. Из этого вытекала необходимость вновь пересмотреть вопрос, тем более что с развитием научных знаний совершенствовались и методы изучения этого сложного вопроса. Если одни из исследователей главным образом исходили от данных сравнительного языкознания, то другие пользовались также данными археологии и другими вспомогательными науками и, таким образом, подходили более углублённо к исследуемому вопросу.

Основным недостатком многочисленных теорий об этногенезе славян является то, что проблема этногенеза славян заменялась проблемой пранарода, праязыка и прародины. Во всех этих теориях славяне выступают как уже сформировавшееся в этническом отношении единство. При этом оставался открытым вопрос: как же образовалось это этническое славянское единство? Между тем только постановка вопроса об этногенезе славян открывает новые пути в исследовании вопроса о месте жительства славян.

Под влиянием индоевропейских теорий языкознания в исторической науке долгое время господствовала теория об азиатской прародине европейских народов. Исследователи исходили из ошибочного представления, будто общеарийское племя, как известное этническое единство, жило некогда на первоначальной азиатской родине и говорило на одном, общем языке. Сторонники азиатской теории, однако, допускали, что арийцы пришли в Европу не на пустое место, а столкнулись с её аборигенами неарийского происхождения. Последним ещё не было известно употребление металлов, тогда как арийцам они были знакомы ещё на первоначальной азиатской прародине. Согласно этой теории, славяне принадлежат к западной ветви арийского племени, которое, в свою очередь, распалось на две группы: северо-европейскую, или германо-славянскую, и южноевропейскую, или греко-итало-кельтскую. Первая выдвинула на историческую сцену германцев и славяно-литовцев; сла-

вяне-литовцы впоследствии, в свою очередь, разделились на славян и литовцев. Славяне и германцы заняли Среднюю и Восточную Европу. Сначала славяне обособились от германцев, а затем, несколько позже, — и от литовцев. Эта «азиатская» теория происхождения славян поддерживалась в русской буржуазной историографии такими видными исследователями, как С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский. Первый полагал, что славяне, выйдя из Азии, поселились на Дунае, который стал для славян прародиной, откуда и началось расселение славян. В данном случае С. М. Соловьёв полностью следует нашей летописной традиции. В. О. Ключевский внёс некоторые поправки в теорию своего учителя. Согласно его теории, славяне, поселившись на Дунае, потом передвинулись к Карпатам, которые и стали второй прародиной славян.

В польской историографии такие выдающиеся исследователи, как М. Бобржинский, В. Смоленский и А. Брюкнер, остались верны традиционной азиатской теории, хотя стройное её здание уже было расшатано ударами научной критики. Азиатская теория и теперь ещё не сошла окончательно с исторической сцены. В последнее время в её защиту выступил польский этнолог К. Мошинский, который считает, что истоки славянского языка находятся на Востоке, «правдоподобно в Азии, на северном пограничье великой степи». Мошинский основывает свои выводы на данных сравнительного языкознания, вместе с тем относясь отрицательно к данным археологическим¹.

По справедливому замечанию Т. Леер-Сплавинского, К. Мошинский в дальнейшем приближается к сторонникам восточноевропейской прародины славян, отмечая, что «где-то уже за несколько сот лет до н. э. славяне занимали огромное пространство от диких полей вплоть до побережья Балтики включительно» (стр. 10).

Азиатская теория, созданная главным образом немецкими историками, вызвала отпор со стороны славянских исследователей. Уже Носиф Добровский утверждал, что славяне являются в Европе такими же стародавними поселенцами, какими являются греки, германцы и римляне. Известный польский историк Ноахим Лелевель утверждал, что славяне, хотя и под другими названия-

---

¹ M a s z y n s k i К. «Kultura ludowa slowian». Т. II. Kraków. 1933.

ми, не менее двух тысяч лет живут в местах нынешнего поселения своего — между Одером, Вислой, Неманом, Днепром, Днестром и Дунаем. Вслед за этим польским историком Юрий Венелин также предполагал, что «славяне суть старожилы в Европе, наравне с греками и латинянами».

Павел Шафарик, известный автор «Славянских древностей», отмечал, что ни одному из исследователей североевропейских древностей не приходило в голову, что «славяне были там старожилыми, древнейшими обитателями». Шафарик утверждал, что прародиной славян были северо-западные и северо-восточные отроги Карпат, т. е. области, приблизительно совпадающие с пределами нынешней Галиции, Волины и Подолии. Гипотеза Шафарика прочно вошла в обиход науки. Она оказала известное влияние на теорию В. О. Ключевского о двух славянских прародинах. И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский и Д. Я. Самоквасов не только были сторонниками глубокой самобытности славян в Европе, но даже находили возможным генетически связывать славян с древними скифами. Впрочем, эта теория скифского происхождения славян не получила всеобщего признания. Однако замечание И. Е. Забелина, что скифы-пахари жили по обеим сторонам Днепра, к северу, по крайней мере до Киева, где впоследствии жили поляне, заслуживает внимания. По словам Н. П. Загоскина, «мысль о генетической связи славян с древними скифами представляется весьма вероятной, так как нельзя же в самом деле допустить, чтобы обширное славянское племя появилось на арене истории из ничего. Но это мнение, — в этом следует сознаться, — до сих пор остается на уровне более или менее удачной и остроумной гипотезы»².

До конца XIX в. теория П. Шафарика о прародине славян была господствующей в науке. В начале XX в. известный профессор Пражского университета Любор Нидерле приступил к пересмотру суждений П. Шафарика о «Славянских древностях», имея в своём распоряжении новый богатейший археологический материал. Л. Нидерле, автор монументального труда «Славянские древности», в основном примыкает к теории Шафарика, допуская, однако, возможность расширения территории прародины славян на западе — за Вислу, а на востоке — на бассейн Днепра с Десной, Припять и Березину. Граница славянской прародины простиралась, по мнению Нидерле, от Карпат до Могилёва на Днепре на северо-востоке, от Вислы на северо-западе до Киева на юго-востоке³.

Однако теория Шафарика — Нидерле уже не удовлетворяла исследователей. Профессор Краковского университета Ростафинский на основании данных общеславянского словаря о растениях и животных, обитавших на славянской прародине, ищет её в Центральной России⁴, а профессор того же уни-

верситета Разводовский, анализируя названия рек в Центральной и Восточной России и убедившись в индоевропейском происхождении большей части этих названий, считает, что прародина славян значительно восточнее, «где-то за Неманом и Днепром»⁵.

К проблеме славянской прародины обратился и акад. А. А. Шахматов. Балтийцы и славяне, по мнению А. А. Шахматова, некогда составляли одну семью, а потом, спустя несколько веков, разделились на две новые семьи — балтийскую и славянскую. Первоначальным же местом жительства славян А. А. Шахматов считает балтийское побережье, а именно — южное течение Немана и Западной Двины⁶. Однако, по Шахматову, это была только первая прародина славян, откуда они после передвижения готов на юг двинулись на запад и заняли опустевшую Привислинскую низменность. Таким образом, Привислинский край можно считать второй родиной славян. Впрочем, теория А. А. Шахматова не встретила поддержки со стороны специалистов. Проф. М. К. Любавский справедливо отметил, что «это мнение, опирающееся главным образом на филологические соображения, пока ещё остаётся в стадии гипотезы и нуждается в дальнейших размышлениях»⁷. Затем теория А. А. Шахматова подверглась обстоятельной критике со стороны лингвиста Г. А. Ильинского⁸.

Акад. А. И. Соболевский, не ставя перед собой специальной задачи определения прародины славян, вместе с тем коснулся проблемы их этногенеза. По его мнению, славяне появились на стыке двух этнолингвистических элементов, из которых один был близок к балтам и был общим языком для славяно-балтийских племён, а другой представлял собой скифское наречие. Смешение обоих наречий произошло за один — два века до н. э. на территории Прибалтики.

Наконец, теории о славянской прародине были дополнены теорией археологов Я. Костжевского и Л. Козловского. Оба учёные считают, что так называемая лужицкая культура была культурой расширенной территории славянской прародины до Средней Лабы на западе и до Буга на востоке, от устья рек Одры и Вислы на севере до Карпат на юге (стр. 11).

Эти разнообразные и противоречивые теории свидетельствуют о тех трудностях, которые стояли перед исследователями.

Необходимо отметить, что исследователи уже не довольствуются одними филологическими данными, их круг источников стал значительно разнообразнее. Они пользуются данными археологии, антропологии и исто-

⁵ T. Leńr-Splawinski, стр. 10. «Известия отделения», стр. 1/23.

⁶ Шахматов А. «Введение в курс истории русского языка». Пггр. 1917.

⁷ Любавский М. «Лекции по древнерусской истории до конца XVI века», стр. 31. М. 1915.

⁸ Ильинский Г. «Проблема славянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова». «Известия отделения». Т. XXV, стр. 119—136.

² Загоскин Н. «История права русского народа». Т. I, стр. 311. Казань. 1890.

³ Niderle L. «Manuel de l'antiquité slave». Т. XI.

⁴ «Известия отделения», XXV, стр. 423.

рической этнологии,— другими словами, их метод комбинированный. Однако поставленная исследователями проблема всё же, по существу, не была разрешена.

Новое исследование проф. Т. Леер-Сплавинского посвящено тому же вопросу — о происхождении и прародине славян. Его работа была написана в тяжёлые годы немецкой оккупации, когда польским учёным было запрещено заниматься наукой и когда учёный получал тайком из библиотеки нужные ему для работы книги.

Т. Леер-Сплавинский отказался от одностороннего филологического метода А. А. Шахматова и применил комбинированный метод Л. Нидерле и др. Он признаёт, что поставленная им проблема не может быть разрешена без помощи других вспомогательных наук, среди которых археология по праву должна занять виднейшее место. В этом отношении Т. Леер-Сплавинский разошёлся с польским исследователем К. Мошинским (стр. 144). Впрочем, данные сравнительной лингвистики всё же занимают первое место в его труде.

К сожалению, исследователю не были доступны как труды советских учёных, так и материалы археологических раскопок, которые так планомерно производились в СССР.

Исследование Т. Леер-Сплавинского распадается на две части. В первой в крайне сжатой форме излагается точка зрения автора (стр. 1—144). Вторая часть посвящена «примечаниям», в которых часто содержатся ценные исследования по отдельным вопросам (стр. 144—223).

В исследовании Т. Леер-Сплавинского семь глав.

Первая глава посвящена «наидревнейшим историческим сведениям о славянах». Во второй главе автор изучает место праславянского языка в языковой индоевропейской семье. В третьей главе рассматривается «местопребывание славян в свете географических названий». Четвёртая глава посвящена «перспективам доисторическо-этническим». Пятая глава касается «перспектив антропологических». В главе шестой рассматриваются «показатели этнографические и социально-правовые». Наконец, в последней главе подводятся итоги исследования.

Уже одно перечисление глав исследования Т. Леер-Сплавинского свидетельствует о том, что в основе его лежат данные языка. Свидетельства археологических памятников, данные антропологии, этнографические и социально-правовые имеют лишь вспомогательное значение.

Помещённый в № 10 «Вопросов истории» за 1946 г. автореферат проф. Леер-Сплавинского достаточно обстоятельно излагает ход исследования автора, что избавляет нас от необходимости реферировать соответствующие главы его работы. Мы остановимся лишь на вопросе о лужицкой культуре, который вызвал значительные разногласия среди исследователей.

Немецкая археологическая школа считала лужицкую культуру либо немецкой либо этнически иллирийской. Польская школа в лице Я. Костжевского, Л. Козловского и

Т. Сулимирского относит её к праславянской. Впрочем, в последнее время Л. Козловский отошёл от своей первоначальной точки зрения, полагая, что в начальной стадии своего развития лужицкая культура представляет неотделившееся прибалтийско-славянское население, и только с выделением прибалтов в начале железного века лужицкая культура осталась на территории, заселённой праславянским населением (стр. 207).

Сам же Т. Леер-Сплавинский полагает, что лужицкая культура не была ни немецкой, ни иллирийской, ни праславянской. Она была общей для трёх племенных групп: праславянской, иллирийской и кельтской (стр. 104—105). Однако, по мнению автора, весьма правдоподобно, что на праславянской территории, охваченной полностью лужицкой культурой, она в дальнейшем своём культурно-этническом развитии сыграла важную роль, более значительную, чем в кельтском или иллирийском районах (стр. 103).

Чтобы в этом убедиться, Т. Леер-Сплавинский прослеживает дальнейшие судьбы доисторического развития на польской территории, которые он представляет в следующем виде. В конце бронзового века заметна «сильнейшая экспансия» лужицкой культуры на восток — на территории Волыни, Подолии и части Украины (стр. 103), где она столкнулась с так называемой комаровской культурой бронзового века за 1500—1300 лет до нашей эры. Автор полагает, что эта культура была, «без сомнения», фракийской, по обеим сторонам Карпат, до северо-западного побережья Чёрного моря (стр. 103). От смешения лужицкой культуры с фракийской в конце бронзовой эпохи и в начале железного века, приблизительно в 700—600 гг. до н. э., на территории Верхнего Днестра, в глубине Волыни и Подолии, возникает «новая культурная группа», отличная от лужицкой, и которую принято называть культурой висоцкой (стр. 103). Население на этой территории, как принято считать в науке, известно под именем невров, о которых упоминает Геродот (стр. 104) и которых Т. Леер-Сплавинский считает, бесспорно, славянскими. Таким образом, лужицкая культура стала одной из составных частей культуры висоцкой. Рядом с этим лужицкая культура распространилась на Кашубское поморье и также стала «основным элементом в кристаллизации целого культурного района, который мы вправе признать праславянским» (стр. 105). Группа кашубской культуры, отличная от других локальных групп лужицкой культуры, стала перерастать в отдельную культуру, с погребением в каменных гробах (стр. 105). Т. Леер-Сплавинский считает более правильным назвать её культурой поморской (стр. 105). Справедливо отмечая, что нет никаких оснований говорить о германском влиянии на формирование поморской культуры, Т. Леер-Сплавинский считает, что «так называемая поморская культура представляет особую стадию в развитии лужицкой культуры на общей с ней этнической основе» (стр. 105). Эта

поморская культура встретилась в Польше с другим этапом в развитии лужицкой культуры, которую принято называть культурой гробов колпачных. Эта культура между 700—400 гг. до н. э. распространилась на всей Средней Польше, на юге доходя до Нижней Силезии, а на востоке она охватывала Полесье, Волынь, Червоную Русь. На большей части этой территории происходило смешение обеих культур (стр. 106). По мнению Т. Леер-Сплавинского, население культуры поморской, передвигаясь с севера, растворило в своей среде местные потомки старого, лужицкого населения. В период культуры гробов колпачных распространяется погребение в ямах, которое стало новым этапом в развитии культуры на основе лужицкой культуры с примесью культуры поморской и гробов колпачных (стр. 107).

Культура погребения в ямах, известная под именем пшеворской была близка к культуре так называемой оксывской, от которой она отличалась металлическими изделиями. По мнению автора, эта культура связана с последними фазами культуры поморской, и нет никакого основания считать её германской. Если в ней имеются черты, сближающие её с германскими культурами, главным образом в области металлических изделий, то их проникновение — результат культурных влияний и ввоза готовой продукции из Скандинавии. Культура погребения в ямах, в обеих группах, пшеворской и оксывской, можно признать, по мнению автора, «за доисторическое свидетельство дальнейших фаз в кристаллизации этническо-языковой праславянской общности» (стр. 108).

На той же территории незадолго до наступления н. э. появляется новый элемент в образовании языковой толчмастики польских земель, а именно германской (стр. 109). Незадолго до нашей эры население Поморья группы оксывской культуры погребения в ямах подверглось нападению прибывшего морем из Скандинавии германского племени, возможно, готов или родственных им гепидов (стр. 109).

С момента наездов готов на Поморье появляются первые исторические сведения, касающиеся прибалтийской территории, какие находятся у Плиния Старшего, Тацита или же географа александрийского Птолемея во II в. н. э. (стр. 110). Название венетов, о которых вспоминают Плиний и Тацит, по мнению Т. Леер-Сплавинского, «очевидно, относится к территории оксывского погребения в ямах, а может быть, и ко всей той культуре» (стр. 111).

Изучение этническо-культурного развития на территории от р. Лабы до р. Волги, начиная с конца эпохи неолита вплоть до исторических времён, приводит Т. Леер-Сплавинского к выводу, что с небольшими изменениями основным географическим центром, где происходили этническо-культурные востечи и изменения, была территория бассейна Одры и Вислы, «которую и следует признать за собственную колыбель и прародину славянского племени» (стр. 114).

В последних двух главах Т. Леер-Сплавинский стремится восстановить праславян-

ский антропологический тип с привлечением более поздних этнографических и социально-правовых данных.

В итоге своего исследования вопроса о происхождении и прародине славян Т. Леер-Сплавинский приходит к следующим выводам:

1. Основным этническо-языковым базисом, из которого выросли праславяне, была индоевропейская народность культуры шнуровой керамики, распространившаяся из-за Одры и встретившаяся с племенами, происходившими из северо-восточного пограничья Европы и Азии, представленными культурой гребенчатой керамики, этническо-языковыми предками угрофинских народов.

2. В результате ассимиляции населения с более высокой культурой шнуровой керамики на огромном пространстве, которое тянется от Одры до бассейна Оки и Средней Волги, образовалось прибалтийское объединение, с точки зрения языковой индоевропейское; с антропологической точки зрения то было смешением элементов нордических, представленных индоевропейским населением шнуровой керамики и лапидальной расы восточно-европейской, с угрофинской основой. Первый из факторов был сильнейшим и преобладающим на всей территории.

3. Образование этническо-языкового объединения протобалтийских предков позднейших балтов и славян было результатом проникновения культуры шнуровой керамики из Средней Германии на этническо-языковой праугрофинской основе.

4. Тогда же образовалась общность языковая балтийская, славянская и германская, причём объединение славян более связано в словарном отношении с группой германцев, чем балты.

5. Население культуры шнуровой керамики является предками позднейших германцев, славян и балтов, причём наречие восточноиндоевропейское позднейших славян и балтов разнилось от западноиндоевропейского наречия позднейших германцев.

6. Новое индоевропейское вторжение, падающее на начало бронзового века, исходит с той же территории, что и первое вторжение — «шнуровцев». Это было население, говорившее на одном языке, сначала представленное унетицкой культурой, которая во второй период бронзового века переросла в так называемую культуру лужицкую.

7. Период культуры лужицкой охватывает почти тысячелетие (1300—400 г. до н. э.) и является первым этапом в образовании праславянской общности и сопровождается отрывом от протобалтийской территории. С этого времени была разорвана языковая общность предков позднейших балтов и славян. Тогда протобалты и протославяне были обособлены в этническо-языковом отношении.

8. Культура лужицкая может быть отождествлена с первобытными венетами. Она — новый момент в развитии языка предков славян, хотя, поскольку нам неизвестен венетский язык, невозможно определить его точно. Несомненно, что отдельные венетские

слова сохранились в отдельных народных словах.

9. Формирование культуры поморской было третьим моментом в образовании праславянского объединения в период железного века (700—400 гг. до н. э.). Поморская культура распространяется к югу, где она встречается в Польше с эволюцией лужицкой культуры, так называемой культурой колпачных гробов.

10. Этот процесс культурных изменений продолжается несколько столетий и, конечно, оказал влияние на эволюцию праславянской языковой общности, хотя положительных данных о конкретных изменениях нет в распоряжении исследователя.

11. Четвёртая стадия в кристаллизации этническо-языкового праславянского объединения связана с так называемой культурой погребения в ямах. Она совпадает с упоминаниями о венетах Плиния, Тацита и Птолемея.

Таков ответ Леер-Сплавинского на поставленные им три вопроса.

Интересное и ценное исследование Т. Леер-Сплавинского — новая попытка разрешить вопрос о происхождении и прародине славян с точки зрения индоевропейской теории. В методологическом отношении труд Леер-Сплавинского делает известный шаг вперёд по сравнению с трудами других индоевропеистов. Славяне не выступают на прародине, отмеченной Леер-Сплавинским, как уже сложившийся этническо-языковой и культурный элемент. Он формируется в длительном процессе встреч и скрещивания разных этническо-языковых и культурных элементов. Таким образом, происхождение славян — длительный, вековой процесс. Это теоретическое положение — основной стержень всего исследования Леер-Сплавинского. В этом отношении труд его представляет выдающееся явление в европейской историографии. Т. Леер-Сплавинский справедливо считает, что процессы этногенеза и формирования языкового единства отнюдь не являются результатом однолинейного развития одного племени. Взаимные связи и скрещивание отдельных племён в конечном итоге содействовали образованию единой этнической общности, известной под именем славян. Таким образом, в методологическом отношении труд Леер-Сплавинского кажется приближающимся к учению творца яфетической теории — Н. Я. Марра, утверждавшего, что скрещивание — «процесс, столь же необходимый вначале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выработки новых, более совершенных её типов и для зарождения многочисленных видов и подвидов»¹⁰.

Леер-Сплавинский оканчивает своё исследование показом того, где окончательно сложилась этническая общность славян, занимавшая определённую территорию (прародину), единую в языковом отношении. Разделяя теорию прародины и праязыка, Т. Леер-Сплавинский выступает чистейшим индоевропеистом, который отличается от

А. А. Шахматова, М. С. Грушевского, Л. Нидерле тем, что он нашёл прародину славян в другом месте. Хотя ему нельзя отказать ни в огромных, всесторонних знаниях источников, ни в тонкости наблюдений, однако эти поиски таинственной прародины славян — лучший показатель того, что в действительности не было ни прародины славян, ни дальнейшего её распада вследствие массовой миграции.

Хотя Т. Леер-Сплавинский не ставит вопроса об индоевропейской прародине, но она у него существует где-то в Центральной Европе, где уже в конце неолитической эпохи стали выделяться какие-то этнические и языковые группы, которые продвигались на восток, где они смешивались в этническо-языковом и культурном отношении с местными аборигенами.

В действительности, несмотря на внешнее сходство между методологическими приёмами Н. Я. Марра и Т. Леер-Сплавинского, между ними существует огромная разница в соотношении процесса этногенетического развития. Т. Леер-Сплавинский, находясь, как и другие польские археологи, под известным влиянием немецкой археологической школы (во главе с Коссины), лёгшей в основу фашистского расизма, представляет себе этногенетический процесс весьма односторонне. Более культурные племена, идущие с запада, из Центральной Германии, ассимилируют первоначальные поселения, местный «этногенетический субстрат», который в процессе скрещивания с пришлым этногенным элементом полностью в нём растворяется. Таким образом, местному «этногенному субстрату», который рассматривается исследователем как некая абстрактная этническая категория, отводится чисто пассивная роль — быть одним из этнических ингредиентов нового этногенетического образования. При такой постановке вопроса об этногенезе славян Т. Леер-Сплавинский не принимает во внимание той культурной среды, которая является результатом творческой деятельности местного «этнического субстрата».

Такой взгляд на существование процесса этногенеза далёк от взглядов Н. Я. Марра и совпадает со взглядами археологической школы Коссины. В основе марксистского понимания этногенеза лежит процесс развития производительных сил, переход от одной стадии общественного развития к другой, сопровождаемый этническими скрещиваниями на основе общей тенденции к этнической «интеграции».

Никак нельзя согласиться с Т. Леер-Сплавинским, будто культура шнуровой (верёвочной) керамики является результатом миграций с запада, равным образом как и культура ленточной керамики. Основной причиной смены культур является не то, что пришлое, более культурное поселение прививает местному поселению более высокую культуру, а общее развитие производительных сил.

Для нас появление, например, культуры верёвочной (шнуровой) керамики является не результатом миграции извне, но выражением общего процесса перехода от преобладания земледелия при культуре так назы-

¹⁰ Марр Н. Избранные сочинения. Т. I, стр. 131.

ваемой ленточной керамики к преобладанию скотоводства, а вместе с тем перехода от материнского рода к патриархату (как это в своё время показал ещё покойный Кричевский).

Т. Леер-Сплавинский считает образование лужицкой культуры результатом миграций из Германии, тогда как в действительности её образование имеет самостоятельное значение и не связано с миграционными культурными веяниями, идущими из Германии. В исследовании Т. Леер-Сплавинского «нордический элемент» выступает повсюду как «демиург» исторического процесса. Таким образом, Т. Леер-Сплавинский находится полностью под влиянием немецкой археологической и исторической науки, которая пытается всю раннюю и позднюю культуру славянских народов, в особенности поляков, объяснить влиянием культуры, идущей из Германии. Стоит только вспомнить рассуждения фашистских «историков» об отсутствии у славян, и у поляков в частности, собственной культуры. Славяне, по их мнению, — лишь «субстрат» для усвоения более высокой, немецкой культуры. Т. Леер-Сплавинский, разумеется, не разделяет подобной точки зрения, но, тем не менее, его исследование льёт воду на мельницу фашистской историографии. Вместе с тем Т. Леер-Сплавинский чрезмерно расширяет территорию намеченной им «прародины» славян. В её состав автор включает территорию собственно Польши, Галицию и Волинь, т. е. в основном всю территорию Польши, но для такой распространённой «прародины» славян нет никаких оснований, даже если только оперировать данными, приводимыми самим исследователем.

Все свои выводы Т. Леер-Сплавинский основывает главным образом на данных топонимики, однако топонимический материал требует осторожного к себе отношения, и с рядом наблюдений автора, вероятно, не согласятся многие из лингвистов. Во всяком случае, Е. Карский, А. Кочубинский, А. Шахматов расходятся в своих лингвистических наблюдениях с краковским учёным, а вся «топонимика» для Т. Леер-Сплавинского — это основной материал, который лишь дополняется археологическим материалом.

Большой труд Т. Леер-Сплавинского лишь один раз доказывает полную несостоятельность объяснения этногенеза славян с точки зрения индоевропейской теории непрерывных миграционных потоков, неизвестно по каким причинам направляющихся на восток.

Верный индоевропейской теории, Т. Леер-Сплавинский не считает с культурным развитием Восточной Европы. Между тем последняя уже в неолитическую эпоху отнюдь не была единой в культурном отношении. Неолитические стоянки разбросаны по всей Восточной Европе, от Урала до Балтийского моря, от Белого моря до морей Чёрного и Каспийского. Неолит в Восточной Европе охватывает несколько тысячелетий. Для его конца на юге Восточной Европы характерна культура полей погребения. Она известна под названием трипольской

культуры по имени м. Триполья, в окрестностях которого была открыта эта культура. Памятники последней найдены под Киевом, в Подольи, Бессарабии, Галиции, Семиградии, Молдавии, Фракии, Фессалии. Археологические раскопки открывали новые районы трипольской культуры, которой посвящены замечательные исследования Т. Пассек. Для трипольской культуры характерны своеобразная роспись сосудов, остатки глиняных мазанок, орудия из камня, рога и кости, приручение животных, а также зачатки земледелия.

В Восточной Европе в конце неолитической эпохи южный неолит существенно отличался от северного. Конечно, выяснить этническую принадлежность населения периода трипольской культуры не представляется возможным вследствие отсутствия каких бы то ни было данных. Но если, по мнению Т. Леер-Сплавинского, в конце эпохи неолита на территории Польши господствующим типом культуры была культура гребенчатой керамики, то юг Восточной Европы был представлен более высокой культурой, среди предметов которой попадались и изделия из меди.

Распространение культуры бронзового века в Юго-Восточной Европе было результатом известного влияния со стороны Эгейского моря и государств Малой Азии. В то же время Прикарпатье входило в области влияния среднедунайской или адриатической бронзовой культуры. Конечно, на территорию Юго-Восточной Европы могли проникать памятники бронзовой культуры как с Запада, так и с Востока, при несомненном преобладании предметов Востока. Поэтому следует признать значительным преувеличением Леер-Сплавинского, будто индоевропейское население с началом второго тысячелетия до н. э. охватило огромные пространства Европы, доходя на западе до Рейна, а на востоке до Волги и предгорий Кавказа (стр. 202). Никто из исследователей не отрицает, что под названием венетов надо понимать славянские племена. В этом случае следует поставить вопрос, была ли территория венетов западной границей славянских поселений или она была прародиной славян, возникшей в результате распада индоевропейской этническо-языковой общности. С нашей точки зрения, венетская прародина — только западная граница славянства, а венеты — только основная этническая база в процессе формирования западного славянства вообще и польского в частности.

Рассматривать здесь во всём объёме вопрос об этногенезе славян не представляется возможным. Это проблема огромной важности и нуждается в самостоятельном исследовании. Мы же ограничимся лишь указанием, от каких теоретических предпосылок мы должны отходить при изучении вопроса об этногенезе вообще. Проблеме этногенеза уделяли много внимания классики марксизма-ленинизма и ряд выдающихся советских учёных, в особенности акад. Н. Я. Марр.

Н. Я. Марр, творец яфетической теории, писал: «Процесс возникновения племени, а тем более народа, это длительный акт нара-

стання всё новых и новых скатывавшихся в один клубок слоёв не только в различные эпохи но и в различных местах»¹¹.

Подводя итоги взглядам Н. Я. Марра по вопросу об этногенезе, А. Д. Удадьцов справедливо замечает: «Таким образом, основной процесс этногенеза — это процесс развития от множества к единству, процесс этнической интеграции»¹².

Конечно, «наряду с этим основным, ведущим процессом, не отменяя его, проявляется одновременно и вторичный, побочный процесс этнической дифференциации, процесс распада более крупных племён, народов, народностей, и образование как бы основных племён и народов, отчасти на почве локальных скрещений»¹³.

«Диалектика обоих процессов в их общей связи и создаёт своими противоречиями, а равно и неравномерностями развития отдельных племён и народностей, развивающихся то более быстро, то более замедленными темпами, — ту конкретную для каждой данной эпохи объективную этническую многообразную действительность, которая и составляет предмет изучения этногенетики»¹⁴.

В труде Т. Леер-Славинского развитие этногенетического процесса идёт обратным путём — от единства к множеству. Согласно нашей теории, венеты отнюдь не представляли собой славянской этнической общности. Они были лишь одним из протославянских этнических элементов, представлявших собою продукт племенных скрещений.

Другим компонентом протославянской этнической общности были анты и склавины, о которых говорят византийские писатели VI в.

и которые, в свою очередь, также являются продуктом разнообразных этнических скрещений. От скрещения этих трёх этнических славянских элементов складывается первоначальное ядро славянской общности. «В своём дальнейшем расширении, — говорит А. Д. Удадьцов, — эта общеславянская народность, скрещиваясь с близкими ей народностями лугийской, иллирийской, отчасти алано-сарматской, всё более и более консолидируется, а в то же время и дифференцируется, давая начало различным племенам и народам восточных, русских, западных и южных славян, сходных и в то же время отличных друг от друга»¹⁵.

Не следует, конечно, упускать из виду, что «самые формы и степени таких скрещений аккультурации могут быть весьма различны в зависимости и от уровня развития взаимодействующих племён или народов и от конкретных исторических условий этого процесса».

Таким образом, мы никак не можем согласиться с основной методологической установкой автора. Леер-Славинскому не были знакомы последние работы русских этнографов и археологов. Это произошло и не по вине автора. Всё же нельзя ограничиваться при исследовании поставленного им первостепенной важности вопроса только польскими, немецкими и отчасти финскими работами, в которых часто можно встретить много субъективизма, ненаучных и антинаучных теорий и приёмов исследования, и принимать их выводы почти без критического анализа. Вследствие этого проблема этногенеза у автора получила одностороннее освещение.

Акад. В. Пичета

Академия наук Союза ССР. Институт истории. «Средние века». Сборник. Выпуск II. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л. 1946. 414 стр. Ц. 31 р.

Выпущенный издательством Академии наук СССР второй сборник «Средние века» отражает заметный рост советской медиевистики и поэтому вызовет большой интерес. Сборник посвящён памяти умершего в 1942 г. акад. Д. М. Петрушевского. Значительную часть сборника составляют воспоминания о Д. М. Петрушевском его учеников, друзей и товарищей по работе, а также статьи о трудах этого выдающегося учёного. В воспоминаниях Р. Ю. Виппера, Е. А. Косминского, А. О. Неусыхина, С. В. Бахрушина Д. М. Петрушевский обрисован как преданный служитель науки, смелый новатор

в своей области, строгий исследователь и одновременно горячий пропагандист научного знания.

Р. Ю. Виппер в своих воспоминаниях отмечает, какой животрепещущий интерес представляли для передовой русской интеллигенции 80-х—90-х годов сюжеты, избранные Д. М. Петрушевским для своих первых научных трудов: «Рабочее законодательство Эдуарда III» и «Восстание Уота Тайлера». «Д. М. Петрушевский, — пишет Р. Ю. Виппер, — приближал средние века, эпоху, скрывавшуюся в туманной мгле, к живым вопросам современности, делая её народные движения актуальностью, вызывая сочувствие к интересам широких народных масс» (стр. 30).

Вполне признавая правильность этой характеристики, мы, однако, не можем считать обоснованным то положение Р. Ю. Виппера,

¹¹ Марр Н. Избранные сочинения. Т. V, стр. 13.

¹² Удадьцов А. «Теоретические основы этногенетических исследований». «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. I, № 6, стр. 257. М. 1944.

¹³ Там же, стр. 257—258.

¹⁴ Там же,

¹⁵ Удадьцов А. Указ. соч., стр. 258.

что Д. М. Петрушевский должен быть отнесён к числу «русских просветителей». Если этот термин применяется здесь в том смысле, в каком мы говорим, например, о французских просветителях XVIII в., то это неверно. Применение же термина в смысле, отличном от распространённого, без каких-либо пояснений, может только запутать читателя.

Очень интересны и поучительны воспоминания о Д. М. Петрушевском как о профессоре, руководителе университетских семинариев, руководителе научной работы молодых учёных. Так, С. В. Бахрушин рассказывает в своих воспоминаниях о том благотворном влиянии, которое оказали на него лично и на других русских историков лекции и семинарии Д. М. Петрушевского в Московском университете.

Наряду с воспоминаниями в сборнике помещён ряд статей историографического характера, имеющих целью выяснить роль и значение научного творчества Д. М. Петрушевского в развитии средневековедения. Это статьи В. М. Лавровского, Н. А. Машкина, В. В. Стоклицкой-Терешкович, В. Ф. Семёнова, А. О. Неусыхина, Е. А. Косминского. В передовой даётся общая характеристика Д. М. Петрушевского как учёного. В статьях В. Ф. Семёнова, Н. А. Машкина, В. В. Стоклицкой-Терешкович и В. М. Лавровского подвергнуты анализу отдельные работы Д. М. Петрушевского.

Наиболее удачной нам представляется статья В. Ф. Семёнова «Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского» (стр. 222). Большое достоинство этой статьи заключается в том, что она написана в широком историографическом плане. Книга Д. М. Петрушевского оценивается в ней не изолированно, а в ряду других трудов английских, французских, американских и русских историков, посвящённых тому же сюжету. В. Ф. Семёнов ничуть не умаляет при этом заслуг предшественников Д. М. Петрушевского в исследовании избранного им сюжета. И тем не менее превосходство труда Д. М. Петрушевского в статье В. Ф. Семёнова выступает необычайно выпукло. Смелость и широта в постановке проблемы, строгость и точность методики исследования и, наконец, дух гуманности, горячего сочувствия крестьянам, которым пронизано всё содержание книги, — вот черты, которые отмечает В. Ф. Семёнов и которые делают «Восстание Уота Тайлера» Д. М. Петрушевского классическим историческим произведением, до сих пор непревзойдённым ни у нас, ни на родине восстания — в Англии. Второе достоинство статьи В. Ф. Семёнова заключается, с нашей точки зрения, в том, что в ней серьёзное внимание уделено концепции Д. М. Петрушевского, его методологии истории, причём концепция эта изучается В. Ф. Семёновым не статично, а в её историческом развитии. Автор сумел отчётливо показать, как в своём стремлении к разрешению важнейших и наиболее общих исторических проблем, опираясь на строго проверенные исторические факты, Д. М. Петрушевский пришёл к выводам, весьма близким к марксист-

скому пониманию таких важнейших вопросов средневековой жизни, как разложение феодализма в Англии в XIV в. или характер крестьянского восстания 1381 г. в этой стране. Нельзя не согласиться с В. Ф. Семёновым, который утверждает, что в 90-е и 900-е годы Д. М. Петрушевский находился, несомненно, под влиянием самых передовых идей нашей эпохи — марксистских идей. Однако в дальнейшем, при переиздании своего замечательного труда, Д. М. Петрушевский внёс в него некоторые поправки, обнаруживающие уже иные идейные влияния на него, чуждые марксизму.

Д. М. Петрушевский сам неоднократно открыто заявлял об этом пересмотре своих методологических позиций. В предисловии к 3-му изданию «Восстания Уота Тайлера», вышедшему в 1927 г., автор писал о своей книге: «За двенадцать лет, которые протекли со времени выхода её в свет вторым изданием (у М. и С. Сабашниковых в 1914 г.), в научной литературе по социальной и экономической истории средневековой Англии не появлялось работ, которые бы внесли существенные изменения во взгляды автора на восстание 1381 г. и на место, занимаемое им в хозяйственной и социальной эволюции названной страны. Скорее можно сказать, что то, что сделано в этой области за это время, лишь укрепило позицию, занятую автором в этом вопросе. Если тем не менее автору пришлось внести в свою работу немаловажные, по его мнению, поправки, то они были вызваны главным образом соображениями теоретического порядка, стоящими в связи с общим движением исторической мысли за последнее десятилетие»¹. В. Ф. Семёнов подробно выясняет, какие из своих общетеоретических положений подверг пересмотру Д. М. Петрушевский.

«Д. М. Петрушевский, — отмечает автор, — теперь, во-первых, решительно отказался от концепции натурального хозяйства для средневековой Европы; во-вторых, он изменил свой взгляд на феодализм, отказываясь от понятия «социального феодализма» и ограничиваясь пониманием феодализма как чисто политического и исторического явления» (стр. 238—239). Далее автор задаётся вопросом, как этот пересмотр взглядов, произведённый Д. М. Петрушевским, отразился на его понимании восстания 1381 г. и его причин. В. Ф. Семёнов приходит к выводу, что новая система исторических взглядов, заимствованная Д. М. Петрушевским у таких западноевропейских реакционных теоретиков, как Дюпюи, а также отчасти Риккерт, Макс Вебер и Виндельбанд, не сливается органически с содержанием его книги. Наоборот, новые теоретические взгляды автора вступают в явное противоречие с духом и направлением книги, с изложенными в ней результатами глубокого научного исследования. «Как и прежде, — говорит В. Ф. Семёнов, — «Восстание Уота Тайлера» продолжало оставаться крупнейшим, строго конкретным фундаментальным исследовани-

¹ Петрушевский Д. «Восстание Уота Тайлера». 3-е, вновь переработанное издание 1927 года.

ем по истории западноевропейского феодализма. Вот почему монографии Д. М. Петрушевского продолжали и продолжают читать и изучать наши историки и наша учащаяся молодёжь высших учебных заведений, а также интересующиеся историческими вопросами широкие круги советской и партийной интеллигенции. В 1937 г. «Восстание Уота Тайлера» понадобилось выпустить новым изданием» (стр. 242).

Статья В. Ф. Семёнова говорит только об одном, правда, самом выдающемся, произведении Д. М. Петрушевского.

Более широкую задачу поставил перед собой А. О. Неусыхин, выступивший в сборнике со статьёй «Дмитрий Моисеевич Петрушевский» (опыт характеристики, стр. 12). Своеобразные черты Д. М. Петрушевского как учёного, как историка-исследователя выясняются здесь путём анализа не только его труда «Восстание Уота Тайлера», но и ряда других крупнейших работ Д. М. Петрушевского. На более широком материале, чем В. Ф. Семёнов, А. О. Неусыхин показывает такую черту Д. М. Петрушевского, как его замечательная способность к синтезу, т. е. к широким историческим обобщениям. Если в «Восстании Уота Тайлера» эту способность Д. М. Петрушевский проявляет в том, что крестьянское восстание он рисует на фоне широкой картины разложения манорнального хозяйства в Англии, то в «Очерках по истории средневекового общества и государства» он ставит и разрешает на конкретно-историческом материале ещё более широкую проблему — о смене античного общества феодальным. Наконец, в «Очерках из экономической истории средневековой Европы» Д. М. Петрушевский создаёт ещё более широкое историческое полотно — возникновения, развития и разложения феодализма на Западе. А. О. Неусыхин подчёркивает, что «опыт такого последовательного, конкретного и в то же время синтетического изображения разных стадий эволюции феодализма в их преемственной связи до сих пор стоит совершенно одиноко в мировой исторической литературе. И уже одно то, что Д. М. Петрушевский решился на подобный опыт, несомненно является его большой научной заслугой, — независимо от того, какова степень убедительности отдельных высказанных в этой книге суждений по существу» (стр. 20).

Признавая вместе с А. О. Неусыхиним огромную научную заслугу Д. М. Петрушевского в попытке дать обобщённую историю феодального общества с самого его возникновения и до начала его разложения, мы всё же не можем обойти вопрос о методологической концепции, положенной Д. М. Петрушевским в основу его широких исторических построений. Как раз в поздних изданиях «Очерков по истории средневекового общества и государства» и в «Очерках из экономической истории средневековой Европы» Д. М. Петрушевский больше всего отдал дань увлечению модными тогда буржуазно-реакционными теориями.

В своём введении к «Очеркам из экономической истории» Д. М. Петрушевский сочувственно цитирует и излагает враждебные

марксизму, идеалистические теории Риккерта, Макса Вебера, Виндельбанда, а в резко полемической первой главе, «О некоторых предрассудках и суевериях, тормозящих развитие науки средневековой истории», он вслед за Дойшем отрицает германскую общину, натуральный характер средневекового поместья, защищает идею многовекового культурного развития германцев до их столкновения с античным Римом, а также идею «аграрного капитализма» в средние века.

Очень важно было бы выяснить, как эти методологические колебания Д. М. Петрушевского отразились на последующих главах книги, носящих конкретно-исторический характер. Однако мы ничего не узнаем об этом из статьи А. О. Неусыхина, который даёт лишь самую общую характеристику исторических построений Д. М. Петрушевского, подчёркивая те моменты, в которых Д. М. Петрушевский сближается с марксистским пониманием поставленных им проблем, и оставляя без внимания его идейные колебания и отступления на позиции реакционной буржуазной идеологии.

В статье Н. А. Машкина «Д. М. Петрушевский как историк Римской империи» (стр. 33) справедливо подчёркнуты заслуги Д. М. Петрушевского перед историей античного общества, ибо и в этой области Д. М. Петрушевский был смелым новатором, брался за разрешение сложнейших вопросов античной истории. «Глава «Очерков из истории средневекового общества и государства», носящая название «Государство и общество Римской империи», — говорит Н. А. Машкин, — отнюдь не является лишь введением к курсу истории раннего средневековья; в своё время это была первая попытка не только в нашей, но и во всей мировой исторической литературе систематического изложения социальной и экономической истории Римской империи» (стр. 34).

В. В. Стоклицкая-Терешкович выступает в сборнике с небольшой, но весьма квалифицированной статьёй «Д. М. Петрушевский как историк средневекового города». Подобно В. Ф. Семёнову, В. В. Стоклицкая-Терешкович уделила большое внимание выяснению точки зрения Д. М. Петрушевского по основным проблемам возникновения и развития городской жизни в средневековой Европе. Ей удалось выявить близость концепции Д. М. Петрушевского к теории Белова. Последнюю В. В. Стоклицкая-Терешкович подвергает критике, одновременно подчёркивая её прогрессивные моменты.

В статье В. М. Лавровского «Петрушевский и его перевод поэмы Лэнгленда» с помощью художественных образов Лэнгленда очень тепло и задумчиво рисуется моральный облик Д. М. Петрушевского, который «подобно лэнглендовскому рыцарю сурово и непримиримо относился ко всякой неправде и корысти в делах человеческих и делах исторических» (стр. 49).

А. А. Крушинской составлен указатель трудов и важнейших дат в научной деятельности Д. М. Петрушевского. В указателе отмечены не только крупнейшие труды Д. М. Петрушевского, но и статьи, написан-

ные им для журналов, для энциклопедического словаря Брокгауз-Ефрон, для сборников и хрестоматий. Указаны также рецензии и критические статьи, опубликованные в своё время в русских и иностранных журналах в связи с выходом в свет новых произведений Д. М. Петрушевского. Составительница перечислила также те издания, которые вышли в свет под редакцией Д. М. Петрушевского, и сделанные им переводы. Всего в указателе отмечено 49 научных работ Д. М. Петрушевского.

Подводя итоги тому, что дано в сборнике о Д. М. Петрушевском, мы должны констатировать наличие весьма ценных воспоминаний, живо и убедительно воспроизводящих жизненный путь и творческий подвиг одного из крупнейших наших учёных, заслуженно пользующегося мировым признанием. Отрадно констатировать наличие в сборнике и первых опытов научных историографических исследований, выясняющих роль и значение трудов Д. М. Петрушевского в развитии мировой исторической науки. В этих первых опытах мы отметили ряд положительных моментов, но также и ряд недостатков. Основной из них — недостаточное выявление методологических ошибок и колебаний Д. М. Петрушевского и отсутствие анализа причин этого явления.

Кроме статей, посвящённых Д. М. Петрушевскому, в сборнике «Средние века», вып. II, имеется большое количество исследовательских статей по различным вопросам истории средних веков. Эта часть сборника также представляет большой интерес. В числе авторов мы встречаем здесь акад. Грекова, акад. Вилпера, чл.-корр. АН СССР Косминского, покойного проф. Н. П. Грацианского, проф. В. Э. Грабаря, проф. В. М. Лавровского, проф. С. И. Архангельского, проф. А. О. Неусыхина, проф. Б. Ф. Поршнева, М. М. Смирину, проф. Ф. А. Коган-Бернштейн и др.

Тематика научно-исследовательских статей в сборнике весьма разнообразна; хронологически она даже несколько выходит за рамки средних веков (статьи Р. Ю. Вилпера, С. И. Архангельского и В. М. Лавровского). Бросается в глаза количественный перевес статей по позднему средневековью, относящихся к XIV, XV, XVI и XVII векам. Раннее средневековье представлено относительно беднее. В этом разделе отметим прежде всего статью покойного проф. Н. П. Грацианского «К толкованию термина *villa* в Салической Правде». Это — небольшое исследование, ограниченное и по своей задаче и по материалу. Тем не менее оно проливает яркий свет на одну из самых спорных проблем из жизни варварского общества. Анализируя различные материалы «Салической Правды», привлекая также и другие варварские правды, автор даёт очень точное и убедительное толкование термина *villa* как небольшого по размерам поселения людей, связанных кровным родством. Подвергнув такому же методическому и тщательному анализу титулы «Салической Правды», говорящие об отказе от родства, и титул *de migrantibus*, Н. П. Грацианский намечает таким образом путь превращения родовой

общины в соседскую. Его статья наносит удар по тем антинаучным теориям, которые отвергают общину у германских варварских племён.

С большим интересом, и не только специалистами, будет прочитана статья А. О. Неусыхина «Понятие свободы в эдикте Ротари». Статья эта представляет часть монографии автора об эволюции свободы и собственности по варварским правдам. Как и в других частях этой работы, в главе об эдикте Ротари автор показывает себя тонким знатоком и остроумным толкователем труднейших текстов варварских правд. Под сухими юридическими нормами он умеет вскрыть основные тенденции того исторического процесса, который в конечном счёте приведёт к образованию классового феодального общества там, где ещё недавно господствовала первобытная родовая община. Свою задачу при исследовании эдикта лангобардского короля Ротари автор видит в том, чтобы «рассмотреть, как мыслили себе понятие «свободы» люди этой переходной эпохи, и под эволюцией этого понятия и его многообразных оттенков попытаться вскрыть процессы социально-экономического расслоения общества» (стр. 84). Автор приходит к выводам, что в эдикте Ротари отразились три стадии в понимании свободы: почти забытая «свобода» как полноправие всех членов родовой общины, которым противостоят только рабы; более дифференцированное понимание этого термина, свойственное тому периоду, когда вырастает группа полусвободных и выявляется неравенство среди свободных, делящихся по степени их знатности, родовитости, достоинству; наконец, третий этап, когда низшие слои свободных всё теснее примыкают к группе полусвободных альднгов, вольноотпущенников и рабов, а верхние слои превращаются в газиндов, когда понятие свободы всё чаще приобретает смысл независимости от патрона-землевладельца. Насколько вески и убедительны выводы А. О. Неусыхина? Сам автор предупреждает нас о том, что «эти понятия изменялись медленней, чем скрывавшиеся под ними реальные отношения: поэтому и самые их оттенки, хоть и созданные ходом этих изменений, недостаточно отчётливо отражают результаты этих последних. Они лишь указывают на направление развития, но не всегда фиксируют его последствия, в некотором смысле от них веет стариной» (стр. 112). Совершенно очевидно, что выявленные автором расхождения между тем, что зафиксировано в его источнике, и тем, что было в жизни, объясняются в первую очередь специфической природой источника.

Кроме отмеченных статей Н. П. Грацианского и А. О. Неусыхина, к разделу раннего средневековья должны быть отнесены две статьи об иммунитете. Одна из них — Д. С. Граменецкого «К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета», другая — покойной Н. С. Михаловской «Каролингский иммунитет».

Особое место в сборнике занимает статья акад. Р. Ю. Вилпера «Социальные идеи еван-

гелия от Луки». На основании новых убедительных данных Р. Ю. Виппер относит евангелие от Луки не к I веку н. э., как это долго было принято, а к середине II века. Совершенно по-новому и весьма своеобразно трактует Р. Ю. Виппер и вопрос о социальном содержании евангелия от Луки. Автор определяет это евангелие как руководство для денежных людей, образующих верхушку в христианских общинах, притом таких, которые живут в обстановке крупного городского центра, где происходит широкий непрерывный обмен (стр. 74). Можно считать эту точку зрения спорной, но нельзя отказать автору ни в блестящем знании, ни в глубоком понимании той идейной борьбы, которой сопровождались первые шаги в оформлении христианской церкви.

Блестящую эрудицию и замечательную способность проникновения в очень сложные явления культурной жизни раннего средневековья обнаруживает А. А. Фортунатов в статье «К вопросу о судьбе латинской образованности в варварских королевствах» (по трактатам Вергилия Марона, Грамматика). А. А. Фортунатов — знаток каролингского возрождения — выступает в этом сборнике с попыткой анализа культурной жизни самого раннего периода средневековья, отправляясь при этом от двух грамматических трактатов, автор которых известен под псевдонимом Вергилия Марона. Тщательное изучение грамматических трактатов этого автора позволило А. А. Фортунатову обрисовать ту культурную среду, из которой они вышли. Это грамматик, школьные преподаватели Гасконии, жившие на грани античного мира и средневековья.

«В общем, — пишет А. А. Фортунатов, — перед нами критический, переломный момент школы. Это уже не типичная риторско-грамматическая школа времён Авсония. Но это и не церковная школа раннего средневековья, представленная позднее Бедой, Алкуном и т. д. Перед нами момент разложения старой римской школы. Особенностью этого момента является отрыв от старой классической науки и литературы» (стр. 128). Говоря о той среде, из которой вышли грамматические трактаты Вергилия Марона, автор отмечает: «Варваризация даёт себя знать очень наглядно. Изучаемый нами автор, называющий сам себя Вергилием Мароном и являющийся профессиональным преподавателем грамматики, даёт нам исключительные по яркости и выпуклости картины этой варваризации» (стр. 115).

Исследование А. А. Фортунатова, имеющее как будто узко специальный интерес, даёт новые подтверждения глубочайшего кризиса, пережитого латинской культурой в результате варварских завоеваний. Таким образом, А. А. Фортунатов наносит своим исследованием ещё один удар по доплатинской теории мирного, бескризисного перехода от античного общества к средневековому.

С основными положениями опубликованной в сборнике превосходной статьи акад. Б. Д. Грекова читатели журнала «Вопросы истории» уже знакомы. Исследование его

было доложено на сессии отделения истории и философии АН СССР в Ленинграде¹.

Выдающееся научное значение имеет статья Е. А. Косминского и В. М. Лавровского «Манор Брамpton с XI по XVIII век» (стр. 209—221). И исторические судьбы манора Брамpton прослежены здесь за длинный отрезок времени — почти в семь веков. Е. А. Косминский, знаток аграрных отношений Англии, главным образом в XI—XIII веках. И в изучении манора Брамpton он отправляется от хорошо изученных им источников — Книги Страшного суда и Сотенных списков. Но привлечение нового документа — описи манора Брамpton, относящейся ко времени Генриха VIII, — позволяет автору пролить свет на менее изученный период в аграрной истории Англии — XIV—XV веков. Наблюдения Е. А. Косминского, относящиеся к этому периоду, представляют особый научный интерес.

«В противоположность процессу дробления держаний, характерному для XII—XIII вв., — полагает Е. А. Косминский, — мы наблюдаем в XIV—XV вв. процесс их собирания и укрупнения» (стр. 208). Автор называет время с XIV по XVI в. «золотым веком» для «крепкой» крестьянской верхушки, «которая платила низкие ренты, была, в сущности, почти свободной от какого бы то ни было давления манориальной администрации, получала барыши от роста спроса и цен на сельскохозяйственные продукты, вытесняла более «слабые» элементы деревенского населения» (стр. 205). И хотя автор в своих выводах остаётся всё время на почве манора Брамpton, внимательный читатель проникается постепенно убеждением, что Е. А. Косминский вплотную подошёл к разрешению важнейших общих вопросов, связанных с аграрным переворотом в Англии и всей дальнейшей судьбой английского крестьянства.

Статья В. М. Лавровского, являясь продолжением статьи Е. А. Косминского, по существу, служит продолжением работ Савина: она основана на источниках, найденных Савиным, и отвечает на те вопросы, которые в своё время были поставлены, но не нашли разрешения в трудах этого выдающегося русского историка.

Среди материалов, относящихся к XV, XVI и XVII вв., в сборнике преобладают статьи по истории культуры и идеологии. Назовём статью М. М. Смириня «Томас Мюнцер и учение Иаохима Флорского», статью Н. И. Радцига об Этьене Лабозеи, статью Ф. А. Коган-Бернштейн «Экономические взгляды Бодена (к вопросу о так называемой резолюции цен)». Статья проф. В. Э. Грабаря «Всееленские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы XV в.» главным образом дополняет и развивает мысли автора, высказанные в ранее опубликованной работе «Всееленские соборы XII—XV вв. как органы международного общения»². Но в последнем разделе своей

¹ См. «Вопросы истории» № 10 за 1946 г., стр. 147.

² См. «Вопросы истории» № 3—4 за 1945 год.

статьи в сборнике — о светских конгрессах, проф. Грабарь даёт совершенно новый и весьма ценный материал. М. М. Смирин является специалистом по истории реформации и Крестьянской войны в Германии. В своей статье, помещённой в сборнике, он опровергает распространённое мнение о том, что на учении Томаса Мюнцера сильно сказалось влияние мистических идей Иоахима Флорского, жившего в конце XII века. Развернув основные положения учения Иоахима Флорского, М. М. Смирин подчёркивает в нём те черты, которые могли привлекать и интересовать Томаса Мюнцера, в частности идею о близком очищении мира от зла. Но пассивная созерцательность Иоахима Флорского была чужда революционной натуре и сознанию Мюнцера. В противовес распространённому мнению о мистических корнях учения Томаса Мюнцера автор подчёркивает оригинальность этого учения, в котором нашло отражение народное понимание реформации.

Статья Н. И. Радцига «Этьен де Лабозен предшественник монархомахов XVI века» обнаруживает интерес советских медиевистов к французскому Возрождению, а вместе с тем и наличие разногласий в трактовке выдающегося представителя этого движения — Этьена Лабозеи³. Не вдаваясь в существо этих разногласий, мы должны заметить, что Н. И. Радциг прав в своих попытках отыскать источник тираноборческих идей Лабозеи в народных движениях современной ему Франции.

А. Е. Рогинская в статье «Исторические взгляды Комина» пытается подтвердить тезис Сен-Бёва о том, что с Комина начинается политическая историография Франции. Автор хорошо изучил мемуары Комина, в которых нашёл отражение его богатый политический опыт. А. Е. Рогинской удалось определить политические симпатии и антипатии Комина, выяснить его отношение к основным фигурам и группировкам в политической борьбе его времени. Комин был приверженцем Людовика XI и ненавидел все те силы, которые противоборствовали централистской политике французского короля. Автор предупреждает читателей, что Комин не был теоретиком, что его мемуары — отнюдь не политический трактат. Всё же А. Е. Рогинская пытается вскрыть в мемуарах и социологическую концепцию Ф. Комина и его философию истории. К сожалению, эту попытку никак нельзя признать удачной. Неубедительны общие соображения автора по этому поводу. Автор, например, пишет: «Таким образом, не отдавая себе в этом ясного отчёта, Комин выдвигает новые слагаемые исторического процесса; он глухо, но вместе с тем ощутительно констатирует наличие классовой борьбы» (стр. 284). Противоречиво характеризует А. Е. Рогинская отношение Комина к буржуазии. С одной стороны, автор заявляет: «Комин видел и другую враж-

дственную силу, противостоящую «мудрому государю», — буржуазию», но, с другой стороны, оказывается, что «Филипп де Комин, идеолог чиновно-служилого дворянства, частично отразил и чаяния подымавшейся буржуазии» (стр. 288). Такой же неубедительной и натянутой представляется нам и общая оценка философско-исторической концепции Комина, данная автором в следующей формулировке: «Эта своеобразная философия истории приближается к стихийному интуитивному постижению закона диалектики о борьбе и единстве противоположностей» (стр. 289—290).

Статья проф. Ф. А. Коган-Бернштейн «Экономические взгляды Бодена» представляет главу из докторской диссертации, защищённой, но пока ещё не опубликованной автором. Написанная с большой обстоятельностью, статья эта представляет большой интерес особенно потому, что автор прослеживает влияние экономических идей Бодена на такого замечательного мыслителя XVIII в., как Монтескье.

Статья Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции при Кольбере» — также глава из докторской диссертации автора, посвящённой крестьянским и плебейским восстаниям во Франции в XVI—XVII веках. На основании тщательного изучения восстаний крестьян и городских масс во Франции после Фронды Б. Ф. Поршнева приходит к весьма интересным выводам о временном разъединении двух основных антифеодальных сил: крестьянства и плебейских масс города. Крестьяне под ударами феодальной реакции переключаются в этот период на борьбу против господ, ослабляя, таким образом, нажим на королевский абсолютизм. В то же время формирующийся предпролетариат города всё чаще прибегает к типичным формам пролетарской борьбы — забастовкам. Общий фронт антифеодальной революционной борьбы против феодальной государственной власти оказывается, таким образом, ослабленным. Вот почему абсолютная монархия, чрезвычайно укрепившая свой бюрократический и военный аппарат при Кольбере, сумела обезопасить себя от революционных потрясений на ближайшее столетие.

Статья С. И. Архангельского, превосходного знатока истории английской революции, трактует мало изученный вопрос о роли клубменов в английской революции. Она написана на основе тщательно изученного большого фактического материала.

Рецензируемый сборник представляет, несомненно, выдающееся явление на нашем историческом фронте. Он свидетельствует о большой и плодотворной исследовательской работе, ведущейся советскими медиевистами. Ряды их поредели за время Отечественной войны, но советская медиевистика продолжает развиваться. Продолжают свои плодотворные исследования наши медиевисты-аграрники: Б. Д. Греков, Е. А. Косминский, В. М. Лавровский. Большая работа проводится группой специалистов по истории идей (Р. Ю. Виппер, А. А. Фортунатов, М. М. Смирин, Н. И. Радциг, Ф. А. Коган-Бернштейн). Сборник даёт читателю возмож-

³ См. статью Ф. А. Коган-Бернштейн «Трактат да Боэси о добровольном рабстве» в журнале «Вопросы истории» № 2—3 за 1946 год.

ность познакомиться с отдельными главами весьма ценных монографий, которые пока не вышли в свет.

И всё же рецензируемый сборник не может нас полностью удовлетворить. В предвоенные годы, а также во время войны советские медиевисты проделали большую работу по разоблачению фашистских фальсификаций в области истории средних веков. Однако за последние годы в Западной Европе и в Америке вышло немало работ по истории, в которых открыто или в замаскированном виде проводятся реакционные профашистские теории. Там пишутся книги, в которых идеализируется средневековье, в розовом свете изображается историческое

прошлое отдельных стран и народов. В рецензируемом сборнике нет ни одной статьи о новых явлениях в западноевропейской или американской историографии. Медиевисты должны больше внимания уделить критике буржуазной историографии. Необходимо также расширить исследовательскую работу в области истории славянских народов. Наконец, необходимо критически оценить то богатое наследие, которое содержится в трудах таких замечательных учёных, как Виноградов, Сазин, Петрушевский, полностью определить с точки зрения марксизма-ленинизма то место, которое они занимают в развитии нашей исторической науки.

З. Мосина

ТИХОМИРОВ М., проф. *Древнерусские города*. Учёные записки, выпуск девяносто девятый. Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова. М. 1946. 254 стр. + 1 карта

I

Книга М. Н. Тихомирова заполняет важнейший пробел в нашей историографии. Древнерусскому городу до сих пор никто не посвящал специального исторического исследования. Конечно, сотни статей и некоторые книги были написаны по отдельным вопросам истории наших городов, но оставался открытым основной вопрос: насколько был развит в древней Руси городской строй. Никто не решался брать за эту тему: все историки считали её слишком трудной, утверждали, что источников для неё мало. В результате в русской и западноевропейской научной литературе появились голословные утверждения о недоразвитости древнерусских городов, о специфически торговом или исключительно административном их значении, а отсюда — об исконной отсталости русской культуры, об особых её закономерностях, и другие чрезвычайно ответственные исторические высказывания.

М. Н. Тихомиров тщательно подобрал для своей трудной темы многочисленные известия разнородных источников и показал, что может дать их сопоставление. Он извлёк много нового из летописей, равно как и из Русской Правды, которой посвятил в своё время известное капитальное исследование. Сообщения иностранцев тоже оказались для этой темы полезны. Церковная русская литература была проработана для подобных целей едва ли не впервые, притом не только изданные тексты, но и рукописные варианты. Наконец, М. Н. Тихомиров широко использовал археологические материалы. В итоге огромной работы автору удалось доказать, что источники по древнерусскому городу достаточны для того, чтобы решить основные проблемы истории городов древней Руси.

Необходимо особо отметить, что книга посвящена только городам домонгольской

Руси. Автор сознательно отстраняет поздние известия, что, конечно, затрудняет исследование, зато делает выводы более убедительными.

Первая глава, «Происхождение русских городов», начинается с систематизации самых ранних сведений. При этом любопытный вывод даёт этимология названий. Из упоминаемых в X в. 26 городов подавляющее большинство (18 несомненно и ещё 4 вероятно) носит чисто славянские имена (стр. 12); тем самым обосновывается вывод, что основаны они были славянами. Что касается сложной проблемы возникновения города, автор подходит к ней единственно правильным путём. Рассматривая процесс превращения племенных укреплений-убежищ, ещё не являвшихся городами, сначала в княжеские крепости, а затем в ремесленно-торговые центры, М. Н. Тихомиров широко использовал археологические материалы для Киева, Нозгорода, Полоцка, Витебска, Суздаля, Пскова и Смоленска. Развитие этих городов в X в. шло параллельно, выводы однородны, например: «Смоленск или Гнездово в X в. представляется нам ещё типичным замком, вокруг которого только начинает создаваться посад, населённый купцами и ремесленниками» (стр. 19). В XI в. впервые упоминаются, по подсчёту автора, 62 города, в XII в. — 119, в XIII в. (до монгольского завоевания) — 32 города. Бурный рост посадов в XI—XII вв. иллюстрирован многочисленными известиями. Интересно и оригинально утверждение автора о значительной роли, которую играли в заселении этих посадов беглые рабы; это утверждение основано на остроумном сопоставлении известий летописи, Русской Правды и Титмара Мерзебургского (стр. 28—29).

Причины возникновения русских городов В. О. Ключевский и многие другие виде-

ли во внешней торговле, ссылаясь на их размещение вдоль пути из варяг в греки. Автор опровергает этот довод, показав, что многие большие города были в стороне от этого пути, а многие вообще не на путях. Вместо этого он намечает совсем иную закономерность размещения городов: они оказываются тесно связанными с основными земледельческими районами, а для лесной полосы — с так называемыми опольщинами (стр. 36—37). В особых случаях могла иметь значение обработка местных природных богатств, как показано на примере Овруча с его залежами розового шифера (стр. 38—39). Основной вывод автора категоричен: город возник (у нас, как и всюду) в качестве ремесленного центра земледельческой округи. «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, были земледелие и ремёсла в области экономики, феодализм в области общественных отношений» (стр. 39).

Вторая глава, «Географическое размещение городов», является совокупностью 65 маленьких исследований. Автором специально изучены 65 городов, которые он считает более важными: от Устюга до Звенигорода Галицкого, от Нижнего Новгорода до Перемышля, от Ладоги до Канева. Широко использована, наряду с общей исторической литературой, краеведческая; привлечены имеющиеся археологические материалы. Всюду изучена городская топография (для многих городов автор мог опереться и на личные наблюдения). Для каждого города характеризуется, поскольку это возможно, географическая среда, содействовавшая его развитию, и социально политическая обстановка, вызвавшая это развитие. Таким образом, каждый город показан во всём его своеобразии. Для многих городов, в особенности для Новгорода и Киева, выяснено своеобразие целого ряда городских районов. Попутно автор делает ряд ценных наблюдений, только немногие примеры которых можно здесь привести. В связи с вопросом о суздальском ремесле он даёт, например, ценный экскурс о суздальских соборных вратах и устанавливает впервые в науке их дату на основе анализа изображений (стр. 58). К отмечаемому в 1947 г. 800-летию Москвы является ценным произведением автором уточнение даты первого упоминания нашей столицы: 4 апреля 1147 г. (стр. 65). Интересно показан переход центра приокских земель на рубеже XI и XII вв. из Мурома в Рязань (стр. 77). Установлено, что из неправильного прочтения летописного известия возникло распространённое представление о варяжском происхождении основателя города Турова (стр. 109). Впервые в советской литературе отражены результаты больших раскопок 1934—1941 гг., открывших для науки Галич. При этом доказано, что открытая тогда крепость с собором была только цитаделью длинного города, доходившего до современного городка, носящего то же имя и стоящего на месте древней днестровской городской пристани (стр. 118—122). Эти немногочисленные примеры дают очень неполное представление

о важных выводах по истории отдельных городов, о замечаниях, имеющих большое значение для местных историков.

Третья глава, «Городское население», посвящена прежде всего кардинальному вопросу — характеристике ремесла. Приведены археологические данные о его высоком развитии и дифференциации. Проанализировано получившее теперь большую популярность известие Теофила о русской эмали и черни. Составлен перечень всех древнерусских ремёсел, известных письменным источникам. Важен вывод автора о наличии ремесленного ученичества, основанный на убедительной интерпретации разрозненных известий летописи, Печерского Патерика и Златоуструя (стр. 136—137). При этом удалось даже установить, что для подмастерья в древней Руси существовал особый термин — «унота». Переходя к купечеству, автор делает ряд ценных наблюдений, например, по вопросу о складствах (купеческие товарищества) (стр. 143).

Но особое значение имеет вопрос о купеческих и ремесленных объединениях. Объединения первого рода науке известны, но никто ещё не оценил, как рано они у нас возникли. Автор, привлекая французский и немецкий сравнительный материал, доказал, что «устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы» (стр. 149). С новгородскими купеческими дворами в Любеке, Висби и других городах (стр. 152) оригинально и правильно сопоставлен киевский двор в Царьграде (стр. 155). Это «убол», описанный около 1200 г. новгородцем Добрыней Ядрейковичем; автор видит в нём «емболос» — крытую улицу, какие славались в Византии «торговым нациям».

От купеческих объединений автор переходит к ремесленным. Он говорит: «Были ли подобные объединения в древней Руси или последняя являлась своего рода островом, окружённым городами Западной Европы, Византийской империи, Кавказа и Средней Азии, — вот тот вопрос, который стоит перед нами» (стр. 156). На этот вопрос дан убедительный ответ: Русь не была исключением. Объединения новгородских уличан автор связывает с ремесленной специализацией отдельных улиц (стр. 158), затем приводит киевские известия о старейшинах древделей и городников (стр. 159). Новгородские сотни (городские), упоминаемые рядом с концами и улщами, но не в связи с ними, автор считает не территориальными организациями, а ремесленно-торговыми (стр. 162), наконец, в терминах «рядович» и «рядник» видит члена подобных организаций (стр. 163).

Коснувшись ещё зависимых людей (в том числе зависимых ремесленников), автор переходит затем к характеристике городского боярства. Прежде всего он устанавливает переоценку историками термина «старцы градские»; удалось доказать, что «это термин литературный, навеянный автору Слова о взятии Корсуня, которое было использовано летописью, житийными произ-

ведениями» (стр. 170). Эти старцы поэтому и выступают только в рассказе о Владимире. Значение могущественных боярских родов XI—XII вв. показано на ряде примеров. Роды, основанные в Киеве Мирославом, Ратибором, Чудином, Вышатою, сопоставлены с известными новгородскими Мирославичами и Михалковичами (стр. 171—173).

Своеобразие быта древнерусского белого духовенства иллюстрировано яркими примерами. Таков, например, вопрос: «Аще пои на рати человека убить, дзе ли ему потом служити?» (стр. 177). Таково выступление новгородского владыки против священников-ростовщиков (стр. 181). Объединения церковников — «клеросы» — сопоставлены с западноевропейскими капитулами (стр. 178—179).

Говоря о городских монастырях, автор доказал, что их было гораздо больше, чем считал Голубинский (стр. 182). Ярко показана связь отдельных обителей с определёнными княжескими ветвями и боярскими родами (стр. 183—186). Хозяйственному и культурному значению монастырей уделено должное внимание. Особо надо отметить новые данные о монастырской книжности, почерпнутые из жития Авраамия Смоленского (стр. 190).

Четвёртая глава, «Борьба за городские вольности», рассказывает о драматических событиях, явившихся политическим отражением того социально-экономического развития городов, которое выяснено в третьей главе: в этой борьбе возникал у нас городской строй, и автор его анализирует. Подробно говорится о киевских восстаниях XI—XII веков. Доказано, что прямым последствием этих движений было появление в Киеве выборных тысяцких (стр. 200), да и князья оказались в зависимости от веча. В рассказах о вокняжениях киевские летописцы вслед за новгородскими стали говорить, что горожане «посадиша» князя (стр. 200—201). «В середине XII в., — говорит автор, — создаются условия для возникновения в Киеве устройства, близкого к новгородскому. Последовательные разорения города и общее падение его торговли были причиной того, что в Киеве опять усиливается княжеская власть» (стр. 202).

Далее рассказано о борьбе за вечевые вольности, которую вели горожане Полоцка и Смоленска (стр. 202—205). Новгород в этом отношении изучен историками лучше всего, но и здесь автор нашёл новые данные, особенно о борьбе политических группировок во время новгородских переворотов XII в. (стр. 205—208). Для Галича научная традиция отрицала вечевые тенденции, но и здесь автор сумел показать значение веча в XII—XIII вв. (стр. 209—210). Такие же выводы получены и для новой столицы Руси — Владимира на Клязьме. Доказано, что и здесь городские восстания XII—XIII вв. были аналогичны киевским и новгородским; знают владимирские летописцы и самый термин «вече», мало того: был во Владимире и вечевой колокол (стр. 211—212).

Вмешательство горожан в междукняжеские отношения до сих пор недооценивалось всеми историками. Между тем, как это прекрасно показано автором, без этого политическая история древней Руси непонятна: города были новой силой, и именно она постоянно нарушала княжеский порядок наследования и правила старейшинства столов (стр. 212—215).

Автор опровергает теорию С. В. Юшкова, считающего вече совещанием феодальных городских групп (стр. 216—218). В книге доказано, что вопреки мнению некоторых историков под терминами «новгородцы, ростовцы, полочане, черниговцы» и т. д. летописцы подразумевали не городское боярство, а основное ремесленно-торговое население.

В. И. Сергеевич много сделал в своё время для истории русского веча. Но он ошибался, говоря о его беспорядочном характере. Автор опровергает это мнение В. И. Сергеевича, анализируя летописные рассказы и приходя к выводу о существовании протокольной записи вечевых решений; в этом убеждает сравнение разных вариантов рассказов об одних и тех же вечах (стр. 219—220).

История тысяцких Киева, Новгорода, Суздаля, Ростова и т. д. дала возможность автору сделать важные выводы. Удалось показать общую тенденцию перехода от назначенных тысяцких к наследственным и от наследственных к выборным (стр. 221—225). Вечевая площадь в Киеве и Новгороде называлась одинаково: Ярославов Двор. Автор считает это совпадение не случайным (стр. 226).

Пятая глава, «Внешний вид городов», начинается с подробной истории городских укреплений, деревянных и каменных; она основана не только на письменных, но и на археологических источниках. Названия улиц изучены на примере Новгорода, где они лучше известны (стр. 236—237). Оказалось, что названия эти в большинстве своём происходят от имён отдельных бояр и других новгородцев, реже — от занятий или происхождения обитателей, от церквей и от топографических особенностей. Отдельно рассмотрен вопрос о городских мостовых, этом важном показателе культурного уровня наших городов (стр. 238—239). Ценные материалы собраны о торге и его патронах — Параскеве Пятнице и Николе Мирликийском (стр. 241—243). Распространённые в древней Руси статуи этих святых оказались тоже тесно связанными с городскими рынками и купечеством. По археологическим чертежам удалось описать жилища, показаны притом различия между рядовыми домами киевлян (полуземлянки) и новгородцев (наземные срубы). Заключается глава ценными культурно-историческими соображениями о каменном церковном строительстве.

К книге приложена карта древнерусских городов.

Возражений можно сделать очень мало. Прежде всего надо отметить важный пропуск: нет Тмутаракани. В первой главе она названа в списке городов, а дальше

её нет нигде, в том числе и на карте. Автор, вероятно, считал этот город слишком эбособленным и отдалённым, но всё же это был один из главных политических и культурных центров древней Руси. Долго Тмутаракань считалась в науке загадочным городом, но теперь исследования многих историков и археологов сняли с неё это покрывало загадочности. Мы имеем уже точные и многочисленные сведения по истории, топографии и культуре этого южного опорного пункта древней Руси. Автор мог бы подытожить эти данные, посвятив им 3—4 страницы во второй главе.

Неубедительными представляются расчёты численности населения Новгорода в начале третьей главы (стр. 125). Основания явно недостаточны. Первый расчёт исходит из рассказа о том, что Ярослав Мудрый в 1016 г. в Новгороде избил «вои славны тысящу»; это понято в буквальном числительном смысле. Едва ли это так: словоупотребление «тысяча» в смысле городского ополчения слишком известно и самим автором много раз упоминается. Однако отсюда сделан вывод, что «избыток», собранный Ярославом на вече, был меньше тысячи, — значит, «основные силы новгородцев в это время не превышали 2 тысяч воинов», а всё население Новгорода (с жёнами и детьми) достигало 5 или 10 тысяч. Между тем сам автор упоминает, что с Ярославом на юг после этого избиения пошло 3 тыс. новгородских воинов. Ещё больше воинов должно было остаться на севере для защиты пространых новгородских владений. Таким образом, никаких оснований для расчёта населения этот рассказ не даёт. Второй расчёт аналогичен. Ярослав Всеволодович в 1215 г. в Торжке арестовал более 2 тыс. новгородцев — «мужей и гостебников», т. е. купцов, приехавших в этот город. Автор считает, что тем самым было арестовано большинство новгородцев. Летопись действительно говорит, что тогда в Новгороде народу осталось мало, но объясняет это пережитым большим голодом, когда меньшие люди «розидошася», а иные умерли. Новгородцев, находившихся в Торжке, автор называет почему-то «ядром новгородского войска», между тем немного ниже (стр. 146) он правильно говорит по

поводу этого известия о «купеческих караванах». Надо отметить и то, что для задержания их Ярославу не пришлось предпринять никаких военных действий. Однако расчёт основан именно на том, что ядро войска составляли 2 тыс. воинов. Отсюда заключается, что в Новгороде XIII в. было 10—20 тыс. жителей. На фоне таких цифр странно звучит именование Новгорода того времени «городом-гигантом» (стр. 82).

Точные расчёты населения Новгорода и других древнерусских городов пока преждевременны. Археологические раскопки могут установить когда-нибудь основания такой статистики, выяснив среднюю густоту населения для отдельных районов и для города в целом. Но некоторые предварительные соображения можно высказать и теперь. Автор не совсем прав, утверждая, что население Новгорода в начале XIII в. «ещё не заняло всю территорию, окружённую впоследствии валом». Топографией и хронологией церкви и улиц можно доказать, что эта территория была тогда в основном заселена. Но мало того: город уже тогда выходил и за черту вала (спорного вопроса о дате вала сейчас не касаюсь). Большие поселения у Антониева, Юрьева и других монастырей были экономически и политически частью города, равно как и Городище. Археологически прослежены древние и толстые культурные слои вокруг ряда монастырей. Можно считать доказанным, что Новгород уже к XIII в. был по территории больше современного. Мало того: и заселён он был гуще, чем в XX в.; об этом нам говорит взаиморасположение срубов, открываемых при раскопках, малая ширина улиц и т. д. Значительную часть города занимали, конечно, сады и огороды, но ведь и в XX в. они покрывали более половины городской территории. В 1939 г. в Новгороде было 46 тыс. жителей, в XIII в. не должно было быть меньше (вероятно, больше, хотя едва ли намного).

От этих возражений, частных и второстепенных, вернусь к основной проблематике книги. Она создаёт для наших историков новые представления о древнерусском городе и его значении.

Проф. А. Арциховский

II

«Главной побудительной причиной, которая заставила меня ускорить работу по написанию этой книги, было желание дать хотя бы несовершенный, но связный очерк истории русских городов X—XIII вв., показать их значение не только для истории СССР, но и для мировой истории, тем более что в заграничной исторической литературе мы встречаемся с явным непониманием русской истории, что, впрочем, основано на русских же исторических работах», — пишет в предисловии автор книги.

М. Н. Тихомиров прав. Крупнейший представитель западноевропейской урбанистики

Анри Пиренн излагает следующий взгляд на историю древнерусских городов. Города эти — Киев, Смоленск, Суздаль, Новгород, основанные норманнами-варягами как укрепления — являлись прежде всего опорными пунктами для сбора дани с покорённых племён, а затем, благодаря соприкосновению с багдадским халифатом и Византией, стали центрами экспортной торговли продуктами лесоводства и звероловства. Но, когда вторжение печенегов в черноморские и прикаспийские области перерезало торговые пути между Киевской Русью, Багдадом и Византией, города эти захирели, и вместо тор-

говли появилась агрикультура. Кнез пал. Центр государства был перенесён в Москву, исчезла торговая аристократия Киевской Руси, и возникла поземельная аристократия. Организовалась система самоудовлетворяющегося помещного хозяйства.

В Западной же Европе, говорит Пиренн, развитие протекало прямо противоположным образом. Там упадок городов и развитие феодального общества начались в VIII в., когда проникновение арабов в страны, расположенные вокруг Средиземного моря, нанесло удар левантской торговле европейцев.

Расцвет феодализма на Западе совпадает с периодом процветания торговли в Киевской Руси, и, наоборот, установление феодального общества в России совпадает с окончанием его на Западе, которое Пиренн относит к XI веку. Эта эпоха возрождения международных торговых связей в Западной Европе и, в частности, левантской торговли являлась вместе с тем начальной стадией развития средневековых городов Европы¹.

Таков взгляд А. Пиренна. Его схема, как и даваемая им периодизация русской истории, странно поражают нас, привыкших думать, что в Киевской Руси господствовало земледелие и всё больше утверждались феодальные отношения². Однако схема А. Пиренна вполне соответствует его общей концепции, в которой торговля играет роль основной движущей силы истории.

Но и независимо от А. Пиренна в западноевропейской историографии упорно держится представление о двух противоположных типах городского развития — древнерусском и средневековом западноевропейском. Резкое противопоставление такого рода мы находим в статье Кинкеля, представляющей собой доклад, с которым он должен был выступить на XIV международном социологическом конгрессе осенью 1939 г. в Бухаресте. Средневековый город Западной и Средней Европы, говорит Кинкель, — центр промышленности и торговли; на этой почве выростала его богатая культура. Города стали творцами цивилизации и духовными вождями народов. Средневековый город в странах восточных и южных славян (Кинкель имеет в виду города древней Руси, большую часть городов средневековой Польши, Сербии и Болгарии) — это в основном крепость, опорный военный пункт и административный центр. Некоторые славянские города, как например Киев, Чернигов, Новгород, Псков, Филипполь, стали носителями широкой международной торговли. Ей они обязаны своим возвышением. Промышленность этих городов была развита чрезвычайно слабо. В них не сложился особый слой работников культуры, как в средневековых городах Западной Европы. Этим объясняется социальная и культурная отсталость восточных и южных славян по сравнению с народами Средней и Западной

Европы. По мнению Кинкеля, эта отсталость проявлялась не только в средние века, но и в новое время. Причиной своеобразного строя славянских городов Кинкель считает слабую населённость и рассеянность населения славянских стран. Свою характеристику средневекового славянского города Кинкель подкрепляет ссылкой на работы Милукова, Ключевского и болгарского историка-экономиста Ивана Саказова³.

Уже одна эта постановка вопроса о древнерусском городе, связанная с пренебрежением к богатой культуре Киевской Руси, да и вообще ко всей истории славянских народов, создаёт необходимость исследовательских работ, посвящённых прошлому древнерусских городов. Помимо этого изучение их стоит на очереди как чисто научная задача, которой до сих пор уделялось очень мало внимания. Таким образом, труд М. Н. Тихомирова является вполне своевременным.

Скудость источников и специальной монографической литературы, посвящённой истории древнерусских городов, чрезвычайно затрудняла осуществление задачи, поставленной автором книги. В основном ему приходилось опираться на сведения летописей (ибо архивы Киевской Руси погибли во время монгольского нашествия) и на археологический материал. Понятно поэтому, что многие явления городской жизни Западной Европы в средние века, так ярко встающие со страниц городских актов, муниципальных и цеховых регламентов и статистических данных налогового обложения, не поддаются восстановлению или поддаются ему только в незначительной степени применительно к древнерусским городам. Таков, например, вопрос о характере цеховой организации. И тем не менее цель, поставленная автором книги, оказалась достигнутой. Установлено, что рост древнерусского города, его топография, состав городского населения и ряд других явлений городской жизни древней Руси обнаруживают черты большого сходства с соответствующими явлениями в западноевропейских городах. Кроме того благодаря выводам, достигнутым М. Н. Тихомировым на основе материалов, которые относятся к древнерусским городам, облегчается разрешение такой сложной проблемы, как происхождение города, проблемы, породившей различные течения в историографии.

Заслуга М. Н. Тихомирова — в установлении чёткого различия между городом-крепостью (замком) и городом-посадом, или предградьем, как по существу, так и по времени их возникновения. Город-посад — это поселение ремесленников и купцов; город-крепость древнее города-посада. Так, в Полоцке начало города-замка восходит к VIII—

³ См. «Travaux du XIV-me congrès international de sociologie. Bucaresti. 1939; K i n k e l J. «Die Entstehung der Städte in West- und Mitteleuropa und in der ostslavischen Welt». Professeur à l'Université de Sofia. Конгресс не состоялся по политическим причинам.

¹ P i r e n n e H. «Les villes du moyen âge», p. 46—52. Bruxelles. 1927.

² Ср. Греков Б. «Киевская Русь», 1944, особенно стр. 51—157.

IX вв., а рост его ремесленной части — к X веку. И в Киеве посад, или подол, возник не ранее конца X века. Время возникновения новгородского подола — первая половина XI века. Эти же две части города различаются всей западноевропейской историографией применительно к разным странам. Город-замок — это немецкий бург, город-предградье — *forisburgus suburbium*. В документах по истории средневековых Нидерландов русский посад носит обозначение *portus*. Терминология меняется, но сущность остаётся та же.

В факте образования посада у стен крепости отразилась общая для населения всех европейских городов средневековья тенденция — оседать в таких местах, где имеется защита в форме близлежащей крепости. Посад древней Руси — это, в экономическом смысле слова, западноевропейский город в классический период средневековья (XI—XV вв.). Если не учитывать немногих, очень рано сформировавшихся западноевропейских городов, например Венеции, уже в VIII в. игравшей роль посредника в торговле между Левантом и романо-германским миром⁴, то окажется, что очень большое количество западноевропейских городов возникло в конце X—XI-м веке. Таким образом, массовое появление городов на Западе и в древней Руси приблизительно совпадает во времени.

Путём подсчёта летописных известий М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что уже в XI в. на Руси было около 100 городов, а в XIII в. число их доходило до 238. В Западной Европе XII и XIII вв. также явились временем бурного роста городов. В древней Руси этот рост был прерван монгольским нашествием, в Западной Европе он продолжался.

Каким образом произошли города? Какая причина или, вернее, какое сцепление причин привело к их появлению? Применительно к древнерусским городам определённая точка зрения была выдвинута Ключевским. Он объясняет происхождение городов широким развитием внешней торговли Руси. Город был средоточием промышленного округа, продукция которого стекалась в город, затем вывозилась по рекам в заморские страны, — таков взгляд Ключевского⁵. М. Н. Тихомиров отмечает, что эта точка зрения была порождена тем наблюдением, что древнейшие русские города расположены вдоль водного пути из варяг в греки и по Верхней Волге. Но Ключевский сам допускает исключения из выдвинутого им правила (к их числу он относит Ростов, Переяславль-Русский, Чернигов). А М. Н.

⁴ В Италии средневековые города вообще образовались раньше, чем в других странах Западной Европы. См. новую работу *Chapelli L.* «La formazione storica del comune citto dino in Italia». В «Archivio Storico Italiano», 1927—1933.

⁵ Ключевский В. «Боярская дума древней Руси», стр. 18—29. 5-е изд., 1919; его же «Курс русской истории», ч. I, стр. 149. 5-е изд.

Тихомиров доказывает, что число русских городов, возникших вне связи с великим водным путём, настолько значительно, что положение, выдвинутое В. О. Ключевским, совершенно теряет характер закономерности. Тихомиров развивает другой взгляд на происхождение городов древней Руси. Конец X—начало XI в.—это не только начальная стадия развития посадов в древней Руси, но и период, когда происходит «утверждение земледелия, как основного занятия жителей, и феодализма, как общественной формации» (стр. 35),—говорит он. Анализ документов приводит автора к убеждению, что многие крупные города древней Руси — Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский—были теснейшим образом связаны товарообменом с расположенной вокруг них очень плодородной сельскохозяйственной местностью. Ополье кормило город, город снабжал ополье ремесленными произведениями. Возможность сбыта ремесленной продукции населению земледельческой области — такова необходимая предпосылка для возникновения посада.

Что плодородие местности представляет благоприятную предпосылку для образования в ней городов,—наблюдение старое. Оно было сделано ещё Фомой Аквинским⁶. В западноевропейской историографии широко известна также тенденция городских властей снабжать население города продовольствием, максимально используя продовольственные ресурсы близлежащей сельскохозяйственной местности. Но признание этих фактов ещё не равносильно утверждению постоянной закономерной связи между плодородием местности и происхождением городов. В буржуазной историографии в настоящее время наиболее распространена теория происхождения города из купеческого поселения, классическим выразителем которой является Анри Пиренн. Странствующие купцы останавливаются и выгружают свои товары в определённых пунктах. В этих местах образуются купеческие поселения. Купцы при этом создают городской строй и берут власть в свои руки. Такова эта теория. Подробно обосновывая её в многочисленных работах, главным образом на основе фландрских материалов, А. Пиренн, как добросовестный исследователь, не закрывает глаза и на значение городской промышленности и иммиграции крестьянского населения в города как на существенные факторы роста города и называет вновь возникшие города купеческо-ремесленными общинами⁷.

⁶ «Sufficientiam plenius possidet civitas, cui circumiacens regio sufficiens est ad necessaria vitae, quam illa quae indiget ab aliis per mercationem accipere. Dignior est civitas, si abundantiam rerum habet ex territorio proprio, quam si per mercatores abundet, cum hoc etiam videtur esse securus». De regimine principum ad regem Cypri, II, 3.

⁷ См. Пиренн Н. *Op. cit.*, особенно главы VI и VII. Также «Средневековые города Бельгии» С. Э. Г. 1937. Извлечение из его «Histoire de Belgique» и многочисленные статьи.

В изображении одного из немецких продолжателей теории Пиренна, Ф. Рёрига, она приобрела карикатурную интерпретацию основания города «консорциумом» предпринимателей⁸. Но и в том, наиболее совершенном виде, который теория происхождения города из купеческого населения получила в трудах Пиренна, она отражает лишь некоторые черты в образовании крупнейших центров транзитной торговли в Европе, как например Любека. Она совершенно не объясняет происхождения массы западноевропейских городов. Проблема требует дальнейшего исследования.

М. Н. Тихомиров утверждает, что древнерусский город возник как ремесленный и торговый центр сельскохозяйственной области. Такого рода концепция высказывалась и в западноевропейской историографии и имеет там и в настоящее время видных представителей. К их числу принадлежит Георг Белов. Он обосновывает эту концепцию на материалах по истории города Фрейбурга в Брейсгау (в Бадене). Этот город, основанный или, вернее, получивший хартию вольности в XII в. от князей церингенских, был расположен в плодородной местности и окружён кольцом сельских общин, но находился в стороне от широких торговых путей, связывавших между собою разные страны (Италию, Германию, Францию). В Фрейбурге сосредоточивался обмен с соседними сельскими общинами. Только впоследствии, когда город достиг расцвета как центр локального обмена, он привлек к себе и отдалённую торговлю⁹. История Фрейбурга представляет полную аналогию с историей Ростова, как её рисует М. Н. Тихомиров: «Прекрасная почва ополья давала возможность широко заниматься огородничеством и зерновым земледелием, а озеро славилось большими рыбными богатствами: торговля имела для Ростова явно вторичное значение: не она была фактором, создавшим город в стороне от важного пути, но сама направилась в сторону центра, развивавшегося на другой основе. Этой основой было развитие земледелия и ремесла. Поэтому в северовосточной Руси старые города сосредоточиваются в плодородных опольях, в стороне от Волги (хотя торговля шла именно по Волге)» (стр. 37).

Проблема происхождения города слишком многогранна и сложна для рассмотрения её хотя бы в самых общих чертах в рамках данной статьи. Однако несомненно, что произведённый М. Н. Тихомировым анализ материала, относящегося к истории старорусских городов, обогащает и западноевропейскую историографию. Раскрывая поразительные аналогии в образовании городов разных стран, он содействует разрешению пробле-

мы происхождения города¹⁰. Взгляд М. Н. Тихомирова ценен ещё и тем, что создаёт противовес переоценке роли транзитной торговли в процессе происхождения древнерусского города, переоценке, на которой базируется точка зрения Ключевского, равно как и А. Пиренна. М. Н. Тихомиров, однако, отмечает, что транзитная торговля всё же играла известную роль в возвышении некоторых древнерусских городов.

Значительный интерес с точки зрения сравнительно исторического исследования истории города в средние века представляет также глава о численности и составе городского населения. М. Н. Тихомиров устанавливает, что население Новгорода в начале XIII в. следует исчислять в 10—20 тыс. человек. Это обычная цифра населения большого города Западной Европы в классический период средневековья (численность населения Парижа, Лондона, Флоренции значительно превышала её). Совпадение цифр указывает на существование некоей общей закономерности в росте населения всех городов средневековья, как древнерусских, так и западноевропейских, закономерности, также не вполне ещё обследованной¹¹.

Чрезвычайно показательны данные о большом разнообразии и обилии ремесленных специальностей в древнерусском городе (стр. 127, сл.). Эти сведения лишают почвы утверждение, что древнерусский город был исключительно военным и административным пунктом. Очень яркая характеристика дана русскому купечеству и его организации, причём автор использует наряду с летописными и археологическими данными материал Пространной Русской Правды и сам констатирует черты аналогии между купеческим объединением «Ивановского сто» в Новгороде и западноевропейскими купеческими гильдиями в средние века. Та же аналогия между средневековыми городами Запада и древней Руси констатируется и в вопросе о наличии в них большого количества зависимых элементов, в частности зависимых ремесленников.

¹⁰ Соображения, высказанные М. Н. Тихомировым, при всей своей большой ценности, не решают полностью проблемы происхождения городов и в плодородном ополье. Возникает дальнейший вопрос: почему города эти возникли именно в данном месте ополья, а не в другом? Являются ли в этом случае решающими местные пути сообщения, соединяющие город с опольем, или наличие замка близ возникающего города, или же то и другое? М. Н. Тихомиров в разных местах своей книги сам подчёркивает значение замка для образования города. Об отношении между княжеским замком и посадом см. интересные страницы у С. В. Юшкова в его «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси», стр. 131—140.

¹¹ Одной из причин, мешавших в средние века росту городского населения свыше определённой цифры, были условия снабжения города продовольствием. Но продовольственными затруднениями не исчерпывался комплекс причин, задерживавших рост города.

⁸ Rögig F. «Der Markt von Lübeck». «Hansische Beiträge zur deutschen Wirtschaftsgeschichte». 1928.

⁹ См. Below G. «Deutsche Städtegründung im Mittelalter, mit besonderer Berücksichtigung auf Freiburg in Breisgau». 1920.

Происхождение и роль западноевропейского патрициата гораздо лучше и полнее выяснены в западноевропейской историографии, чем это удаётся сделать М. Н. Тихомирову на основе доступных ему материалов в отношении древнерусских городов. «Участие в торговле и ростовщичестве тесно связывало бояр с широкими кругами городского населения, в особенности с купеческой верхушкой» (стр. 174), — пишет М. Н. Тихомиров. Он не отрицает также связи городских бояр с вотчинным землевладением. О западноевропейском патрициате мы знаем гораздо больше. Сверх указанных М. Н. Тихомировым занятий западноевропейские патриции брали ещё на откуп налоги, владели землями в самом городе, являлись организаторами промышленности, раздавая ремесленным мастерам сырой материал и получая от них готовые продукты. Ближайшими предками патрициев обычно являлись купцы или министериалы. Более отдалёнными предками их бывали иногда ремесленники. Главная отличительная черта западноевропейского патрициата, выделявшая его из прочего состава городского населения, — это его роль правящего слоя в городе. В характеристике древнерусского городского боярства все эти черты отсутствуют.

Но могли ли бы мы, историки западноевропейского города, дать чёткое представление о генезисе и функциях патрициата, не располагая ни генеалогическими данными о нём, ни книгами присяги¹², ни многочисленными городскими и государственными актами, отражающими его деятельность? Безусловно, нет. К тому же патрициат древнерусских городов вероятно не достиг ещё в первой половине XIII в. своего полного развития и не успел обнаружить все свои характерные особенности.

По той же причине, т. е. из-за отсутствия многих необходимейших документов, чрезвычайно интересная глава о борьбе городского населения за вольности, — несомненно, вводящая в сферу классовую и политическую борьбы в древнерусском городе, — также не даёт вполне отчётливого представления о классовой группировке сил в нём, о требованиях борющихся слоёв и их достижениях. Но и в той, так сказать, ещё недостаточно уточнённой характеристике борьбы древнерусских горожан за свои вольности, которую удалось дать М. Н. Тихомирову, мы всё же улавливаем черты, роднящие эти движения с восстаниями городского населения Западной Европы в средние века. Прежде всего бросается в глаза большая хронологическая близость начальных моментов борьбы. Первое киевское восстание произошло в 1067—1068 году. Конец 60-х и 70-е годы XI в. — это время первой бурной вспышки борьбы с сеньёрами и во многих

крупных западноевропейских городах. Мы имеем в виду прежде всего города прирейнские, города северо-восточной Франции, Фландрии и Льежского архиепископства¹³.

В Вормсе движение горожан против епископа началось в 1070—1071 годах. Вскоре за ними последовали жители Кёльна. В 1074 г. здесь вспыхнуло восстание против архиепископа Анно. Город Гюн (в современной Бельгии, на обоих берегах Мааса), принадлежавший льежскому архиепископству, получил первую хартию вольностей в 1066 году. Отсюда движение перекинулось на другие города льежского архиепископства, которые в последующее время также добились коммунальных хартий. В городе Камбрэ сильное коммунальное движение началось в 1077 г. и велось с переменным успехом в течение ряда лет, пока горожане в начале XII в. не добились коммунальных свобод. Из Камбрэ движение перекинулось в Пикардию. Во Фландрии первые привилегии, полученные городами от фландрского графа Роберта, относятся к концу XI века.

Число приведённых примеров можно было бы увеличить. Совершенно очевидно, что рост социальных противоречий, приводивший к городским восстаниям, происходил одинаковым темпом в древней Руси и на Западе. Можно указать ещё другие черты, общие городским восстаниям древней Руси и средневекового Запада. Такова, например, озлобленность народной массы против ростовщичества и повышения цен на предметы первой необходимости — в Киеве это вызывалось спекуляцией солью, в которой принимали участие и некоторые князья (стр. 195), в городах Запада — акцизом на предметы потребления — *Ungeld*. Такого и меняющегося отношения между городской аристократией и массами городского населения, которые то выступают вместе против князя, то восстают друг против друга — колебания, часто встречающиеся и на Западе в периоды борьбы горожан с сеньёрами. Самая топография древнерусского города рядом черт напоминает западноевропейский средневековый город. Сюда относятся: различные замки и подолы, о котором речь шла выше, центральное расположение торгового или рынка, пользовавшегося повышенным «миром», и другие черты.

Книга проф. М. Н. Тихомирова — труд историка-марксиста. Самая трактовка происхождения города, которую он даёт, соответствует высказываниям Маркса и Энгельса, а именно: что города возникли в процессе роста производительных сил и общественного разделения труда, в процессе отделения сельского хозяйства от промышленности и торговли¹⁴.

Книга не даёт и, как мы видели, не может дать по характеру дошедших до нас от древней Руси исторических материалов исчерпывающего освещения городской жизни и социальной борьбы в городах. Но и те общие

¹² Название, присвоенное сборникам присяг, которые члены правящих советов и должностные лица, назначенные ими, приносили при вступлении в должность. Эти сборники бывали очень обширны. См. кёльнский *Eidbuch* 1341. «*Akten zur Geschichte der Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln*». Изд. W. Stein. T. I. 1893. S. 27—56.

¹³ В Италии борьба горожан с сеньёрами началась раньше. Так в Милане — уже в конце X века. См. Paolo Brezzi. «*I comuni cittadini italiani*», p. 66. 1940.

¹⁴ См. «Немецкая идеология», стр. 15, 40, 41 и др.

линии развития и суммарные, далеко не исчерпывающие характеристики городской жизни древней Руси, которые М. Н. Тихомирову удалось воссоздать, всё же ясно свидетельствуют о глубокой близости древнерусского и средневекового западноевропейского города. Как и этот последний, город древней Руси является центром промышленности и обмена, снабжающим сельскохозяйственные местности. В нём тот же состав населения, что и в западноевропейских городах, и так же развёртывается в нём борьба классов.

Книга вызывает много вопросов. *A priori* можно сказать, что древнерусские города имели не только черты сходства с западноевропейскими, но и обладали специфическими отличиями. Вместе с тем совершенно очевидно, что не все древнерусские города были одинаковы по своему политиче-

скому значению и экономической структуре. В ходе выяснения возникающих вопросов, вероятно, удалось бы, при условии учёта политической специфики древней Руси и при осторожном пользовании сравнительно-историческим методом, пролить более яркий свет на многие тёмные стороны древнерусского городского быта.

Но это — дело будущего. В настоящее время труд М. Н. Тихомирова представляет вполне достойную научную отповедь советского историка на то глубоко неправильное понимание истории древнерусского города, которое свило себе гнездо в западноевропейской да и в русской дореволюционной историографии.

Проф. В. Стоклицкая-Терешкович

БОГОСЛОВСКИЙ М., акад., «Пётр I». Материалы для биографии. Под ред. проф. В. И. Лебедева. Том третий. Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 года. Карловицкий конгресс 1698—1699. Огиз. Госполитиздат. 1946. 502 стр. 12 руб.

Обширный труд покойного акад. М. М. Богословского «Пётр I» начал выходить ещё до Великой Отечественной войны. Первый том (М. 1940) посвящён детству и юности Петра, второй (М. 1941) — его первому заграничному путешествию 1697—1698 гг. Рецензируемый, третий, том отведён событиям последующего периода, начиная с возвращения Петра в Москву из-за границы 25 августа 1698 г. и кончая Карловицким конгрессом и возвращением на родину русского представителя на конгрессе Прокопия Возницына в октябре 1699 года. Изложение по-прежнему ведётся в виде подробного рассказа, полного бытовых деталей, однако содержание настоящего тома далеко выходит за пределы биографии Петра I. Только теперь, после третьего тома, раскрывается более полно замысел автора. М. Богословский понимает свою задачу как биография Петра весьма широко и включает в его жизнеописание не только события, в которых он принимал самое близкое и непосредственное участие, но и явления, получившие от него лишь первый толчок, но которые вместе с тем характерны для него как политического деятеля и реформатора. При таком понимании биография Петра, как центрального и руководящего лица эпохи, превратилась в известной мере в историю его царствования. В первом томе, где описывается детство и юность Петра, ещё не столь ясно могла проявиться широта замысла автора, так как личное участие Петра в политических событиях начинается с азовских походов, которые уже подробно излагаются М. Богословским. Во втором томе, в рассказе о первом заграничном путешествии Петра тесно переплетаются политические события и личная его жизнь. В событиях, излагаемых в настоящем, третьем, томе лишь в отношении розыска по стрелецкому бунту Пётр занимал такое же положение, в городской же реформе

1699 г. Петру принадлежала только инициатива, а разработка и проведение реформы осуществлялось без его личного участия. Между тем автор детально останавливается на всех сторонах подготовки реформы, на выборах бурмистров от городов и т. п. Излагая далее все перипетии дипломатических переговоров русского представителя на Карловицком конгрессе, автор имеет возможность говорить о роли Петра лишь в тех случаях, где он ссылается на словесные инструкции Петра русскому дипломату Возницыну. Таким образом, биография Петра I в третьем томе «Материалов» М. М. Богословского превращается в историю эпохи Петра. Эти существенные стороны общего замысла отчётливо проявляются в третьем томе, но их не следует, однако, рассматривать как недостаток. Напротив, читатель несколько не посетует на автора за расширение темы его труда: по обилию материала и значительности сделанных наблюдений и выводов третий том не только не уступает предыдущим, но, скорее, превосходит.

Настоящий том открывается рассказом о приезде Петра из-за границы и о последовавшем следствии по стрелецкому бунту, который вспыхнул в его отсутствие. «Всё было необычайно в возвращении царя в столицу из его необычайного путешествия», — говорит автор. В первый день Пётр не повидается с семьёй и не заехал в Кремль, а ночевал у Лефорта и на следующий день, принимая поздравления бояр, сам стал обрезать им длинные бороды. В последующие дни он сослал опостылевшую ему жену, царячу Евдокию, в монастырь и распорядился сослать в Москву стрельцов, уже сосланных по монастырям и городам.

Насколько подробно М. М. Богословский освещает повторный стрелецкий «розыск», видно из того, что он посвящает этой теме в первом разделе книги более ста страниц,

кроме того он возвращается к ней в других разделах.

До выхода в свет труда М. М. Богословского наиболее полный рассказ об этих событиях был дан Н. Устряловым в «Истории царствования Петра Великого» (т. III. СПб. 1858), где он занимает 47 страниц. После Устрялова следственное дело Преображенского приказа о стрелецком бунте изучал только С. Соловьёв, который дал ещё более сжатое, хотя, по обыкновению, точное и ясное его изложение. М. М. Богословский подробно излагает допросы стрельцов и распоряжения Петра, достигая исключительной конкретности в изложении фактического хода бунта и следствия о нём.

Что же нового вносит автор в понимание этих бурных событий? Внимательное изучение архивного материала подтвердило, во-первых, то, что уже отмечалось предыдущими исследователями: прикосновенность к бунту царевны Софьи, отправившей и стрельцам своё послание, намерения стрельцов перебить в Москве бояр и иноземцев, не пустить Петра к царской власти при возвращении его из-за границы и передать власть царевне Софье. Кроме того далеко идущие политические планы стрелецких заправил, их замыслы, раскрываются теперь более полно и, можно сказать, с несколько неожиданной стороны. Одновременно с распространившимися среди стрельцов слухами о смерти Петра за границей в их среде обсуждался вопрос о его преемнике. Автор показывает, что в стрелецких кругах устойчиво держалась мысль о выборной монархии. Они говорили, что «на царство выберут» малолетнего сына Петра, царевича Алексея, а царевна Софья будет при нём правительницей. Стрельцы на следствии показали, что «если б де сами во управление не пошли, и они хотели мыслить с народом, кого им выбрать на царство». Они думали даже о перемене династии, некоторые стрельцы при этом имели в виду популярного среди них кн. М. А. Черкасского (стр. 51—52, 99). Они предполагали также вернуть из ссылки В. В. Голицына и других сторонников Софьи.

М. М. Богословский приводит другие, чем Устрялов, и притом меньшие цифры казнённых и привлечённых к следствию стрельцов: в первый розыск, осенью 1698 г., казнено было 799 чел., оставлено в живых 222, всего привлечено к делу 1021 (Устрялов сообщает о 973 казнённых и 207 стрельцах, оставленных в живых); позднее, в январе—феврале 1699 г., был произведён новый розыск, в результате которого было казнено 342 чел. (стр. 223—224). Малолетние стрельцы были помилованы.

Представляют интерес замечания автора об юридической стороне стрелецкого розыска: имелось в виду не столько установление вины каждого из стрельцов (все стрельцы уже были осуждены согласно «статьям», написанным Петром), сколько вскрытие связей восставших с царевнами Софьей и Марфой Алексеевнами.

Картина стрелецкого бунта, так конкретно восстановленная М. М. Богословским, несмотря на отсутствие у него общей оценки,

полностью подтверждает мысль, выраженную в постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для средней школы, о реакционности стрелецкого бунта, «как направленного против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию».

Следует остановиться также на недостатках этой части труда М. М. Богословского. Читатель его книги ничего не узнаёт о глубоких причинах стрелецкого мятежа, автор не ставит вопроса о классовой сущности бунта, о том, чьи интересы представляли стрельцы и царевны. На советских историках лежит обязанность восполнить то, что не сделано автором; они должны подвергнуть эти события марксистскому анализу и отчётливо показать классовую природу стрелецкого бунта.

Следует также отметить, что издательство сделало некоторые сокращения в авторском тексте. В результате этих сокращений выпущены известия, сообщаемые австрийским послом в Москве Гварниентом и его секретарём Корбом о личном участии Петра в казнях стрельцов. Об этом писал ещё С. Соловьёв в соответствующем месте своей «Истории России».

В следующем разделе труда М. М. Богословского освещено воронежское кораблестроение. Для сооружения морского флота организованы были «кумпанства» из дворян, купечества и представителей монастырского землевладения. Отмечу ценное указание на корпорацию из крупнейших купцов или гостей, созданную для корабельной постройки; во главе её стояла комиссия из пяти членов — гости Панкратьев, Филатьев и др. Комиссия эта стала называться Корабельной палатой. Автор видит в ней предшественника Ратуши, или Бурмистерской палаты, ставшей впоследствии центральным органом купеческого самоуправления. Гость Иван Панкратьев, возглавлявший Корабельную палату, стал затем президентом Бурмистерской палаты (стр. 150—151).

В связи с воронежским кораблестроением автор останавливается на отголосках стрелецкого бунта среди азовских стрельцов и казаков. Источником для этого служит дело азовского монаха Дня (оно было прежде известно лишь по краткому упоминанию Устрялова). Среди азовских стрельцов и казаков шли также разговоры о том, чтобы побить полковников и бояр и идти к Москве. В деле монаха Дня содержится множество ценных черт народного быта; противоположные разговоры шли то в торговой бане, то в монастырской келье или в сельских приказными подьячими. Среди них бродили также воспоминания о восстании Степана Разина.

Самостоятельным и оригинальным исследованием является раздел о городской реформе 1699 г., занимающей 15 глав, объёмом в сто страниц. Частично это исследование было напечатано ещё при жизни автора в одном из сборников трудов института истории. М. М. Богословский справедливо отмечает недостаточность наших сведений о первой городской реформе Петра, в связи с чем он подробно проследил по архивным данным начальный момент реформы, свя-

занный с перепиской правительства с городами для выяснения отношения посадского населения к основным положениям реформы. Сущность реформы заключалась в создании новых органов самоуправления торгово-промышленного класса как в центре, в Москве, так и на местах с освобождением его от воеводской власти и суда. Изученная М. М. Богословским переписка с городами и протоколы выборов бурмистров позволили ему сделать также интересные наблюдения о составе населения Москвы и относительно грамотности её посадского населения. В столице в 1699 г. было: 34 гостя, 280 чел. гостинной сотни и кроме того 36 сотен и слобод, дворцовых и чёрных. О степени грамотности свидетельствуют подписи под протоколами о выборах в новые учреждения. Из 18 гостей, участвовавших в выборах, лишь двое оказались неграмотными, а один был слепым, за них подписались другие лица; в гостинной сотне из 100 участников выборов 91 подписался лично. В московской Кадашевской слободе неграмотных было 37%, в Мещанской слободе—даже 53%.

М. М. Богословский останавливается на причинах городской реформы и усматривает их в неудовлетворительности воеводского управления, притеснявшего посадское население и его органы самоуправления. Вместе с тем ещё в середине XVII в. остро ощущалась потребность в едином центральном управлении, которое объединило бы всё торгово-промышленное управление. Эту мысль высказывал ещё Ордин-Нащокин. В качестве предшественника Бурмистерской палаты М. Богословский называет уже упомянутую выше Корабельную палату. Большое значение он придаёт заграничным впечатлениям Петра Великого, а также частным встречам его с гостями. «И вот в уме Петра возник проект указов... И так инициатором указов 30 января был сам Пётр», — заканчивает автор.

С таким объяснением психологического характера трудно согласиться полностью, так как остался непривлечённым и неизученным основной фактор—экономическое положение посада в конце XVII столетия. Исследователям предстоит ещё выяснить, в какой мере на городскую реформу 1699 г. повлияло строительство крупных промышленных предприятий, мануфактур, как раз строящихся в эти годы (например Хамовный двор на Яузе в Москве и др.), а также развитие ремесла, рост торговли и проявления классовой борьбы в городе. Только выяснив экономическую жизнь русского города за эти годы и его классовую структуру, можно подойти к правильному объяснению возникновения первой петровской городской реформы.

Последний раздел книги посвящён Карловницкому конгрессу, завершившему для России азовские походы. В этих главах автор выступает как историк русской дипломатии. При этом он отмечает неизученность этого европейского конгресса в западноевропейской исторической литературе. Здесь изложение автора также изобилует множеством конкретных и бытовых деталей. Особенно удалась автору фигура русского представителя на конгрессе П. Б. Возницына, который выступает как живой, начиная с внешности и кончая его взглядами на задачи внешней политики. В трудных условиях П. Возницын проявил большие дарования дипломата, отличное понимание международных отношений и добился значительных успехов, заключив перемирие на условии перехода к России Азова. Интересным является его стремление уже в то время выдвинуть мысль о защите Россией интересов славян—турецких подданных.

Автор подчёркивает роль Петра в дипломатических успехах на конгрессе: «За Возницыным стоял сам Пётр... Возницын, по сути дела, был только неуклонным исполнителем данных ему решительных и твёрдых повелений, и этим определяется личное участие Петра в делах конгресса. Русское дело было решено именно так, как распорядился Пётр» (стр. 434).

Подводя итоги, следует сказать, что третий том труда покойного академика обнаруживает уже знакомые по предыдущим томам черты: ту же подробность и конкретность, почти художественность изложения, дающие широкую картину быта и нравов эпохи на основании свежего, извлечённого из архивов материала. Наряду с тем в этом томе биография Петра переросла в историю эпохи в целом, личность Петра Великого выступает лишь по временам, как бы давая первый толчок, после чего сцена занимается другими лицами. Труд этот не лишён вместе с тем недостатков, указанных выше. Изложению стрелецкого розыска не хватает углублённого анализа причин и классовых условий стрелецкого бунта. Городская реформа осталась вне связи с экономикой посада и т. п.

Историческая наука, пользуясь методом марксизма-ленинизма, исходя из указаний товарища Сталина о значении петровских преобразований, должна дать углублённое объяснение вопросов, затронутых в разбираемой работе. Третий том «материалов для биографии» Петра акад. М. М. Богословского вносит много нового в понимание эпохи, расширяет наши знания и является крупным вкладом в историческую науку.

Б. Кафенгауз

«Вестник древней истории» № 1/15, 316 стр.; № 2/16, 272 стр. Изд. Академии наук СССР. М.-Л. 1946.

Возобновление выхода «Вестника древней истории» является важным фактом развития советской исторической науки в послевоенный период. Редакция журнала (отв. ре-

дактор проф. А. В. Мишулин, зам. отв. редактора проф. А. Б. Ранович) сумела объединить широкие круги советских исследователей в области древней истории. За

время своего существования журнал приобрёл прочную репутацию среди наших историков, и возобновление его выхода сыграет большую роль в дальнейшем развитии одной из важнейших отраслей советской исторической науки.

Первый том журнала за 1946 г. открывается статьёй о роли археологии в советской исторической науке. Труды советских археологов заслужили мировое признание и занимают важное место в развитии советской науки о древнем мире. Статья даёт общую характеристику развития археологических исследований в нашей стране, не останавливаясь, к сожалению, подробнее на вопросе, что именно дала работа советских археологов для развития науки о древнем мире. Здесь в первую очередь надо было обобщить материал о соотношении истории древнего Востока и древнейшей истории нашей родины, а также о проблеме связи древнейшей истории нашей родины с античным греко-римским миром. Соответственно теме передовой статьи, из девяти статей, помещённых в журнале, пять относятся к археологии. Однако сочетание этих статей довольно случайно и не восполняет тех существенных пробелов, которые имеются во вступительной статье о советской археологии.

Статья проф. С. П. Толстова о его раскопках в 1940 г. в Хорезме содержит различные новые данные о культуре Хорезма, добытые советским археологом, и относится к первобытно-общинному периоду, к истории античного Хорезма и к средневековью. В статье Л. Евтюховой сообщается, что в 1940—1941 гг. в Хакасской автономной области, на среднем Енисее, было раскопано древнекитайское здание, относящееся к Ханьской эпохе (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Исторические свидетельства и этнографические материалы содержат указания о проникновении китайцев в этот период на Енисей. Раскопки древнекитайского здания несколько обогащают эти сведения.

А. Смирнов публикует на страницах журнала сведения о восточном сосуде, найденном в Молотовской области и доставленном в 1944 г. в Государственный исторический музей. Автор сопоставляет этот сосуд с кувшинами греко-бактрийской культуры и датирует его III—IV в. нашей эры. Краткое сообщение Т. Бороздиной знакомит читателя с раскопками Мэкей городища Чанху-Даро в долине Нижнего Инда; эти раскопки дали картину густо населённого города с высоко развитыми ремёслами и таким образом пролили новый свет на развитие индийской культуры в III тысячелетии до нашей эры. Половина обширного отдела критики и библиографии также посвящена разбору вышедших в 1940—1941 гг. книг по археологии. Здесь помещены: обстоятельный разбор акад. В. В. Струве исследования археолога Б. Б. Пиотровского о культуре Урарту, статьи Т. С. Пассек о раскопках Б. А. Куфтина, Б. Гракова о сборниках отчётов по исследованию Ольвии и ряд других обзоров.

Другие статьи и рецензии посвящены различным вопросам истории древнего мира. Надо приветствовать возвращение журнала

к разработке проблем истории античной культуры, имеющей большое значение в качестве древней основы современной культуры и продолжающей играть большую роль в развитии прогрессивной, гуманистической мысли. В этом направлении перед советской исторической наукой стоят большие задачи.

Статья проф. Н. Ф. Дератани «Эсхил и греко-персидская война» содержит разбор трагедии «Персы». Автор показывает, что Эсхил видит источник силы греков в их патриотизме, в том, что греки — не рабы, что они борются не из страха перед деспотом, а защищают свою родную землю. Противопоставление греческой свободы персидскому рабству — основная идея трагедии. В связи с этой идеей Эсхил рисует образ Ксеркса как корыстолюбивого авантюриста, принесшего беды и грекам и своему народу. Эсхил показывает вред тирании, деспотизма, в чём сказываются его политические настроения.

Некоторые замечания проф. Дератани представляются, однако, недостаточно обоснованными. Так, едва ли можно согласиться с тем, что уже у Гомера возникла «проблема индивидуализма и гражданских порывов» (стр. 13). Самое возникновение понятия гражданственности, «гражданских порывов» связано со становлением и развитием рабовладельческой демократии. Проблема индивидуализма связана с осознанием отрыва индивидуума, говоря словами Маркса, от пуповины родовых связей, что также происходит позднее гомеровской эпохи. Характеристика Эсхила как поборника «развития производительных сил афинского государства» (стр. 13) требует для своего обоснования характеристики экономических взглядов Эсхила, которые имели бы непосредственное отношение к анализу производительных сил.

История культуры древнего Востока представлена статьёй виднейшего советского семитолога Н. М. Никольского, посвящённой разбору общинно-земледельческих культов Финикии. Предвоенные годы принесли новый богатый материал по истории культуры Финикии, меняющий многие установившиеся в науке представления, в значительной степени основанные на отрывочных сообщениях античных писателей. Автор так определяет задачу своего исследования: «Установление факта существования в Финикии общинного строя и общинной религии освещает новым светом всю древнейшую общественно-политическую и религиозную историю финикийских царств и окончательно дискредитирует попытки «причесать à la grecque» «финикийский общественно-политический строй» (стр. 59). Н. М. Никольский путём тщательного анализа показывает эти общинно-земледельческие элементы в финикийском культе, рассматривая земледельческий обряд вызывания дождя и борьбы с засухой. Однако автор не уделяет внимания новым элементам религиозной жизни классового древневосточного общества. Именно эти элементы отличают культ первобытно-общинной эпохи от культа классового общества. В разбираемом Н. М. Никольским тексте говорится о царе, о постройке города, «меются в виду жрече-

ство и другие элементы «государственного», а не «родоплеменного быта».

Исследование проф. А. Дьяконова «Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв.» содержит ряд ценных наблюдений автора. Автор показывает, по данным хроник, как изменяется характер выступлений славян против византийской империи. Если в 40-х годах VI в. славяне участвуют в набегах кочевников-гуннов, а затем авар, то славяне, вторгшиеся в пределы империи в 581 г., по словам хрониста, «осели», «стали господами на земле», «осели на ней господами как на своей, без страха» (стр. 32). Автор показывает, что степные кочевники ставили целью своих набегов грабёж, в то время как славяне стремились осесть на занятых территориях. Отсюда автор выводит и различия в политике императоров по отношению к гуннам, аварам и славянам. Автор попутно отмечает некоторые конкретные обстоятельства, сопровождавшие эти выступления славян против империи. Так, он разбирает вопрос об участии славян в постройке моста через Саву, приводя свидетельство стратига VI—VII вв. Маврикия, что славяне и анты «опытны в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей».

Помимо перечисленных работ в номере напечатана статья В. Д. Блаватского «Битва при Фате и греческая тактика IV века до н. э.», содержащая анализ развития тактических приёмов в истории военного искусства у древних греков.

Содержание первого номера «Вестника древней истории» позволяет высказать ряд пожеланий и критических замечаний. Редакция, несомненно, правильно делает, представляя страницы своего журнала для публикации новых материалов, в том числе археологических. Однако на страницах «Вестника древней истории» хотелось бы видеть необходимые для историка работы по археологии обобщающего характера. Публикацией отдельных памятников должен заниматься археологический журнал. Публикацию новых памятников, с другой стороны, нельзя ограничивать лишь археологическими материалами. В музеях Советского Союза хранятся различные письменные источники древней истории, в первую очередь папирусные коллекции. Организация их систематической публикации — важная задача журнала. Разумеется, главной задачей журнала является публикация исследований по основным проблемам древней истории в марксистско-ленинском освещении.

Редакция «Вестника древней истории» правильно подошла к задачам журнала, посвятив передовую статью второго номера общим вопросам истории древности и осветив основные проблемы, которые современная жизнь ставит перед советскими историками древнего мира. Редакция правильно подчёркивает, что «проблемы древней истории и археологии продолжают оставаться актуальными» (стр. 4). История общественных отношений древнего мира занимает значительное место в трудах классиков марксизма-ленинизма. Помощь древней истории необходима в разрешении таких проблем, как генезис наций, нацио-

нальностей и исторических форм государства, генезис норм международного права, история социальных и политических учений и др.

Передовая подвергает справедливой критике перспективные планы Института истории и Института истории материальной культуры Академии наук СССР, внося в них ряд дополнений и уточнений, подчёркивая значение планирования для развития советской археологии и истории древнего мира.

Особенно подробно останавливается передовая статья второго номера журнала на задачах изучения древнейшей истории нашей родины. Новые исследования советских учёных позволяют заняться систематической разработкой этого вопроса, показать, что с самых отдалённых времён наша родина была вовлечена в культурную и политическую жизнь древнего мира, занимая своё место в древней истории человечества.

Во втором номере журнала два исследования относятся к истории древнего Востока, остальные работы посвящены изучению отдельных вопросов истории Греции и Рима.

Акад. Н. М. Никольский в своей статье «Финикийская жатвенная мифология и обрядность» продолжает свои исследования в области финикийской религии. В печатаемой работе акад. Н. М. Никольский исследует и комментирует один из текстов, изданных Виролло, существенно изменяя и дополняя перевод и толкование текста. В своих историко-религиозных комментариях автор опирается главным образом на исследования Фрезером жатвенной обрядности в его «Золотой ветви» (т. III). Однако эта работа акад. Н. М. Никольского страдает тем же существенным недостатком, что и статья в предыдущем номере журнала. Автор возводит финикийские религиозные представления к доклассовому обществу, не исследуя те изменения, которые внесло классовое общество в эти представления. В тексте, например, сказано: «И тогда Анат сокрушает: в долине она кодекает (или рубит головы) сынов селений, раздавливает народ берега моря, уничтожает людей восхода солнца» (стр. 26). Акад. Н. М. Никольский замечает, что упоминаемые здесь объекты «изображены двояко: с одной стороны — как люди, с другой — как злаки и виноград» (стр. 26) — и возводит эти образы к «доанимистическим антропоморфным представлениям» (стр. 29). Из этой теории вытекает, что когда-то, видимо, в эпоху дикости, верили, что «колосья, покрывающие поле, это — «люди», «народ», т. е. живые существа. Им рубятся «головы», из которых Анат получает свою добычу — «груды зерна» (стр. 29). По нашему мнению, представления, согласно которым боги «рубят головы» «народу», возникают в классовом обществе. Этот текст красноречиво свидетельствует о трансформации древних верований.

Работа акад. А. И. Тюменева посвящена разбору термина «каль» в древнешумерском языке. Акад. Тюменев в течение ряда лет занят рассмотрением вопроса о характере социально-экономического строя древнего Востока. К этим исследованиям примыкает и

новая работа акад. Тюменева. Ряд западно-европейских учёных при их обычно довольно беззаботном отношении к социально-экономической терминологии переводят термин «каль» как «работник», «наёмный рабочий», некоторые — как «раб». В советской науке акад. В. В. Струве интерпретирует этот древний термин словом «раб». Акад. А. И. Тюменев, не соглашаясь с таким толкованием термина, путём изучения текстов приходит к выводу, что основное значение слова «каль» — общинник. Акад. А. И. Тюменев допускает, что в дальнейшем термин «каль» приобрёл значение «зависимого работника» (стр. 20). Однако автор, к сожалению, не уточнил при этом, какая форма зависимости имеется им в виду. После того как советская наука установила, что страны древнего Востока входят в рабовладельческую социально-экономическую формацию, изучение терминов, обозначающих рабов, является важной научной задачей. Единый термин «раб», видимо, появляется лишь в сравнительно развитом рабовладельческом обществе. Для общества с примитивными формами рабства, как показывает и этнографический материал, характерно обилие терминов, относящихся к рабству, в зависимости от самых разнообразных видов и отличий рабского состояния.

К изучению истории древнего Востока относится и работа П. Н. Ушакова «К походам урартийцев в Закавказье в IX и VIII вв. до н. э.» Эта статья имеет принципиальное значение: она переводит изучение Урарту с чисто археологической и лингвистической позиций на позиции исторического исследования. Изучение всех стран древнего Востока неминуемо начиналось с археологического и филологического исследования, лишь впоследствии переходя к разрешению проблем политической, социально-экономической и культурной истории. Изучение страны Урарту даёт важный материал для древнейшей истории Закавказья. П. Н. Ушаков пытается установить связь между упоминаемыми урартскими надписями племенами Закавказья и народами, известными греческим авторам, стремясь этим путём добыть сведения по древнейшей истории Закавказья.

Истории древней Армении посвящена статья безвременно погибшего во время войны, блестящего ленинградского семитолога проф. А. Борисова. Автор по-новому ставит изучение надписей, найденных около озера Севан. Проф. А. Борисов показывает, что эти надписи, написанные на древнеарамейском языке, принадлежат царю Артансию, или Арташесу, первоначально сатрапу Селевкидов, а после 189 г. до н. э. самостоятельному правителю Восточной Армении с царским титулом. Вероятно эти надписи являются древнейшими царскими надписями Армении. Можно выразить глубокое сожаление, что смерть помешала проф. Борисову довести до конца своё исследование.

В номере втором «Вестника древней истории», в разделе, посвящённом античной истории, привлекает внимание читателя статья проф. А. В. Мишулина «Идеи права в междоулических отношениях». Как справедливо указывает передовая статья, «в настоящее время представляет особый интерес изучение истории международных норм пра-

ва, идей гуманности и справедливости в отношениях между государствами и народами» (стр. 5). Разрешению этой задачи и служит работа проф. А. В. Мишулина. В этой работе автор рассматривает следующие проблемы: гражданин и иностранец в греческом государстве, развитие новых идей в отношениях государств и право войны и мира. Автор показывает, что в древней Греции «идеи права, международные соглашения, новые правила и нормы войны свидетельствовали о том, как постепенно отмирали первобытные обычаи, эти спутники родового строя, пережитки старых времён» (стр. 65). Новые передовые идеи античной Греции в свою очередь «создавали основы для последующих теорий римского права, а отсюда вели к образованию норм международного права современных европейских народов».

Истории древнего Рима посвящено интересное исследование проф. А. Б. Рановича об эдикте императора Каракаллы 212 г., сохранившемся в гиссенском папирусе. А. Б. Ранович сочетает текстологический анализ с историческим исследованием, имеющим целью показать значение документа для характеристики общей тенденции развития Римской империи. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства свидетельствует, как показывает А. Б. Ранович, путём всестороннего изучения документа, что в III веке принадлежность к римскому гражданству была уже обесценена. Эта реформа вызывалась потребностями «упорядочения громадного финансового хозяйства империи», развитием правовых норм, которые, отражая общественные изменения, в III веке имеют дело с частным собственником, а не с гражданами или негражданами; вызывалась эта реформа и рядом финансовых и политических соображений (стр. 72—73). А. Б. Ранович устанавливает, «что эдикт Каракаллы имел всеобщий характер, что он коснулся максимально возможного числа неграждан» (стр. 73). Поэтому отпадают предположения, идущие ещё от Моммзена, что египтяне были изъяты из-под действия эдикта. По мнению А. Б. Рановича, из-под действия декрета были изъяты «только небольшие группы недавно покорённых племён, варваров, поселённых на римской территории на положении *dediciti* и вольноотпущенников по *Lex Aalia Sentia* (стр. 76). Специально вопросу о дедитициях в эдикте Каракаллы посвящено небольшое исследование Е. М. Штаерман, содержащее интересные материалы надписей с Рейна и Дуная. Один из вопросов экономической истории античности рассматривает статья Я. А. Ленцмана о хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э. Автор выступает против переоценки в современной буржуазной историографии значения античной торговли; на примере острова Делоса он показывает, что не хлебная торговля, а торговля рабами в конце II и начале I г. подняла значение Делоса.

Отдел критики и библиографии продолжает главным образом разбор вышедших в 1940—1941 гг. советских изданий по истории древнего мира. К сожалению, в этом отделе отсутствует критический разбор многочисленных работ, вышедших за последние годы в Англии, Франции, США и других странах по вопросам древней истории.

Между тем одна из важнейших задач «Вестника древней истории» как раз состоит в том, чтобы вести борьбу с фальсификацией и тенденциозностью буржуазной историографии, зачастую извращающей историю древности в угоду реакционным политическим и социологическим теориям современности.

Не следует забывать, что на Западе в статьях и книгах публицистов, в трудах социологов и историков вопросы истории древнего мира занимают в настоящее время очень большое место. Проблема возникновения цивилизации из недр варварства, проблема основных этапов развития древних цивилизаций, вопрос о причинах падения древних цивилизаций—все эти вопросы волнуют зарубежную интеллигенцию, так как имеют непосредственное отношение к выяснению закономерностей прогрессивного развития че-

ловечества и вызывают поэтому поток книг, статей, брошюр.

Отдел хроники заполнен интересными археологическими материалами, а также отчётами о работе кафедр древней истории Московского, Ленинградского университетов и сектора древней истории Института истории АН СССР. Сравнение первого и второго томов журнала «Вестник древней истории» за 1946 г. показывает, что советская историческая наука о древнем мире в послевоенный период продолжает развиваться, ставя перед собой большие задачи. Неуклонно следуя путём, который сформулирован в передовой статье второго номера журнала, «Вестник древней истории» окажет существенное влияние на дальнейшее развитие одной из отраслей исторической науки в СССР.

Ю. Францов

G. E. HUBBARD. *British Far Eastern Policy*. New York. 1943. 97 p.

ХОБЕРД Г. *Британская дальневосточная политика*.

Рецензируемая книга представляет собой монографию о внешней политике Англии на Дальнем Востоке с 30-х годов прошлого века до наших дней.

Автор книги—секретарь дальневосточного научно-исследовательского отделения Корольского института по международным делам (Far Eastern Research secretary, Royal Institute of International Affairs), а издатель её—известный Институт тихоокеанских сношений (Institute of Pacific relations), находящийся в Нью-Йорке.

Из предисловия к книге мы узнаём, что она является частью серии, назначение которой «дать читателям беспристрастный и конструктивный анализ положения на Дальнем Востоке, тем самым освещая некоторым образом те вопросы, которые в будущем должны быть разрешены в этой зоне» (предисловие, стр. VIII).

Однако с самого начала следует сказать, что никакого «конструктивного» анализа в этой работе нет и под этим термином, видимо, подразумевается тот вывод автора, что колонии Англии на Тихом океане должны неизменно оставаться в её владении. Что же касается «беспристрастности» анализа, то вся ценность данного труда в том и состоит, что он является прекрасной иллюстрацией того, как преподносятся читателю факты и события в свете декларированной «беспристрастности» буржуазного исследователя, защищающего притом интересы британского империализма.

В самом начале работы автор сообщает, что политика Англии на Дальнем Востоке за весь более чем вековой период была направлена к тому, чтобы «бороться против возможности снижения жизненного уровня английского народа; обеспечить безопасность территориальных владений и коммуникаций Англии; сохранить мир не только на Дальнем Востоке, но и за его пределами; обеспечить политическую свободу, т. е. обладать доста-

точной силой для того, чтобы «защитить британскую концепцию свободы от опасностей, угрожающих со стороны антагонистических идеологий».

Из этих положений, утверждает автор, родились известные дипломатические «доктрины» английской политики. Из первого—доктрина «открытых дверей» в Китае, из второго—политика «равновесия сил», из третьего—«естественно» появилась политика «всемерной поддержки Англией Лиги наций». Что касается четвёртого пункта, то и он не остался бесплодным: из него родилась, правда, негативная, но очень существенная политика, заключающаяся в том, что Англия «отклоняла всякие попытки деличь мир на идеологические лагеря» (стр. 3—5).

Показав таким образом читателю свои исходные позиции в оценке английской политики, автор уверяет, что на указанных выше «принципах» и покоилась реальная политика Англии на Дальнем Востоке, в частности в Китае, «в независимости» которого Англия будто бы всегда была заинтересована (стр. 3—5).

Затем г-н Хоберд переходит к изложению фактов и событий с целью показать, «как эти принципы претворялись в политические действия» (стр. 6).

Почти сто лет истории английской политики (1834—1931) на Дальнем Востоке автор излагает на 30 страницах своего труда. Но этот малый размер главы не представляет для Хоберда никаких затруднений или неудобств. Приведённая выше схема английской политики избавляет его от труда изучать источники, сопоставлять их, анализировать факты и делать на этом основании выводы. Всё это излишне, так как у автора заранее имеются все выводы и ему остаётся лишь интерпретировать некоторые факты так, чтобы они подтверждали его выводы. Собственно, в своеобразной интерпретации

общеизвестных фактов и состоит работа автора.

Проследим за изложением Хоберда в хронологическом порядке.

Об опиумной войне, навязанной, как известно, Китаю англичанами в 1839 г., автор говорит: «Не подлежит сомнению, что торговля опиумом, ввозимым в Кантон из Индии, была с моральной стороны скандальной «историей». Но тут же он начинает «интерпретировать» факты. Оказывается, что виноваты во всём китайцы: они ввели закон о запрещении торговли опиумом, но не сумели провести его в жизнь (стр. 10—11). Несправедливым являлось поэтому применение данного закона по отношению к иностранцам. Вот эту несправедливость и не смогли стерпеть англичане и вынуждены были воевать против китайцев. «Нет поэтому никаких оправданий для часто повторяемого обвинения, что англо-китайские войны возникли из-за стремления Великобритании навязать Китаю опиум!» — восклицает автор. При этом он ни словом не упоминает о решительной борьбе в Кантоне специального комиссара Лин Цзесюя за проведение антиопиумного закона и о прозокационных действиях капитана Элиота, который вынужден был согласиться на сдачу 20 тысяч с лишним ящиков контрабандного опиума китайским властям лишь после всеобщего бойкота, организованного китайцами против англичан¹. По Хоберду, англичане вели войну из-за того, «что было необходимо положить конец невыносимым ограничениям свободы торговли и свободы отдельных купцов, а также, чтобы обязать Китай принять британский стандарт международных отношений», — коротко, чтобы «открыть двери Китая» (стр. 11).

Так разделался раз и навсегда автор с «несправедливыми» обвинениями Англии и произвёл постыдную опиумную войну в справедливую войну англичан за «сохранение жизненного уровня английского народа».

Перейдя к международным отношениям на Дальнем Востоке в конце XIX века и отметив, что «Дальний Восток после японо-китайской войны стал на десятилетия мировым центром высокой политики», автор почти с прискорбием признаёт, что «Великобритания была вовлечена, хотела она этого или нет, в международную борьбу за территориальные владения и специальные «сферы влияния» (стр. 19). Этот «вынужденный» шаг Англии привёл к «поразительному изменению в английской политике, правла, временному, заключающемуся в ослаблении политики защиты целостности Китая» (стр. 20). Так примиряет «беспристрастный анализ» Хоберда вопиющее противоречие между английской политикой, как она изображена автором в декларативной части, и историческими фактами.

Но чем дальше, тем больше приходится автору объяснять, почему Англия «отступала» от декларированной автором политики.

Известное 21 требование, предъявленное Китаю Японией в 1915 г., выражало, как известно, стремление последней превратить Китай в свой протекторат. Согласно англо-японскому союзному договору от 1911 г., Япония должна была консультироваться с Англией в своих действиях по отношению к Китаю (стр. 1). Она этого не сделала и тогда, когда «министр иностранных дел лорд Грей немедленно передал меморандум японскому посланнику, напомнив, что это угрожает независимости и целостности Китая» (стр. 31). «Но,—продолжает автор,—опасность войны между Японией и Китаем была фактически предотвращена принятием Китаем японского ультиматума... После того как более сильно действующие мероприятия Японии по отношению к Китаю были успешно устранены, Англия, занятая войной с Германией, воздержалась от принятия дальнейших репрессивных (!) шагов» (стр. 31).

Но как же с политикой Англии, якобы защищавшей «независимость и целостность Китая»? Из приведённых выше цитат читатель должен сделать тот вывод, что Китаю угрожала в то время ещё большая опасность, чем 21 требование, и что всем союзникам угрожала опасность войны между Японией и Китаем. Но так как всего этого не случилось, то и Англии незачем было дальше вмешиваться, хотя Япония нарушила союзный договор, предъявив Китаю 21 требование. Словом, не Англия проводила политику, противоречащую её декларациям, а самые обстоятельства делали нецелесообразным, чтобы Англия следовала в данном случае её постоянной политике «защиты целостности и независимости Китая». Таков «беспристрастный анализ» нашего автора!

Говоря о политике английского правительства на Дальнем Востоке в период с 1919 до 1931 г., автор старается доказать, что «доминирующей целью её являлась стабильность». «Времена британского «экспансионизма» и «империализма», т. е. насильственного «открытия дверей», окончательно ушли в прошлое», — заявляет автор. Он утверждает, что теперь Англии «ничто не было так необходимо, как объединённый, мирный и процветающий Китай» (стр. 32). После этого автор излагает кратко расстановку сил на Тихом океане после поражения Германии и останавливается на конкретной политике Англии. Эта политика могла идти дальше, рассуждает Хоберд, либо по пути двойственного союза — Англии — Японии — либо по пути многостороннего соглашения, преследующего цель сохранения стабильности на Тихом океане. Автор излагает выгоды для Англии от каждой из этих альтернатив. Америко-японские противоречия заставляют Англию делать выборы, она вступает на путь многостороннего соглашения и фактически аннулирует англо-японский договор.

Вряд ли необходимо пространно доказывать всю необоснованность объяснения автором политики Англии по отношению к Китаю в период Вашингтонской конференции. Протоколы Вашингтонской конференции свидетельствуют о том, что главной заботой английской делегации являлось сохранение

¹ См. Mac Naig «Modern Chinese history selected reading», p. 109—111; Li Ung-hing «Outlines of Chinese history», p. 491—495.

существовавшего статута Китая как полуколониальной страны в системе международных отношений. Это, впрочем, было заботой и других империалистических государств. Общеизвестно также, что временной стабильности на Тихом океане державы добились главным образом за счёт интересов Китая.

Характерно, что, разбирая все факторы, которые должны были служить стабилизации на Тихом океане, автор и в 1943 г. не хочет видеть одной из важнейших черт вашингтонской системы—игнорирования державами интересов России, их стремления решать дальневосточные вопросы в ущерб и против СССР.

После Вашингтонской конференции политика Англии в союзе с США была политикой дальнейшего вмешательства во внутренние дела Китая на стороне китайской реакции: поддержка милитаристских клик, угрозы правительству Сун Ят-сена на юге Китая, фактический отказ от проведения некоторых решений Вашингтонской конференции о таможенных тарифах и экстерриториальности— всё это слишком хорошо известно, чтобы можно было об этих фактах просто умолчать, не пытаясь как-то объяснить их происхождение и внутреннюю связь.

Но автор выбрал именно этот путь, освобождая себя от обязанностей исследователя и ограничиваясь констатацией факта, что «пакт 9-ти не оправдал себя в отношении надежд Англии на умиротворение Китая и установление между ним и Англией хороших отношений» (стр. 35).

Эта констатация позволяет автору перешагнуть через «трудно интерпретируемый», как ему кажется, этап английской политики в Китае в годы революции (1925—1927).

Известно, что антибританское острие на первом этапе китайской революции было вызвано тем, что расстрелы китайских студентов и рабочих в Шанхае, Шамине, Ханькоу и других городах Китая производились под руководством англичан. Бойкот англичан, начавшийся в Кантоне и распространившийся по всей стране, нанёс, как известно, большой ущерб английской торговле и угрожал подорвать основы английских экономических интересов в Китае. Во время Северного похода, когда была разгромлена значительная часть реакционных сил, в частности силы чжилийских милитаристов во главе с У Пей-фу, которые являлись опорой и орудием английского империализма в Китае, английскому правительству пришлось искать путей для выхода из опасного положения. Это тем более было необходимо, что Япония и США, солидарные с Англией в вопросе о подавлении национально-освободительного движения в Китае, не преминули воспользоваться антибританским бойкотом, чтобы вытеснить Англию с китайских рынков.

18 декабря 1926 г., когда национально-революционные войска уже находились на подступах к главной базе иностранного влияния в Китае—Шанхаю, Остин Чемберлен выступил с меморандумом, призывая державы пересмотреть неравноправные договоры с Китаем. Элементарная логика говорит о том, что это был вынужденный ходом антиимпе-

риалистической революции в Китае маневр. Не приходило же в голову Чемберлену или другому государственному деятелю Англии, скажем, во время Парижской или Вашингтонской конференции, в малейшей мере отступить от своих привилегий в Китае, вытекавших из этих неравноправных договоров. Да и после Вашингтонского соглашения Англия была той страной, которая с наибольшим рвением охраняла силой эти договоры. Упомянутые выше расстрелы китайцев были произведены англичанами в 1925 и 1926 гг. во имя защиты этих неравноправных договоров.

Вопреки всем этим фактам и элементарной логике Хоберд заявляет, что он солидаризируется с другим английским автором² в том, что «эта новая политика была справедливо описана как «триумф просвещённого здравого смысла» (стр. 36).

О дальнейших шагах английского правительства в связи с меморандумом Чемберлена автор предпочитает не распространяться. Зато он спешит рассказать о том, что Англия «взяла руководство в деле признания гоминдановского правительства, предоставления Китаю таможенной автономии, ведения переговоров о ранней (!) отмене экстерриториальности и в то же время передала назад Китаю управление британских концессий в Ханькоу и Цзю-Цзяне». В этом повествовании об английской политике не хвагает лишь правильной причинной связи между событиями и некоторыми дополнительными фактами. Признанию гоминдановского правительства предшествовал обстрел Нанкина со стороны английских и американских судов и оказание помощи антигоминдановскому генералу Сунь Чань-фану. Что касается таможенной автономии, то само китайское правительство взводило его де факто, опираясь на достижения революции в борьбе против империалистов и, в частности, против англичан. Право экстерриториальности было отменено в Китае лишь в 1943 г., т. е. через 17 лет после выступления Чемберлена, в условиях антияпонской войны, когда Китай стал союзником Англии и США.

Замечательно в этом «повествовании» также выраженное без лишней аффектации сообщение о том, что англичане вернули Китаю концессии в Ханькоу и Цзю-Цзяне. Автор очень скуп на объяснения. Он считает излишним, повидимому, сказать, что ещё с января 1927 г. эти концессии были заняты революционными массами, которые передали их китайскому правительству, а англичанам пришлось лишь оформить акт этой передачи. Автор считает, очевидно, большой добродетелью англичан, что они не применили силы, чтобы захватить назад эти концессии. Но в данном случае как раз и действовал так называемый английский «здоровый смысл», который подсказывал английскому правительству, что в данной обстановке лучше идти по пути соглашения, нежели конфликта. Этот шаг ничего общего не имеет с якобы добровольно избранной англичанами поли-

² Teichman E. «Affairs of China», p. 49. London. Methuan. 1938.

тикой, направленной к устранению неравноправных договоров с Китаем.

Подытожив конец первого периода английской политики на Дальнем Востоке (1922—1931) как этап «либеральной и передовой политики, начавшейся в 1926 г.» (стр. 36), автор открывает страницы второго периода (1931—1945) словами: «Начиная с 1931 г. британская политика представляла собой всё возрастающую реакцию против вызывающей политики японцев в Восточной Азии».

Выдвинув такое положение, автор пытается в то же время обосновать его с фактической стороны. Здесь мы снова встречаемся с тем же методом и способом аргументации, который применялся при рассмотрении первого периода. Нет необходимости поэтому останавливаться на всех значительных событиях, которые «интерпретируются» автором.

Достаточно коснуться того, как реагировало английское правительство на внезапное нападение японских империалистов на Маньчжурию в сентябре 1931 года. В том, что это был «случай вызова» со стороны Японии, Хоберд не сомневается. Он считает, что было три возможных пути для реакции со стороны Англии: «1) купить себе иммунитет от влияния японской агрессии, став на путь безразличия и не пытаясь рассеять агрессию; 2) ринуться в активную оппозицию, применяя угрожающие меры, подкреплённые соответствующими приготовлениями, рассчитанными на возможность войны; 3) применить общую политику удерживания японцев тогда и там, где это возможно, без того, чтобы вызвать вооружённое столкновение и вместе с тем сурово (!) разбирать проблемы японской агрессии по мере их возникновения» (стр. 38). Первый и второй варианты по разным причинам (достоинство, с одной стороны, и осторожность — с другой) английское правительство отвергло. Остаётся выбрать третий путь и «вместе с тем поддерживать китайское правительство, стремясь добиться соглашения между Китаем и Японией» (стр. 38). Автор говорит: «Это был средний и разумный путь между интервенцией и бездействием». Таким образом, английская политика содействия японским агрессорам — начиная с обсуждения маньчжурского вопроса в Лиге наций в сентябре 1931 г. и кончая договором Арнта—Крейги в августе 1939 г., так напоминавшая мюнхенскую политику Чемберлена в отношении гитлеровской Германии, — изображена автором в 1943 г. как единственно разумная.

В обоснование этого положения автор весьма сложно излагает тогдашнюю ситуацию в Лиге наций, придя к выводу, что руки Англии не были свободны в её действиях против японцев, так как... англичанам пришлось считаться с принципом коллективности по отношению к другим членам Лиги, а с другой стороны, самостоятельные действия Англии могли привести к вооружённому конфликту с Японией, и тогда Англия оказалась бы одна лицом к лицу с противником (стр. 40).

В этой связи автор оправдывает ответ английского правительства на меморандум Стимсона от 7 января 1931 года. Известно, что США предложили тогда другим державам присоединиться к заявлению, что «приобретения» Японии в Маньчжурии в результате агрессии не будут признаны. Известно также, что английское правительство ответило на это предложение 11 января, заявив, что оно удовлетворено декларациями японского правительства от 19 и 28 октября 1931 г. о поддержке «открытых дверей» в Маньчжурии и просит лишь японцев ещё раз подтвердить эти заявления. Комментируя в тот же день это комюнике английского правительства, «Таймс» заявлял, что «не дело Англии защищать целостность Китая. Эта целостность не существовала в 1912 г., не существует она и сегодня». Японское правительство 16 января в своём ответе американцам повторило примерно то же, что лондонский «Таймс», ссылаясь на «смуту и беспорядок в Китае». Известно также, что непосредственно после срыва этого американского предложения — об общем дипломатическом выступлении против японской агрессии в Маньчжурии — японские милитаристы напали на Шанхай.

Дальнейшее развитие событий на Дальнем Востоке и обсуждение в Лиге наций доклада комиссии Литтона снова иллюстрировали политику умиротворения по отношению к агрессору со стороны Англии, которая, как известно, вместе с Францией определяла политику Лиги. Достаточно лишь напомнить о речи Джона Саймона в Ассамблее Лиги наций по докладу комиссии Литтона.

Нет необходимости следовать за дальнейшим развитием событий на Дальнем Востоке в 30-х годах. Необходимо лишь отметить, что в отношении Китая английская политика в эти годы сводилась в основном к обескураживанию тех элементов в правящих кругах Китая, которые намеревались сопротивляться японцам. Политика английских консерваторов исходила из того, что Китай не в состоянии сопротивляться японцам и что целесообразно поэтому договариваться за его счёт с последними.

Именно эту политику сговора с японцами автор трактует как политику, направленную на примирение Японии с Китаем.

Автор придаёт большое значение миссии Лейт—Росса, которая содействовала нанкинскому правительству в деле стабилизации китайского доллара в ноябре 1935 года. Г-н Хоберд рекламирует эту помощь Китаю и стремится трактовать её как результат общей дальневосточной политики английского правительства. Но аргументация автора не подтверждается фактическими данными, так как он не освещает сложившуюся тогда обстановку в Китае. На самом деле Англия пришла на помощь Нанкину в данном вопросе не потому, что это будто бы диктовалось её линией в японо-китайском конфликте, а потому, что летом и осенью 1935 г. японцы, поощряемые уступчивой политикой держав и главным образом Англии, пытались оторвать от Китая пять северных провинций, где лежали основные интересы Ан-

глин, и взорвали тогда же всю таможенную систему в Северном Китае, что снова ударяло по интересам Англии. В этих условиях англичане и предприняли некоторые контрмеры против японцев путём экономической помощи китайцам. Из этой необходимости Хоберд стремится сделать добродетель.

Что мероприятия миссии Лейт—Росса были конъюнктурными, продиктованными обстановкой 1935 г., становится совершенно очевидным в свете дальнейшей политики Англии. Можно прямо сказать, что политика умиротворения японского агрессора лежала в основе английской политики вплоть до лета 1940 года. Наиболее ярким её проявлением было соглашение Арита—Крейги 24 июля 1939 г., когда англичане официально признали «фактически сложившееся положение вещей в Китае» и также признали «специальные нужды японских военных сил в Китае в смысле их безопасности и поддержания общественного порядка в районах под их контролем»; в связи с этим английское правительство заявляло, что «не предпримет никаких мер против этих нужд Японии» (стр. 57). Если иметь в виду, что ещё в 1938 г. англичане передали японцам таможи в Шанхае и Тянь-Цзине, чем помогли агрессору в финансовом отношении и подкрепили его престиж на Дальнем Востоке в то время, когда правительство принца Коноэ уже открыто декларировало о намерении Японии ввести «новый порядок» в Восточной Азии, то станет ясно, как далеко зашла политика потворствования агрессору со стороны Англии.

В оправдание этой мюнхенской политики на Дальнем Востоке у автора имеется один аргумент: Англия не хотела оказаться изолированной. При этом автор ни словом не упоминает о том, что политическому курсу умиротворения и потворствования агрессору, проводившемуся Англией и Францией как в

Европе, так и на Дальнем Востоке, была противопоставлена идея коллективной безопасности, коллективного сопротивления демократических государств странам оси. Как известно, Советский Союз был автором этой идеи и энергично её проповедывал и защищал. Но капиталистические державы, и раньше всего Англия, противодействовали ей. Всем известно, к чему это привело. Однако автор рецензируемого труда несколько не учитывает эту проверку английской политики в свете дальнейших событий и продолжает её оправдывать с позиций, уже однажды приведших к катастрофе. История и в данном случае не учит английского историка.

Приведёнными нами примерами из истории английской политики на Дальнем Востоке, как они изображены автором, можно бы, пожалуй, ограничиться. Ничего принципиально нового нет в его освещении английской политики по отношению к Японии и Китаю в связи с прекращением движения на Бирманской дороге в 1940 г. и, наконец, в связи с аннулированием неравноправных договоров между Англией и Китаем в январе 1943 года. Автор стремится доказать, что английская политика на всём протяжении векового периода—от Пальмерстона до Черчилля—руководствовалась на Дальнем Востоке одними и теми же мотивами и преследовала одни и те же цели. Этот вывод не является чем-то неожиданным для нашего читателя и вполне соответствует его представлению о «преемственности» внешней политики английского империализма. Эта «преемственность» наглядно иллюстрируется в наши дни в Греции, Египте, Иране, Индонезии и Индии.

Рецензируемая книга в этом отношении помогает лучше понять внешнюю политику английского империализма.

Проф. Г. Войтинский

HEARNSCHAW F. I. C. *Germany the aggressor throughout the ages.*
New York, Damon Co. 1942. 288 p.

ХИРНШОУ Ф. И. *Германия — агрессор на протяжении веков.*

Ф. Хирншоу, заслуженный профессор Лондонского университета и член Британской академии наук, задался целью показать, с помощью общего очерка истории Германии, жестокий, агрессивный и воинственный характер германского народа на протяжении всех веков его существования. Начиная от вторжения германских племён в пределы Римской империи и кончая войнами новейшего времени, утверждает он, грабежи, насилия, коварство являлись характерными признаками всего германского народа. «Через всю историю, обзор которой даётся на предыдущих страницах,— читаем мы в заключительной главе,— проходит одна характерная черта. Это история всегда воинственного, всегда агрессивного народа... Это также история народа,

раздираемого непрерывными междоусобиями, не знающего единства, лишённого политического разума, склонного к преступному насилию и беспредельному предательству, народа, являющегося постоянным источником беспокойства в самом сердце Европы. Это, наконец, история народа, который, несмотря на занимаемую им центральную позицию, остался изолированным и отчуждённым от сообщества христианских наций (Commonwealth of Christendom). Обращённый в религию креста поздно и недостаточно, он остался в основном языческим». Немцы, утверждает автор далее, правда, обнаружили замечательные способности. «Их могучий, хотя и узкий ум дал им возможность сделать значительный вклад в область абстрактных знаний... однако все эти

дары были prostituiрованы для эгоистических и недостойных целей» (стр. 271—272).

«Имеется ли у немецкого народа некая неискоренимая черта агрессивности, делающая его вечной угрозой для мира в Европе?» На этот вопрос, поставленный на суперобложке книги, автор даёт, как видно из приведённой цитаты, утвердительный ответ. Уже из этой общей установки достаточно ясен характер книги. Мы имеем здесь дело с попыткой исторического обоснования того направления в нынешней буржуазной политике, которое враждебно даже антифашистским, демократическим силам немецкого народа и которое в Англии, по имени его выразителя лорда Ванситтарта, получило название ванситтартизма. Реакционная сущность этого направления, достаточно ясно раскрытая в статье А. Борисова «Ванситтартизм без маски»¹, не нуждается в дополнительных разъяснениях. Но поскольку литературная критика в англо-саксонских странах оценивает книгу Хирншоу не как «пропагандистскую работу», а как «произведение объективной науки», по словам обозревателя «The New York Times Book Review», необходимо посмотреть, как обстоит дело с её научным фундаментом.

Автор даёт краткий обзор всех войн, в которых раскрывается отмечаемая им особенность немецкого народа. Но у читателя с первых же страниц возникает законное сомнение в необходимости начинать с «ранних племенных войн». Древние германцы вели эти войны так же, как и все другие варвары, а попытки английского историка объяснить их вторжение в пределы империи «перенаселением и стремлением расширить своё жизненное пространство» (стр. 23) являются явной модернизацией. Очевидно, эта глава понадобилась Хирншоу для того, чтобы доказать извечный, биологический характер агрессивности современных немцев. Здесь автор нечувствительно становится на расистские позиции того самого гитлеризма, с которым он намерен бороться.

Но последуем за ним далее. История образования варварских (по автору, «германских») королевств на территории Западной Римской империи рассказана в объёме школьного учебника, но с некоторыми замечаниями, напоминающими о том, что эта книга предназначена не для детей. Карл Великий для Хирншоу — воплощение немецкой агрессивности и чисто немецкой манеры навязывать идеологию с помощью меча («странная и плачевная комбинация религии и войны» в политике Карла).

Стремление франкского короля достигнуть мирового могущества повело к «самому катастрофическому упадку». Раздел империи Карла Великого почти совпал с «наиболее страшной германской агрессией в цивилизованную и христианскую Европу» — с набегами викингов. Перебирая все высказанные историками соображения о причинах этих вторжений, автор формулирует свою «теорию». «Наиболее вероятная и важная причина», по его мнению, — это... религия. Оказывается, викинги, в качестве почитате-

лей Одина и Тора, ненавидели христиан! Отсюда особенно жестокое разорение ими церквей и монастырей (стр. 57). Мы можем поздравить профессора Хирншоу с этим замечательным открытием.

Характерно, что автор в последующем изложении, касаясь войн XI—XV вв., почти ничего не говорит о германском *Draug nach Osten*, о завоеваниях, грабежах и насилиях немецких «неоврыцарей» на землях славянского Востока. Таким образом, деятельность германских королей, начиная от Генриха I и Оттона I и их разбойничьих маркграфов, совершенно выпала из поля его зрения. Остались только Тевтонский орден, кровавая колонизаторская политика которого представлена очень бледно, и Ганза, которая не нравится автору главным образом потому, что она претендовала на торговую монополию.

В главе, посвящённой Тридцатилетней войне (где, несмотря на беглость изложения, всё же следовало бы избежать неточностей и фактических ошибок), мы находим мысль, которой автор, очевидно, придаёт большое значение, так как повторяет её и в заключении. Он отмечает тот общеизвестный факт, что в то время как Франция, Англия и другие страны Европы превратились в централизованные национальные государства, объединение Германии в результате войн XVI и XVII вв. было отсрочено на три столетия. «Поэтому современная Германия проходит теперь тот этап политического развития, в котором находились Англия, Франция и Испания в начале XVI века (!). Германия обнаруживает те же качества воинственности, вероломства, эгоизма и агрессивности, то же стремление к господству и к созданию империи, какими отличались другие западные нации четыреста лет тому назад (!). Гитлер с его приёмами международного преступника в политическом и нравственном отношении является современником Цезаря Борджиа, Макиавелли, Каструччо Кастракани и Людовика Сфорца (!). Но, к несчастью, немцы имеют за собою армии, в сотни раз более крупные, чем войска тиранов XVI в., и они снабжены в тысячи раз более смертоносным оружием» (стр. 84). Этой мысли нельзя отказать в оригинальности, что, впрочем, не говорит об её основательности.

Автор впадает в явное противоречие с самим собой. Если вместе с ним признать немцев, так сказать, исконными агрессорами, то нельзя в то же время искать источника этой агрессивности в исторических условиях развития Германии начиная с XVI века. Только прочитав около половины книги, мы узнаём, что все нации до создания своего территориального и политического единства отличались теми же свойствами, что и немцы. Но в таком случае, для чего автору понадобилось начинать с кимбров и тевтонов II в. до нашей эры?

Дело, конечно, не только в этом противоречии. Порочной особенностью как этого, так и всех других рассуждений автора является его отношение к немецкому народу как некоторому историческому субъ-

¹ «Новое время» № 17 за 1946 год.

екту, обладающему единой мыслью и волей. О классовой структуре немецкого общества и классовой борьбе, о политике господствующих слоёв и об отношении к ней угнетённой массы, о передовых людях немецкого народа автор ничего не знает и знать не хочет. Стремясь уверить своих читателей, что французские, английские или испанские феодалы, а затем и соответствующие буржуазные правительства, после достижения национального единства, перестали, в отличие от немцев, прибегать к макиавеллизму в своей внешней политике, Хирншоу наивно и грубо извращает историю.

Особенно ярко выступает вся пенаучность и лживость построения книги в разделах, относящихся к новейшему времени. Хирншоу правильно отмечает реакционный характер национального объединения Германии прусским государством, воинственно-разбойничий характер которого показан более или менее отчётливо. Но совершенно неслепая его мысль, что судьбы Германии сложились бы гораздо счастливее, если бы объединительным центром империи сделался не Берлин, а Вена. Хирншоу чуть ли не проливает слёзы по поводу того печального обстоятельства, что Габсбурги, увлекшись захватами славянских, венгерских и итальянских земель, тем самым лишили себя возможности стать во главе немецкого национально-объединительного движения. Сопоставление в связи с этим красивой и элегантной Вены с «плоским и бледным» Берлином (пустяковыми разглагольствованиями на эту тему заполнены целые страницы) выглядит совсем комично.

Весьма слабо и односторонне изложены причины первой мировой войны. Автором замалчивается её империалистический характер с обеих сторон. Всё дело сводится к воинственному пруссачеству, воплощённому в личности кайзера, к жажде новых колониальных захватов и к влиянию на немецкий народ учёных типа Трейчке. О роли нашей великой революции в крушении импе-

рии Вильгельма II не сказано ни слова. Революция 1918 г. в Германии обрисована такими чертами, которые с полной очевидностью выявляют глубокую реакционность автора (см., например, «бешеные орды (немецких) коммунистов, субсидируемых русскими большевиками» (стр. 260), и ряд вздорных выпадов против советского правительства во многих других местах). Немногим лучше изложены предпосылки второй мировой войны. Хирншоу очень хорошо показывает, как германское правительство, шантажируя страны-победительницы после 1920 г. опасностью большевизации Германии, избавилось таким путём от уплаты репараций. Но политику французских реакционеров и английских твердолобых, облегчившую этот шантаж и приведшую к упрочению Гитлера, а затем к Мюнхенскому сговору, он называет просто «глупой». Вряд ли даже английский читатель согласился бы в 1942 г. с такой оценкой. Эту политику можно было бы с большим правом назвать преступной. Но Хирншоу явно не расположен так квалифицировать деятельность Чемберлена и ему подобных. Он сам явно принадлежит к общему с ними лагерю английского империализма. Гораздо легче и проще назвать немцев «бандитской нацией» (стр. 246), стоящей к тому же на уровне XVI столетия, чем попытаться объяснить, каким образом удалось Гитлеру вооружиться за счёт англо-американских займов.

Если к сказанному присоединить недоброжелательные выпады против русской политики в период наполеоновских войн и против политики СССР, то станет предельно ясной политическая направленность автора. Он осуждает гитлеризм не с демократических позиций, а с позиций английского империализма. Отсюда его открытая германофобия и плохо скрытая руссофобия. Что же касается «объективной науки», то к ней данная книга не имеет отношения.

Проф. О. Вайнштейн

ALLEN BOWMAN. *The morale of the American Revolutionary Army.* American Council on Public Affairs, Washington, 1942. 160 p.

БОУМАН А. *Моральное состояние американской революционной армии.*

Книга американского профессора Аллена Боумана посвящена выяснению различных сторон политико-морального состояния революционной армии Вашингтона в период войны за независимость (1776—1782). Уже самая постановка такой проблемы является чрезвычайно ценным вкладом в историографию этой эпохи.

Книге предпослано предисловие профессора Артура Попа председателя «Комитета национальной морали», являющегося в США неким подобием министерства пропаганды прочих буржуазных стран. Автор предисловия подчёркивает ак-

туально-политическое значение книги Боумана, прежде всего в связи с уроками о первостепенной важности морального фактора в ходе первой и второй мировых войн. Под несомненным гнётом реминисценций Дюнкерка и Пирл-Харбора автор предисловия говорит о повторном возникновении в дни второй мировой войны целого ряда проблем морального состояния фронта и тыла и проводит аналогию между паническим страхом первых американских волонтеров перед британскими королевскими наемниками, с одной стороны, и мифом о непобедимости гитлеровской армии—с другой. В свете обще-

известного подъёма милитаризма в США заслуживает внимания призыв автора предисловия к детальному изучению методов морального воздействия на армию и народные массы.

Помимо постановки новых проблемы ценность книги Боумана в её обильной насыщенности доселе мало известными подробностями об американской буржуазно-демократической революции. Автор начинает свой анализ с физических факторов морального состояния повстанческих войск. Состав последних был не вполне удовлетворителен: армия была до известной степени засорена иностранными авантюристами и преступными элементами, нередко переходившими к врагу; губительно сказывалась система краткосрочного рекрутирования. Неудовлетворительно было поставлено и снабжение: угроза голода неотступно преследовала повстанцев, в их рядах свирепствовали эпидемические заболевания, солдаты спяли и рядом были разуты и раздеты, на севере и у Велли-Форжа они оставляли за собой кровавый след на снегу от отмороженных ног (стр. 19). Выплата жалования в связи с ростом инфляции всё более расстраивалась.

Под рубрикой психологических факторов автор объединяет, надо сказать, совершенно неправомерно, такие разные вещи, как провинциализм повстанцев и возмущающую дисциплину, поведение на поле боя и преданность демократическим идеалам. Антагонизм между штатами, нежелание сражаться вдали от дома действительно отрицательно сказывались на моральном состоянии армии. Характерно, что Вашингтон даже в 1780 г. не был ещё уверен в том, сколько у него армий: одна или тринадцать (по числу штатов) (стр. 29).

Общезвестно отсутствие, особенно на первых порах, достаточной дисциплины в рядах повстанцев. Один из сподвижников Вашингтона, прусский офицер Штойбен, в своих мемуарах писал: «В Европе офицер говорит подчинённому, чтобы он сделал то-то, и он делает. В Америке нужно сказать: вот причины, по которым вы должны сделать то-то, только тогда это будет сделано» (стр. 30).

На уровень дисциплины, на моральное состояние войск чрезвычайно отрицательно влияло равнодушное, а подчас и прямо враждебное отношение лоялистски настроенного американского населения. Война за независимость была в значительной степени гражданской войной, и в упрёк автору следует отметить то, что он совершенно игнорирует классовую обусловленность мнений в войсках, а также столкновений генералов, чьи соединения формировались рекрутами, главным образом из фермеров и горстских низов, с гражданскими властями, зачастую защищавшими স্বокористные интересы земельной и денежной аристократии.

Стойкость американцев на поле боя в первые годы войны нередко парализовалась их убеждением в превосходстве английских солдат-профессионалов (стр. 39). Последние, правда, уступали в меткости стрельбы, но американцы долго не могли изучиться шты-

ковому бою (стр. 39). К сожалению, автор не выясняет связи между этим отсутствием боевой выучки на прусский манер и выработкой повстанцами той новой тактики рассынного строя, которая впоследствии была перенесена на европейские поля сражений и на которую неоднократно обращал внимание Энгельс.

Моральное состояние американской армии колебалось и под влиянием таких факторов, как ход военных операций и внешнеполитическая обстановка. Первые известия о помощи со стороны Франции вызвали всеобщее ликование (стр. 51). Общий упадок духа в результате первых неудач войны и краха надежд на быстрое её окончание—накануне принятия Декларации независимости (стр. 50), отчаяние солдат при оставлении ими Нью-Йорка являлись критическими моментами в настроении армии (стр. 53). В этой связи выдвигаются вырисовываются железная воля и государственный ум Джорджа Вашингтона.

Бичом американской армии были самовольные отлучки из частей и дезертирство. Злоупотребление отпусками и отставание на марше в целях мародёрства также имели место (стр. 64, 67). На основе подсчётов, впрочем, весьма случайного характера, автор приходит к явно преувеличенному выводу, что из состава регулярных войск в целом дезертировало около одной трети, а из состава милиции— и вся половина личного состава (стр. 70—72). Справедливо указывая на недостаточную борьбу с этими явлениями, автор видит причины дезертирства главным образом в неудовлетворительном комплектовании войск, а также в лишениях и трудностях походной жизни. С этим, разумеется, нельзя согласиться: общезвестна классовая политическая природа дезертирства из революционных армий.

С другой стороны, в свете этих новых и подтверждённых документальными данными фактов о дезертирстве из революционной армии, нуждается в частичном коррективе известное высказывание Энгельса об армии Вашингтона. Повстанцы, писал Энгельс, «не учились маршировать, но прекрасно стреляли из своих винтовок, сражались за своё собственное дело, а потому не дезертировали, как наёмные солдаты, и к тому же не имели любезности выстраиваться линиями и вступать в бой с англичанами в открытых местностях, но, наоборот, нападали на них в лесах, рассынаясь мелкими подвижными отрядами стрелков... Изменившийся состав войска вызвал новый способ войны—рассынный стрелковый строй»¹.

И, тем не менее, совершенно очевидна работа Энгельса по существу. Само исследование Боумана—яркое тому доказательство. Действительно, если состояние революционной армии было таким печальным, как это вытекает из большей части материалов рецензируемой книги, то почему же победили и победители, в конце концов, повстанцы, а не английские королевские войска? Ответ на это в известной мере даёт сам ав-

¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 120. М. 1932.

тор. Главными особенностями морального состояния повстанцев и он, вслед за Энгельсом, считает их стойкость, их героизм, их преданность защищаемому делу. Автор не указывает корней, истоков героизма повстанцев. Между тем нельзя не видеть эти истоки в том, что армия Вашингтона сражалась за свободу и независимость своей родины, за «прирожденные неотчуждаемые права человека», за конституцию, не зависящую от произвола коррумпированного британского парламента, за торжество идей гражданской свободы, провозглашённых в пламенных памфлетах Томаса Пена и речах Джефферсона, за идеалы революционной буржуазии, бывшие в XVIII в. идеалами всего прогрессивного человечества.

К сожалению, автор занят по преимуществу выяснением отрицательных явлений в армии Вашингтона; по его словам, он хочет избежать упреков в национальном самолюбии. Поэтому конкретных примеров героизма в книге Боумана почти нет. Автор ограничивается тем, что приводит ряд высказываний участников войны. По единоголосному мнению Вашингтона и его генералов, в частности Лафайета и Штойбена, ни одна армия в мире не могла бы выдержать испытаний, подобных тем, которые выпали на долю американцев (стр. 59—61). Один из журналов того времени сохранил изображение оборванного новобранца с подписью: «Хоть он и бос, он пробивается сквозь грязь и стужу, с песней на устах, прославляющей войну и Вашингтона» (стр. 58).

В одном из последних приказов по армии, в ноябре 1783 г., Вашингтон писал: «Несравненная стойкость войск Соединённых Штатов перед лицом всех страданий и неудач, какие только можно себе представить, на протяжении восьми долгих лет была близка к подлинному чуду» (стр. 61).

Средствами воздействия на моральное состояние солдат были устные обращения и беседы офицеров и генералов, читка приказов и газет, празднества и торжества, отпуски и денежные премии (ордена появились лишь в последние месяцы войны). Большое значение имели военные песни и музыка, а также введение знамен: национального, штатов и воинских соединений (стр. 94). Чрезвычайно важными кажутся автору религиозные службы и проповеди, равно как и пропаганда, знакомящая солдат с зверствами противника. Сообщение о каждом случае жестокости со стороны англичан оказывало такое стимулирующее воздействие на солдат,

что американские офицеры искренно ола-сались, как бы противник не проявил великодушия (стр. 100). Главным средством воздействия на солдат автор считает личный пример и общение с ними лучших командиров и прежде всего самого Вашингтона.

Следует отметить, что непонимание движущих сил истории и, быть может, симпатии современного американского буржуа к сильной военной власти приводят авторов к преувеличению роли Вашингтона и его генералов не только в деле поддержания боевого духа войск (стр. 102), но и в исходе всей войны за независимость. Без Вашингтона, по мнению автора, дух армии пришёл бы в совершенный упадок и дело революции было бы проиграно (стр. 104).

В общем книга Аллева Боумана проливает свет на интереснейшую проблему новой истории США. Ещё более выигрывает она от живости изложения и документальной обоснованности. Однако с точки зрения методологической книга совершенно не удовлетворяет советского читателя. Автор, как уже было сказано, игнорирует социально-политическую обусловленность морального состояния и боевого духа революционной армии; связь воинского героизма с борьбой за экономическую и политическую независимость, за республику, т. е. с классовой борьбой в её национальной форме, связь отрицательных качеств армии—мятежей и дезертирства—с борьбой не только между «революционистами»-вигами и «лоялистами»-торнями, но и с борьбой внутри самого революционного лагеря, в котором отдельные штаты, т. е. преобладавшие в них плантаторы, фермеры, промышленники или купцы, отстаивали свои более узкие интересы.

В глазах советского читателя армия Вашингтона—вовсе не одинокое, исторически строго индивидуальное явление. Всякий раз, когда передовая нация, передовой класс брались за оружие, мир становился свидетелем невиданного до тех пор героизма. Сан-кюлоты Сен-Жюста и Карно, освободители негров—солдаты Гранта и Шермана, участники обороны Царицына и штурма Перекопа, бойцы китайской красной армии и республиканской Испании, участники Отечественной войны 1941—1945 гг.—таковы многочисленные герои революционных, справедливых войн, одной из которых, бесспорно, была война за независимость 1775—1782 гг. в Северной Америке.

Проф. С. Кан

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Проблемы истории Византии. Сессия отделения истории и философии АН СССР

30—31 октября 1946 г. состоялась очередная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР. Эта сессия явилась третьей по счёту византиноведческой сессией Отделения: первые две состоялись в 1944 и 1945 годах.

Открыв сессию, академик-секретарь Отделения Б. Д. Греков предоставил слово руководителю группы византиноведения Института истории Академии наук СССР члену-корреспонденту Академии наук СССР Е. А. Косминскому, который обрисовал достижения, имеющиеся в области советского византиноведения.

Затем был заслушан доклад проф. Н. В. Пигулевской (Ленинград) об общественных отношениях в Византии перед арабским завоеванием. Докладчица охарактеризовала их как отношения переходного времени, смены рабовладельческих отношений феодальными.

Как известно, характер земельных отношений в Византии различно расценивается советскими учёными, с одной стороны, и буржуазными — с другой. Советские учёные на основании углублённого исследования источников пришли к заключению, что византийское крестьянство в значительной своей части оставалось свободным или, занимая положение «свободных колоноз», жило общинами. Это положение делает понятным сопротивление Византии внешним натискам большую устойчивость её по сравнению с Римом. Это же положение способствовало тому, что восстания рабов в Византии не приняли тех грандиозных размеров, которые имели место в Италии и Сицилии.

В конце V в. особенно частыми становятся волнения и восстания в больших городах империи, в виде своеобразного движения димов.

Историки Византии, говорит Н. В. Пигулевская, подвергли всестороннему изучению вопрос об этом движении. Достаточно вспомнить статью Ф. Н. Успенского, детальное исследование Манойловича и, наконец, статью А. П. Дьяконова. Участие рабов в движении димов, как и участие вольноотпущенников, свидетельствует о большом удельном весе низших слоёв рабовладельческого общества в этих движениях. Движение димов и надлежит рассматривать как своеобразное явление кризиса рабовладельческого общества.

Византийский город до VII—VIII вв. на основании документальных данных может быть охарактеризован как город, живший традициями эллинистических и римских городов рабовладельческого типа. Вся структура города, его управление, учреждения, памятники материальной культуры были неразрывно связаны и по традиции продолжали жизнь городов Римской империи. Перенесение столицы в Византию было в значительной степени вызвано стремлением прервать традиции Рима и его сильной рабовладельческой знати. Классовая структура византийского города раннего периода в основе своей опиралась на рабовладение. В государственных мастерских работали преимущественно рабы или лица, положение которых мало отличалось от положения рабов. Население пригородов больших городов имело в своём составе колоннов и «приписных», работавших в имениях и загородных виллах, принадлежавших богачам и знати.

Движение димов возникло и могло возникнуть лишь в городе рабовладельческого типа. С усилением феодальных отношений это движение ослабляется, а классовая борьба получает новый характер, выливается в новые формы.

Особенностью проявления классовой борьбы в раннем византийском обществе следует считать широкое развитие «еретических» учений, расцветавших на почве сепаратистских тенденций азиатских и африканских провинций.

Другой силой, разлагавшей старые общественные отношения и создававшей новые, были завоевания и иммиграция варваров. Наиболее сильным и длительным было воздействие славян, глубоко проникавших на территорию империи. Значительным фактором в её феодализации следует считать славянские поселения; славянская община оказала глубокое влияние на развитие византийского права.

Империя подвергалась также нападениям других варварских народов — гунских и тюркских племён; но особенно сильным было воздействие арабского завоевания. И до этого арабские племена сталкивались с Византией, были её федератами и находились под её протекторатом. Структура этого раннего арабского общества должна быть охарактеризована как стоящая на высших сту-

ленях варварства — вот вывод, к которому привела работа Н. В. Пигулевской.

Свои последние силы рабовладельческое общество Византии потеряло в жестокой классовой борьбе начала VII в. и было повержено арабским завоеванием. Из обломков империи встало новое, феодальное общество, консолидировавшееся на новой основе производственных отношений феодальную Византийскую империю.

Кандидат исторических наук А. К. Бергер (Москва) выступил с докладом о государственной теории новелл Юстиниана.

Докладчик указал, что новеллы Юстиниана весьма мало изучались с формальной, юридической точки зрения и совсем не изучались как исторический источник. Между тем они оказали глубочайшее влияние на развитие византийского права как для непосредственного использования позднейшим византийским законодательством, так и в качестве основных теоретических устоев византийской государственности. Не будучи составной частью юстиниановой кодификации, новеллы кодифицировались юристами непосредственно после смерти Юстиниана в частном порядке. Многочисленность рукописей таких сборников новелл показывает их практическую и теоретическую значимость.

Для историка новеллы Юстиниана представляют исключительный интерес; в новеллах над собой законодательным текстом преобладают обширные исторические, теоретико-правовые и публицистические экскурсы; в них отражены злободневные социально-политические проблемы. Государственно-правовая теория новелл сопрягается с современной Юстиниану исторической, юридической и публицистической литературой: Иоанн Лидиец, Прокопий, Агафий и др.

Далее, докладчик подробно остановился на имеющейся в новеллах достаточно четкой политической терминологии, отражающей государственно-правовую структуру Византийской империи.

Новеллы Юстиниана, заключает докладчик, характеризуют Византийскую империю как правовое государство, унаследовавшее обширный политический и теоретико-политический опыт античного мира, широко использовавшее этот опыт в условиях сложившейся новой социально-политической системы.

Вопросу о дате первого похода Руси на Византию в связи с данными византийской литературы IX в. был посвящен доклад кандидата исторических наук Е. Э. Липшиц (Ленинград).

В одном из последних томов (XV) выходящего в США журнала «Byzantion» опубликован доклад французской византистки Жермен да Коста Луїе, сделанный на V всемирном конгрессе византистов в Риме: «Имени ли место нападения русских на Византийскую империю ранее 860 г.». Этой статье предпослано предисловие редактора журнала «Byzantion» Грегуара, являющегося одним из крупнейших византистов современного Запада. В своем предисловии Грегуар полностью солидаризируется с вы-

водами статьи Ж. да Коста Луїе в самой резкой и решительной форме.

Грегуар и Ж. да Коста Луїе считают, что в науке слишком долго господствовали «химеры» русского византиста Васильевского, доказавшего, что походы Руси на Византию имели место уже до 860 года. Эти авторы исходят из воззрения, не признающего вообще существования в это время какого бы то ни было славянского государства на Руси. При этом они пытаются доказать, что Киевское государство сложилось только после пришествия норманнов и под их влиянием около 860 года. Поэтому-то Грегуар и Ж. да Коста Луїе прилагают все усилия, чтобы опровергнуть датировку древнейшего свидетельства о походе Руси на Амастриду (жизне Георгия Амастридского), которую установил В. Г. Васильевский (825 г.), и относят его к X в., а самый поход, засвидетельствованный этим источником, отождествляют с походом Игоря (911 г.).

Однако, говорит Е. Э. Липшиц, опубликованные и исследованные после смерти В. Г. Васильевского материалы дают основание считать тезис Грегуара о происхождении жизни Георгия Амастридского неправильным. Они позволяют значительно расширить и полнее обосновать ту литературную характеристику, на основании которой В. Г. Васильевский относил житие к числу произведений византийского писателя IX в. Игнатия. Увеличился круг произведений, которые могут быть сейчас в результате проведенных исследований отнесены к Игнатию и которые проливают новый свет и на биографию писателя, уточняя те ее моменты, которые В. Г. Васильевский установил лишь предположительно.

Высказанное В. Г. Васильевским мнение о примирительном отношении Игнатия на определенном этапе его жизни к иконоборцам, находит свое новое подтверждение благодаря возможности отнести к числу сочинений Игнатия стихи иконоборческого содержания.

Точная датировка стихов в связи с данными письменных источников и художественных памятников позволяет установить связи Игнатия с ученым и византийским патриархом первой половины IX в. Иоанном Грамматиком, что даёт новое подтверждение правдивости гипотезы В. Г. Васильевского.

Данные доклада Е. Э. Липшиц показывают полную неосновательность главного тезиса Ж. да Коста Луїе, поддержанного авторитетом Грегуара. В статье Ж. да Коста Луїе обнаруживается полное знание всех имеющихся материалов по данному вопросу, отсутствие исследовательской углубленной проработки привлекаемых источников и предвзятая «норманнская» теория происхождения Руси, которой заранее определяются все «факты», противопоставляемые «теориям и химерам» (по выражению Грегуара) русского византиноведения.

Проф. М. В. Левченко (Ленинград) дал обзор деятельности крупнейшего византиста французского академика Шарля Дюла (1859—1911). Его научное наследие огромно: Шарль Дюль оставил более 300 пе-

чатных работ по самым разнообразным вопросам византийской истории, культуры, искусства, археологии, эпиграфии. Он был не только самым крупным, но и самым разносторонним византинистом современности.

С семидесятых годов прошлого века, когда во Франции началось оживление византийских занятий после продолжительного пренебрежения к ним, имя Шарля Дияля всегда фигурировало в важнейших научных предприятиях в области французского византизоведения. В настоящее время большинство византистов Франции (Брейе, Фохт, Эберсольт, Руйяр и др.), вышедших из римской и афинской школ, получило своё образование под руководством Дияля и принадлежит к числу его учеников и исследователей. Многочисленные труды Шарля Дияля доставили ему мировую известность. Ряд произведений Дияля переведён на русский язык. В 1925 г. Академия наук СССР по представлению академиков Успенского и Крачковского единогласно избрала его своим членом-корреспондентом.

Общепризнанными положительными качествами трудов Дияля являются внимательное изучение всех источников, строгий и точный метод исследования и блестящее изложение. Ценность его работ заключается также в ярких характеристиках эпох, людей и памятников искусства. Он был не только выдающимся учёным, но и выдающимся писателем.

Необходимо отметить, что французский академик хорошо знал русский язык и русскую научную литературу по византизоведению. Он высоко ценил труды русских византистов, используя их выводы в своих работах.

Кандидат исторических наук Б. Т. Горянов (Москва) прочитал доклад о византийском гуманисте XIV в. Феодоре Метохите.

Существенное отличие византийской культуры от западной состоит в том, что античное наследие в Византии никогда не умирало. И если в тёмные века византийской истории церковная схоластическая ограниченность накладывает тяжёлое ярмо на все проявления общественной мысли, то именно в Византии интерес к изучению античности возрождается раньше, чем где бы то ни было, и ко времени Палеологов создаётся непосредственная предистория западноевропейского гуманизма и возрождения.

В эпоху Палеологов в Византии имеет место широкое возрождение литературы и искусства, появляются блестящие писатели, историки, философы. Среди этих мыслителей, ранних предшественников гуманизма, большой интерес представляет литературная, философская, научная и общественно-политическая деятельность Феодора Метохита.

Основной чертой литературного творчества Феодора Метохита является горячая любовь к античной культуре. Он весь живёт воспоминаниями о классической древности.

Метохит не ограничивался формальным анализом произведений классиков греческой литературы. В их толкованиях он поднимал

ся до исследования. Наиболее ярким примером этого является произведённое им обоснование зависимости языка и многих суждений Синезия от Диона Хризостома.

В области философии, указывает докладчик, Метохит был эклектиком с уклоном в сторону платонизма, умеренным платоником. Он высоко ценил свободу исследовательской мысли, в своих высказываниях он неоднократно отмечал несогласие с мнением о непреложности высказанного Аристотелем и Платоном и считал, что все взгляды самых крупных авторитетов могут быть подвергнуты пересмотру.

Однако прогрессивные идеи Метохита не распространяются на его взгляды в области политических теорий. Подробно рассматривая три формы государственного устройства: демократию, аристократию и монархию, — он отдаёт предпочтение последней, отрицая за народом способность к участию в политической жизни государства. Любимой политической идеей Феодора Метохита является гражданский мир и отрицание всякой политической борьбы. Следует отметить мысль Метохита о необходимости в интересах человеческого прогресса вводить насильственным путём в действие все мероприятия, направленные к общественному благу.

Метохиту принадлежит обширное руководство по астрономии. Оно было широко известно в Западной Европе и долгое время являлось основным сочинением, по которому знакомился с этой отраслью науки.

Наконец, среди большого литературного наследия Феодора Метохита находится свыше 20 поэтических произведений, написанных гекзаметром.

Феодор Метохит играл большую роль и в истории византийского искусства. Помимо того что он собрал в своём дворце великолепную коллекцию произведений искусства, на его средства были воспроизведены прекрасные мозаики и фрески монастыря Хора (ныне Кахрие-Джами), послужившие для обоснования общепринятой сейчас теории о возрождении византийского искусства в эпоху Палеологов.

Изложенное позволяет, по мнению Б. Т. Горянова, определить место Феодора Метохита в истории византийской культуры. Он является одним из ранних византийских гуманистов, одним из ранних предшественников европейского гуманизма, этого великого движения в истории человеческой культуры.

Кандидат исторических наук З. В. Удальцова (Москва) осветила очень интересную тему — «Борьба партий в Византии XV века и деятельность Виссариона Никейского».

Проблема падения Византии может быть разрешена лишь с точки зрения всего комплекса как внутренних, так и внешних причин. Среди этих причин центральное место занимают причины внутренние: экономический упадок Византии, сложный перелом классовой и партийно-религиозной борьбы в Византии накануне её падения и т. д.

З. В. Удальцова поставила некоторые вопросы, связанные с проблемой ожесточённой классовой борьбы в Византии, наслед-

шей своё выражение в борьбе различных, так называемых религиозных политических партий.

Одним из таких вопросов является борьба латинофильской и православной партий и деятельность вождя латинофильской партии Виссариона Никейского.

Партия латинофилов считала, что единственной надеждой на спасение византийского государства от турецкого завоевания может быть помощь латинского Запада и, чтобы получить её, необходимо пойти на религиозную унию с католической церковью. Ядро латинофильской партии состояло из придворной знати, части высшего духовенства и интеллигенции. Это течение поддерживали последние императоры из дома Палеологов. Латинофильские симпатии этих влиятельных общественных групп Византии объяснялись распространением западноевропейского феодализма в Византии после крестовых походов и латинского завоевания, наличием крепких политических и культурных связей Западной Европы с Византией, а также смертельной опасностью со стороны турок. Латинофилы объективно стали на ложный путь, возложив все надежды на помощь Запада и папского престола, который сам питал агрессивные планы против Византии.

Национально-православная партия в XV в. состояла из части высшего и среднего духовенства, части светских элементов, а главным образом, монашества, и выступала против сближения с Западом и против унии с католической церковью. Причины непримиримой позиции большей части византийского духовенства и монашества по отношению к латинству коренятся, помимо религиозной нетерпимости, также и в экономических и политических моментах. Однако национально-православная партия не сумела сохранить своё влияние на народные массы и сплотить народ на борьбу с внешним врагом — турками. Этому мешала классовая ограниченность верхушки православной партии; византийские верхи не сделали ника-

ких уступок народу, они не пошли на социальные реформы, которые могли бы укрепить византийское государство.

Мотивы деятельности Виссариона Никейского, активного участника религиозно-политической борьбы, определялись позициями той религиозно-политической партии, вождём которой он был. Поэтому правильно понять деятельность Виссариона, говорит З. В. Удальцова, можно лишь в связи с общей социально-экономической обстановкой Византии XV века.

Как политический и церковный деятель, Виссарион являлся крупнейшим представителем латинофильской партии Византии. Встретив, с одной стороны, непримиримую позицию папства, с другой стороны — ожесточённое сопротивление византийского народа и национально-православной партии, Виссарион сделал все логические выводы из политики латинофилов — он перешёл в католичество.

Во всей своей учёной деятельности Виссарион принадлежал двум мирам — греческому Востоку и латинскому Западу. Это был учёный, в котором скрестились две великие культуры: гуманизм Востока и итальянское Возрождение.

Виссарион, грек по воспитанию и латинянин по своей деятельности, представляет собой сложную и противоречивую фигуру: в нём сочетались, находясь в постоянной внутренней борьбе, деятель византийской церкви и представитель католической ортодоксии, носитель восточноправославной культуры и поборник западного гуманизма.

Чтобы объективно оценить Виссариона, заключает З. В. Удальцова, необходимо рассматривать обе противоречивые стороны его деятельности в политике, религии и культуре. Душевная трагедия Виссариона Никейского была рождена этой противоречивостью, обусловленной в свою очередь всей противоречивой обстановкой, в которой разыгрывалась трагедия самой Византии.

В. Л.

Защита докторских диссертаций в Институте истории Академии наук СССР

В Институте истории АН СССР состоялась защита докторской диссертации Я. Я. Зутисом на тему «Остзейский вопрос в XVIII веке». Часть монографии Я. Я. Зутиса издана Академией наук Латвийской ССР¹.

В своём вступительном слове Я. Я. Зутис подчеркнул политическое значение избранной им темы. Остзейский вопрос был использован и немецкими баронами и фашистской историографией для прославления культуртрегерской роли немцев в Прибалтике. Усиленно насаждалась идея о том,

что только в привилегиях рыцарства, в «ландесштате», было спасение западной культуры от восточного варварства. Немецкие дворяне-крепостники изображались при этом как защитники интересов всей страны, всего населения, в том числе и крепостных крестьян.

Я. Я. Зутис в своём исследовании доказывает, что барщинное хозяйство и крепостное право на территории Ливонии развивались в неразрывной связи и во взаимодействии со своеобразной политической надстройкой — привилегиями рыцарства — «ландесштатом».

Составляя шведскую политику в При-

¹ З у т и с Я. «Остзейский вопрос в XVIII веке». Рига. 1946.

балтике с политикой Петра I в первой четверти XVIII в., диссертант опровергает вторую легенду реакционных историков — о том, будто присоединение Прибалтики к России было причиной усиления привилегий немецких дворян и крепостничества. Разоблачение этих реакционных легенд Я. Я. Зутис начал ещё в своей первой монографии по истории Прибалтики, вышедшей задолго до Отечественной войны. «Не кто иной, как сам Альфред Розенберг по достоинству «оценил» мой скромный труд, — говорит диссертант. — После оккупации немцами Советской Прибалтики он немедленно распорядился об изъятии и уничтожении моей монографии».

Большое значение диссертант придаёт второй части монографии, в которой выясняются классовая сущность и причины проведённых Екатериной Великой преобразований местного управления в прибалтийских губерниях. В своём анализе этих преобразований диссертант исходит из предпосылки, что русское дворянское государство XVIII в. играло в Прибалтике в отдельных случаях прогрессивную роль. Прогрессивным явлением он считает и упразднение остзейских привилегий и замену ландесштакта бюрократическим управлением. На основе этих выводов диссертант приходит к общему заключению о том, что присоединение Прибалтики к России в XVIII в. было прогрессивным моментом в истории прибалтийских народов.

В качестве оппонентов Я. Я. Зутиса выступали акад. Р. Ю. Виппер, члены-корреспонденты АН СССР С. Р. Сказкин и В. И. Пичета. Акад. Виппер начал своё выступление с оценки историографического введения, предпосланного монографии Я. Я. Зутиса и не вошедшего в его книгу. Оппонент подчёркивает самостоятельное значение этого введения, написанного на основе тщательного изучения относящейся сюда литературы и публицистики за три с половиной века, начиная с сочинений конца XVI в. и кончая остзейской историографией после первой мировой войны. Не со всеми характеристиками и оценками диссертанта Р. Ю. Виппер согласен. Он предлагает внести некоторые уточнения в раздел об остзейской публицистике века Просвещения, а также некоторые дополнения к главе, трактующей остзейскую историографию после первой мировой войны.

Переходя к вопросу о привилегиях немецких дворян и о закреплении ими остзейских крестьян, Р. Ю. Виппер упрекает диссертанта в том, что тот не различает двух этапов закрепощения остзейского крестьянства. Первый этап закончился в XV веке. Однако в XVI в. за остзейскими крестьянами признавалось право собственности на землю. И только новая узурпация, совершённая остзейскими дворянами в XVII в., лишила крестьян земли.

Р. Ю. Виппер не соглашается с диссертантом и в оценке политики Петра I в Прибалтике. Он считает неправильным тот сравнительный метод, к которому прибегает диссертант, сопоставляя Аккордные акты Петра

1710 г. с Жалованной грамотой шведской королевы Ульрики-Елисоветы от 1719 года. Цель этого сопоставления — показать, насколько сдержанней и умеренней в своих обещаниях дворянству было русское правительство. Впротивовес этим выводам Р. Ю. Виппер утверждает, что Пётр I проявил слишком большую уступчивость в вопросе о вольностях немецкого дворянства. Несмотря на эти расхождения с диссертантом по частным вопросам его темы акад. Виппер признаёт за обширным трудом Я. Я. Зутиса крупнейшие научные достоинства. Его заключение сводится к тому, что диссертация вполне и даже с избытком удовлетворяет тем требованиям, которые принято предъявлять к работам, представляемым на соискание степени доктора исторических наук.

Проф. В. И. Пичета отмечает в качестве научной заслуги диссертанта его попытку вскрыть классовую сущность остзейских привилегий. Он считает, что диссертанту на конкретно-историческом материале удалось убедительно показать, что привилегии были средством порабощения масс и средством самой жестокой эксплуатации. Векское вновь приобретённое право рыцарства немедленно отражалось на положении латвийского и эстонского крестьянства, налагая на него новые повинности и платежи. Наоборот, ограничение остзейских привилегий всегда сопровождалось улучшением правового и отчасти экономического положения крепостных. В. И. Пичета считает правильной и ту характеристику, которая дана в диссертации политике Петра I. «Вполне обоснованным является мнение автора, — заявляет далее оппонент, — что присоединение территории Эстонии и Латвии к царской империи никоим образом не следует рассматривать как абсолютное зло». В. И. Пичета солидаризируется с диссертантом и в его оценке екатерининских преобразований как подготовительного этапа к аграрным реформам начала XIX века.

Проф. С. Д. Сказкин в своём выступлении отметил, что в работе Я. Я. Зутиса впервые дана история латвийского и эстонского народов в марксистско-ленинском освещении. Большой заслугой перед наукой С. Д. Сказкин считает разоблачительную работу, сделанную диссертантом в его историографическом введении, в котором подведены итоги почти двухвековой фальсификации остзейского вопроса. Особенно интересной представляется оппоненту та часть историографического введения, где автор излагает ход идейной борьбы, разгоревшейся между защитниками остзейских привилегий (Бонк, Экардт, Ширрен) и русскими славянофилами, возглавлявшимися Ю. Ф. Самариным и поддерживавшимися младолатышской партией во главе с латвийским публицистом Вольдемаром. Говоря затем о второй части монографии, уже вышедшей в свет, С. Д. Сказкин отмечает, что Я. Я. Зутис использовал в своей монографии огромный и до сих пор никем не тронутый архивный материал и, в сущности, создал заново историю остзейских привилегий и

борьбы остзейских баронов за их сохранение. Но, как утверждает С. Д. Сказкин, диссертант сделал и нечто большее: он показал, какую роль сыграли остзейские привилегии в русской истории. Сквозь призму остзейского вопроса Я. Я. Зутис сумел разглядеть новые черты и по-новому истолковать ряд знакомых явлений в русской жизни. Так, он даёт оригинальное и очень убедительное истолкование бароновщины. Историкографический очерк, несмотря на его огромные достоинства, всё же не полон. Оппонент рекомендует его пополнить, особенно в той части, где рассматривается деятельность Вольдемара. Общее критическое замечание С. Д. Сказкина по второй части монографии сводится к тому, что Я. Я. Зутис недостаточно разработал аграрную историю Прибалтики.

Все оппоненты были единодушны в мнении, что работа Я. Я. Зутиса вполне удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются к докторским диссертациям.

Учёный совет Института истории единогласно присудил Я. Я. Зутису учёную степень доктора исторических наук.

Защита Ф. Я. Полянским докторской диссертации на тему «Хозяйственный строй цехового ремесла» на заседании Учёного совета Института истории сопровождалась очень интересным диспутом.

Первый официальный оппонент проф. Е. А. Косминский в своём выступлении подчеркнул большое значение темы, разработанной Ф. Я. Полянским: «Без изучения хозяйственного строя цехового ремесла невозможно правильно понять экономическую историю средневековья, нельзя правильно разрешить важнейшие проблемы аграрной истории, нельзя объяснить происхождения капитализма», — говорит оппонент. Медиевистов заслуженно упрекают в том, что они часто сосредоточиваются на очень узких темах. В работе Полянского делается попытка поставить чрезвычайно широкую тему, причём тему коренного значения для понимания истории, по крайней мере, четырёх столетий.

Материал, накопленный в этой области буржуазными историками, поистине огромен. Изучить весь этот материал по всем европейским странам было бы технически невозможно. Но ограничиться изучением материалов по какой-то одной стране автор также не мог: такой метод позволил бы дать лишь локальное исследование. Поэтому Ф. Я. Полянский прибег в своей работе к особому методу, в котором локальное исследование объединяется с широкими обобщениями. Он пытается достичь этого тем, что на протяжении 19 глав диссертации непрерывно меняет объект локального изучения.

Для первой главы основной материал он берёт из истории парижских цехов, потом переходит к Нюрнбергу, Люнебургу, Кельну, Риге, опять к Кельну, Брюгге, к парижской переписи 1292 г., к Франкфургу, Любеку, к силезским городам, Амьену, Руану и т. д.

Каждая отдельная проблема изучается им на материале какого-нибудь одного города или небольшой группы городов. Но может ли смена объектов служить коррективом к локальному методу исследования? Оппонент отметил, что автор сам чувствует, что это не корректив, поэтому в конце каждой главы он даёт дополнения, в которых бегло просматривает материал разных других городов, находя в нём факты, подтверждающие его выводы. Однако эти дополнения, полагает оппонент, мало добавляют убедительности его выводам.

Несмотря на трудности в работе, связанные с широтой темы, поставленной диссертантом, и несмотря на указанные недостатки в избранном им методе исследования, диссертант пришёл в общем к правильным выводам. С основными выводами диссертанта Е. А. Косминский согласен, но некоторые из них всё же считает спорными. Оппонент упрекнул диссертанта в том, что тот преувеличивает застойный характер ремесленного производства. Правильно борясь против модернизации цехового строя, характерной для буржуазной историографии, Ф. Я. Полянский рискует впасть в другую крайность и придти к известной архаизации в этом вопросе.

Далее, Е. А. Косминский упрекнул диссертанта в преувеличении им натурально-хозяйственного характера того сельскохозяйственного «моря», в котором, в изображении диссертанта, города выступают как маленькие островки. Если эта картина правильна для начальных стадий развития ремесла, то она уже довольно сомнительна для XIII в., мало пригодна для XIV и совсем не верна для XV века. Мысль автора о непримиримости противоречий между товарными базами и натурально-хозяйственным окружением требует значительных ограничений. «Среда», «периферия», рисуемая автору в виде неизменной и косной стихии, на самом деле находится в процессе непрерывного перерождения, и здесь приходится говорить не только о противоречиях, но и о неразрывной взаимосвязи и взаимных влияниях.

Второй официальный оппонент, проф. Б. Ф. Поршнев, остановился на той главе диссертации, в которой глубоко и обстоятельно, как он считает, автор анализирует вопрос, действовал ли в системе ремесленного производства закон трудовой стоимости, и приходит к положительному выводу. Б. Ф. Поршнев считает эту главу одной из лучших и наиболее сильных в диссертации. После этого исследования, говорит оппонент, давний спор о том, является ли простое товарное хозяйство реальностью или абстракцией, разрешён не только теоретически (теоретически его экономисты решили уже давно), но и исторически.

Проф. Б. Ф. Поршнев считает неправильным трактовать цеховую регламентацию как натурально-хозяйственную черту ремесла, как это делает диссертант. Цеховая регламентация, по мнению оппонента, имеет две функции. Первая и наиболее важная — консервировать простое товарное производ-

ство, не дать ему превратиться в капиталистическое. Вторая функция—борьба против натурального хозяйства. Марке говорит о том, что ежедневно и ежеминутно товарное хозяйство порождает из себя капитализм. И если простое товарное хозяйство есть историческая реальность, то только потому, что в самом этом хозяйстве имеются рогаки, имеются шлюзы, мешающие стихийному движению к капитализму. Эти шлюзы и есть цеховая регламентация.

По вопросу о взаимоотношениях между городом и деревней оппонент также выражает своё несогласие с точкой зрения диссертанта и противопоставляет ей свою собственную, которая сводится к тому, что города развивались в недрах феодального общества в той же мере, в какой в феодальном поместье возникала и развивалась денежная форма ренты. Для того чтобы землевладелец-феодал мог получить с крестьян феодальную ренту, в денежной форме должна была существовать возможность превращения крестьянского прибавочного продукта в денежную ренту. Это основная предпосылка экономического развития городов как очагов товарного хозяйства в средневековом обществе. Следующее возражение проф. Поршнева относится к главе V—«Цехи и капитализм». Диссертант в этой главе показал, в какой сильной степени цеховая регламентация делала невозможным развитие капитализма, но в то же время он чрезмерно подчеркнул целый ряд прокапиталистических моментов в цеховой регламентации. В изображении диссертанта получается, что мануфактурный капитализм имеется налицо уже в XIII веке.

Проф. Б. Ф. Поршнев считает, что диссертант незаконно смешивает торговый капитал с первой стадией промышленного капитализма. «Но не всегда система скупки есть система капитализма»,— говорит оппонент. Оппонент не считает свою точку зрения абсолютно бесспорной. Вместе с тем он считает, что если Ф. Я. Полянский и не во всех своих выводах прав, то это не исключает признания огромной научной ценности его работы.

Третий оппонент, проф. Стоклицкая-Терешкович, также подчёркивает основное положительное значение работы Ф. Я. Полянского в выдвинутой им проблематике теоретико-экономического порядка: «Влияние

цеховой регламентации на ценообразование», «Технические последствия цеховой регламентации», «Воспроизводство цехового ремесла», «Цехи и капитализм», «Цехи как фактор народонаселения» и т. д. Эта проблематика, полагает оппонент, должна стимулировать историческую мысль, должна освещать путь локальным исследованиям, посвящённым истории цехов.

Ф. Я. Полянский использовал огромный документальный материал по разным странам и разным городам Европы. Однако значительную часть этого документального материала составляют цеховые регламенты. Источников местного характера мало. Между тем регламенты только в известной степени отражают хозяйственный строй ремесла. Они отражают его так, как норма отражает жизнь. Оппонент целиком присоединяется к тем выводам диссертанта, в которых он опровергает ходячие объяснения цеховой регламентации духом эгалитаризма, братской солидарностью и т. п. Но проф. В. В. Стоклицкая-Терешкович не согласна с попыткой Ф. Я. Полянского объяснить всю систему цеховой организации одними только экономическими причинами. Она напоминает, что цеховая регламентация есть существенный элемент городского строя, часть городского права. Поэтому цеховые регламенты создаются в самом городе цеховой организацией и городской властью. В тех странах, где рано начинается процесс государственной централизации, объём цеховой регламентации подвергается сокращению и самая автономия цеха сжимается. В. В. Стоклицкая-Терешкович отмечает как недостаток работы Ф. Я. Полянского то, что проблема многообразия цехов в ней далеко не развёрнута в полном объёме. Совсем не выдвинута такая важная проблема, как «цех и государство». Тем не менее оппонент считает, что одна только систематизация, исчерпывающая характеристика и классификация цеховой регламентации, проведённые автором, представляют большую научную заслугу. Выполнением одной лишь этой задачи диссертант вполне заслужил искомую степень доктора исторических наук.

Учёный совет Института истории АН СССР постановил присудить Ф. Я. Полянскому степень доктора исторических наук.

З. Мосина

Юбилейная научная сессия Кабардинского научно-исследовательского института, посвящённая 25-летию автономии Кабарды

1 сентября 1946 г. трудящиеся Кабардинской Автономной Советской Социалистической Республики отметили 25-летие со дня установления автономии Кабарды.

В числе мероприятий, связанных с историческим праздником кабардинского народа, была проведена и специальная научная сессия Научно-исследовательского инсти-

тута национальной культуры Кабардинской АССР в Нальчике. Она открылась накануне праздника и длилась 4 дня—с 26 по 29 августа.

Сессия отразила значительные успехи в развитии социалистического хозяйства и национальной культуры, которых за истекшую четверть века добился кабардинский

народ под руководством партии Ленина — Сталина и при братской помощи великого русского народа.

В работах научной сессии приняли участие как местные научные силы, так и учёные — представители центральных учреждений Москвы и Ленинграда, а также многие гости из научных организаций Махач-Кала, Пятигорска, Дзауджикау, Майкопа и др.

Открывая первое пленарное заседание, заместитель директора Института языка и мышления имени акад. Марра АН СССР, проф. Г. П. Сердюченко отметил, что юбилейная сессия молодого научного центра в республике является одним из ярких показателей крупных достижений трудящихся Кабардинской АССР в советский период.

После оглашения приветственных телеграмм Героя социалистического труда, лауреата Сталинской премии акад. И. И. Мещанинова, учёных Грузии: академиков С. И. Джанашиа, Г. В. Хачапуридзе, Г. С. Ахвледиани, ленинградского профессора В. И. Абаева и ряда других учёных и научных учреждений — слово для доклада было предоставлено первому секретарю обкома ВКП(б) Кабардинской АССР Н. П. Мазину.

Н. П. Мазин в насыщенном свежим конкретным материалом докладе «25 лет автономии Кабарды» показал исторический путь, пройденный трудящимися Кабарды за четверть века под знаменем Ленина — Сталина.

С большим интересом участники сессии прослушали доклад д-ра исторических наук проф. Г. А. Кокиева «Русско-кабардинские взаимоотношения в XVI—XVIII веках»¹.

С небольшим, но очень интересным докладом «Антропологический тип кабардинцев» выступил д-р биологических наук проф. В. В. Бунак.

На пленарном заседании сессии были заслушаны ещё два доклада: главного геолога вольфрамо-молибденового комбината С. А. Шофранова «Тырны-Аузское месторождение» и кандидата сельскохозяйственных наук К. Керефова «О научной работе кабардинской селекционной станции». Докладчики привели ряд примеров, характеризующих крупные успехи местной горной промышленности и сельского хозяйства.

По желанию участников сессии все секционные доклады были прочитаны на общих заседаниях сессии. Первым от исторической секции выступил доцент С. А. Комиссаров с докладом «Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году». Как известно, вопросы возникновения и развития капитализма и особенно крестьянские реформы являются наиболее запущенными и малоразработанными проблемами истории народов СССР, в частности народов Кавказа. Этим подчёркивается значимость доклада. Автор привёл новые данные, извлечённые им из Нальчикского республиканского архива, и дал подробную характеристику расстановки социальных групп избардинского общества, обрисовал конкрет-

ные исторические условия, в которых была произведена реформа. Благодаря крестьянской реформе 1867 г. Кабарда стала на капиталистический путь развития.

Тематически связанным с первым докладом был доклад кандидата исторических наук доцента А. В. Мамонтовой «О восстании закубанских кабардинцев в 1867 году». А. В. Мамонтова обрисовала тяжёлую обстановку, в которой оказались на Закубанской равнине кабардинцы, волей князя Барятинского насильственно переселённые из горных ущелий. Невыносимые жизненные условия (острое безземелье, усиление гнёта царского самодержавия) привели закубанских кабардинцев к активному выступлению против колонизаторов в 1867 году. Хотя восстание было жестоко подавлено, оно явилось небольшим, но ярким эпизодом в героической борьбе горцев за свою независимость. Для своего доклада А. В. Мамонтова использовала новые архивные данные.

Доцент М. Г. Акритас сделал сообщение о результатах археологической экспедиции в Кабарде в 1946 году. Организованная Кабардинским институтом экспедиция обследовала три юго-восточных района республики: Советский, Урванский и Лескенский — и обнаружила ряд ценных памятников материальной культуры. Особенно интересными являются грандиозные земляные укрепления, тянущиеся с востока на запад до р. Черск, и большие курганные группы. Некоторые из них с достаточным основанием связываются со скифской культурой VI—IV вв. до н. э. Данные экспедиции являются важными материалами к составлению археологической карты Кабардинской АССР.

С докладом «Из древней истории Северного Кавказа» выступил кандидат исторических наук Е. И. Крупнов. На ряде археологических данных, прослуженных за период от III тысячелетия до н. э. и до позднего средневековья, докладчик показал, что население Северного Кавказа развивалось и создавало свою культуру не изолированно, как казалось некоторым исследователям, а в тесной узязке с культурными достижениями передовых народов древности. С древнейших времён Северный Кавказ следовал общему курсу развития культурных народов Европы и Азии — таков основной тезис докладчика.

Секция языка на сессии была представлена докладами министра просвещения КАССР А. Кешокова «Из истории кабардинской орфографии», кандидата филологических наук Г. Ф. Турчанинова «Кази Атажукин как педагог и общественный деятель», заслуженного учителя КАССР Х. У. Эльбердова «Кабардинское окончание «у» и суффикс «уэ» в их разных значениях и орфографических начертаниях» и М. З. Абитова «Сложные основы в кабардинском языке».

На заключительном пленарном заседании были прочитаны два доклада: председателем союза писателей КАССР Х. И. Теуновым «Бек-мурза Пачев, его жизнь и творчество» и д-ром филологических наук проф. Г. П.

¹ См. «Вопросы истории» № 10 за 1946 год.

Сердюченко «О переводах с русского на кабардинский язык».

К открытию сессии были выпущены прекрасно изданный юбилейный сборник «Кабардинская АССР» (25 печ. л.) и «Учё-

ные записки» Кабардинского научно-исследовательского института, т. I (22 печ. л.). Доклады, прочитанные на сессии, будут изданы в специальных сборниках Института.

Е. Крупнов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

В связи с ликвидацией некоторых учреждений, созданных в США во время войны, американская печать подчёркивает важность сохранения архивных материалов военного периода и напоминает о печальной судьбе, постигшей американские архивные материалы, относившиеся к первой мировой войне. Важнейшие архивы этого периода — архивы департамента военной промышленности и Совета национальной обороны — были заброшены по ликвидации этих учреждений, последовавшей немедленно после заключения перемирия. Когда в конце 1918 г. приступили к приведению в порядок этих архивов, оказалось, что многие материалы были потеряны в процессе спешной ликвидации указанных учреждений или разбросаны по различным местам; некоторые материалы и ценные документы остались на руках у сотрудников. Приведение в порядок уцелевшего материала потребовало около четырёх лет. Подобранный архив затем был передан на хранение в военное министерство, которое перевело его в военный музей при военно-индустриальном училище, а в 1937 г. — в Национальный архив. Здесь обнаружилось, что в результате небрежного хранения и перебросок многие материалы снова были утеряны, переданы в другие места (в комитеты конгресса и др.). В результате теперь нельзя полностью восстановить картину деятельности ряда американских учреждений в период первой мировой войны. Так, в 1935 г. созданная конгрессом специальная комиссия для анализа работы американской промышленности в период войны не смогла собрать все материалы о деятельности департамента военной промышленности. Ещё хуже обстоит дело с материалами комитета информации, большая часть которых утеряна, и другими материалами этого периода.

◆ В июле 1947 г. откроется доступ к бумагам Авраама Линкольна, 6-го президента США. Сын последнего, Роберт Todd Линкольн, умерший в июле 1926 г., завещал бумаги своего отца библиотеке конгресса с условием, что доступ к бумагам откроется не ранее чем через 21 год после его смерти. Бумаги А. Линкольна отчасти уже использовались историками (например в биографии Линкольна, составленной Николей и Хэй), однако ожидают, что дальнейшее изучение их позволит по-новому осветить некоторые факты жизни Линкольна и истории США его времени.

◆ 18—20 апреля 1946 г. при университете Индианы состоялось очередное годовое собрание исторической ассоциации штатов бассейна Миссисипи (Mississippi Valley historical association). Основное внимание в до-

кладах было уделено вопросам историографии. Проф. Ф. В. Кофей дал анализ последних статей и работ о Западных Штатах США, напечатанных за последние годы; проф. Ч. Гейте прочёл доклад на тему «Экономические мотивы в продвижении на тихоокеанском северо-западе»; проф. К. Неттлс зачитал доклад «Темы о Вашингтоне в американской историографии».

◆ 26—27 апреля 1946 г. в г. Остин (США) состоялось годовое собрание исторического общества штата Техас. Были заслушаны доклады: «Техас и Газарин — многозначительные исторические параллели» (А. Мьюр); «Фотография как источник по истории американского Запада» (Ч. Ристер).

◆ При женском университете в г. Мексико открылось специальное отделение архивных и библиотечных работников. Курс, рассчитанный на три года, включает такие дисциплины, как архивное дело, архивные источники по истории Мексики, эпиграфика, нумизматика, техника публикации документов, общие исторические дисциплины и библиотечное дело.

◆ В Канаде объявлено решение правительства об ассигнованиях на составление официальной истории канадской армии. Издание рассчитано на две серии; в первой будет изложено участие канадской армии в войне 1914—1918 гг., во второй серии — участие в войне 1939—1945 годов. Составление первой поручено полковнику А. Дюги, второй — полковнику К. Стасей.

◆ При экономическом отделе управления американской зоной оккупации Германии создана специальная должность советника по архивам. На эту должность назначен видный американский специалист Сарджент Чайлд. Последний при содействии американских оккупационных властей активно собирает немецкие архивы, рассеянные по американской и английской зонам оккупации. В настоящее время сбор и хранение германских архивов производится в нескольких местах: главное хранилище находится в Эшенструте (возле Касселя). Здесь сосредоточены архивы бывших германских министерств. Собрано уже около 2 тыс. тонн документов, что, по мнению специалистов, должно составлять около 80% всех материалов этого рода. Другое крупное архивохранилище создано в Обераммергау, недалеко от Мюнхена. Здесь сосредоточены архивы культурных и научных учреждений. Кроме этих двух главных центров хранения архивов материалы собираются в ряде других мест: в Бамберге и Ландсгуте (Бавария), в Гейдельберге, Фрейзинге и Франкфурте на Май-

но; здесь под архив отведено два корпуса завода, принадлежавшего компании «I G Farbenindustrie». В Гейдельберге и Фрейзинге собираются главным образом документы нацистской партии и гитлеровских министров. Сбор этих документов наталкивается на особые трудности: гитлеровские власти в последние дни своего существования пытались уничтожить многие архивы и таким образом скрыть следы своей преступной деятельности. В частности, по приказу Гиммлера, власти перед казнителем пытались сжечь архив берлинских правительственных учреждений, спрятавший в одной из шахт в Южной Германии. Огонь уничтожил часть материалов, однако в результате обвала потолка в шахте горение прекратилось и большая часть материалов была спасена. В последнюю минуту гитлеровские власти пытались уничтожить списки членов нацистской партии; эти списки были обнаружены на складе одной бумажной фабрики, приготовленные для перемолта и переработки. Некоторые фашистские главарь, захваченные событиями врасплох, не успели уничтожить своих личных архивов, в частности на процессе в Нюрнберге фигурировали материалы архива Розенберга, обнаруженные в одном баварском замке.

В начале войны гитлеровские власти, опасаясь за судьбу архивов, отдали приказ о их рассредоточении: они хранились в укромных местах, разбросанных в двух тысячах точек по всей Германии. В настоящее время основная работа по выявлению и собиранию архивов близится к концу. Среди германских архивов найдено большое количество материалов из оккупированных и ограбленных немцами стран — Польши, Бельгии, Голландии и др.

◆ Комиссия по изданию документов по истории Индии (в г. Дели, Индия) приступила к публикации материалов. В первую очередь издаётся переписка правления Остиндской компании в Лондоне с её служащими в Бенгалии за период 1718—1800 годов.

◆ Немедленно вслед за освобождением Парижа от немецко-фашистских оккупантов французские историки, работающие в Национальном архиве, образовали комитет, приступивший к собиранию материалов по истории освобождения Франции. Эта инициатива получила одобрение французского временного правительства, и последнее 20 октября 1944 г. решило создать комиссию по истории оккупации и освобождения Франции. Состав комиссии был утверждён министерством народного образования 22 ноября 1944 года. Ведущую роль в комиссии играет Ж. Буржен. Комиссия имеет своё бюро при библиотеке современной интернациональной документации.

Кроме этой комиссии материалы по истории немецкой оккупации во Франции собирают и другие организации: служба расследования военных преступлений противника (создана в октябре 1944 г.), комиссия по истинной стоимости оккупации, исторический отдел министерства национальной обороны, комиссия по расследованию военных преступлений при министерстве информации

и др. Известная часть материалов данного периода разбросана также по архивам министерства иностранных дел, министерства колоний и других ведомств. Бросающийся в глаза параллелизм в этой работе осложняется ещё и тем, что иностранные союзные армии — английская и американская, действовавшие на территории Франции, — также организовали сбор материалов по истории её освобождения. Особенную активность здесь проявила историческая служба американской армии, распространившая специальную анкету среди департаментских комитетов освобождения. Чтобы избежать дублирования в своей работе с деятельностью вышеперечисленных организаций, комиссия по истории оккупации и освобождения Франции избрала сферой своей деятельности сбор материалов по следующим, сформулированным комиссией вопросам: политическая и административная жизнь, социальная, интеллектуальная, культурная и религиозная деятельность во Франции в годы оккупации; зарождение и деятельность сил, стремившихся к изгнанию немцев и уничтожению режима Виши, и победа этих сил. Правильность такого разграничения вопросов, относящихся к компетенции комиссии и других параллельно работающих комиссий, представляется довольно сомнительной. Вряд ли могут быть отделены, например, материалы, характеризующие героическое движение сопротивления французов оккупантам, от материалов о преступлениях немецко-фашистских войск во Франции или этот последний материал от материалов из области политической и административной деятельности коллаборационистов и предателей из реакционно-фашистского лагеря Виши.

Спорным является также установление хронологических рамок для материалов, собираемых комиссией по истории оккупации и освобождения Франции. Комиссия взяла за исходный момент 10 мая 1940 г. — отправную дату решительного военного наступления германских войск во Франции и разгрома французской армии. Однако вторжение гитлеровских полчищ во Францию и поражение французских войск начались ещё до 10 мая 1940 года. Ещё более существенно то, что, как это ясно ныне каждому, подготовка этого поражения, предательство национальных интересов Франции, деятельность гитлеровской «пятой колонны» разрабатывалась задолго до мая 1940 г. и даже до начала войны. В аналогичном положении находится и вопрос о зарождении и развитии движения сопротивления, источниках и организующих силы которого надо искать в той борьбе с фашизмом и реакцией, которая разгорелась во Франции в довоенный период и сплачивалась в единый национальный антифашистский фронт прогрессивные силы французского народа.

В конкретном содержании своей деятельности комиссия по истории оккупации и освобождения Франции выдвигает в качестве первоочередной и важнейшей задачи сбор документального материала: официальных публикаций, газет, книг, афиш, листовок, подпольной литературы, материалов частных архивов и т. д., а также сбор всевозможных свидетельских показаний и воспоминаний. С

этой целью комиссия разработала специальный вопросник-анкету, обращённый к департаментским властям, обществам, организациям и частным лицам, к участникам движения сопротивления и т. д., а также особую инструкцию о правилах фиксации показаний и воспоминаний современников.

Комиссия намечает издание публикаций двойного рода: серию документов, заметок и описей документов, издаваемых отдельными выпусками; тематические томы, посвящённые собраниям по тому или иному вопросу материалам и их критической оценке. Отодвигая на второй план публикацию научных исследований, комиссия не отказывается от них по темам, обеспеченным достаточно надёжными источниками. Работу комиссии и сбор материалов должен освещать специальный информационный бюллетень.

◆ На окраине Праги, предместья Варшавы, летом текущего года при случайных обстоятельствах было открыто доисторическое кладбище. В первые три дня раскопок на глубине в полметра были найдены 42 урны с пеплом и остатками человеческих костей. Установлено, что здесь находилось кладбище эпохи так называемой лужицкой культуры (примерно за 700—500 лет до н. э.). Таким образом, памятники этой культуры хранят в себе не только Бискупин, где они были впервые открыты, но и окрестности Варшавы. В 200 метрах от места производимых раскопок также случайно были обнаружены следы другого захоронения — эпохи культуры колчаных могил (IV в. до н. э.). К работам по раскопкам этого места будет приступлено по окончании основных работ по раскопкам кладбища лужицкой культуры. Руководит раскопками археолог С. Подковинская при участии инженера Т. Журавского.

◆ Научные сотрудники археологического музея, привлечённые к работам по восстановлению Варшавы, открыли раннеисторические городища близ Уяздовского дворца на территории Уяздовского военного госпиталя и на Новом Месте.

◆ Научно-исследовательская консерватория при Обществе ассистентов Ягеллонского университета и редакция журнала «Zycie nauki» («Жизнь науки») подняли вопрос о составлении картотеки польских учёных, а также научных обществ и учреждений, которая послужила бы основанием для издания ежегодника польской науки, составленного по образцу иностранных изданий такого же рода, как «Minea Jahrbuch» или «Index Generalis». Эта инициатива получила признание со стороны Польской академии наук и министерства просвещения, которые будут финансировать ежегодник. Руководство редакцией ежегодника поручено проф. д-ру Б. Ольчевичу (Варшавский университет).

◆ 22 июня 1946 г. городская библиотека Данцига праздновала 350-летний юбилей со дня её основания. В этот день в 1596 г. сенат вольного города Данцига заключил договор с поселившимся в Данциге итальянским эмигрантом Джованни д'Ориа, страстным библиофилом, по которому, в обмен на его собрание книг, ему обеспечивалось пожизненно полное содержание. Эти книги обра-

зовали первоначальный фонд городской библиотеки. Библиотека в течение веков пополнялась отдельными собраниями книг и рукописей. В время последней войны немцы вывезли из библиотеки большую часть инкунабул, однако сохранилось немалое количество памятников старинного печатного искусства. После изгнания немцев книжные фонды были быстро приведены в порядок, и руководство библиотекой получило возможность открыть ко дню юбилея весьма интересную выставку собраний библиотеки. В настоящее время библиотека хранит в своих шкафах 250 тыс. томов и 2500 ценных и редких книг, не отмеченных даже в библиографии Эстрейхера.

◆ В начале 1946 г. в Кракове начал выходить ежемесячный журнал «Zycie slowianskie», издающийся при auspiciis Славянского комитета Польши под редакцией проф. Г. Батовского. В программе журнала — распространение основных знаний о славянстве среди польского общества, укрепление идеи сближения и сотрудничества между славянскими народами. Редакция журнала отмечает, что проблема славянского сотрудничества имеет культурный и политический характер и является условием политического взаимопонимания.

◆ Болгарский институт имени Христо Ботева и Общество болгаро-румынского сотрудничества провели торжественное собрание, посвящённое памяти Христо Ботева. На собрании с докладами выступали румынский министр информации проф. Петру Константеску-Яш на тему «Ботев и Румыния» и проф. Михаил Димитров на тему «Задачи и достижения в изучении Ботева».

◆ Отчёт о работе Болгарского археологического института за 1945 г. показывает, что после окончания войны институт полностью развернул свою работу. За отчётный год состоялось 14 научных заседаний, выпущен XV том «Известий Болгарского археологического института», проводились интересные раскопки в с. Каснеково и Хасково. В нынешнем году готовится сборник, посвящённый проф. Г. И. Кацарову, в составлении которого участвуют и иностранные учёные. Помимо серий «Отдельные труды б. Археологического института», «Труды славянской секции», «Художественные памятники Болгарии» институт дополнительно издаёт номера «Популярной археологической библиотеки». Приведена в порядок после эвакуации библиотека института, насчитывающая 20 тыс. томов. Бюджет института на текущий год составляет 1977 тыс. левов.

◆ Болгарский археологический музей организовал под руководством директора музея Н. Мавродинова раскопки открытого в Болгарии впервые античного некрополя в городе Созополе, на побережье Чёрного моря. Раскопки проходят с большим успехом. До настоящего момента открыто 36 гробов. Найдено много изящных античных ваз, большая часть которых имеет орнаменты и фигуры. Найдены также необыкновенно ценная фракийская керамика, монеты и различные предметы второй половины IV в. до н. э., говорящие о быте местного населения. Находки эти служат наглядным доказательством того,

что распротранённая теория об эллинизации местного фракийского населения греками-колонистами не выдерживает критики.

Археологический музей также организовал раскопки доисторической могилы, обнаруженной в с. Караново, Новоагорской области (Болгария). Эта могила относится к каменно-медной и к началу бронзового эпох. Обнаруженные в ней вещи этих двух эпох помогут археологической науке установить связи болгарских областей к югу от Старой Планины с Малой Азией и Эгейскими островами. Весьма ценные результаты дали успешно законченные раскопки остатков доисторического поселения в с. Криводол, Врачанского округа.

Одновременно продолжают раскопки в Плиске, первой болгарской столице, на месте которой, на территории между внутренним городом и городскими валами, были раскопаны три церкви. В Преславе, столице второго болгарского царства, проводятся раскопки под руководством заведующего древнеболгарским отделом В. Мавродиновой.

◆ Известное широким кругам историков всех стран французское «Общество истории революции 1848 г.» в годы второй мировой войны прекратило свою деятельность и фактически и самое существование. Его последнее заседание в этот период происходило 26 января 1940 года. После этой даты и вплоть до освобождения Франции от немецкой оккупации Общество не собиралось и не работало.

Вскоре по окончании войны были предприняты предварительные шаги по возрождению этого виднейшего центра французской исторической мысли. После подготовительных собраний, происходивших в октябре—ноябре 1945 г., 9 декабря 1945 г. в Сорбонне удалось собрать общее собрание членов Общества и возобновить его деятельность. На собрании присутствовало 35 членов Общества. Были выбраны бюро Общества и руководящий комитет, пополненный вновь избранными членами. Именное бюро Общества состоит из следующих лиц: Ж. Годар—долглетний председатель Общества, вице-президенты К. Блок, Ж. Буржен и Ж. Пюэш, генеральный секретарь Е. Терсен, профессор лицея Людовика Великого; помощник секретаря Ш. Жюльен — профессор школы заморской Франции и секретарь журнала «Revue historique»; казначей — Р. Перотен и секретарь редакции бюллетеня Общества — Р. Гессе.

В решениях, принятых собранием Общества, была намечена программа его деятельности на ближайший период. Она предусматривает созыв собраний для обсуждения докладов и сообщений членов Общества и издание бюллетеня Общества — известного журнала «La révolution de 1848 et les révolutions du XIX siècle». На 1946 г. было намечено выпустить четыре номера этого журнала.

В плане деятельности Общества значительное место занимает подготовка к празднованию приближающейся столетней годовщины революции 1848 г. путём активного участия во Французском национальном комитете по проведению этого юбилея, а также путём организации силами Общества цикла лекций,

посвящённых революции 1848 г. и рассчитанных на широкую публику. Общество наметило также издать серию публикаций научного характера и книг для массового читателя и использовать кино и радио для популяризации исторических знаний о революции 1848 г. и её значении. В подготовке этого юбилея Общество решило установить связь с историческими обществами и местными властями во Франции и французских колониях и вступить в сотрудничество с организациями и научными историческими учреждениями СССР, Англии, США и других стран, готовящимися отметить столетие революции 1848 года.

Большое внимание возрождённое «Общество истории революции 1848 г.» вынуждено уделить на первых порах своему финансовому положению, которое отражает все трудности, переживаемые Францией и её исторической наукой в послевоенный период. Бюро Общества обратилось к историкам Франции и заграницы с призывом поскорее восстановить связи с ним, возобновить принадлежность к Обществу и подписку на бюллетень Общества — журнал «La Révolution de 1848». Членские взносы в Обществе установлены для индивидуальных членов в 100 фр. в год, для коллективных — в 150 фр. Подписная плата на бюллетень — 150 фр. в год.

◆ Выходящий в Кракове польский еженедельный журнал «Odrodzenie» («Возрождение») в начале 1946 г. разослал всем учёным и писателям анкету с просьбой ответить на три вопроса: какие труды он выпускает? Над какими проблемами он в настоящее время работает? Какие планы будущих работ у него имеются? Поступающие ответы журнал публикует. Ниже мы приводим ответы ряда польских историков:

Карл Гурский выпускает в издательстве Балтийского института книгу «Государство крестоносцев в Пруссии», работает над книгой «Польша на Балтике» и планирует издание источников по истории Поморья.

Владислав Чаплинский закончил и сдал издательству две книги: «Польша и Бранденбург с Пруссией в 1632—1648 гг.» и «Польский вопрос во время первой мировой войны». В настоящее время он работает над проблемами культуры XVII в. и проблемам европейской политики в конце XIX — начале XX века.

Януш Дересевич сдал в печать книгу «Из прошлого королевской Пруссии. Финансы королевской Пруссии в годы 1466—1569» и готовит к печати книгу об экономике оккупационных польских земель, включённых в Рейх, в период 1939—1945 годов.

Зигмунд Войцеховский работает над окончанием очерков по истории Польши. Объём работы — около 6 печ. листов.

Известный археолог Юзеф Костржевский, недавно выпустивший популярную книгу «Prasłowiańszczyzna», очерк по истории культуры праславян, приступил к изданию своего обширного труда «Kultura prąpoiska», исследующего материальную, духовную и общественную культуру предков польского народа в эпоху между VI и XI вв.

н. э. Книга выйдет в издании Западного института в Познани. Кроме того проф. Костржевский для Силезского института готовит к печати работу о доисторической Польше. Подготовлена к печати работа «История археологических исследований в Польше». Готовится к выпуску ежегодник «Slavia antiqua» (на языках польском, английском, французском и русском), посвященный проблемам прародины славян и древнейшей их культуры, а также библиографии по этим проблемам.

Казимир Тыменецкий в настоящее время работает над реставрацией пострадавших при пожаре в библиотеке Рачинского своих рукописей, в частности рукописей трудов «Польское общество в средние века», «Эпоха Владислава Локетка». Кроме того он выпускает ряд своих работ: «Немецкий империализм на фоне мирового империализма», «Очерк по истории Германии» (совместно с И. Пяевским, в издательстве Западного института), «Древний мир в культуре раннего средневековья», «Формирование основных общественных групп» — в издательстве «Czytelnik», «О польском государстве в средние века» — в «Историческом квартальнике», «Археология и история», «Пятнадцать лет «Исторических ежегодников» — в «Исторических ежегодниках».

Ян Рутковский, выпустивший недавно книгу «Экономическая история Польши» (т. I. Период до раздела), в настоящее время возобновляет текст II тома, охватывающего период после раздела, ибо подготовленная к печати рукопись этого тома погибла во время варшавского восстания. Вместе с проф. Ф. Буяком он работает над возобновленным изданием ежегодников по общественной и экономической истории, первый послевоенный выпуск которых находится уже в печати.

Генрих Батовский, редактор журнала «Zycie slowianskie» («Славянская жизнь»), написал работу о дипломатии Народового Ржонда 1863—1864 годов. В настоящее время он сдал в печать книги «Славянское сотрудничество» (обзор важнейших проблем) и «Развитие славянской идеи». Много времени посвящает автор организации Славянского института.

Здзислав Качмарчик сдал в печать ряд работ, в том числе «Монархия Казимира Великого» (т. II — «Устройство церкви, искусство и наука») и большой труд «История Силезии в средние века до 1526 года» (издание Силезского института). Готовит к печати 2-е издание книги «Немецкая колонизация на восток от Одера» (издательство Западного института). В 1947 г. намерен приступить к обработке III тома своего труда «Монархия Казимира Великого», в котором будет дана характеристика социального строя Польши и колонизации польских земель на основе немецкого права.

Тадеуш Ковальский выпускает критическое издание сочинений арабско-испанского путешественника X в. Ибрагима ибн Якуба, описывающее посещение двора императора Оттона и пребывание его в славянских странах. Книга выйдет в издании Польской академии наук в виде первого го-

ма новой серии «Monumenta Poloniae Historica». Арабский текст будет дан с переводом на польский и латинский языки.

Ежи Шнейдер в настоящее время заканчивает работу над путеводителем Луккиана по сирийскому городу Герополису. Подготавливает к печати работу о туристике в древности. Сдал в печать статью «Греческий язык в современном культурном польском языке».

Казимир Лепши написал работу «История польского флота», в которой использовал богатый архивный материал, рисующий развитие польского флота с начала XVI в. до 1919 года. Учитывая актуальность вопроса исследования, автор дополняет книгу изложением истории флота в период между двумя мировыми войнами, обороны Вестерплати и Геля и кратким очерком деятельности польского флота за 1939—1945 годы.

Ян Пахонский печатает свою диссертационную работу «Франко-неаполитанская война 1798—1799 гг. и участие в ней польских легионов». На основе малоизвестного архивного материала он написал книгу «Костюшко в царском плену 1794—1796 гг.» и в настоящее время пишет книгу «Костюшко в эмиграции 1796—1817», посвященную наименее изученному периоду жизни Костюшко. Выполняя заказ одной издательской фирмы, Пехонский пишет книги «Очерки по истории военного дела в Польше» и «Очерки по истории французской революции».

Владислав Конопчинский подготовил 2-е издание своей книги «Libertum veto». В настоящее время он работает над книгами «Польша и Балтика», «Политические течения в Польше в XVIII веке», «Конфедерации в мировой истории». Приступает к руководству изданием «Польского биографического словаря».

Тадеуш Грабовский поставлен в своей работе в крайне тяжёлое положение, ибо у него сгорела вся библиотека, содержащая 10 тыс. томов одной только «Slavica» и весь научный аппарат. В настоящее время он готовится к печати книгу «Очерки по истории новой славянской литературы», необходимую как учебное пособие для слушателей курсов славяноведения. В плане будущих работ Грабовский намерен восстановить погибшую во время восстания в Варшаве рукопись монографии о жизни и творчестве чрезвычайно интересного сербо-хорватского поэта Юрия Барановича, закончить работу, посвященную столетней истории польской эмиграции в Бразилию, и продолжить работу над своими мемуарами.

Мариан Тырович выпускает две работы по новейшей политической истории, которые посвящены событиям «весны народов», и печатает работу о малоизвестном съезде польских политических деятелей в Бреславле в 1848 г., на котором должно было быть образовано национальное правительство для трёх частей разделённой Польши. В настоящее время работает над двумя темами: по истории польского национально-революционного движения в Силезии в 1845—1849 гг. и по истории повстан-

чешского движения в ту же эпоху в Люблиншине под руководством кебидза Петра Сцециньского. В плане будущих работ — составление исторического каталога польской прессы от возникновения её до настоящего времени.

Антонина Бржозовская работает над восстановлением захваченной у неё немцами рукописи книги «Мои флорентийские друзья». Кроме того она приступила к работе над второй книгой «Цехи Флоренции, их история, обычаи и их политическая роль». Прескатирует написать на основе собранных материалов книгу по истории Флоренции.

Станислав Бржезинский — историк культуры и критик — подготавливает к печати монографию по истории польского Ренессанса (первая половина XVI в.). Имеет в виду написать очерк польской историографии.

Шенский Вахольц много времени посвящает работе по истории вольного города Кракова (1815—1846), уделяя в ней особое внимание организационно-административному укладу города в указанный период.

Гадеуш Леер-Сплавинский, ректор Краковского Ягеллонского университета, недавно выпустивший свой значительный труд «О происхождении и прародине славян», подготавливает к печати новый обширный труд «Польский язык, его происхождение, возникновение и развитие культуры наречий». Книга эта составит один из первых томов выпускаемого издательством М. Арцта серийного издания «Библиотека культуры польской».

Елена Вильман-Грабовская, ориенталист, перевела с санскрита книгу «Океан басин», снабдив её комментариями и примечаниями. В настоящее время работает над статьёй по истории политики Индии в III в. до н. э. — «Индийский Макиавелли» (часть прочитанного курса), а также над давно начатым трудом «Религия Ирана». Намерена перевести с русского языка повествование «Хождение Афанасия Пикитина за три моря» (XV в.), снабдив его комментариями.

Юзеф Видаевич выпустил недавно книгу «Исследование сообщаемых Ибрагимом ибн Якубом сведений о поляках» и работает теперь над проблемами древнейшего периода истории Польши, имея в виду уделить особое внимание истории западных славян.

Казимир Пиварский печатает книгу для широкого круга читателей — «История Силезии» (400 печ. стр.) в издании Силезского института. Две его книги — «История Восточной Пруссии в новое время» и «История Данцига» (каждая в 20—25 печ. листов) — печатает Балтийский институт. Пиварский заканчивает также двухтомный труд «История Силезии в новое время», который автор снабдил большим научным аппаратом. В планах на ближайшее время — обработка университетского курса «История Европы в новое время (1492—1789)», написание истории Чехии и, наконец, составление мемуаров о пребывании в концентрационном лагере Дахау.

Ян Домбровский написал монографию, посвящённую истории Польши с половины XIV до XV в., что должно составить часть университетского курса по средневековой истории; подготовил публикацию армянских источников (в двух томах), посвящённую сношениям Польши с панской курией в период авиньонского пленения, для большого издания польской Академии наук Monumenta Poloniae Vaticana, а также редактировал подготовленные к печати материалы первого тома (до 1490 г.) многотомного издания польской Академии наук «Собрание международных трактатов». Одновременно продолжал работу над двухтомным сочинением, посвящённым Казимиру Великому, заказанную ему ещё до войны «Осолонеумом». Первый том этого труда, посвящённый международным отношениям Польши, в данный период почти окончен.

◆ Всепольский славянский комитет (Варшава) в соответствующем обращении в министерство просвещения указал на крайнюю необходимость введения в средней школе преподавания славяноведения как самостоятельного предмета. Но задача эта далеко не лёгкая ввиду отсутствия кадров, достаточно подготовленных для этой цели. Однако польское правительство и научная общественность не отступили перед трудностями. Взяв на себя инициативу в деле подготовки кадров преподавателей славяноведения, расширяет свою работу славянская студия при Краковском Ягеллонском университете — этом центре славяноведческих наук Польши. В конце февраля 1946 г. состоялся первый выпуск слушателей, проведённый с большой торжественностью, при участии виднейших учёных в области истории славянских народов, этнографии, литературы и т. д. Другие университеты принимают меры по подготовке кадров славяноведов. При каждом учебном округе начинают создаваться курсы, где специалисты — слависты и историки — читают лекции по славяноведению для преподавателей средних и профессиональных школ. Постановлением правительства Польши русский язык уже введён в преподавание средних школ как один из трёх обязательных иностранных языков. В Кракове организованы курсы славянских языков: чешского, сербо-хорватского, словацкого, болгарского и др.

◆ В июле 1946 г. в курортной местности Поляницы были открыты летние курсы славяноведения, организованные по инициативе министерства просвещения студией славяноведения Ягеллонского университета. Руководил курсами проф. Менцлав Малецкий, директор студии. На курсах занималось 100 учителей гимназии, слыхавшихся со всех концов Польши.

◆ В Кракове организовано издание учебников по вопросам славяноведения. Недавно вышла книга Стефана Носэка «Славяне в древнейшей истории польских земель». Книга является учебным пособием для учащихся средних школ, но может также служить и книгой для чтения для взрослых, которые хотели бы познакомиться с прошлым славянских народов.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Якубовская С. — К вопросу об образовании СССР (Первая фаза объединительного движения независимых советских республик)	3
Манфред А. — Из предистории франко-русского союза	24
Поршнеv Б., проф. — Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны	53

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Бак И., проф. — Я. П. Козельский (философские, общественно-политические и экономические воззрения).	83
Застенкер Н. — «Социальные доктрины» Эмиля Аннотэна	100

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Пичета В., акад. — Леер-Сплавинский Т. О происхождении и прародине славян .	110
Мосина З. — «Средние века». Сборник	116
Арциховский А., проф., Стоклицкая-Терешкович В. проф. — Тихомиров М., проф. Древнерусские города	122
Кафенгауз Б. — Богословский М., акад., Пётр I. Материалы для биографии . .	130
Францов Ю. — «Вестник древней истории» № 1/15	132
Войтинский Г., проф. — Хоберд Г. Британская дальневосточная политика . . .	136
Вайнштейн О., проф. — Хиршиоу Ф. И. Германия—агрессор на протяжении веков	140
Кан С., проф. — Боуман А. Моральное состояние американской революционной армии	142

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

В. А. — Проблемы истории Византии. Сессия отделения истории и философии АН СССР	145
Мосина З. — Защита докторских диссертаций в Институте истории Академии наук СССР	148
Крупнов Е. — Юбилейная научная сессия Кабардинского научно-исследовательского института, посвящённая 25-летию автономии Кабарды	151

Историческая наука за рубежом

CONTENTS:

ARTICLES: Yakubovskaya S. — On the question of the formation of the USSR (The first phase of the Unification movement of the Independent Soviet Republics). Manfred A. — From the pre-history of Franco-Russian Union. Porshnev B., prof. — Gustav Adolf and the preparation of the Smolensk war. INFORMATION AND PUBLICATIONS: Back I., prof. — Y. P. Kozelsky (philosophical, social-political and economical viewpoints). Zastenker N. — "Social doctrines" of Emil Annaten. CRITIC AND BIBLIOGRAPHY. CHRONICLE.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Yakoubovskaya S. — Sur la formation de l'URSS (Première phase du mouvement d'unification des républiques soviétiques indépendantes). Manfred A. — Sur la préhistoire de l'alliance franco-russe. Porshnev B., prof. — Gustave-Adolphe et la préparation de la guerre de Smolensk. INFORMATIONS ET PUBLICATIONS: Bak J., prof. — J. P. Kozelski (ses conceptions philosophiques, politiques, sociales et économiques). Zastenker N., — Les „doctrines politique“ d'Emile Hannautin. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Тел. Д 3-31-04.

А 01426.

Изд. № 189.

Заказ № 2886.

Тираж 33.600 экз.

Подписано к печати 10/III 1947 г.

10 печ. л.

68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.